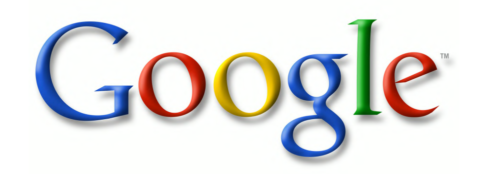

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

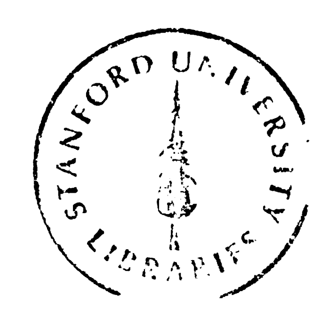
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Digitized by Google

GNI
75
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
SEP 15 1975

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Этн. Фил. Общ. по Геогр. Фил.

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія «Петербургской Газеты» Владимірскій пр. № 12
1890

Digitized by Google

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Digitized by Google

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго.

Выпускъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Петербургской Газеты. Владимірскій пр., № 12.
1890.

Digitized by Google

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Digitized by Google

Списокъ

членовъ И. Р. Географическаго и Неофилологическаго Обществъ, а также нѣкоторыхъ учрежденій и лицъ постороннихъ,—приславшихъ сочувственныя «Живой Старинѣ» заявленія, въ отвѣтъ на предварительно разосланное Отдѣленіемъ Этнографіи предложеніе объ ея изданіи—до открытія подписки [1]):

А. Лица, заявившія о готовности внести свыше подписной платы:

			Р.	К.
1.	Ламанскій, Е. И.	1 экз.	600	—
2.	Вильмсъ, З. Г.	»	100	—
3.	Бильбасовъ, В. А.	»	50	—
4.	Бунге, Н. Х.	»	50	—
5.	Ровинскій, Д. А.	»	50	—
6.	Толстой, графъ М. М. (Одесса)	»	50	—
7.	Ламанскій, В. И.	2 экз.	50	—
8.	Пыпинъ, А. Н.	»	50	—
9.	Гротъ, К. К.	1 экз.	30	—
10.	Небольсинъ, П. И. (Вильна)	»	30 [2])	—
11.	Вахрамѣевъ, И. А. (Ярославль)	»	25	—
12.	Веселаго, Ѳ. Ѳ.	»	25	—
13.	Галинъ, А. М. (Екатеринбургъ)	»	25	—
14.	Галкинъ-Враскій, М. Н.	»	25	—
15.	Оржевскій, П. В.	»	25	—
16.	Соболевскій, А. И.	»	25	—
17.	Корниловъ, Ѳ. П.	»	20	—
18.	Будиловичъ, А. С. (Варшава)	»	20	—
19.	Подвинцевъ, Е. Е. (Кочкарь, Оренб. губ.)	»	15	—
20.	Толстопятовъ, А. А. (Москва)	3 экз.	25	—
21.	Таскинъ, А. Н.	2 экз.	15	—
22.	Анучинъ, Д. Н. (Москва)	1 экз.	10	—
23.	Брунneманъ, Ю. В.	»	10	—
24.	Глуховской, П. И.	»	10	—
25.	Григорьевъ, А. В.	»	10	—

1) Въ списокъ этотъ, напечатанный уже въ первомъ выпускѣ, вкрались нѣкоторыя неточности и пропуски, вслѣдствіе чего въ настоящемъ выпускѣ онъ печатается вновь, исправленный Секретаремъ Отдѣленія Этнографіи.

2) Въ заявленіи было обозначено 15 р., но, при уплатѣ казначею, Павелъ Ивановичъ Небольсинъ пожелалъ внести 30 р.

Digitized by Google

			Р.	К.
26.	Дурново, А. В. (Вытегра)	1 экз.	10	—
27.	Истоминъ, Θ. М.	»	10	—
28.	Кидошенковъ, Н. В.	»	10	—
29.	Кирпичниковъ, А. И. (Одесса)	»	10	—
30.	Клепшъ, Э. Э.	»	10	—
31.	Корфъ, баронъ К. Н.	»	10	—
32.	Ламанская, М. Н.	»	10	—
33.	Лиліенфельдъ-Тоаль, П. Θ.	»	10	—
34.	Маркевичъ. А. И. (Одесса)	»	10	—
35.	Милютинъ, графъ Д. А. (Мисхоръ, Тавр. губ.).	»	10	—
36.	Половинкинъ, И. Н.	»	10	—
37.	Полѣнова, О. И.	»	10	—
38.	Семевскій, М. И.	»	10	—
39.	Титовъ, А. А. (Ростовъ, Яросл. г.)	»	10	—
40.	Успенскій, Θ. И. (Одесса)	»	10	—
41.	Флоринскій, В. М. (Томскъ)	»	10	—
42.	Шидловскій, С. И. (Волоконовск. почт. отд., Ворон. г.)	»	10	—
43.	Веневитиновъ, М. А. (Воронежъ)	3 экз.	20	—
44.	Софіано, Л. П.	2 экз.	11	—
45.	Дондуковъ-Корсаковъ, князь Н. А.	1 экз.	6	—
46.	Милютинъ, Ю. Н.	»	6	—
47.	Чарыковъ, Н. В.	»	6	—
48.	Шишковскій, К. (Кочкарь, Оренб. губ.) , . . .	»	6	—
49.	Марксъ, А. Ф.	»	5[3])	—

Б. Лица и учрежденія, заявившія о готовности подписаться на «Живую Старину» свыше одного экземпляра:

1.	Суворинъ, А. С.	100 экз.	500	—
2.	Бобринскій, графъ А. А.	10 »	50	—
3.	Славянск. Благ. Общ.	10 »	50	—
4.	Мазингъ, М. К. (Асхабадъ).	5 »	27	50
5.	Мусинъ-Пушкинъ, графъ А. А.	5 »	25	—
6.	Смитъ, Т. С. (Москва)	3 »	16	50
7.	Батюшковъ, Θ. Д.	2 »	10	—
8.	Добровольскій, В. Н.	2 »	10	—

[3]) Съ предложеніемъ безплатнаго помѣщенія въ журналѣ «Нива» объявленій о подпискѣ на «Живую Старину»—на 200 р.

Digitized by Google

				Р.	К.
9.	Кибальчичъ, Т. В. (Кіевъ)	2	»	11	—
10.	Мандельштамъ, Г. Е.	2	»	10	—
11.	Ольденбургъ, С. Ѳ.	2	»	10	—
12.	Романовъ, А. М.	2	»	10	—
13.	Слюнинъ, Н. В. (Кронштадтъ)	2	»	10	—
14.	Соколовъ, И. И.	2	»	10	50
15.	Струве, Н. Б.	2	»	10	—
16.	Университетъ, Имп. Варшавскій.	2	»	11	--
17.	Флери, И. И.	2	»	10	—

В. Лица, заявившія о готовности подписаться на 1 экземпляръ «Живой Старины» [1]):

1. Архангельскій, А. С. (Казань).
2. Асланбеговъ, А. Б.
3. Браунъ, Ѳ. А.
4. Бѣлостоцкій, А. В.
5. Весинъ, Л. П.
6. Вишняковъ, А. Г.
7. Воеводскій, Л. Ф. (Одесса)
8. Геруцъ, К. Ю.
9. Голицынъ, князь Г. С.
10. Гротъ, К. Я. (Варшава).
11. Дабижа, князь В. Д.
12. Деладруатьеръ.
13. Дриновъ, М. С. (Харьковъ).
14. Друри, И. В.
15. Дьячанъ, Ф. (Варшава).
16. Ерништедтъ, В. К.
17. Зеленой, А. И.
18. Зигель, Ѳ. Ѳ. (Варшава)
19. Ильинскій, Я. (Кременецъ).
20. Китицынъ, П. А. (Голованевскъ, Под. губ.).
21. Клеръ, О. Е. (Екатеринбургъ).
22. Комитетъ, Статистическій (Нижній-Новгородъ).
23. Коншинъ, А. М. (Тифлисъ),
24. Кудрявскій, Д. Н.
25. Кудряшевъ, М. И.
26. Кулаковскій, П. А. (Варшава).
27. Лавровскій, Н. А. (Варшава).
28. Липовскій, А. Л.
29. Лыткинъ, Г. С.
30. Макшеевъ, А. И.
31. Масальскій, князь В. И.
32. Махвичъ-Мацкевичъ, А. I.
33. Минхъ, А. Н. (Полчаниновка, Сарат. губ.)
34. Моисеенко-Великій, С. В.
35. Муратовъ, Н. А. (Тула).
36. Некрасовъ, И. С. (Одесса).
37. Ординъ, Н. Е. (Кадниковъ, Волог. губ.)
38. Палаузовъ, В. Н. (Одесса).
39. Перетятковичъ, Г. И. (Одесса).
40. Пироговъ, В. К. (Кострома).
41. Попруженко, М. Г. (Одесса).
42. Потанинъ, Г. Н. (Иркутскъ).
43. Редакція «Варшавск. Дневника» (Варшава.)

[1]) Подписчики городскіе съ платою по 5 р., иногородные по 5 р. 50 к.

Digitized by Google

44. Ремезовъ, И. С.
45. Розенъ, бар. В. Р.
46. Романовъ, Е. Р. (Витебскъ).
47. Самоквасовъ, Д. А. (Варшава).
48. Сапуновъ, А. П. (Витебскъ).
49. Смирновъ, А. И. (Варшава).
50. Созоновичъ, И. П. (Варшава).
51. Сырку, П. А.
52. Сыромятниковъ, С. Н.
53. Тилло, А. А.
54. Трусманъ, Ю. Ю. (Ревель).
55. Федоровъ, П. Ѳ. (Кронштадтъ).
56. Фельдманъ, Ѳ. А.
57. Фельи, К. Л.
58. Чалѣевъ, Ѳ. Н.
59. Черкаевъ, П. А. (с. Березовка, Сарат. губ.).
60. Шиманскій, Л. И.
61. Шляпкинъ, И. А.
62. Шмурло, Е. Ф.
63. Шульцъ, П. А.
64. Щепкина, Е. Н.
65. Щербатской, Ф. И.
66. Энманъ, А. Ѳ.

Не имѣя въ виду печатать списокъ всѣхъ лицъ, подписавшихся на «Живую Старину» со времени объявленія о подпискѣ, редакціонная комиссія будетъ продолжать печатаніе списка лицъ группы А и Б, т. е. тѣхъ лицъ, которыя благоволятъ внести въ фондъ «Живой Старины» сумму, превышающую подписную плату, или же подписаться на нѣсколько экземпляровъ.

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ I.

Пѣсни о князѣ Михаилѣ.

(*Окончаніе*).

II.

Имя князя Михаила встрѣчается и въ пѣсняхъ юго-западной Руси. Въ сборникѣ «Историческихъ пѣсенъ южно-русскаго народа» Антоновича и Драгоманова помѣщены двѣ пѣсни, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ выступаетъ именно «князь Михайло». Вотъ эти пѣсни:

А.

Маці дочку карала:
Гдєшь'ти, доню, вєньчик діла?
Єхавъ, мамко, князь Міхайло,
І зняв, мамко, вєньчик з мене,
Повёз, мамко, дорогою широкою,
Дубровою зеленою,
Через село Лунінскєє,
Через місто боярскєє.
Касіна маті по двору ходит,
Слуги будит:
Слуги мої молодиє,
Уставайцє, закладайцє
Коні вороні
Да бежицє, доганяйцє,
З пліч головку здойміцє! (стр. 56).

Б.

Въ темнум лєсє
На й орєсє
Зовзуленька гнєздо звіла,
Звівши гнєздо заковала,

Заковавши поленула
В теє село Лунінскеє
В теє місто боярскеє,
А въ тим селі удивонька
Двор будує,
А збудовавши да й малює,
А помалёвавши да й говорит.
Кто в гетім дворі
Паном буде?
Кто моім деткам
Бацьком буде?
Кто в гетим двору
Панією буде?
Кто моім деткам
Маткою буде?
Єхав селом
Князь Міхайло
Да каже: я в гетом двори
Паном буду,
Твоім деткам
Бацьком буду,
А моя жинка панею буде,
Твоім діеткам маткою буде [1]).

(стр. 56—57).

«Пѣсни эти довольно не ясны,—замѣчаютъ ученые издатели, — какъ это часто бываетъ съ варьянтами, записанными въ полѣсской мѣстности, и даже не совсѣмъ вяжутся одна съ другою... Первая пѣсня передаетъ въ довольно общихъ выраженіяхъ тему извѣстную и изъ другихъ, какъ малорусскихъ, такъ и западныхъ пѣсенъ [2]), — о насильствѣ надъ дѣвушкою, или обманѣ, или похищеніи дѣвушки,—хотя и безъ тѣхъ подробностей, какія мы видимъ въ этихъ пѣсняхъ».

Мнѣ кажется, нѣкоторое объясненіе этихъ пѣсенъ можно получить путемъ сопоставленія ихъ съ пѣснями того круга, къ которому принадлежитъ

---

[1]) Текстъ пѣсенъ взятъ изъ сборника Пинскихъ пѣсенъ Зенькевича (Zieńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851) стр. 150—152, 154—156, въ отдѣлѣ: «Pieśni wiosenne». Въ изданіи гг. Антоновича и Драгоманова (т. I, стр. 56—57) измѣнена лишь транскрипція пѣсенъ.

[2]) Указаны нѣкоторыя малорусскія, моравскія илужицкія пѣсни.

Digitized by Google

великорусская былина о кн. Михаилѣ. При этомъ намъ нужно прежде всего ознакомиться съ особымъ изводомъ пѣсенъ о женщинѣ, умершей въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, изводомъ, котораго я намѣренно не касался въ предшествующемъ изложеніи. Въ пѣсняхъ этого извода рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, покинутой ея любовникомъ и умирающей въ разлукѣ съ нимъ; окончаніе пѣсни сходно съ заключительной частью былины о кн. Михайлѣ. Вотъ для образца нѣмецкій пересказъ этой пѣсни:

Der Ritter und die Maid.

1. Es spilt ein ritter mit einer Maid,
Sie spilten alle beide,
Und als der helle morgen anbrach,
da hub sie an zu weinen.
2. „Weine nicht, weine nicht, brauns mägdelein!
dein er will ich dir zalen,
ich will dir geben ein reitersknecht
dazu dreihundert taler.“
3. Den reitersknecht den mag ich nicht,
will lieber den herren selber,
krieg ich den herren selber nicht,
so klag ichs meiner mutter.
4. Und da sie vor die stat Augsburg kam,
wol vor die hohen tore,
da sah sie ir frau mutter sten,
die tät ir freundlich winken.
5. O tochter, liebste tochter mein,
wie ist es dir ergangen,
dan dir dein rock von vorn so klein
und hinten vil zu lange?“
6. Sie nam das maidlein bei der hand
Und fürt sie in ir kammer,
sie setzt ir auf ein becher wein
dazu gebackne fische.
7. „Ach, mutter, liebste mutter mein,
ich kan noch essen noch trinken,
macht mir ein bettlein weiss und fein,
dass ich darinn kan ligen.“
8. Und da es kam um mitternacht,
dem ritter traumt es schwäre,
als wenn sein herzallerliebster schatz
im kindbett gestorben wäre.
9. „Ste auf, ste auf, lieb reitknecht mein,
sattel mir und dir zwei pferde!

Digitized by Google

Wir wollen reiten tag und nacht,
biss wir den traum erfaren".

10. Und als sie über die heide kamen,
hörten sie ein glöcklein läuten.
„Ach reicher gott vom himmel herab,
was mag doch diss bedeuten!"

11. Und als sie vor die stat Augsburg kamen,
sahen sie die gräber gruben;
und als sie vor das tor hin kamen,
sahen sie die träger tragen.

12. Stellt ab, stellt ab, ir träger mein,
lasst mich den toten schauen!
es möcht mein herzallerliebste sein
mit iren schwarzbraunen augen".

13. Er deckt ir auf den schleier weiss
und sah ir unter die augen:
„o we, o we! der blasse tod
hats äuglein der geschlossen!"

14. Er deckt ir auf den schleier weiss
und schaut ir auf die hände:
„du bist einmal mein schatz gewest,
nun aber hats ein ende."

15. Er deckt ir auf den schleier weiss
und schaut ir auf die füsse:
„du bist einmal mein schatz gewest.
nun aber schläfst du süsse".

16. Er zog herauss sein blankes schwert
und stach sich in sein herze:
«hab ich dir geben angst und pein,
so will ich leiden schmerzen".

17. Man legt den ritter zu ir inn sarg
verscharrt sie wol unter die linde,
da wuchsen nach drei vierteljarn
auss irem grab drei liljen [1]).

Близость этой пѣсни къ приведеннымъ выше варіантамъ пѣсни объ умершей женѣ очевидна. Въ нѣмецкой пѣснѣ есть только одна новая для насъ, чрезвычайно важная въ общемъ содержаніи пѣсни, черта—указаніе на отвергнутую любовь, на разлуку. Есть варіанты, въ которыхъ эта черта выражена еще сильнѣе. Въ португальской пѣснѣ, переданной Вольфомъ, разсказывается, какъ дѣвушка, покинутая своимъ возлюбленнымъ, идетъ его отыскивать, находитъ женатымъ и умираетъ. Онъ не могъ ее пережить. Вдова хоронитъ мужа и его подругу вмѣстѣ. На ихъ могилѣ появляются сплетающіяся

[1]) *Uhland*, Alte hoch-und-niederdeutsche Volkslieder, S. 220—223, № 97.

Digitized by Google

растенія [1]).—Сходна англійская пѣсня, указанная Уландомъ. Дѣвушка узнаетъ, что ея женихъ беретъ замужъ другую; она видитъ, какъ онъ идетъ со своей невѣстой. Покинутая умираетъ. Ночью ея призракъ является къ брачному ложу невѣрнаго. Ему кажется, что его постель полна крови. Придя въ себя, онъ спѣшитъ къ дому умершей, онъ проситъ ея братьевъ пустить его проститься съ ней, поцѣловать ее въ послѣдній разъ,—онъ докажетъ, что любилъ ее больше, чѣмъ кто либо изъ ея родныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, доказательство не замедлило явиться: сегодня умерла она, а завтра онъ. На ихъ могилѣ любовно свились роза и шиповникъ. [2])—Въ греческой пѣснѣ о Синодинѣ—то же содержаніе, но съ новыми подробностями. Четырнадцать лѣтъ продолжалась связь Синодина съ сестрой его жены. Вздумалъ онъ разъ посмѣяться надъ своей любовницей и говоритъ ей: «Не хочешь ли ты выйти за мужъ?»—Кто меня теперь возьметъ? отвѣчаетъ она. Мое платье стало мнѣ спереди коротко, кушакъ едва сходится, а прежде я могла имъ опоясаться три раза, да еще оставались концы.—«Попроси мать сшить тебѣ новое платье», продолжаетъ издѣваться Синодинъ. — Я лучше умру, говоритъ она, чѣмъ стану обращаться къ матери съ такой просьбой.—«А хочешь умереть, такъ ступай въ садъ, попробуй тамъ соку лавра да дикой оливы, съѣшь еще змѣиную голову,—смерть будетъ вѣрная». Дѣвушка такъ и сдѣлала. Узналъ о томъ Синодинъ, пришелъ къ умершей, простился съ ней, а потомъ выхватилъ кинжалъ и вонзилъ себѣ въ сердце. Умершіе погребены въ одной могилѣ. На ней выросли кипарисъ и лимонное дерево. Каждое воскресенье деревья склоняются одно къ другому, цѣлуются [3]).

Положеніе дѣвушки въ пинской пѣснѣ (А) о князѣ Михайлѣ напоминаетъ несчастную судьбу покинутой любовницы въ приведенныхъ пѣсняхъ. Кася потеряла свой «вѣнокъ», его взялъ князь Михайло. Соблазнитель уѣхалъ. Кася—у матери, отъ которой не могло укрыться положеніе дочери. Мать—въ гнѣвѣ, она посылаетъ слугъ догнать Михайла, убить его. Что же дальше? Пѣсня молчитъ объ этомъ. Въ ней нѣтъ конца. Мы не знаемъ, какъ именно завершились отношенія Михайла и Каси, что сталось съ нимъ и съ нею, не знаемъ развязки Лунинской драмы.

Упоминаніе о погонѣ за соблазнителемъ напоминаетъ (какъ замѣчено уже гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ) особыя пѣсни на эту тему. Въ пѣсняхъ этихъ разсказывается, какъ мать узнаетъ, что ея дочь похищена;

---

[1]) Sitzungsberichte d. Wiener Akademie XX, 94 (Примѣч.).

[2]) Schriften, IV, 101—102. Ср. Herders, Stimmen der Völker № 7 (Wilhelm und Margreth).

[3]) Liebrecht, Zur Volkskunde, 175—176.

Digitized by Google

за дѣвушкой отправляются въ погоню ея братья; сестра отказывается вернуться домой [1]). Вотъ два несходныхъ пересказа этой пѣсни:

Пріѣхавъ Ивасенько съ Подôля,
Та присиливъ коника до гôля;
Насунула чорна хмара съ Нôдгôря,
Ой прійшовъ вôнъ до Марусû въ подворя:
«Ой идъ менѣ, Марусенько, идъ менѣ!
Привêзъ е'мъ ти срêбла, злота двѣ скрынѣ!»
— «По тихеньку, мôй миленькій, говори,
Щобъ не вчула моя мати съ коморы».
Ой учула стара мати съ коморы:
«Хто съ тобою, Марусенько, говори?»
— Съ кухарками, моя мати, говорю,
Высылаю до Дунаю по воду».
— «На що тобѣ, Марусенько, та вода?»
— Умытися, напитися, якъ треба.
— «Ой, маешь ты мêдъ, вино, напійся!
Ой маешь ты молоко, умыйся!
Маешь ты садъ вишневый, пройдися!
Ой маешь ты бѣле ложе, преспися!»
Матêнонька стара заснула, заснула,
Марусенька зъ Ивасенькомъ махнула.
Ой устала стара мати на зарѣ, на зарѣ:
Не машь моей Марусеньки въ коморѣ!
Ой устала стара мати раненько,
Заплакала по Маруси ревненько [2]):
«Ой сѣдайте, рôднû братя, на конû,
Доганяйте Марусеньку въ погонѣ!»
Ой дôгнали Марусеньку въ пôвъ бору:

Та ишли Ляшки изъ Аршави,
На іхъ сині шаровари;
Вони й Катю й подмовляли:
Та ідь, Катю, ідь ізъ нами,
Ой ідь зъ нами, Ляшеньками.
Та купимъ тобі два персники,
Два персники золотиі,
Два жупани голубиі,
Два коники ворониі».
Та дурна Катя й послухала,
Зъ Ляшеньками й поіхала.
Та й ажъ приходить мати съ поля;
Не зостае дочки дома:
«Та сусідочки, голубочки,
Не бачили ви моеі дочки?
— Та ми бачили й ми видали,
Поіхала зъ Ляшеньками.
«Та сини жъ мої й дорогиі,
Сідлайте коні ворониі,
Доженіть Катю зъ Ляшеньками».
Та якъ прибігли до Полтави,
Сидить Катя зъ двомя Ляшками:
— «Та здарова будь, сестро наша,
Де поділась твоя зъ лица краса?
Та два Ляшки полюбила—
Зъ лиця красу загубила.

(Чуб. V, стр. 908).

---

[1]) Сходное содержаніе—въ повѣсти «объ убіеніи злочестиваго царя Батыя», занесенной въ житіе Михаила кн. Черниговскаго. (Объ этой повѣсти см. Ключевскій, Др.-русск. житія, 147, Халанскій, Великор. былины, стр. 111 сл.).

[2]) Варіантъ: Ой устала стара мати раненько,
Побудила челядоньку борзенько.

(Голов. III, 1, стр. 17, ср. стр. 18).

Digitized by Google

— «Ой вертайся, Марусенько, до
дому!»
— «Не на то я, мои братя, махнула,
Щобы я ся та изъ вами вернула.
Лишила 'мъ въ моѣй мамцѣ призна-
чокъ—
У пивницѣ на кôлочку вѣночокъ.
Та возмѣте той вѣночокъ съ пивницû,
Повѣсьте го на кôлочокъ въ свѣт-
лицѣ;
Ой що моя стара мати погляне,
Ой то мене молоденьку спомяне:
«Ой десь, моя Марусенька детина,
Та що вона въ тимъ вѣночку хо-
дила!
Десь то моя Марусенька въ чужинѣ,
Догаджае Ивасеви въ дружинѣ.

(Голов. I, 77—78).

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ конецъ пѣсни передается такъ: братья, отыскавшіе сестру,

Що хотіли, те й зробили,
Да таки жъ поляченьківъ порубили,
Марусеньку исъ собою забрали.

(Чуб. 909).

Или:

Сребро, золото—все забрали
И Ляшенька зарубили (ibid).

Иначе:

Гнали, гнали, не дôгнали,
Ажь у Львовѣ та й пôзнали:
Ходить Кася та въ рубочку,
Носить детя по рыночку.
«Помагай Бôгъ, сестро наша!
Десь подѣла свекра Яся?»—
— «Ой у дому за столикомъ,

Digitized by Google

Пье си вино зъ ремѐсникомъ».
— Помагай Бо́гъ, ой ты, Ясю,
Десь ты подѣвъ сестру Касю?
— Якъ утяли по колѣна:
«Отъ тожъ, Ясю, намовлѐня!»
Якъ утяли вижше паса:
«Отъ тожь тобѣ, сестра наша?»

(Голов. I, стр. 85, ср. 86—87).

Съ этими русскими пѣснями можно сопоставить англійскую балладу о Черномъ Дугласѣ.—У лорда Дугласа похищена дочь Маргарита. Какъ и въ нашей пѣснѣ, мать первая узнаетъ объ этомъ и поднимаетъ тревогу. Въ погоню отправляются отецъ и братья похищенной. Бой. Дугласъ раненъ, сыновья его убиты. Раненъ и похититель. Онъ съ Маргаритой едва успѣваетъ добраться до своего дома, гдѣ его ждетъ мать. Лордъ Вильямъ умеръ отъ ранъ. Вскорѣ послѣ него умерла и Маргарита. На ея могилѣ выросла роза, на его—боярышникъ. Растенія склонялись одно къ другому и сплетались вѣтвями, такъ что каждый могъ узнать, что тутъ покоятся двое влюбленныхъ. Ѣхалъ мимо черный Дугласъ и вырвалъ боярышникъ [1]).

Близость пѣсни о кн. Михайлѣ и Касѣ къ пѣснямъ объ увезенной дѣвушкѣ—несомнѣнна. Сходство замѣчается и въ подробностяхъ содержанія, и въ изложеніи. Но это сходство не даетъ еще намъ права утверждать, что пинская пѣсня—испорченный варіантъ пѣсни о похищеніи. При всемъ сходствѣ пѣсни о кн. Михайлѣ съ пѣснями о похищеніи, есть между ними и существенная разница. Кася увлечена Михайломъ, но она имъ не похищена. Кася остается дома, она брошена любовникомъ; объ этомъ узнаетъ ея мать. Ясно, что интересъ пѣсни долженъ сосредоточиться на изображеніи того, что станется съ покинутой, какъ она перенесетъ разлуку и позоръ, какъ отзовется ея горе на судьбѣ ея любовника. Словомъ, положеніе Каси, какъ было уже замѣчено, ставитъ пинскую пѣсню въ ближайшую связь съ пѣснями о покинутой любовницѣ.

Это явленіе двойнаго параллелизма, наблюдаемое при сравненіи пѣсни о кн. Михайлѣ съ родственными ей памятниками народной поэзіи, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ пѣснѣ этой слиты двѣ темы (похищеніе и разлука), причемъ это слитіе не выгодно отразилось на составѣ пѣсни. Пинская пѣсня имѣетъ видъ какого-то обломка, потому что внесенныя въ нее темы

[1]) Versuch einer geschichtlichen Charakteristik der Volkslieder german. Nationen v. Talvj, 565—567.

Digitized by Google

плохо ладили одна съ другой, разнородныя подробности не сливались въ художественное цѣлое.

Перейдемъ ко второй изъ приведенныхъ выше пинскихъ пѣсенъ о кн. Михайлѣ. Въ томъ видѣ, какъ эта пѣсня записана Зеньковичемъ, она недостаточно ясна. Рѣчь идетъ о какой-то вдовѣ, «будующей дворъ». Она спрашиваетъ, кто въ этомъ дворѣ будетъ паномъ и панею, кто будетъ отцемъ ея дѣтямъ. Появляется кн. Михайло и заявляетъ, что онъ будетъ паномъ и отцемъ, а его жена—панею и матерью. Рисуется поэтическая картина безъ движенія, безъ опредѣленной завязки и развязки, — явленіе довольно необычное въ области народнаго эпоса. Что за отношенія у кн. Михайла къ этой женщинѣ, строющей домъ? Какой смыслъ имѣютъ его слова:

А моя жинка панею буде,
Твоім дієткам маткою буде?

Въ пѣснѣ мѣстомъ дѣйствія представляется «село Лунінскеє», которое упоминается и въ другой, знакомой уже намъ, пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Это сходство имени лица и названія мѣстности даетъ основаніе предположить, что и упоминаемая въ пѣснѣ женщина есть та же самая Кася, которую любилъ и покинулъ кн. Михайло.

Вступительная часть пѣсни о вдовѣ и кн. Михайлѣ напоминаетъ пѣсни о вдовѣ, увлеченной захожими людьми. Такова именно моравская пѣсня:

„Nematka“.

Při jednej dolině
Větr profukuje,
Při druhej dolině
Snižek poletuje.
Při třetí dolině
Vdova dům buduje,
Vdova dům buduje,
Kolem ho cifruje.
Jedú Turci, jedú,
Před domem stanuli,
Před domem stanuli,
Na vdovu volali:
Vdovo, milá vdovo,
Zanech budování,
Zanech budování,
A povandruj s námi.
Pane, milý pane,
Já bych vandrovala,
Kambych děla ditky,
Ubohé sirotky?

Digitized by Google

Турки (въ варіантахъ: «tři pěkní mládenci», или «Janek, z Podola furmanek») отвѣчаютъ, что старшихъ дѣтей она можетъ оставить на родинѣ, а маленькое дитя пусть возьметъ съ собой. Дорогой ребенокъ расплакался.

Vdovo, milá vdovo,
S dětma sem t'a nebral,
Než sem t'a bral samu
Za svú věrnú ženu.
Vdovo ne meškala
Březu ohýbala,
Vintušku vázala,
Syna do ní klala.

Но она не вынесла разлуки съ дѣтьми:

A dyž už zajeli
Za hory daleko,
Teprv milú vdovu
Bolelo srdečko.
Bolelo, bolelo
Nad dětma jejíma,
Srdečko v ní puklo
Nad dětma drobnýma.

По другому пересказу, мать убита похитителями:

Dy's ty chtěla dítě lítovati,
Neměla's s námi jíti.
Hned Marušku mezi sebe vzali,
Na kusy roztrhali. [1])

Моравская пѣсня — эпическая сосѣдка такого рода произведеній народнаго творчества, какъ приведенныя выше пѣсни о дѣвушкѣ, увлеченной захожими людьми, а эти пѣсни имѣютъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыя родственныя черты съ первой изъ пинскихъ пѣсенъ о кн. Михайлѣ. Особенностью моравской пѣсни, напоминающею вступительную картину второй пинской пѣсни, является то, что увлекаемой представляется вдова, имѣющая дѣтей. Разсказы, слѣдующіе за вступленіемъ въ моравской и пинской (Б) пѣсняхъ, не имѣютъ однако сходства.

Нѣкоторыя выраженія нашей пѣсни о вдовѣ и кн. Михайлѣ повторяются въ малорусской пѣснѣ такого содержанія: бѣдная вдова горюетъ и причитаетъ:

«Ой якъ мені жити, ой якъ горювати,
Якъ мені своі дітки тай нагодувати?»
Ой озоветься та козакъ-бурлакъ:
— Не журися, бідная вдова,

1) Sušil, Moravské písně, 139—141, № 144.

Я твойму добру хозяінъ буду,
Я твоимъ діткамъ батенькомъ буду.

Оказывается однако, что слова эти нельзя понимать въ прямомъ смыслѣ:

Я твою худобу попровиваю,
Я твої дітоньки порозганяю,—

говоритъ козакъ [1]). Вдова отвѣчаетъ:

Ламли калиноньку, ламли єі й вітки,
Любишь удівоньку, люби єі й дітки.

(Чуб., V, стр. 821—822).

Послѣднія слова болѣе умѣстно приводятся въ другой малорусской пѣснѣ: молодой козакъ полюбилъ дивчину, но не могъ на ней жениться: ее выдали за другого; позже онъ встрѣчается съ ней, уже вдовой:

«Калиноньку ломлю, ломлю,
А ви, віти, одхилітеся;
Удівоньку люблю, люблю,
А ви, діти, розійдітеся!»
— Коли ломишь калиноньку,
То ломай іі віти,
Коли любишь удівоньку,
То люби іі діти. (Чуб. V, стр. 822—823, № 391).

Пѣсня о встрѣчѣ кн. Михайла съ какой-то вдовой, имѣющая нѣкоторое сходство съ указанными пѣснями, отличается отъ нихъ важной, существенной подробностью: князь Михайло, разговаривающій съ вдовой, женатъ:

А моя жинка панею буде,
Твоім дієткам маткою буде.

Дѣйствіе пѣсни, очевидно, должно было развиваться иначе, чѣмъ въ пѣсняхъ о вдовѣ, выходящей замужъ.

Въ малорусскихъ пересказахъ пѣсни о возвращающемся мужѣ, женщина, томящаяся ожиданіемъ, называется вдовой:

Край города, край села
Проживае удова.

Къ ней заходитъ козакъ и проситъ пріюта. «Вдова» говоритъ:

Молоденький козаченько,
Боюсь поговору...

Оказывается потомъ, что захожій козакъ — вернувшійся, но не узнан-

[1]) Сходна бѣлорусская пѣсня въ сборникѣ Шейна (матеріалы... I, 1, стр. 415, № 506).

Digitized by Google

ный мужъ. (Чуб. V, стр. 815). Такое же наименованіе женщины, находящейся въ разлукѣ съ ея возлюбленнымъ, встрѣчаемъ въ другой малорусской пѣснѣ:

«Ой удово, вдово, удово — небого,
Ой якъ ти живешъ на чужині,
Що ворогівъ много?»

Женщина, называемая вдовой, говоритъ:

«Ой повій, вітроньку, зъ яру на гору,
Прибудь, прибудь, мій миленький, зъ Дону до дому.
Вітеръ повіває, хмару розганяє,
А мій милий прибуває, славу покриває.
(Ibid. 813—814).

Подобнымъ же образомъ и женщина, упоминаемая въ пинской пѣснѣ Б, могла быть названа вдовой по тому только, что ей пришлось жить въ разлукѣ съ отцемъ ея дѣтей. Допустивъ это, мы устраняемъ препятствіе для сближенія второй пинской пѣсни съ первой. Изъ пѣсни А мы узнаемъ, что въ селѣ Лунинскомъ осталась покинутая княземъ Михайломъ его полюбовница Кася; пѣсня Б разсказываетъ, что, проѣзжая черезъ то же село Лунинское, кн. Михайло, успѣвшій уже жениться, встрѣчается съ женщиной, положеніемъ которой онъ имѣетъ какое-то основаніе интересоваться. Мы подходимъ такимъ образомъ къ знакомой намъ темѣ пѣсенъ о покинутой любовницѣ, встрѣчающейся съ своимъ невѣрнымъ другомъ послѣ его женитьбы. Съ вѣроятностью можно предположить, что и окончаніе пинской пѣсни должно было быть сходно съ приведенными выше балладами. Рѣчи кн. Михайла о покровительствѣ, которое онъ обѣщаетъ «вдовѣ» и отъ себя и отъ своей жены, должны были звучать для Каси, какъ горькое оскорбленіе и злая насмѣшка. Она не перенесла обиды. Обидчикъ, въ порывѣ поздняго раскаянія, «пронзаетъ свое ретиво сердце», какъ говорится въ великорусской пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Таковъ былъ, вѣроятно, конецъ разсмотрѣнной нами пинской пѣсни, распавшейся на два эпическихъ обломка, въ которыхъ затерялся смыслъ первоначальнаго цѣлаго.

Выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ выше сопоставленій и параллелей получается такой: сѣверно-русскія и западно-русскія пѣсни о кн. Михайлѣ имѣютъ нѣкоторыя общія, родственныя черты, позволяющія утверждать, что пѣсни эти стоятъ въ генеалогической связи, представляютъ развѣтвленія одного и того же первоначальнаго сказанія. Составъ этого сказанія извѣстенъ намъ въ двухъ изводахъ: а) смерть женщины, на время оставленной мужемъ; б) смерть женщины, покинутой ея любовникомъ. Сѣверно-русская пѣсня передаетъ разсказъ перваго извода; изученіе пинскихъ пѣсенъ обнаруживаетъ ихъ близость къ разсказу втораго извода — къ пѣснямъ о покинутой полюбовницѣ.

Digitized by Google

Но что же слѣдуетъ сказать о тѣхъ подробностяхъ пинскихъ пѣсенъ, которыя напоминаютъ разсказы о дѣвушкѣ или вдовѣ, увлекающейся захожими людьми? Эти подробности настойчиво повторяются въ пинскихъ пересказахъ: для пересказа А отыскиваются параллели въ пѣсняхъ о погонѣ за бѣглянкой ея родныхъ; пересказъ Б въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ сходенъ съ моравской пѣснью о вдовѣ, выходящей за мужъ на чужбину. Можно, конечно, предположить, что эти подробности позже примѣшались къ пѣснѣ о кн. Михаилѣ, имѣвшей первоначально такое содержаніе, которое указано выше. Но не устраняется возможность и другого, противоположнаго предположенія: пѣсня о кн. Михаилѣ въ ея первоначальномъ видѣ могла принадлежать къ ряду пѣсенъ о женщинѣ, увозимой на чужую сторону; позже, путемъ эпической ассимиляціи, пѣсня сблизилась съ разсказами совершенно иного содержанія, подъ вліяніемъ которыхъ измѣнился самый составъ памятника. Въ этомъ измѣненномъ видѣ получилась пѣсня, похожая по содержанію на побывальщины о брошенной и умирающей любовницѣ. Въ области великорусскаго эпоса преобразованная пѣсня подверглась новому измѣненію: пѣсня о смерти покинутой любовницы перестроилась по типу родственныхъ ей пѣсенъ о смерти женщины, на время оставленной мужемъ. Какое изъ этихъ двухъ предположеній представляется болѣе основательнымъ, какому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе?

Нѣкоторый, конечно только вѣроятный, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать разсмотрѣніе исторической стороны пѣсенъ о кн. Михайлѣ. Это имя: «князь Михайло», повторяющееся и въ сѣверно-русскихъ и въ западнорусскихъ пересказахъ, не можетъ быть случайнымъ. Безспорно, это имя историческое.

III.

О слѣдахъ историческихъ воспоминаній въ пѣсняхъ о кн. Михайлѣ гг. Антоновичъ и Драгомановъ говорятъ слѣдующее: «мы рѣшаемся видѣть въ этихъ двухъ пѣсняхъ память о какомъ-то частномъ и мѣстномъ событіи, такъ какъ въ двухъ варьянтахъ названо не только одно имя, но и одно мѣсто и притомъ послѣднее съ характеристическимъ прозваніемъ. — Похожденія князя Михайла происходятъ въ «боярскомъ селѣ», или мѣстечкѣ Лунинскомъ, т. е. въ ту эпоху, когда низшіе слои боярщины, населяя цѣлыя села, превратились въ свободное, но малоземельное, сословіе хлѣбопашцевъ, болѣе сближавшееся съ крестьянскимъ (также свободнымъ, но по большей части безземельнымъ), чѣмъ съ рыцарскимъ сословіемъ, т. е. въ XV или XVI столѣтіи. Самое названіе — село Лунное есть названіе географическое: село это существуетъ въ Гродненской губерніи и принадлежало къ леннымъ владѣніямъ

Digitized by Google

князей Сопиговъ (Сапѣговъ). Вѣроятно, князь Михайло — одинъ изъ членовъ этого рода. Въ 1583 г. Лунное село находилось во владѣніи князя Льва Михайловича Сопѣги» (стр. 58).

Замѣчаніе это вызываетъ возраженіе со стороны географическаго опредѣленія «села Лунинскаго». Село это упоминается въ пинскихъ пересказахъ. Едва ли есть надобность отыскивать это село въ Гродненской губерніи [1]), если подобное же, вполнѣ совпадающее съ пѣсеннымъ, мѣстное наименованіе встрѣчаемъ въ предѣлахъ Пинскаго же уѣзда. Въ «Историко-статистическомъ описаніи девяти уѣздовъ Минской губерніи» въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Пинскаго уѣзда значится между прочимъ мѣстечко Лунинъ (въ 38 верстахъ отъ Пинска) [2]). Г. Зеленскій въ описаніи Минской губерніи сообщаетъ, что Лунинъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «застѣнковъ», при чемъ это названіе объясняется такъ: «Застѣнки составляютъ особенность сѣверо-западныхъ губерній. Отличительная черта ихъ, равно какъ и околицъ, заключается въ томъ, что всѣ они заселены или шляхтою, пользующеюся и теперь правами дворянства, или однодворцами, т. е. людьми, потерявшими дворянство по неимѣнію на то доказательствъ» [3]). Такое значеніе застѣнка объясняетъ выраженія пѣсенъ:

Через село Лунінскєє,
Через місто боярскєє (А)
или:
В теє село Лунінскеє
В теє місто боярскеє (Б)

Зенькевичъ въ примѣчаніи къ этимъ пѣснямъ говоритъ: Łunin-wieś kśiążat Hieronimów Druckich-Lubeckich [4]). Друцкіе-Любецкіе — потомки владѣтельныхъ князей Друтскихъ [5]). Поэтому съ вѣроятностью можемъ догадываться, что разсказъ о событіи, мѣстомъ дѣйствія котораго представляется «село Лунинское», а дѣйствующимъ лицемъ — князь Михайло, всего ско-

[1]) При томъ же названіе Гродненскаго села не совпадаетъ вполнѣ съ пѣсеннымъ: Лунное, по Геогр. Словарю Семенова-Лунна (т. III, s. v.)

[2]) Труды Минскаго губ. статист. комит. 1870 г.

[3]) Матеріалы для геогр. и статистики Россіи. Минская губернія (Спб. 1864), ч. II, стр. 662. Лунинъ отнесенъ здѣсь по ошибкѣ къ Игуменскому уѣзду; въ спискѣ населенныхъ мѣстъ этого уѣзда (Труды статист. комит.) такого мѣстечка не значится.

[4]) Piosenki... стр. 157. Ср. того же Зенькевича O uroczyskach i zwyczajach ludu pińskiego, стр. 8—9: «Łunin na północo-wschód od Pinska, leży o mil 7 drogą zimową, a o 10 letnią».

[5]) Друтскъ (Дрьютьскъ, Дрюцкъ)—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русскихъ; первое лѣтописное упоминаніе о немъ относится къ 1092 году. Теперь Друцкъ — мѣстечко Могилевской губ. и уѣзда, въ 65 верстахъ отъ города. (см. Геогр. Словарь Семенова, т. II. Опытъ описанія Могилевской губ. Дембовецкаго, кн. 2, 37—38).

Digitized by Google

рое могъ быть связанъ съ воспоминаніями, имѣющими отношеніе къ какому либо лицу изъ рода именно Друтскихъ князей. Въ русскихъ памятникахъ нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій о родословіи Друтскихъ князей. Карамзинъ только догадывается, что «князья Друцкіе должны быть потомки древнихъ владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ» [1]). Польскіе генеалогисты утверждаютъ, что Друцкіе ведутъ свой родъ отъ князя Михаила Романовича, одного изъ сыновей знаменитаго Романа Галицкаго. У этого Михаила былъ сынъ Семенъ, у Семена — Димитрій и т. д. [2]). Что родословная эта не безупречна, ясно само собой. У Романа Мстиславича не было сына Михаила. Въ усыновленіи родоначальника Друцкихъ Галицкому князю сказалась только обычная слабость генеалогистовъ, желавшихъ связать начало того или другого рода съ какимъ-нибудь крупнымъ историческимъ именемъ. Но на основаніи этой ошибки мы едва ли въ правѣ признать указанный перечень Друтскихъ князей лишеннымъ всякой исторической достовѣрности [3]), ибо трудно допустить, чтобы въ княжескомъ родѣ, принадлежавшемъ къ числу владѣтельныхъ князей—Рюриковичей, не сохранялось воспоминаній о предкахъ, неизвѣстно было даже имя родоначальника. Помнили конечно, что старѣйшимъ Друтскимъ княземъ былъ Михаилъ Романовичъ; но генеалогическое положеніе этого князя въ ряду другихъ Рюриковичей могло быть забыто: свѣдѣнія объ этомъ выходили за предѣлы фамильныхъ и мѣстныхъ воспоминаній. Названіе Михаила Романовича Друтскаго сыномъ Романа Галицкаго—плодъ неудачнаго соображенія генеалогиста; оно не лишено значенія только какъ указаніе на эпоху, къ которой пріурочивалось время жизни перваго Друтскаго князя. Среди русскихъ князей XIII вѣка, современныхъ дѣтямъ Романа Мстиславича (Даніилъ † 1266; Василько † 1269), извѣстенъ одинъ только князь, носившій имя Михаила Романовича, именно Михаилъ, сынъ Романа князя Брянскаго [4]). Не былъ ли родоначальникомъ князей Друтскихъ этотъ именно Михаилъ Романовичъ?...

Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго: 1) князья Брянскіе (Дебрянскіе) принадлежали, по всей вѣроятности, къ роду Смоленскихъ князей (Ростиславичей). Первый Брянскій князь, о которомъ сохранились

---

[1]) Ист. гос. росс. IV, пр. 317. Въ родословныхъ нашихъ извѣстія о кн. Друцкихъ—очень позднія: «Князь Василей, да князь Богданъ, да Андрей Дмитріевичи, а Дмитрій Друцкой Юрьевичъ; Друцкіе пріѣхали изъ Литвы служити къ великому князю Василью Ивановичу всея Руси» (Временникъ Общ. ист. и др. р. кн. X. стр. 198).

[2]) Herbarz Polski K. Niesieckiego wyd. przez J. N. Bobrowicza, t. III, 409.

[3]) Князь Друтскій Семенъ Михайловичъ упоминается у Стрыйковскаго (Kronika... изд. 1846 г., t. I, 249, ср. 251, гдѣ упоминается кн. Димитрій Друтскій).

[4]) Нужно прибавить, что и между всѣми русскими князьями извѣстенъ, кажется, одинъ только Михаилъ Романовичъ, а именно упомянутый сынъ Брянскаго князя. (См. Указатель Строева къ исторіи Карамзина).

Digitized by Google

извѣстія,—только что названный нами князь Романъ. Лѣтописи упоминаютъ: а) о нѣсколькихъ походахъ этого князя противъ Литвы (въ 1263, 1264, 1275 г.) [1]), б) о бракѣ дочери Романа съ Волынскимъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ (1263) [2]) и в) о попыткѣ Брянскаго князя овладѣть Смоленскомъ (1285) [3]). По родословнымъ, Романъ былъ сынъ извѣстнаго Михаила Всеволодовича Черниговскаго (убитаго въ ордѣ и признаннаго святымъ): «А у великаго князя Михаила Всеволодовича у Кіевскаго и у Черниговскаго было 5 сыновъ... другой сынъ его кн. (Романъ) былъ послѣ отца своего на княженіи на Черниговѣ и на Брянскѣ, и отъ него пошли Осовецкіе князи, а убилъ его царь во ордѣ» [4]). Соловьевъ не рѣшается принять это извѣстіе, хотя и не отвергаетъ его прямо. Въ одномъ изъ примѣчаній (344) къ третьему тому «Исторіи Россіи» читаемъ: «Романъ Брянскій считается сыномъ Михаиловымъ». Въ текстъ исторіи (стр. 237) это извѣстіе не внесено; нѣтъ имени Романа и въ родословной таблицѣ князей Черниговскихъ, приложенной къ 3 тому (№ III, 3). Далѣе, подъ 1309 годомъ въ Никоновской лѣтописи помѣщена такая замѣтка: «того же лѣта князь Святославъ Глѣбовичъ выгна братанича своего князя Василія изъ Брянска, и самъ сяде на княжени во Брянске; того же лѣта князь Василеи Брянскии иде во орду ко царю жаловатися на дядю своего на князя Святослава Глѣбовича» (ч. III, стр. 106). По поводу этой замѣтки Карамзинъ говоритъ: «Въ Волынск. лѣт. упоминается о двухъ сыновьяхъ Романа Брянскаго, Олегѣ и Михаилѣ: Василій могъ быть сыномъ того или другаго; а Святославъ, его дядя, меньшимъ сыномъ Рамановымъ, вопреки Никонов. Лѣтописцу, который не отличилъ Святослава Глѣбовича Можайскаго, плѣненнаго Георгіемъ Московскимъ, отъ Святослава Брянскаго» (И. Г. Р. т. IV, прим. 242). Иначе смотритъ на дѣло Соловьевъ: «Никонов. списокъ считаетъ Василія Брянскаго сыномъ Александра Глѣбовича Смоленскаго, дядю его Святослава Глѣбовичемъ, который былъ лишенъ Можайскаго княжества и взятъ въ плѣнъ Юріемъ Московскимъ; Карамзинъ, обвиняя (голословно) Никон. въ смѣшеніи разныхъ князей, говоритъ, что Василій могъ быть внукомъ... Брянскаго князя Романа. Димитрій Брянскій по родословнымъ считается также Александровичемъ Смоленскимъ, слѣдовательно братомъ Василія» (III, прим. 430). Замѣчаніе Карамзина о Святославѣ Глѣбовичѣ справедливо названо голословнымъ, но соображеніе самого Соловьева объ Александровичахъ Брянскихъ едва ли основательно: а) Никон

[1]) П. Собр. р. лѣтопис. Т. II, 201, 202, 205—206.
[2]) Ibid. 202.
[3]) Лѣт. по Лавр. сп. 459.
[4]) Временникъ Общ. ист. и др. росс. X. 68.

Digitized by Google

лѣт. не называетъ отчества Брянскаго князя Василія, хотя изъ другого мѣста той же лѣтописи мы и узнаемъ, что у Александра Глѣбовича было два сына Василій и Иванъ (III, 108); б) относительно извѣстія родословной книги («пришелъ изъ Смоленска князь Александръ Глѣбовичъ; у него три сына: Дмитрей, Володимеръ, Иванъ; Дмитрей да Володимеръ были воеводы у вел. кн. Дмитрея на Дону») находимъ замѣчаніе у Карамзина, съ которымъ въ этомъ случаѣ трудно не согласиться: «Сіи Александровичи, вышедшіе въ Москву съ отцемъ около временъ Мамаевыхъ, не могли быть сыновьями владѣтельнаго смоленскаго князя Александра Глѣбовича, умершаго еще въ 1313 году». (IV, прим. 315). Строевъ въ Указателѣ къ Исторіи Госуд. Росс. отожествляетъ Димитрія Брянскаго съ Димитріемъ Романовичемъ Смоленскимъ, ходившимъ въ 1311 году въ Финляндію съ дружинами новгородскими [1]). Если это вѣрно, то нельзя ли и Василья, предполагаемаго брата Димитрія, считать сыномъ не Александра, а Романа Глѣбовича? Указаніе Никон. лѣт. о Святославѣ Глѣбовичѣ, боровшемся съ Брянскимъ племянникомъ Васильемъ, осталось бы при этомъ сохраняющимъ свою силу. О Романѣ Глѣбовичѣ мы имѣемъ извѣстіе лѣтописи подъ 1300 годомъ: «Того же лѣта Олександръ Глѣбовичъ ис Смоленьска приводилъ рать къ Дорогобужю, и оступъ городъ воду отъялъ; Андрѣй Вяземьскый князь приде с Вяземци и поможе Дорогобужьцемъ, и убиша у Олександра сына, а самого Олександра ранили князя, и брата его Романа, а Смолнянъ убили 200 человѣкъ, и Олександръ взвратися всвояси» [2]). Нельзя ли допустить, что этотъ Романъ Глѣбовичъ и упомянутый выше князь Брянскій Романъ— одно и то-же лицо? При такой догадкѣ установилась бы такая преемственность Брянскихъ князей: Романъ Глѣбовичъ, сынъ его Василій, братъ Василья—Димитрій. Можно, пожалуй, замѣтить, что Романъ Брянскій еще въ 1263 выдавалъ замужъ дочь, а потому едва ли въ 1300 году, т. е. спустя 37 лѣтъ, могъ принимать участіе въ походѣ. Но замѣчаніе это не можетъ имѣть рѣшающаго значенія: намъ извѣстенъ ранній, даже дѣтскій возрастъ, въ которомъ заключались въ ту пору браки у нашихъ князей [3]).

2) Каково бы ни было родословіе Брянскихъ князей, несомнѣнно, что Брянскъ и Смоленскъ и князья этихъ городовъ находились въ живыхъ, постоянныхъ отношеніяхъ; исторія Брянска примыкаетъ къ исторіи Смоленска. Въ 1309 г., Святославъ кн. Смоленскій, какъ мы видѣли, борется съ своимъ племянникомъ изъ-за Брянска. Въ 1340 г. сидѣлъ въ Брянскѣ кн.

[1]) Карамзинъ, IV, прим. 214; Соловьевъ, III, стр. 283.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 461.

[3]) «Женили князья сыновей своихъ вообще довольно рано, иногда одиннадцати лѣтъ; дочерей иногда выдавали замужъ осьми лѣтъ» (Соловьевъ, III, 8).

Digitized by Google

Глѣбъ Святославичъ [1]), сынъ только что названнаго Смоленскаго князя. Брянскіе князья пытаются, съ своей стороны, утвердиться въ Смоленскѣ: въ 1285 г.—Романъ, въ 1333 г. — Димитрій [2]). Въ грамотѣ отъ епископа рижскаго къ смоленскому великому князю Ѳедору (1281 — 1297) упоминается Брянскій князь, называемый при этомъ «намѣстникомъ великаго князя» [3]).

3) Извѣстно, что еще «въ началѣ XIII в. Полоцкое княжество было въ зависимости отъ Смоленска или въ какой-то связи съ нимъ» [4]). Въ упомянутой выше грамотѣ Рижскаго епископа конца XIII вѣка говорится, что Витьбляне жаловались на Рижанъ предъ Брянскимъ княземъ, намѣстникомъ вел. князя Смоленскаго. Видимъ, такимъ образомъ, что Полоцкія волости и въ это время находились въ зависимости отъ Смоленскихъ князей. При такихъ отношеніяхъ Полоцка къ Смоленску нѣтъ ничего удивительнаго, что вѣтвь Брянскихъ князей, родственныя и политическія отношенія которыхъ переплетаются съ исторіей Смоленскихъ князей, могла утвердиться въ одномъ изъ удѣловъ Полоцкаго княжества — Друтскѣ [5]). Мы возвращаемся такимъ образомъ къ сдѣланному выше предположенію, что родоначальникомъ князей Друцкихъ могъ быть Михаилъ Романовичъ, сынъ Брянскаго князя Романа.

Объ этомъ кн. Михаилѣ Романовичѣ въ лѣтописи сохранилось такое извѣстіе: «бысть свадба у Романа князя у Бряньского, и нача отдавати милую свою дочерь, именемъ Олгу, за Володимера князя, сына Василкова, внука великаго князя Романа Галичкаго. И въ то веремя рать приде Литовьская на Романа; онъ же бися съ ними и побѣди я, самъ же раненъ бысть и не мало бо показа мужьство свое, и пріѣха во Брянескъ съ побѣдою и честью великою и не мня раненъ на тѣлеси своемъ за радость; и отда дочерь свою: бѣахуть бо у него иныѣ три, а се четвертая; сія же бяшеть ему всихъ милѣе, и посла съ нею сына своего старѣйшего Михаила и бояръ много» [6]).

Выраженія, въ которыхъ записано это извѣстіе, указываютъ, что свадьба княжны Ольги, любимой дочери ея отца Романа, свадьба, совпавшая съ по-

---

[1]) Соловьевъ, III. 309.
[2]) Ibid.
[3]) Русско-ливонскіе акты, № XXXIV.
[4]) Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, I, 181.
[5]) Удѣлы въ предѣлахъ Полоцкаго княжества: Изяславль, Логожскъ, Стрѣжевъ, Друтскъ, Минскъ. (Погодинъ, Изслѣдованія и замѣтки, т. V, 303). Были, конечно, въ Друтскѣ князья и прежде предполагаемаго утвержденія въ немъ вѣтви Смоленскихъ князей. Въ концѣ XII вѣка (подъ 6703—1195 г.) упоминается въ лѣтописи Друтскій князь Борисъ (П. Собр. р. лѣт. II, 147), котораго считаютъ сыномъ Полоцкаго князя Давида Всеславича (Указ. къ лѣт. I, 65).
[6]) П. Собр. лѣт. II, 202.

Digitized by Google

бѣдой Романа надъ Литвой, осталась памятнымъ событіемъ въ семьѣ Брянскихъ князей. Могла явиться и пѣсня о томъ, какъ юная княжна отвезена была на чужую сторону ея братомъ княземъ Михайломъ.

Извѣстны свадебные обряды и пѣсни съ ясно выраженными воспоминаніями объ умыканіи невѣстъ. Въ пѣсняхъ этого рода говорится о насильникѣ, захватывающемъ дѣвушку; невѣста обращается къ брату съ просьбой защитить ее отъ чужаго человѣка, не выдавать ее:

Родимый ты, братецъ мой!
Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березыньку,
Загради ты путь-дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ
Нельзя было пройти, ни проѣхати!

Или:

Ахъ, ты, братецъ, голобчикъ мой!..
Не оставь меня, милой братъ,
На чужой на сторонушкѣ,
У чужова отца, матери,
У чужова роду-племени!

Предполагаемая пѣсня объ Ольгѣ Романовнѣ сложена была, конечно, по типу обрядовыхъ брачныхъ пѣсенъ съ особенностями и дополненіями, которыя подсказывались обстоятельствами дѣла. Въ пѣснѣ говорилось о разлукѣ княжны съ отцемъ, который любилъ ее больше другихъ дѣтей, говорилось и о кн. Михаилѣ, который сталъ не защитникомъ, а разлучникомъ сестры, который взялся отвезти ее на чужую сторону. Быть можетъ, брату-разлучнику давалась въ пѣснѣ особенно важная, главная роль.

Пѣсня, связанная съ именемъ Михаила Романовича, сохранялась, вѣроятно, среди лицъ, близкихъ къ нему и къ его потомкамъ, князьямъ Друтскимъ, но по занимательности ли содержанія, или по достоинствамъ изложенія пѣсня эта могла найти и болѣе широкое распространеніе. При этомъ пѣсня о были XII вѣка не избѣжала конечно общей участи памятниковъ устной поэзіи,—перерожденія, обусловливаемаго вліяніемъ литературной аналогіи.

Предполагаемое содержаніе древней пѣсни о Михаилѣ Романовичѣ и наблюденіе надъ составомъ сохранившихся пѣсенъ о князѣ Михаилѣ позволяютъ свести литературную исторію этихъ эпическихъ памятниковъ къ слѣдующимъ пунктамъ:

Digitized by Google

*1) Слагается обрядово-историческая пѣсня такого содержанія: молодая княжна разлучается съ родной семьей: ее берутъ заѣзжіе люди, отвозятъ на чужую сторону; съ дѣвушкой отправляется ея братъ, кн. Михайло; вмѣсто того, чтобы защищать сестру отъ «чужанина», онъ оставляетъ ее у этого чужанина—Волынскаго князя, который облюбилъ Ольгу, назвалъ ее своей.

*2) Утративъ, со временемъ, историко-бытовую опредѣленность, пѣсня эта сближается съ рядомъ пѣсенъ о похищаемыхъ, увлекающихся красавицахъ: дѣвушка увозится на чужбину; за нею отправляются ея братъ или братья; но возвращаются они домой одни: дѣвушка привязалась къ похитителю, полюбила его. Имя кн. Михайла, какъ имя главнаго дѣйствующаго лица первоначальной пѣсни, могло удержаться и здѣсь, но оно перемѣстилось сообразно съ измѣнившимся содержаніемъ пѣсни: князь Михайло—похититель.

3) Пѣсня объ увезенной красавицѣ смѣшивается съ пѣснями объ увлеченной и покинутой дѣвушкѣ. Слѣды этого смѣшенія видны еще въ сохранившихся пинскихъ пѣсняхъ о кн. Михайлѣ.

4) Составъ пѣсенъ о покинутой любовницѣ имѣетъ ближайшее родство съ пѣснями о женщинѣ, оставленной мужемъ и умирающей во время его отлучки. Великорусская былина о кн. Михайлѣ—одинъ изъ пересказовъ такой именно пѣсни объ умершей женѣ. Историческимъ остается, такимъ образомъ, въ былинѣ только имя дѣйствующаго лица; то, что разсказывается объ этомъ лицѣ,—представляетъ повтореніе странствующей баллады, въ которой мы можемъ отыскивать отраженіе бытовой, но не былевой дѣйствительности.

При изученіи бытовыхъ былинъ особенный интересъ и важность представляетъ наблюденіе надъ ихъ положеніемъ среди другихъ памятниковъ былевого эпоса. Есть цѣлый рядъ пѣсенныхъ побывальщинъ, которыя, входя въ общій составъ народнаго пѣснотворчества, стоятъ однако особнякомъ отъ былинъ, не вступаютъ въ ихъ кругъ. Такова приведенная выше пѣсня о королевичѣ и многія другія. Тѣ бытовыя пѣсни, которыя вошли въ границы былиннаго эпоса, могутъ быть распредѣлены на нѣсколько группъ по степени ихъ близости къ былинамъ историческимъ и богатырскимъ. Есть пѣсни, которыя причисляются къ былинамъ и попадаютъ въ сборники этого рода эпическихъ памятниковъ потому только, что принадлежатъ къ репертуару тѣхъ же пѣвцовъ, которые хранятъ и былины. Таковы, напр., въ сборникѣ Гильфердинга пѣсни: Ревнивый мужъ, Братья разбойники и сестра и т. под. Эти пѣсни лишь внѣшнимъ образомъ связаны съ былинами. Но есть побывальщины, имѣющія нѣкоторую историческую окраску, заставляющую предполагать и угадывать какую-то опредѣленную быль, лежащую въ ихъ основѣ. Образцомъ пѣсенъ этой группы можетъ служить разсмотрѣнная нами былина

Digitized by Google

о князѣ Михайлѣ. Послѣднюю группу побывальщинъ представляютъ тѣ, которыя примыкаютъ къ опредѣленнымъ, ранѣе сложившимся былевымъ пѣснямъ, вторгаются, такъ сказать, въ область исторической пѣсни, измѣняя и разнообразя ея составъ. Такова былина о томъ, какъ «князь Романъ жену терялъ», примкнувшая къ историческимъ пѣснямъ о князѣ Романѣ Галицкомъ. Примѣры подобнаго пріуроченія побывальщинъ къ былинамъ отыщутся и въ области богатырскаго эпоса. Припомнимъ былину объ Алешѣ Поповичѣ и сестрѣ братьевъ Збродовичей. Что это, какъ не побывальщина, въ которую только вставлено имя извѣстнаго богатыря? Таковы же и нѣкоторыя пѣсни о Дунаѣ, гдѣ этотъ богатырь является въ положеніи Ваньки-ключника.

Ив. Ждановъ.

Прим. Ред. Пользуясь свободнымъ мѣстомъ, помѣщаемъ здѣсь замѣченную нами сказку въ одной изъ принадлежащихъ Отдѣленію Этнографіи рукописей доставленной намъ въ 1887 г. изъ Кодемы свящ. о. К. И. Боголѣповымъ подъ заглавіемъ „Свѣдѣнія о жителяхъ Шахоловской волости, Шенк. у., Арх. г.“. Эта сказка говоритъ объ оклеветаніи жены воротившемуся домой изъ отлучки мужу повстрѣчавшимися ему на пути черноризицами. Эта сказка имѣетъ ближайшее сходство съ побывальщиной, напечатанной Гильфердингомъ (въ его Сборн.), подъ названіемъ „Ревнивый мужъ“, см. въ прекрасной статьѣ И. Н. Жданова (Вып. I, стр. 18—19).

О нѣкоемъ князѣ и княгинѣ.

Жилъ былъ князь, имя коего неизвѣстно. Женился этотъ князь въ 12 лѣтъ, взялъ онъ княгиню 9 годовъ и 9 мѣсяцевъ, жилъ онъ съ княгинею ровно 3 года и 3 мѣсяца, а на 4-й годъ гулять пошелъ. Ходилъ онъ,—гулялъ ровно 3 года и 3 мѣсяца, а на 4-й годъ князь домой пошелъ. Идучи дорогой, видитъ, идутъ ему на встрѣчу три старицы, три монахины черноризицы и бѣлокнижницы. Давно ли вы, спрашиваетъ ихъ князь, съ моего двора съ Княжевинаго, съ Екатеринскаго? Отвѣчали старицы: мы вчера съ твоего двора съ Княжевинаго, съ Екатеринскаго, и у тебя, князь, въ дому все не по старому, не по прежнему—всѣ добрые кони по колѣнъ въ назьму стоятъ, ѣдятъ траву все осатину, пьютъ воду все наземную, золота казна вся расхищена, въ теремѣ колубень виситъ (люлька). Выслушавши все это, князь погонилъ своего добра коня, сломя голову. Пріѣзжаетъ князь къ своему двору къ Княжевинскому, къ Екатеринскому, выходитъ молода жена, встрѣчатъ въ одной тоненькой рубашкѣ—безъ косетчина (сарафана), въ однѣхъ тоненькихъ чулочькахъ, безъ башмачекъ; вынимаетъ князь саблю вострую, срубилъ, сказнилъ поплечь голову, укатилась голова конямъ подъ ноги. Потомъ заходилъ князь въ конюшню свою и находитъ: всѣ кони по колѣнъ въ овсѣ, они ѣдятъ траву все шелковую, они пьютъ воду все ключевую, все цвѣтно платье по стопочькамъ, во теремѣ золота казна по шкатулочькамъ, бѣла посуда по наблюдничькамъ, ключи-замки все по полочькамъ, во теремъ зашелъ, колубня тутъ нѣтъ, дитя малаго не видано, тутъ пяла стоятъ золоченыя, не столько въ нихъ шито, сколько плакано, все князя въ домъ дожидано. Въ другой теремъ заходитъ и тутъ все въ порядкѣ находитъ; за бѣду князю тутъ стало, за догадушку великую. Заходитъ князь во конюшню во свою, выбираетъ князь лошадь добрую, погонилъ онъ коня, сломя голову, ко двумъ старицамъ, двумъ монашицамъ, черноризицамъ, бѣлокнижницамъ, и, прибывши къ нимъ, говоритъ: ужъ вы старицы, монашицы, черноризицы, бѣлокнижницы, зачѣмъ, зачѣмъ вы мнѣ наврали? Потомъ взялъ саблю острую и срубилъ, сказнилъ имъ головы, а самъ бросился на колъ-вострой конецъ, и тѣмъ предалъ себя скорой смерти.

Digitized by Google

Три года въ Якутской области.

Этнографическіе очерки.

ГЛАВА II.

Встрѣча весны. Ысыэхъ. Преданіе объ учрежденіи ысыэха и происхожденіи Якутовъ. Преданіе объ Эръ-эллеѣ, по Миддендорфу. Якуты, вытѣсненные съ юга Бурятами, поселяются на Ленѣ и здѣсь покоряются пришедшими Русскими. Остатки крѣпости въ Якутскѣ. Судьба Якутовъ послѣ Тыдына. Образованіе Верхоянска.

Проходитъ суровая и непривѣтливая зима, и снѣгъ, нагрѣваемый солнцемъ, быстро вывѣтривается, говоря по мѣстному—быгаетъ; проходитъ ледъ на рѣкахъ и также быстро наступаютъ сильные жары. Вѣчно мерзлая подпочва не даетъ просачиваться влагѣ; подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей земля быстро одѣвается густою, высокою и яркою растительностію; дни становятся длиннѣе и наконецъ солнце не закатывается, останавливаясь на горизонтѣ. Съ растительностью оживаетъ и вся остальная природа: прилетаютъ птицы и оглашаютъ воздухъ своимъ разнообразнымъ пѣніемъ; скотъ становится бодрѣе, теряетъ свою мохнатую зимнюю шерсть. Но болѣе всѣхъ чувствуетъ себя счастливымъ бѣдный Якутъ: ему не нужно болѣе коченѣть и дрожать, не имѣя возможности обогрѣться у собственнаго очага; его не будетъ болѣе томить сосущій голодъ; онъ восторженно прославляетъ грѣющее солнце въ своей пѣснѣ, которую поетъ на просторѣ; его не стѣснитъ теперь недремлющій надзоръ его хозяина; ему будетъ тепло, онъ будетъ сытъ, онъ не будетъ сидѣть въ темной и мрачной юртѣ—кровлей ему будетъ широкое и ясное небо!

Якуты мало имѣютъ развлеченій, и только съ приходомъ весны и лѣта наступаетъ время удовольствій. Якуты по характеру очень скромны, а потому удовольствія ихъ очень ограниченны и носятъ на себѣ отпечатокъ стараго, патріархальнаго времени.

По веснѣ кобылы начинаютъ доиться, накапливается кумысъ. Въ торжественные дни, на Николу, въ Троицынъ день, собирается по богачамъ масса народу: подъ открытымъ небомъ, на чистой полянѣ, въ опредѣленныхъ пунктахъ выставляются берестяныя посуды—х о л л о г о с ъ съ кумысомъ; вкапываются три высокихъ столба, украшенные зеленью, и къ каждому

Digitized by Google

изъ нихъ приставляется мальчикъ лѣтъ 10—11-ти, лицомъ къ востоку, съ громаднымъ турсукомъ кумысу—сири-исыть; когда соберутся приглашенные и разсядутся на полянѣ, гдѣ будетъ указано хозяиномъ, и съѣдутся почетные гости, старѣйшій изъ собравшихся беретъ главный чоронъ (деревянный кубокъ, иногда вмѣстимостью до полутора ведеръ)—аяхъ, украшенный конскимъ волосомъ, до краевъ наполненный кумысомъ, поднимаетъ его высоко надъ головой и произноситъ посвященіе—алгысъ—перваго удоя Юрюнь-Аи и Юрюнь-Аръ'у: «Аи-Тоенъ, благодаримъ тебя! Ты далъ намъ лѣто, ты послалъ намъ много телятъ, жеребятъ, молока. Ты одѣлъ лѣсъ весеннимъ нарядомъ, поля—зеленой травой. Скоро наступитъ покосъ и жатва, давно нами ожидаемая благодать. Тебѣ, Аи-Тоёнъ, подносимъ этотъ аяхъ съ кумысомъ и усердно просимъ тебя—благослови насъ и нашъ скотъ, дай тучный злакъ полямъ нашимъ, здоровье и силу скоту! Тоёнъ! прими нашу жертву, испей нашего напитка, и благослови его, чтобы и мы, вкусивъ его, были здоровы и счастливы!» Прежде эта жертва приносилась богу огня, и часть кумыса и растопленнаго масла отплескивалась въ огонь.

Затѣмъ старѣйшій отпиваетъ изъ своего аяха, передаетъ его по очереди старѣйшему по себѣ, причемъ каждый отпиваетъ возможно меньше, чтобы изъ этого чорона досталось выпить большинству; но такъ какъ его все-таки не хватаетъ, то подливаютъ въ него изъ тѣхъ, которые держатъ мальчики, а затѣмъ и изъ другихъ посудъ. По совершеніи обряда, собравшіеся издалека, въ праздничныхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ богатыхъ костюмахъ и на богато осѣдланныхъ лошадяхъ, Якуты и Якутки приступаютъ къ угощенію, которое предлагаетъ имъ хозяинъ, изъ мяса, масла, чаю и въ небольшомъ количествѣ водки. Почетные гости угощаются въ юртѣ, причемъ имъ въ кумысъ кладутъ топленое масло въ мелкихъ кусочкахъ, что̀ считается особеннымъ знакомъ вниманія къ гостю. Кумыса, этого кисло-сладкаго и пьянаго питья, истребляется иногда однимъ Якутомъ неимовѣрное количество: хорошій молодецъ выпиваетъ за одинъ разъ до $^1/_4$ ведра, а въ теченіе дня выпьетъ до $1^1/_2$ ведра. На лугу начинается ысыэхъ пляскою: знакомые между собой соединяются въ кружки, берутся за руки спереди черезъ одного, образуя тѣсную цѣпь, и подъ припѣвъ го-ю-го-ю, раздающійся на далекое пространство, переступаютъ ногами; иногда кто-нибудь изъ пѣвцовъ поетъ, а другіе ему подпѣваютъ: «Эгей эгей оголоръ дже доготторъ ёрерь кюммють юньня таптыръ кюммють тахсанъ эрярь санга джылбытъ салалынна эрьгя джылбытъ эляйдя анъ дойду ачалата кёнь дойду кергеньня ёскюлляхъ джонъ ёскятя теректэхъ сёсю тёрётьтя терюрь-ого уялана итярь сёсю кюрёляньня бу ёрю иньнигярь кевелесенъ олоронъ керя тылла кепсетегингъ чогусасанъ олоронъ джолахъ тылла тоённосогунъ эря доготторъ эгей эгей оголоръ!» т. е. Ой люли, ой люли, ре-

Digitized by Google

бята! Вотъ, друзья, радостные дни настали, любимое солнце восходитъ, новое лѣто наступило, старое лѣто исчезло, вся земля позеленѣла, широкая земля зеленью одѣлась, здоровые люди родятся, крупный скотъ телится, родившіяся дѣти въ колыбели, прокармливаемый скотъ въ поскотинахъ. Ради этой радости, рядомъ сидя, говорите между собой пріятныя рѣчи, сидя рядомъ, счастливо разсуждайте, друзья! Ай люли, ай люли, ребята!

Послѣ кумысу является у Якутовъ желаніе состязаться въ бѣгѣ и въ борьбѣ. Для бѣговъ выбираютъ мѣстность твердую, если можно, вокругъ озера; если озеро небольшое, то обѣгаютъ нѣсколько разъ, такъ что разстояніе доходитъ до 8, 10 верстъ. Бѣгутъ заразъ нѣсколько бѣгуновъ, и пришедшему первымъ оказываютъ почетъ, кричатъ уруй, а отставшихъ встрѣчаютъ насмѣшками, остротами, шутками. Якуты—большіе охотники биться объ закладъ, и на бѣгахъ держатъ пари за ту или другую лошадь.

Молодежь, подъ вліяніемъ бѣговъ и успѣха опередившаго, начинаетъ хвастать, спорить силой и ловкостью; начинается бѣгъ въ запуски, борьба. При этомъ составляются партіи: каждая выставляетъ своихъ представителей, которые, раздѣвшись до барки (испорченное русское слово портки), вступаютъ въ состязаніе. Борьба бываетъ самая безобидная и заключается въ стараніи свалить противника, не давъ ему обхватить себя, для чего натираютъ тѣло травой; всякій упавшій, хотя-бы на одно колѣно, или оперш́йся на руки, считается побѣжденнымъ, и сконфуженный, скрывается въ толпу, тогда какъ побѣдителя встрѣчаетъ шумное одобреніе и восторгъ. Зрители зорко слѣдятъ за состязаніемъ и несдержанно выражаютъ свои сужденія по поводу всякой подробности борьбы. Конечно, бываютъ случаи, что добродушно начавшаяся борьба разгорячаетъ противниковъ, и, подзадоренные восклицаніями толпы, они увлекаются и наносятъ другъ другу памятные удары.

Свѣтлая и теплая ночь позволяетъ забывать и поздній часъ, и утомленіе, и гости разъѣзжаются не охотно, ѣдутъ цѣлыми партіями, продолжая тянуть свои монотонныя скрыпучія пѣсни, которыя далеко разносятся въ тихомъ воздухѣ привѣтливо-мягкой прозрачной ночи.

Не говоря о бѣднякахъ, даже сытые богачи рады веснѣ. Семимѣсячная суровая и сумрачная зима наскучаетъ всѣмъ; богачу, какъ и бѣдному, хочется подышать весеннимъ воздухомъ и насладиться, кто какъ умѣетъ, или какъ можетъ, короткимъ и жаркимъ лѣтомъ, полежать на солнышкѣ, погрѣть свой животъ и кости. Бѣдняку, конечно, лѣто еще драгоцѣннѣе: хотя работы и больше, но онъ работаетъ самостоятельно, безъ надзора; молока больше, а потому и онъ чаще бываетъ сытъ. Вотъ почему съ такою радостью встрѣчается наступленіе лѣта; вотъ почему чаще слышится пѣсня Якута, хотя похожая больше на вой или скрыпъ немазаннаго колеса, которому онъ вторитъ. Подъ

Digitized by Google

вліяніемъ согрѣвающихъ лучей солнца, и скупой богачъ становится тароватымъ и щедро угощаетъ на ысыэхѣ гостей, прослышавшихъ о предстоящемъ праздникѣ. Рѣзкій переходъ отъ холода къ теплу, отъ мрака къ свѣту такъ сильно вліяетъ на человѣка этой суровой и мрачной окраины, что онъ не въ состояніи сдерживать въ себѣ быстраго наплыва сильныхъ ощущеній, проявляющихся въ цѣломъ рядѣ празднествъ, въ которыхъ и проходятъ всѣ полевыя и хозяйственныя работы. Такъ бѣднякъ поетъ: «Вотъ пришла весна, солнышко свѣтитъ ярче и теплѣе, поля убрались красивою зеленью и прекрасными цвѣтами, лѣсъ одѣлъ свои праздничныя одежды, птички своими пѣснями оглашаютъ воздухъ. Вотъ и намъ можно отдохнуть теперь, погрѣть и расправить свои окоченѣлые члены! Скотъ даетъ много молока, и мы будемъ сыты. Пойдемъ на покосы и, хоть будемъ трудиться, запасемся на суровую зиму. Боже, зачѣмъ ты не далъ намъ вѣчнаго лѣта и весны? тогда-бы мы всегда благоденствовали. Боже, дай намъ долгое лѣто—мы будемъ счастливы»!

Съ учрежденіемъ перваго ысыэха связано преданіе о происхожденіи нынѣшнихъ Якутовъ. По преданію, Якуты поселились на настоящихъ своихъ мѣстахъ когда-то очень давно и предкомъ ихъ нужно считать Оногой-бая [1]), Татарина (?) изъ племени Саха [2]), перваго пришедшаго на Лену. Онъ пришелъ съ женою Сара, ея братомъ Улу-хоро [3]) и рабами; всѣхъ мужчинъ было 13 [4]). У нихъ было много скота, рогатаго и коннаго; кочевали они по лѣвому берегу Лены, по долинѣ, названной имъ Сайсары, гдѣ теперь стоитъ г. Якутскъ; мѣсто это было удобно для скота и промысловъ: необозримыя поля, луга и лѣса были преисполнены несмѣтнаго количества дорогого пушного звѣря, исчезнувшаго теперь съ увеличеніемъ населенія. На Сайсары у Оногой-бая родились сынъ Анъ-тайбыръ и дочери Анъ-чингай [5]) и Ника-харахсынъ [6]). Спустя нѣкоторое время къ Оногой-баю пришелъ Эръ-эллей [7]), сильный и ловкій молодецъ татарскаго происхожденія (не Бурятъ-ли?); онъ былъ искусный охотникъ и, какъ говоритъ преданіе, рыскалъ по тайгѣ сѣрымъ волкомъ, водилъ медвѣдей подъ руку, а въ водѣ чувствовалъ себя щукой. Эръ-эллей поступилъ къ Оногой-баю работникомъ и прожилъ три года, заслуживъ уваженіе и любовь семейства. Разъ Сара сказала своему мужу: «Отличный человѣкъ этотъ Эръ-эллей! онъ скорѣе пригоденъ намъ въ зятья, чѣмъ въ рабы». Оногой отвѣтилъ сердито: «Я ни-

[1]) Бай—значитъ богатый.
[2]) Киси—человѣкъ; урангхай-саха—человѣчество.
[3]) Улу—великій, хоро—имя собств.
[4]) Рабы и женщины у древнихъ Якутовъ не включались въ счетъ людей.
[5]) Анъ—первенецъ.
[6]) Ника—нѣженка.
[7]) Эръ—храбрый мужъ.

Digitized by Google

когда не рѣшусь отдать дочь за пришельца, какъ Эллей; вѣрно, онъ приглянулся тебѣ самой»! «Я знаю», сказала Сара, «что ты боишься Эллея; я чувствую, что онъ счастливѣе тебя; ты дрожишь, когда видишь его; если хочешь убѣдиться въ правотѣ словъ моихъ, положи среди урасы (берестянаго шатра) бѣлую конскую кожу, прикрѣпи ее къ землѣ кольями и, сѣвъ на нее, возьми въ руки полный до краевъ чоронъ кумысу и призови Эллея». Оногой исполнилъ совѣтъ жены, и, дѣйствительно, когда вошелъ Эллей, Оногой такъ задрожалъ, что половина кумысу у него расплескалась, а кожа сорвалась съ кольевъ (см. ниже сказаніе о томъ-же у Миддендорфа). Убѣдившись въ силѣ и вліяніи Эллея, Оногой сказалъ ему: «Другъ мой, Эръ-эллей! ты прослужилъ у меня болѣе трехъ лѣтъ съ усердіемъ родного, и я желаю вознаградить тебя; я знаю, что такому молодцу, какъ ты, и конь мой удалый, и дорогой звѣрь пушной, добро мое,—не награда; у тебя нѣтъ подруги, выбери себѣ по сердцу изъ моихъ дочерей». Эръ-эллей поблагодарилъ за милость и просилъ отсрочки. Старшая дочь Оногоя была неуклюжа и звалась Анъ-чингай, а младшая Ника-харахсынъ была красива и любимица отца. Прошло еще три года, и Эръ-эллей объявилъ о своемъ выборѣ. Эръ-эллей въ продолженіи трехъ лѣтъ искалъ случая увидѣть, когда невѣсты пойдутъ мочиться; но это ему не удавалось, такъ какъ женщины того времени были очень стыдливы и даже показывались не иначе, какъ съ покрываломъ на лицѣ. Только въ концѣ третьяго года удалось ему наконецъ замѣтить мѣсто, гдѣ мочились невѣсты. Тутъ онъ увидѣлъ, что моча младшей Ника-харахсынъ осталась на поверхности земли, а моча старшей проникла въ землю, выворотила корни кустарника и образовала пѣну въ видѣ бѣлой куропатки. Изъ этого Эллей заключилъ, что старшая будетъ матерью многихъ и сильныхъ дѣтей. Младшая не перенесла такого предпочтенія, и, завидуя счастью Анъ-чингай, удавилась своими длинными косами. Оногой-бай, огорченный смертью любимой дочери и считая въ томъ виновными Эръ-эллея съ его молодою женой, выгналъ ихъ изъ дому и въ знакъ своего проклятія далъ имъ жеребца и кобылу бѣлой масти съ выстриженными хвостами и гривами да быка и корову съ отбитыми рогами. Эръ-эллей не опечалился проклятіемъ; онъ выстроилъ себѣ громадную юрту, а пищей ему были лучшіе звѣри и птицы. Юрта и ураса его украшались костями рѣдкихъ звѣрей и перьями красивыхъ птицъ.

У Эллея было много дѣтей, изъ нихъ 6 сыновей:

1) Л а б ы н г х а-с ю р ю к ъ, старшій сынъ, впослѣдствіи пропавшій безъ вѣсти; онъ считается первымъ шаманомъ, первымъ установителемъ вѣрованій и обычаевъ Якутовъ.

2) Х а д а ш ъ-х а г а л а с ъ,—отъ него произошли Якуты двухъ Кангаласкихъ улусовъ.

Digitized by Google

3) Джонъ-джагылы (джонъ-джаабы?)—отъ него произошелъ Батурусскій улусъ.

4) Молотой-орхонъ—отъ него Мегинскій улусъ.

5) Дэли-дарханъ—отъ него Борогонскій и Дюпсинскій улусы, по имени двухъ сыновей его: Борогонъ-джорту и Сюрдяхъ-дюпсюнъ.

6) Хатанъ-хата-малай, родоначальникъ Намскаго улуса.

Эръ-эллей первый ввелъ примѣненіе дымокура, которымъ охранялъ скотъ отъ комаровъ и мошки; къ дымокурамъ собирался весь скотъ (вѣроятно, и чужой), который онъ выдаивалъ. Накопивъ такимъ образомъ много кумысу, онъ вздумалъ устроить народный праздникъ, назвавъ его ысыэхъ отъ слова «вспрыснуть». Устроителемъ и распорядителемъ праздника былъ старшій сынъ его Лабынгха-сюрюкъ, этотъ первый шаманъ. Онъ велѣлъ вырѣзать изъ толстыхъ березъ чаши, назвавъ ихъ чоронъ-аяхъ, и ковши—эбирь-хамыяхъ. Чаши и ковши онъ перевязалъ веревками изъ бѣлыхъ конскихъ гривъ и назвалъ эти веревки дяльбиргя. На открытой полянѣ вкопалъ три столба, соединивъ ихъ сверху перекладиной; у столбовъ насадилъ молодыхъ березъ, обвилъ ихъ волосяными веревками, украсилъ пучками конскаго волоса и назвалъ ихъ далбаръ-чачиръ, то есть жертвенникъ; около столбовъ съ березками поставилъ кожанную посуду, полную кумысу съ масломъ; вся площадь предстоящаго праздника была названа дирингъ-тюсюльгя. Когда въ назначенный день съ восходомъ солнца собрались люди, Лабынгха поставилъ ихъ съ открытыми головами у далбаръ-чачира, лицомъ къ востоку, полукругомъ; впереди народа 9 юношей, стоя на лѣвомъ колѣнѣ, держали въ рукахъ чоронъ-аях'и, полные кумыса съ масломъ; самъ онъ вышелъ впередъ съ ковшемъ эбирь-хамыяхъ и сказалъ такъ: «Человѣкъ созданъ высшими божествами (аи-тангара); назначеніе его—украшать и населять землю, пользоваться земными богатствами во время своей жизни; тѣло наше слабо, должно умереть, но духъ его (кутъ) будетъ существовать въ вѣчной зелени на небесахъ въ видѣ жаворонка. Выше видимаго неба еще много небесъ съ божествами, а подъ землею живутъ злые духи. Сегодняшній праздникъ устроенъ для того, чтобы мы всѣ вмѣстѣ могли поблагодарить божества, насъ создавшія, за дарованіе намъ земныхъ благъ и вкусить изъ одной посуды въ знакъ мира и единенія». Затѣмъ Лабынгха-сюрюкъ, подойдя къ 9-ти юношамъ съ чоронами, черпалъ по очереди изъ каждаго кумысъ своимъ ковшемъ и брызгалъ имъ въ пространство, какъ-бы отдавая въ жертву божествамъ дары, ниспосланные ими людямъ; при каждомъ чоронѣ призывались по очереди слѣдующія божества:

1) Артъ-тоенъ-ага, сидящій надъ 8-мъ небомъ;

2) Юрюнгъ-аи-тоенъ, сидящій надъ 3-мъ небомъ;

3) Нялбяй-аи-кюбяй-хотунъ-ия (богиня);

Digitized by Google

4) Налыгыръ-аисытъ-хотунъ—богиня, присутствующая при рожденіи дѣтей;

5) Анъ-алой-хотунъ—мать земли; ея сынъ Эряка-джяряка—богъ зелени;

6) Кюре-джясягай; ихъ семь братьевъ: а) Сюрдяхъ-сюгя-тоенъ—богъ грома; б) Анъ-джасынъ—богъ свѣта и молніи; в) Танхасытъ-джилга-ханъ—распорядитель судьбы человѣка; г) Ильбисъ-ханъ—богъ войны; д) Ордукъ-джасабылъ—вѣстникъ небеснаго гнѣва; е) Ханъ-еехситъ-эрдэнъ-аи—вѣстникъ благодати; ж) Сюнгъ-ханъ-сюнкэнъ-эряли-хомпорунъ-хотой-аи—богъ птицъ;

7) Моголъ-тоенъ и Усунъ-куярь-хотунъ—божества, покровительствующія скоту;

8) Бай-баяндай; ихъ семь братьевъ: а) Бай-барылахъ; б) Куралай-бяргянь и в) Курагачча-сюрюкъ—боги охоты и промысловъ; г) Долбунъ-сокхоръ и д) Соссанъ-эркинъ—препятствующіе охотѣ и промысламъ; е) Тыга-бытырысъ и ж) Ханнахъ-сегеленъ—боги промысловъ;

9) Боссолъ-тоенъ и Бомча-хотунъ—охраняющіе пути къ божествамъ; Баранъ-батыръ—богъ юрты, Элясь-батыръ—богъ хлѣва и двора; семь братьевъ—боги огня: Бырджа-бытыкъ, Кырылъ-тюсюмярь, Кюндюль-чаганъ, Кюря-чаганъ, Ханъ-чаганъ, Хатанъ-сотуя и Ылгынъ-эрбія.

Поименовавъ всѣ божества, въ честь которыхъ былъ совершенъ ысыяхъ, Лабынгха-сюрюкъ трижды прокричалъ «уруй»; народъ восторженно повторялъ за нимъ, и въ это время видѣли бѣлую чайку, трижды прокружившуюся надъ мѣстомъ собранія, что̀ было принято за доброе предзнаменованіе божествъ. Оногой-баю, какъ старѣйшему, первому былъ поднесенъ чоронъ; принявъ его, онъ упалъ, какъ убитый; онъ перестал видѣть, ноги и руки его онѣмѣли; онъ лишился всѣхъ чувствъ. Народъ усмотрѣлъ въ этомъ волю божествъ, карающихъ Оногой-бая за проклятіе имъ Эръ-эллея и за изуродованіе имъ скота, созданія Божія.

Оногой-бай вскорѣ послѣ того умеръ; все его богатство исчезло отъ разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ; единственный сынъ его—Барагай-батылы-кяльтягяй-тобукъ, отъ котораго произошли Якуты Баягантайскаго улуса, терпѣлъ нищету и питался добычей, которую приносила ему черная собака.

Якуты другихъ округовъ области, кромѣ якутскаго, произошли отъ названныхъ выше предковъ и заселили мѣста внѣ якутскаго округа путемъ переселенія, частію—добровольно, въ видахъ промысла и охоты, частію—по

Digitized by Google

необходимости, вытѣсняемые движеніемъ другихъ болѣе сильныхъ родовичей и наконецъ путемъ принудительной ссылки—въ сѣверные, болѣе отдаленные округа.

Послѣ смерти Эръ-эллея ысыэхи устраивались въ каждомъ улусѣ по поводу какихъ-либо торжественныхъ обстоятельствъ, съ соблюденіемъ описаннаго обряда. Вѣруя во вліяніе своихъ божествъ, живущихъ на небесахъ, на землѣ и подъ землею, Якуты признавали воплощеніе ихъ въ птицахъ и разныхъ неодушевленныхъ предметахъ и, не поклоняясь, оказывали имъ знаки уваженія, почитали тѣ мѣста, которыя, по ихъ убѣжденіямъ, посѣщали эти божества, напр. старыя деревья; озера почитались, какъ глаза, а поле, какъ лицо матери земли. Постоянныхъ призываній божествъ не было. Кромѣ общихъ божествъ, каждое племя имѣло своего особаго покровителя, который воплощался въ предметы видимые; каждый обращался къ своему покровителю или къ тому, который соотвѣтствовалъ извѣстному случаю.

Преданіе объ Оногой-баѣ и Эръ-эллеѣ разсказано у Миддендорфа (русск. изд., ч. II, отд. VI, выпускъ 7-й, стр. 763) нѣсколько иначе, а именно: «Много, много лѣтъ тому назадъ жилъ очень богатый Якутъ, по имени Огономъ. У него было двѣ дочери; одну изъ нихъ онъ очень любилъ, другой не любилъ. Его часто посѣщалъ Бурятъ, по имени Ельяй, потому что они были большіе друзья; онъ приплывалъ къ нему внизъ по Ленѣ на суднѣ, сдѣланномъ изъ кожъ. Огономъ предложилъ ему ту изъ дочерей, которая ему понравится. Ельяй выбралъ нелюбимую дочь. Осерчавъ на нее еще болѣе, отецъ далъ за ней въ приданое только кобылу и бурую корову. Между тѣмъ умерла и любимая дочь. Жена стала уговаривать Огонома навѣстить зятя. «Ты уже становишься слабъ», говорила она ему. Старикъ не хотѣлъ вѣрить этому. Но однажды Ельяй, посѣтивъ его, колышками кругомъ прикололь кафтанъ тестя. Огономъ взялъ полную чашу съ кумысомъ, но, стараясь встать, пролилъ все, что въ ней было. Понявъ изъ этого, что онъ началъ слабѣть, онъ помирился съ Ельяемъ и навѣстилъ его. Сынъ Ельяя назывался Тыгын'омъ и былъ сильный и могущественный правитель. Въ это время первые Русскіе прибыли въ край по рѣкѣ, но ихъ было немного. Тыгынъ убилъ всѣхъ, кромѣ одного, который былъ силачъ и взятъ въ батраки. Послѣдній убѣжалъ и затѣмъ прибыло очень много Русскихъ на большомъ суднѣ. Долго они вели войну съ Тыгыномъ. Они построили крѣпость съ башнями и сверху стрѣляли. Тогда Якуты скрутили изъ конскаго волоса огромный канатъ и попытались обрушить башни. Но Русскіе скатывали сверху бревна. Они взяли Тыгына въ плѣнъ и повѣсили его. Въ то время у Тыгына родился сынъ Эбэрэ, отъ котораго происходитъ существующій еще доселѣ родъ. Кангаласцы-же потомки братьевъ Тыгына».

Digitized by Google

По поводу выписаннаго только-что преданія, какъ оно изложено у Миддендорфа, пользуюсь случаемъ разсказать, что̀ пришлось слышать мнѣ о переселеніи Якутовъ въ Якутскую область и о приходѣ Русскихъ къ нимъ во времена Тыгына.

Воспоминанія Якутовъ о своемъ происхожденіи и о мѣстахъ своего прежняго жительства до переселенія ихъ въ теперешнюю Якутскую область— смутны. Такъ преданіе утверждаетъ, что въ глубокую старину они жили около моря Байкала, отчего и теперь всякое большое озеро называется ими баягалъ, «море». Во всякомъ случаѣ, Якуты жили ранѣе въ странѣ южной, гдѣ они не знали снѣжной зимы, а поля и луга ихъ были такъ обширны, что если-бы кто захотѣлъ обозрѣть ихъ съ высоты горъ (байкальскихъ?), то глазъ его не увидалъ-бы границъ и предѣловъ страны, а видѣлъ-бы только упирающееся въ нихъ синее небо, такое-же синее, какъ и вода ихъ моря (Байкала). Скота у нихъ было такъ много, что его не помѣстить было-бы въ этомъ морѣ; сами они составляли племя многочисленное, какъ песокъ морской. Ведя пастушескую жизнь, Якуты въ то-же время были и конными воинами; они уже знали употребленіе желѣза и умѣли ковать себѣ оружіе и латы. Лукъ за спиной, колчанъ со стрѣлами съ желѣзными наконечниками—на лѣвомъ боку, обоюдоострая пальма, длиной въ аршинъ и съ короткою рукояткою въ видѣ меча, висѣвшая на поясѣ съ правой стороны и наконецъ желѣзная четырехъугольная пика на длинномъ древкѣ—составляли обыкновенное вооруженіе Якута; лучшіе воины, болѣе зажиточные, одѣвались кромѣ того въ желѣзныя шубы— латы. И въ древнее время Якуты жили и управлялись родами, имѣя во главѣ родовича, власть котораго была наслѣдственна; всѣ-же роды, составляя цѣлое племя, подчинялись одному главному родоначальнику, облеченному неограниченною властью суда и расправы и имѣвшему власть надъ жизнью и смертью всякаго принадлежавшаго къ племени. Религіозныя ихъ вѣрованія были языческія; грозныя силы природы убѣждали ихъ въ существованіи духовъ добрыхъ и злыхъ, для умилостивленія которыхъ приносились жертвы чрезъ посредство особыхъ служителей—шамановъ. Въ семейномъ быту признавались полигамія и неограниченное наложничество.

Якуты сами себя никогда не звали Якутами, а носили и носятъ названіе саха—навозъ [1]). Названіе-же Якутовъ имъ дали Русскіе, которые въ старое время звали ихъ Еко, что̀ съ теченіемъ времени преобразовалось въ слово: Якутъ.

Воспоминанія Якутовъ не сберегли имъ опредѣленныхъ свѣдѣній о времени, когда предки ихъ оставили мѣста своего кореннаго, родного края; пре-

---

[1]) Навозомъ обмазывали и обмазываютъ юрту; изъ навоза дѣлали и дѣлаютъ посуду; за отсутствіемъ глины хозяйство Якута безъ навоза—не мыслимо.

Digitized by Google

даніе говоритъ только, что въ блаженное ихъ пребываніе въ южномъ краю пришли къ нимъ въ несмѣтномъ числѣ татарскія полчища, сильно вооруженныя, и, перерубивъ и перестрѣлявъ многихъ, принудили ихъ оставить свои излюбленныя, насиженныя мѣста. Якуты двинулись на сѣверъ, но разбрелись въ разныя стороны; главная же часть съ своимъ главнымъ родоначальникомъ Оногой-баемъ двинулась къ Ленѣ и, спустившись по теченію, остановилась у озера Сайсары на урочищѣ Собирай, гдѣ теперь стоитъ г. Якутскъ. Ведя изстари пастушескую кочевую жизнь, Якуты на новомъ мѣстѣ поселенія старались сохранить свой первобытный образъ жизни, но, выбирая на широкихъ неограниченныхъ пространствахъ удобныя мѣста для пастбищъ, должны были перейти къ занятію скотоводствомъ и, мало-по-малу, подвигались на западъ по р. Вилюю, на сѣверъ—къ Верхоянскому хребту и на востокъ—по р. Алдану. Не зная ранѣе на своей южной родинѣ зимы, здѣсь принуждены были они установить новое распредѣленіе времени: выпадалъ первый снѣгъ—начинался годъ; станвалъ снѣгъ—этотъ годъ кончался и начинался новый—лѣтній; такимъ образомъ годъ на ихъ новомъ поселеніи равнялся шести мѣсяцамъ съ сентября по мартъ и съ марта по сентябрь. Такое распредѣленіе года у нихъ осталось и до настоящаго времени.

Отъ брака дочери Оногой-бая—Анъ-чингай и Эръ-эллея было шесть сыновей, и отъ одного изъ этихъ послѣднихъ родился Тыгынъ, ревностно охранявшій независимость своего племени. Во времена этого знаменитаго Улаханъ-князя [1]) случилось съ Якутами неожиданное и страшное обстоятельство. На берегу рѣки (Лены) показались удивительные люди; они были бородаты, не похожи на Тунгусовъ; въ общемъ видъ ихъ былъ страшенъ. Якуты, не забывшіе своихъ вытѣснителей изъ южной родины, перепугались и доложили своему повелителю. Тыгынъ приказалъ привести къ себѣ этихъ незнакомцевъ. Якуты, собравшись въ огромномъ числѣ, пошли брать этихъ людей, но послѣдніе отдались имъ безъ всякаго сопротивленія. Якуты привели своихъ плѣнныхъ къ Тыгыну, который опредѣлилъ ихъ къ себѣ въ домашнюю прислугу. Новые рабы обращали на себя вниманіе сообразительностію, расторопностію и скромной исполнительностію. Громадная физическая сила ихъ и выносливость въ тяжелыхъ трудахъ, которые возлагалъ на нихъ Тыгынъ, внушали къ нимъ страхъ, и Тыгынъ не измѣнялъ съ ними своего деспотическаго, а временами даже звѣрскаго обращенія. На одну изъ жестокихъ выходокъ Тыгына жена замѣтила ему: «Напрасно ты такъ грубо обращаешься съ этими людьми; въ ихъ крови живетъ смѣлость и отвага; нужно бояться, чтобъ они не сдѣлались нашими тоенами» [2]). Что отвѣчалъ на это Тыгынъ,

[1]) Улаханъ—великій, большой.

[2]) Тоенъ—господинъ, повелитель.

Digitized by Google

не извѣстно. Пришельцы между тѣмъ были необыкновенно услужливы и предупредительны, такъ что разъ Тыгынъ даже отступилъ отъ своего обычнаго съ ними обращенія и спросилъ ихъ: «Чѣмъ наградить васъ, слуги мои дорогіе? Хотите-ли скота моего и лошадей, хотите-ли мѣховъ дорогихъ—дамъ вамъ; чего пожелаете—просите!» Пришельцы смиренно отвѣчали: «Благодаримъ тебя, великій тоенъ! намъ не нужно скота твоего, или мѣховъ; но если мы угодили тебѣ, то дай намъ земли, сколько займетъ воловья кожа». Такая скромная просьба удивила Тыгына, и онъ, поклявшись у корня дерева, что не нарушитъ правъ новыхъ владѣльцевъ, велѣлъ отвести имъ просимое. Пришельцы повторили исторію основанія Кароагена, и, разрѣзавъ кожу на тонкіе ремни, обвели ими четырехугольникъ земли и стали считаться ея собственниками. Только тогда понялъ Тыгынъ хитрость на первый разъ немудреной просьбы пришельцевъ, но клятва была дана, и нарушеніе ея грозило страшнымъ гнѣвомъ боговъ. Границу своихъ владѣній пришельцы опредѣлили столбами, а сами, построивъ лодки, на парусахъ поплыли вверхъ по рѣкѣ. Якуты были очень удивлены, увидавъ, что эти странные люди поплыли противъ теченія безъ веселъ на какихъ-то пузыряхъ. Новое и страшное обстоятельство вскорѣ поразило успокоившихся было Якутовъ. Пришельцы вскорѣ приплыли обратно, но приведя съ собой новыхъ товарищей; на ихъ лодкахъ и плотахъ было много провизіи и лѣсного матеріала. Въ одну ночь, гласитъ преданіе, неизвѣстные люди выстроили деревянную крѣпость и заперлись въ ней со всѣмъ своимъ имуществомъ. На утро Тыгынъ ужаснулся, увидавъ передъ своими шатрами выросшее чудо, и пошелъ со своими рабами осматривать работу пришельцевъ. Близко подойти однако побоялись. Въ это время изъ стѣнъ этой крѣпости раздался огненный громъ; то былъ залпъ изъ пищалей холостыми зарядами. Оглушенные и ошеломленные вскорѣ пришли въ себя и, смѣясь безвредности пущенной въ нихъ молніи, отвѣчали своими стрѣлами изъ луковъ, но затворившіеся въ крѣпости еще болѣе смѣялись безвредности ихъ оружія. Якуты подошли къ крѣпости ближе и казались болѣе смѣлыми. Тогда раздался новый огненный громъ; произведенъ былъ залпъ изъ ружей, но уже заряженныхъ пулями и картечью. Много Якутовъ поплатилось жизнію; былъ раненъ и самъ Тыгынъ; въ злобѣ и раздраженіи, въ сознаніи собственнаго безсилія, нанесъ онъ себѣ смертельную рану копьемъ, и тутъ же умеръ. Якуты, видя смерть своего грознаго повелителя, а съ нею и свою полную беззащитность, въ ужасѣ разбѣжались. Побѣдители, то были Русскіе, потребовали отъ побѣжденныхъ платежа ясака, а для опредѣленія его размѣра растянули черезъ озеро Сайсары свой пресловутый ремень, приказавъ увѣсить его шкурками дорогихъ пушныхъ звѣрей. Эта мѣра была установлена для взноса ясака и на будущее время.

Digitized by Google

Остатки этой крѣпости существуютъ и теперь. По уцѣлѣвшей юго-восточной стѣнѣ этой крѣпости на пространствѣ 83 саженей и отдѣльно стоящей еще и теперь башнѣ съ западной стороны можно предположить, что крѣпость построена была квадратомъ, при чемъ каждая сторона равнялась приблизительно ста саженямъ. По угламъ стояли трехъэтажныя башни (съ балконами), крытыя на 4 ската, и соединялись между собой двухъэтажными коридорами, перегороженными поперекъ капитальными стѣнами. Черезъ каждыя 6 саженей были другія башни, ниже угловыхъ. Стѣны корридоровъ были высотой въ 9½ арш. и шириной въ 4½ арш.; верхній этажъ былъ шире нижняго и выступалъ навѣсомъ въ сторону двора, опираясь на выпущенныя балки. Ворота въ наружной стѣнѣ были шириной въ 3½ саж. и запирались изнутри нѣсколькими толстыми засовами; маленькая дверь въ той-же стѣнѣ, вѣроятно, служила для вылазокъ. Въ сторону поля стѣны имѣютъ нѣсколько маленькихъ отверстій, повидимому, для ружейной стрѣльбы, но отверстія эти сдѣланы на столько низко отъ полу, что нужно думать, что Русскіе стрѣляли лежа. Крыша надъ корридорами была въ два ската. Оставшаяся въ цѣлости башня, повидимому, имѣла особое парадное назначеніе—или въ ней помѣщалась часовня, или главная квартира; балконъ и дверные косяки этой башни украшены рѣзьбой; общая-же работа отличается изяществомъ отдѣлки. Остатки этой крѣпости были-бы болѣе значительными, если-бы жители не растаскивали лѣсъ на свои постройки и даже на топливо. Цѣлый домъ Якутскаго городского общественнаго собранія выстроенъ изъ матерьяла отъ разобранной для того стѣны. Выстроено это собраніе что-то давно, если вѣрить, лѣтъ 40 назадъ, но домъ стоитъ незыблемо, лучше домовъ позднѣйшей постройки изъ новаго лѣсу. Бревна этой крѣпости на столько крѣпки, что ихъ не беретъ хорошій топоръ.

Со смертію Тыгына, этого безсмертнаго героя якутскаго эпоса, Якуты не въ силахъ уже были бороться съ своими новыми завоевателями. Родъ за родомъ, несли они свой ясакъ повелителямъ; одни съ покорностію подчинялись имъ, другіе—съ послѣдними вспышками уставшаго сопротивленія, а третьи—съ угасающимъ стремленіемъ къ пастушеской независимости оставили и эти едва насиженныя мѣста и разсѣялись по незнакомой землѣ вѣерообразно на западъ—къ рѣкѣ Вилюю, на с. внизъ по теченію Лены, на с-в.—къ Верхоянскому хребту и, наконецъ, на в.—по р. Алдану. Здѣсь Якуты встрѣтили слабое населеніе, которое не въ силахъ было противостоять напору ихъ движенія и въ свою очередь должно было отступить къ болѣе непривѣтливому сѣверу. Этими отступившими племенами были Тунгусы, Юкагиры и Чуванцы. Якуты упорно отрицаютъ существованіе народа подъ названіемъ Омокъ или Омукъ. Они говорятъ, что этимъ именемъ Якуты звали и зовутъ вся-

Digitized by Google

каго не только не-Якута, но и Якута другого улуса или наслега. Во всякомъ случаѣ, были-ли Омуки особое совершенно исчезнувшее племя, или названіе это обозначало собирательное понятіе о Тунгусахъ, Юкагирахъ и Чуванцахъ, тѣмъ не менѣе они, уступивъ свои мѣста вновь пришедшимъ искателямъ независимости, сами направились къ сѣверу и здѣсь натолкнулись на болѣе свирѣпыхъ враговъ, чѣмъ были для нихъ Якуты—на храбрыхъ до самоотверженія Чукчей—этихъ коренныхъ съ незапамятныхъ временъ обитателей сѣверо-восточной тундры до береговъ Берингова пролива.

Якуты, пришедшіе къ верховьямъ р. Яны, вытѣснивъ отсюда мѣстныхъ жителей, нашли громадныя луговыя пространства, которыя представляли широкую возможность выбора мѣстъ, а потому, распредѣлившись родами, гдѣ кому показалось удобнѣе, зажили по старому, надѣясь, что Русскіе не зайдутъ сюда и не лишатъ ихъ вожделѣнной свободы. Но стремленію казаковъ къ занятію земель подъ скипетръ Великаго Государя, казалось, не было предѣла, и казачій десятникъ Елисей Буза съ горстью отважныхъ товарищей спустился внизъ по Ленѣ, прошелъ морскимъ берегомъ до устья Яны и поднялся на лодкахъ къ ея верховьямъ и здѣсь неизбѣжно встрѣтился съ новопоселившимися Якутами. Потребовавши съ нихъ небольшой дани, онъ обложилъ ясакомъ и заложилъ острогъ на р. Дулгалахъ, въ 100 верстахъ отъ Верхоянска. Слѣды этого острога видны и теперь. Съ приходомъ Бузы Якуты ждали своего послѣдняго часа, но ласковое его обращеніе оставило и до послѣдняго времени въ Якутахъ благодарное къ покорителю воспоминаніе. Впослѣдствіи, въ которомъ году неизвѣстно, Верхоянскій острогъ съ Дулгалаха былъ перенесенъ на другое, болѣе удобное мѣсто, на Боронукъ, на лѣвый берегъ Яны, въ шести верстахъ отъ нынѣшняго Верхоянска и подъ именемъ Верхоянскаго зимовья приписанъ былъ къ Зашиверскому коммиссарству. Зимовьемъ онъ былъ названъ потому, что только зимой пріѣзжали сюда коммиссаръ за полученіемъ ясака и Якуты для взноса его; лѣтомъ острогъ этотъ оставался пустымъ и игралъ роль станціи по тракту изъ Якутска въ Зашиверскъ. Въ 1775 г. Верхоянскій острогъ приписанъ былъ къ Якутской провинціи. Для упроченія распространявшагося православія предполагалось построить церковь, и два богатыхъ ново-крещеныхъ Якута пожертвовали на постройку деньги; оставалось только выбрать соотвѣтствующее для того мѣсто, но жертвователи препирались относительно мѣста: одному хотѣлось имѣть церковь въ Боронукѣ, а другому ближе къ своему жительству. Послѣ многихъ лѣтъ спора, церковь была построена по выбору второго жертвователя и освящена во имя Благовѣщенія въ 1817 году. Около нея построились дома для причта; сюда-же переселилось нѣсколько семей богатыхъ Якутовъ, а съ ними и два—три торговца. Жители Боронука затруднялись, вслѣдствіе неудобнаго сообщенія, ѣздить часто

Digitized by Google

въ церковь и къ купцамъ, а жившіе около церкви постоянно имѣли нужду бывать въ Боронукѣ, гдѣ оставалось мѣстное управленіе; вслѣдствіе этого въ 1822 г. острогъ былъ перенесенъ къ самой церкви, и мѣсто это получило названіе города Верхоянска, причемъ для управленія округомъ его назначенъ былъ исправникъ. Значеніе Боронука упало сразу и, вѣроятно, безвозвратно; но едва-ли и до сихъ поръ не приходится сожалѣть о немъ, какъ о мѣстѣ болѣе высокомъ на берегу р. Яны и представляющемъ несомнѣнное преимущество передъ ямой, въ которой расположенъ такъ называемый городъ, то есть два—три десятка разбросанныхъ юртъ, съ озеромъ по срединѣ, заражающимъ воздухъ своимъ зловоніемъ и носящимъ мѣстное названіе—икъ баягалъ—«море мочи»!

О судьбѣ вилюйскихъ и алданскихъ Якутовъ мнѣ лично не пришлось слышать мѣстныхъ преданій.

III.

Устройство жилищъ—зимнихъ и лѣтнихъ. Пища. Угощенія. Посуда. Одежда и оружіе. Экипажи и сбруя.

Во всей Якутской области, въ мѣстахъ поселенія Якутовъ не найти ничего похожаго на русскія деревни или хотя-бы бурятскія; юрты одна отъ другой на версты, десятки и даже сотни верстъ, и нѣсколько отличаются въ этомъ отношеніи только тѣ наслеги, гдѣ построены церкви и инородческія управы. Около этихъ зданій группируется до десятка юртъ, и въ нихъ проживаютъ несущіе какую-либо службу при церкви и управѣ: трапезникъ, сторожа, писаря и пр.; но и тутъ не соблюдается порядка построекъ: всякій ставитъ свою юрту, гдѣ ему удобнѣе, не заботясь объ улицѣ. Внѣшній видъ жилищъ не измѣняется ни отъ какого сосѣдства, кромѣ жилищъ богачей, строящихъ свои дома на манеръ русскихъ. Лѣтники и зимники ничѣмъ между собой не разнятся. Зимникъ, какъ сказано, строится въ мѣстахъ луговыхъ, по преимуществу на островахъ. Для построекъ выбирается площадь не болѣе 20-ти кв. саж., обносится городьбой съ воротами съ восточной стороны; отъ воротъ на 10 саж. внутрь двора ставится юрта, тоже съ дверью на востокъ. Средняя величина площади юрты не болѣе $3^1/_2$ кв. саж. Юрта строится слѣдующимъ образомъ: на аршинъ глубины вкапываютъ наклонно внутрь четыре краеугольныхъ столба, которые соединяются между собой поперечными балками; стѣны ставятъ стоймя изъ такихъ-же бревенъ, прислоняя ихъ къ поперечнымъ; съ южной и сѣверной стороны ставятъ еще по одному столбу,

Digitized by Google

выше краеугольныхъ; на нихъ кладется средняя матица и отъ этой послѣдней къ В. и З. идетъ на два ската настланная крыша. На строевой матерьялъ употребляется преимущественно лиственница. Въ стѣнахъ прорубаютъ до 8 оконъ, каждое въ 2 или 3 кв. четверти. Сверхъ настланнаго бревенчатаго потолка стелютъ сѣно, мохъ, кору и засыпаютъ землей, толщиной въ четверть; стѣны обмазываются глиной, а потомъ сырымъ коровьимъ пометомъ; снаружи вокругъ стѣнъ юрты богатые устраиваютъ завалины, набитыя землей, а бѣдные обходятся и безъ нихъ. Въ окна вставляютъ зимой льдины. Посреди юрты, болѣе къ сѣв. сторонѣ, устраивается каминъ съ прямой трубой въ крышу, устьемъ къ западу. Основаніе для камина дѣлается изъ глины, набитой въ квадратный ящикъ; стѣнки камина дѣлаются изъ стоячихъ кольевъ, проходящихъ въ крышу, которые тоже обмазываются глиной. Каминъ съ западной стороны непремѣнно имѣетъ отъ потолка навѣсъ, что называется чарапчи; къ этому навѣсу придѣлывается полка для кухонной посуды, для сушки рукавицъ, шапки и пр. Недалеко отъ этой полки подвѣшивается къ потолку, передъ каминомъ, деревянная рѣшетка для просушки платья; рѣшетка эта называется далбырь; на ней оттаиваютъ также убитую дичь, тутъ-же хранится оружіе, кромѣ ножа и огнива, съ которыми Якуты никогда не разлучны. Вдоль южной стѣны юрты у богатыхъ дѣлается глухой оронъ (т. е. нара), раздѣляющійся на три отдѣленія: ближайшее къ двери солана-оронъ предназначается для посѣтителей, не пользующихся уваженіемъ, второй—орто-оронъ для посѣтителей средняго почета и третій—унга-оронъ для гостей почетныхъ. По западной сторонѣ идетъ тоже оронъ съ двумя отдѣленіями, отгороженными глухими стѣнками отъ смежныхъ. Юго-зап. оронъ называется биллирикъ: онъ служитъ спальней для дѣвицъ семейства. Устраивается онъ нѣсколько иначе; онъ отгораживается на глухо отъ сосѣднихъ и завѣшивается во время сна ситцевой или шелковой занавѣской; столбы этого биллирика раскрашиваются разными красками, а занавѣска расшивается бисеромъ. Надъ биллирикомъ снаружи устраивается—холлорукъ—полка съ образами, которые ставятся въ рядъ, и передъ каждымъ образомъ свѣчка, зажигаемая въ праздникъ или пріѣздъ почетнаго гостя. На юго-зап. колоннѣ виситъ численникъ-календарь, или, какъ они называютъ, табыльникъ, святца, а чаще кюнь-агагаръ. О различныхъ формахъ этихъ календарей мной упоминается особо. Календари эти весьма распространены, пользуются особымъ уваженіемъ и потому висятъ около иконъ. Надъ биллирикомъ-же втыкаются перья вновь прилетѣвшихъ изъ теплыхъ странъ птицъ, а также кости вновь упромышленныхъ животныхъ. Этимъ Якуты желаютъ выразить радостное привѣтствіе дорогимъ гостямъ, посѣтившимъ ихъ мѣста; мнѣ-же кажется, что это обыкновеніе свидѣтельствуетъ объ отжившемъ древ-

Digitized by Google

немъ обычаѣ посвященія языческимъ богамъ первой упромышленной добычи. Рядомъ съ этимъ орономъ, по западной-же сторонѣ, идетъ къ с.-з. еще oронъ, называемый кятягяринь-оронъ; здѣсь обыкновенно помѣщаются сами хозяева; этотъ оронъ приходится противъ устья камина. На сѣверной сторонѣ противъ унга-орона бываетъ небольшой, отгороженный досками чуланъ— югяхъ, гдѣ хозяева въ сундукахъ или шкафахъ помѣщаютъ свое платье, лучшее свое имущество. Рядомъ съ этимъ чуланомъ идутъ еще ороны—хангасъ-оронъ, на которыхъ обыкновенно помѣщаются дѣти и куда переходятъ спать дѣвушки, если въ юртѣ ночуютъ посторонніе. Въ сѣв.-вост. углу дѣлается обыкновенно дверь въ хотонъ. Въ ю.-з. углу, подъ образами, ставится столъ и вокругъ него табуреты—олохъ-масъ. Деревянные полы встрѣчаются только у богатыхъ; у бѣдныхъ полъ въ юртѣ изъ набитой глины. Хотонъ (хлѣвъ) имѣетъ ту-же форму, какъ и юрта, нѣсколько удлиненную, и также обмазывается кругомъ для теплоты. У Якутовъ небольшого достатка скотъ проходитъ въ хотонъ чрезъ жилую юрту; телята содержатся въ самой юртѣ, за каминомъ, въ с.-в. углу. У богатыхъ Якутовъ хотонъ строится или отдѣльно, или смежно съ юртой, но имѣетъ особый входъ со двора; въ такомъ хотонѣ ставится каминъ и опредѣляется особый скотникъ, наблюдающій, чтобъ скотъ не давилъ телятъ, не путался, вообще не портился. Бѣдные не имѣютъ возможности устраивать хотона отдѣльно, не въ силахъ заготовлять для него дровъ; живя-же въ помѣщеніи, отдѣляющемся отъ хотона только стѣной съ пролетомъ для двери, они имѣютъ выгоду пользоваться общимъ тепломъ и, заслышавъ шумъ, всегда могутъ предупредить несчастную случайность. Слабосиліе, недостатокъ физическихъ силъ въ борьбѣ съ природой, бѣдность, страшная стужа, юрта изъ плохого лѣсу, холодная зимой и сырая лѣтомъ, трудность добыванія топлива—всѣ эти причины побуждаютъ экономить тепло на сколько возможно, пользоваться имъ нераздѣльно со своимъ скотомъ, взаимно согрѣваясь общимъ дыханіемъ. Шерсть на скотѣ мокнетъ, паршивѣетъ, а люди болѣютъ глазами, грудью, разстройствомъ пищеваренія, покрываются сыпями. Навозъ изъ хотона выбрасывается черезъ окно, отчего вокругъ жилья образуются цѣлыя горы, которыя остаются тутъ-же; съ теченіемъ времени юрта вростаетъ въ гнойную лощину, испускающую всякія зловонія.

Неподалеку отъ юрты строится хоспохъ—подполье съ крышей для сбереженія провизіи. Въ сѣв. части области вмѣсто хоспоха строится передъ входомъ въ юрту особый коридоръ съ чуланами по сторонамъ, о чемъ буду говорить подробнѣе. Къ усадьбѣ Якута принадлежитъ амбаръ, при постройкѣ котораго бревна связываются срубомъ въ замокъ, съ плоской крышей; названіе и способъ постройки цѣликомъ заимствованы отъ Русскихъ; сюда складываютъ запасы одежды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Для лошадей строится

Digitized by Google

особый навѣсъ—х а с с а. Слово хасса обыкновенно читается һаһа, т. е. по правилу языка два *с* читаются, какъ һ. Хозяйственныя постройки бѣднаго Якута ограничиваются юртой съ пролетной дверью въ хотонъ, въ которомъ стоятъ корова и бычекъ, и только съ пріобрѣтеніемъ достатка расширяется домохозяйство: появляется на дворѣ лошадь подъ навѣсомъ, подполье, амбарчикъ и пр.

Якутскій инородецъ, какъ скоро пріобрѣтаетъ достатокъ, беретъ себѣ въ домъ работника и работницу, которые подъ присмотромъ хозяевъ исполняютъ домашнюю работу; хозяинъ наблюдаетъ только за исполненіемъ своихъ приказаній по хозяйству, самъ-же, насколько позволяютъ средства и время, пускается въ торговлю или поставки—излюбленное занятіе и мечта каждаго изъ нихъ. Якутскій годъ распадается на двѣ половины—лѣтнюю и зимнюю, и наемъ рабочихъ бываетъ на тотъ-же срокъ. Лѣтній періодъ распадается на два: на уборку сѣна и хлѣба; работы этого періода, какъ болѣе трудныя, оплачиваются дороже; зимнія работы ограничиваются уходомъ за скотомъ, рубкою дровъ и возкою сѣна и объѣздами табуновъ. Смотря по зажиточности хозяина, работники или живутъ въ одной съ нимъ юртѣ, имѣя свой отдѣльный уголъ—юго-восточный, гдѣ лежитъ какая-нибудь шкура для постели, или живутъ отдѣльно, въ особо отведенной юртѣ; впрочемъ, объ отношеніяхъ зажиточныхъ къ бѣднымъ, хозяевъ къ работникамъ я буду говорить подробно въ особой главѣ.

Весной Якуты перебираются съ острововъ на болѣе высокія мѣста. Лѣтнія юрты хотя и меньше зимнихъ, но воздухъ въ нихъ чище; хотоны—т и т и к ь строются по возможности отдѣльно; жилыя помѣщенія обмазываются глиной безъ примѣси навоза; ледяныя окна замѣняются рамой съ кусочками стекла или слюды, натянутой сухой брюшиной, кожей нельмы, или промасленной бумагой. Богатые, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ юрты, на востокѣ, ставятъ у р а с у: конусообразное основаніе (въ видѣ сахарной головы) изъ жердей заплетается для крѣпости внизу въ три ряда сырымъ тальникомъ, что наз. к у р д у, или съ молодой высокой лиственницы снимается кора, которою въ два ряда обкладывается нижняя часть урасы. Весь остовъ покрывается особо приготовленной берестой, состоящей изъ отдѣльныхъ кусковъ, варимыхъ въ горячей водѣ и смазанныхъ березовымъ варомъ; эти отдѣльные куски бываютъ 2-хъ аршинъ длины и въ аршинъ ширины, расшиваются разными узорами, украшеніями и прошвами изъ окрашеннаго конскаго волоса. Внутри урасы, какъ и въ юртѣ, идутъ вокругъ ороны съ подраздѣленіями для гостей и хозяевъ. По правой сторонѣ отъ входа тянутся полки съ лѣтней посудой: ч о р о н ы, м а т а р ч а х ъ, с и м и р ь, ы э г а с ъ; общее названіе этой лѣтней посуды будетъ с ы г ы-и с и т э, такъ сказать лѣтній сервизъ. Вмѣсто камина ставится только очагъ, т. е. четыреугольный ящикъ, набитый глиной. Помѣщеніе, куда загоняется конный скотъ для удоя, называется т и т и к ь, о которомъ я упомянулъ выше. Жеребятамъ,

Digitized by Google

какъ и телятамъ, чтобъ не сосали своихъ матокъ, постоянно подвязываются къ мордѣ двѣ дощечки, по бокамъ морды, съ зубчатыми концами—юре; траву щипать это юре не мѣшаетъ. Городьба вокругъ юрты и для скота бываетъ троякая: 1) сюллюгэсъ-кюре или ють-кюре—когда вкапываются столбы съ вырубленными отверстіями для поперечныхъ въ три ряда жердей; 2) тогосо-кюре, когда вмѣсто столбовъ вбиваются въ землю колья парами, перевязанными въ трехъ мѣстахъ, куда и вкладываются жерди, и 3) батулу-кюре—изъ кольевъ, поставленныхъ парами крестообразно, на которые и кладутся поперечины.

Среди Якутовъ есть особый классъ неимущихъ людей; имя имъ въ якутскомъ округѣ—балыксы, а въ верхоянскомъ—итимджи. Слово балыксы происходитъ отъ слова балыкъ—рыба. Люди эти питаются исключительно мелкой рыбой, которую ловятъ въ озерахъ, построивъ на берегу жалкую лачужку; у него нѣтъ никакого хозяйства; ему ничего не надо для приправы этой рыбы; зола, въ которой онъ хранитъ рыбу, замѣняетъ ему соль; брусника дополняетъ необходимую для организма кислоту. Зимой, за толщиной льда и морозами, уловъ прекращается, и балыксы садится за плетеніе сѣтей и мордъ изъ тальника и ѣстъ заготовленный запасъ гнилой, протухшей рыбы, варя ее въ водѣ вмѣстѣ съ брусникой, и такъ живетъ до половины марта. Затѣмъ дни становятся теплѣе, телячья одежда можетъ бороться съ холодомъ довольно продолжительное время; тогда онъ беретъ пешню, долбитъ ею толстый ледъ, спускаетъ подъ него свою небольшую сѣтку—куюръ, держитъ ее нѣсколько минутъ и вылавливаетъ свѣжую мундушку; день такой ловли, и набирается на дневное пропитаніе семьи. Воздухъ становится теплѣе, и безъ особеннаго риска бѣжитъ балыксы въ лѣсъ съ салазками за топливомъ. Нѣтъ теперь ему необходимости ѣсть въ проголодь гнилую рыбу; скоро прилетятъ утки, рыба начнетъ метать икру, и уловъ будетъ обильнѣе; утки станутъ нести яйца—лакомое кушанье. Промыселъ на утокъ поправитъ силы бѣдняка и дастъ возможность вымѣнять топоръ и пешню. Розовыя мечты, за предѣлы которыхъ не паритъ фантазія балыксы—завести себѣ корову, чтобъ было дѣтямъ молоко, да за одно, чтобъ можно было привезти на ней изъ лѣсу топливо. Вся утварь юрты балыксы заключается изъ двухъ, трехъ горшковъ, большой самодѣльной изъ дерева чашки, ковша—хомыяхъ и рыболовныхъ снарядовъ. Ѣдятъ они, садясь вокругъ чашки, черпая изъ нея по очереди. Плодовитостію такія семьи отличаются необыкновенною; въ трехъ, четырехъ юртахъ приходилось насчитывать по 4, 5 и даже 7 дѣтей въ каждой. Балыксы замѣтно отличается отъ прочихъ Якутовъ отекшимъ лицомъ и опухлостію тѣла, скромностію, граничащей съ угнетенностью, но отупѣнія, кретинизма не замѣтно.

Зажиточный Якутъ обзаводится фаянсовой чайной посудой, а богатый не-

Digitized by Google

премѣнно и серебряными вещами, въ особенности вызолоченными бокалами и подстаканниками, подаваемыми въ торжественные случаи. Русская печь встрѣчается рѣдко и только южнѣе Якутска; инородцы не могутъ привыкнуть къ ней: имъ нуженъ каминъ съ его постоянной тягой для обмѣна воздуха, — иначе имъ душно и у нихъ болитъ голова. Только въ домахъ и избахъ русскихъ устроены печи. Чистота соблюдается не во всемъ и не у всѣхъ; посуда никогда не моется; зажиточные могутъ приказать вытереть или вылизать ее; инородцы также не моютъ своего тѣла, исключая рукъ и лица, рубахи не мѣняютъ, пока она не свалится съ плечъ отъ ветхости, и тогда надѣвается другая изъ синей дабы или темной сарпинки. Исключеніе, какъ и во всемъ, для богатыхъ, которые все-таки мыться не любятъ, и баня у Якутовъ не извѣстна.

Потребности обездоленныхъ скудной природой Якутовъ ограничены до послѣдней возможности; болтушка изъ сосновой заболони иногда единственная пища бѣдняка. Конечно, богатые ѣдятъ вареное конское и коровье мясо (безъ соли), рыбу, пьютъ чай «съ кускомъ», т. е. съ ячменной лепешкой, затертой на водѣ, молокѣ и поджаренной на рожнѣ, пьютъ водку (никогда регулярно, напр. передъ обѣдомъ и ужиномъ), курятъ сколько хотятъ и пр., а бѣдные подбираютъ кости, обглоданныя собаками, и заглушаютъ голодъ, затягиваясь до головокруженія стружками, сдобренными никотиномъ изъ трубки. Желудокъ Якута волчій: онъ можетъ не ѣсть нѣсколько дней, а при избыткѣ пищи съѣдаетъ неимовѣрное количество. Я видѣлъ въ Верхоянскѣ Якута, съѣдавшаго заразъ до 20 ф. мяса; имѣя громадную семью, при всемъ стараніи заработать какъ можно болѣе, онъ всегда былъ подъ гнетомъ мучительнаго голода. Сосновую заболонь—б е с ь и зерновой хлѣбъ толкутъ въ муку въ ступѣ— к е л и, сдѣланной изъ свѣжаго коровьяго помета, облитаго на морозѣ водой, отчего матеріалъ ступы принимаетъ видъ полированнаго камня. При толченіи, стѣнки обиваются, матеріалъ ступки примѣшивается къ мукѣ, окрашивая ее своимъ коричневымъ цвѣтомъ, что̀, однако, не смущаетъ голодный желудокъ: онъ варитъ все, что̀ попадаетъ въ него. Я упомянулъ выше, что у инородцевъ не принято мыть посуду. Мыть посуду грѣшно: ы р а с ъ и с и т ь т я х ъ ы э л ъ д ж о л л о х ъ б о л б а т ъ д е н ъ с я с я р г и л ь л л я р я э с е л л я р б и т ь, т. е. кто имѣетъ чистую посуду, тотъ счастливъ не бываетъ; худо бываетъ, когда смоешь свое счастье, говаривали дѣды въ старину, и за ними повторяютъ и внуки въ наше время.

Во всей жизненной обстановкѣ Якута замѣчается однообразіе; не служитъ исключеніемъ изъ него и пища; кромѣ того, что она готовится безъ всякихъ приправъ, одна и та-же пища повторяется изо дня въ день всю жизнь: что̀ ѣдятъ въ праздникъ, то-же самое и въ будни. Вообще пища малопита-

Digitized by Google

тельна и безвкусна, за исключенiемъ конскаго, коровьяго, оленьяго мяса и дичи. Пища состоятельныхъ болѣе разнообразна. Только въ дни необычайной крайности инородецъ не пьетъ чаю. Употребляется чай обыкновенно кирпичный, не менѣе трехъ разъ въ день; пьютъ его съ молокомъ, если оно есть, а съ сахаромъ только богатые и въ торжественныхъ случаяхъ. Общее употребленiе чаю объясняется легкостiю его приготовленiя и доступностiю въ цѣнѣ; для бѣдняковъ, при отсутствiи горячей пищи, при жестокихъ морозахъ, чай—сущее благодѣянiе. Бѣдняки, т. е. большинство, пьютъ чай только по названiю. Кирпичный чай наркотическихъ свойствъ имѣетъ очень мало, и завариваютъ его въ такомъ незначительномъ количествѣ, что на долю одного человѣка приходится не болѣе 2-хъ кирпичей въ годъ, каждый кирпичъ вѣсомъ до $2^1/_2$ ф. Варятъ чай, кто въ мѣдномъ чайникѣ, а кто и въ горшкѣ; получается невкусная жидкость, которую пьютъ въ огромномъ количествѣ, отчего животъ переполняется и получается нѣкоторое ощущенiе сытости. Необходимый для Русскаго хлѣбъ замѣняется у Якутовъ тар'омъ. Заготовленiе и цѣна тара обусловливаетъ существованiе Якута. Таръ приготовляется изъ снятаго вареннаго молока, обратившагося въ простоквашу, которое сливаютъ въ ушаты, вмѣщающiе до 20 пудовъ. Ушаты помѣщаютъ въ подпольяхъ, а чаще въ амбарахъ. Здѣсь молоко кисиетъ въ теченiе всего лѣта и прiобрѣтаетъ остроту. Всякiй Якутъ, имѣющiй одну или двѣ коровы, старается скопить какъ можно больше тара; нескопившiй остается на зиму безъ пищи. Одна корова даетъ до 12 пудовъ тара въ лѣто, что̀ оцѣниваютъ въ 7 рублей. Съ наступленiемъ морозовъ насыпаютъ кучу снѣга въ видѣ полушарiя, облагаютъ его свѣжимъ коровьимъ пометомъ и, когда онъ замерзнетъ, то, повернувъ, получаютъ большую чашу, которую обливаютъ водой, наводятъ глазурь (подобно ступкѣ), и въ эту-то чашку сливаютъ жидкiй таръ изъ ушатовъ. Когда таръ станетъ замерзать, то въ него нѣсколько наклонно опускаютъ большую палку, посредствомъ которой потомъ выворачиваютъ его изъ посудины, когда онъ совершенно замерзнетъ; въ такихъ кускахъ замороженный таръ и хранится, а когда нужно, отбиваютъ отъ него необходимую часть. Бѣдняки бросаютъ въ таръ кости лошадиныя, коровьи, рыбьи, объѣдки, дикiй щавель, рубленую и вареную сосновую заболонь. Пролежавшiя въ кислотѣ кости превращаются въ мягкiй хрящъ. Бывали случаи, что Якуты бросали въ этотъ таръ и желтые листья капусты, выброшенные Русскими за ненадобностiю, но Якуты не одобрили, когда одна усердная хозяйка бросила туда и картофельную ботву. Вообще Якуты не признаютъ за съѣдомое картофель и другiя овощи русской кухни. Лучшимъ таромъ считается совершенно бѣлый, безъ всякихъ примѣсей. Изъ этого тара приготовляется каша; на одного человѣка берутъ фунтъ или два тара, бѣдные разбавляютъ его тремя или четырьмя фунтами воды (или воды

Digitized by Google

съ молокомъ), а богатые неснятымъ молокомъ съ прибавкою сливокъ; подмѣшиваютъ отъ $^1/_4$ до 1 фунта ячменной муки; все это взбалтывается въ горшкѣ, варится, и получается кушанье—каша. Если въ таръ вмѣсто хлѣбной муки подмѣшать вареной сосновой заболони, нарубленной въ лапшу, тогда получится такъ наз. юэрэ. Подмѣшивается также въ таръ мелко истолченный, высушенный корень болотнаго растенія уньюла; корень этого растенія сбираютъ въ маѣ и іюнѣ со дна озеръ. Столовая ложка этого корня на 5 ф. разбавленнаго тара сгущаетъ эту жидкость на столько, что образуетъ кисель съ сладковатымъ крахмалистымъ вкусомъ; корень этотъ, положенный въ большемъ количествѣ, возбуждаетъ рвоту. Ясно, что сдабриваніе разбавленнаго водой тара этимъ корнемъ производится съ цѣлью обмануть желудокъ, требующій густой питательной пищи. Однимъ изъ любимыхъ якутскихъ кушаній почитается саламатъ, т. е. каша изъ муки, заваренной густо на молокѣ или водѣ; мука размѣшивается и сваренное обливается топленымъ масломъ. Лучшій саламатъ, подаваемый на свадьбахъ и трудно больнымъ, приготовляется на сковородѣ; наливаютъ сливокъ, подмѣшиваютъ муки и, постоянно размѣшивая, поджариваютъ на небольшомъ огнѣ. Конское мясо слишкомъ дорого для бѣдняка, и составляетъ рѣдкое лакомство. Вообще Якуты ѣдятъ мясо вареное и никогда жареное; наваръ отъ мяса ѣдятъ неохотно. Плавающій въ наварѣ жиръ снимаютъ и въ него макаютъ куски мяса, которое ѣдятъ руками. Остальной наваръ отдаютъ работникамъ. Бѣднякамъ рѣдко достается ѣсть мясо и чаще лѣтомъ, когда больше возможности упромыслить дичь. Хотя мясо разрѣзается на столѣ, но Якутъ, взявъ отдѣльный кусокъ въ ротъ, отрѣзаетъ отъ него ножомъ у самыхъ губъ и всегда такъ ловко, что никогда не обрѣжется своимъ острымъ ножемъ. Возвращусь еще къ кашамъ. Если въ разбавленный таръ кладется заболонь въ порошкѣ, то получается бутугасъ. Также къ вареному коровьему молоку подбавляютъ таръ или хлѣбную корку и оставляютъ киснуть; комки разбиваютъ особымъ снарядомъ—мутовкой; къ такому кушанью добавляютъ сливокъ, и получается якутское гастрономическое угощеніе—сора. Ѣдятъ очень охотно мерзлую рыбу, обыкновенно большую, преимущественно стерлядь, чиръ, снявъ кожу съ которой строгаютъ и получается струганина; изъ морской рыбы, еще не проголодавшейся въ рѣкѣ, струганина очень вкусная и пріятно освѣжающая пища. Замороженная печень налима и мороженные мозги изъ костей млекопитающихъ, въ особенности оленя, составляютъ лакомое кушанье. Коровье мясо дороже конскаго и потому употребляется только зажиточными. Кровь, смѣшанная съ молокомъ, налитая въ кишки, даетъ колбасу—ханъ, любимую Якутами. Всѣ части рогатой скотины, конины и рыбы поѣдаются съ удовольствіемъ, какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ; кости, мозги костей, копыта обгладываются съ наслажденіемъ, но никогда даже вѣчно

Digitized by Google

голодный бѣднякъ не рѣшится съѣсть головной мозгъ животнаго—соратъмяи. Въ посты религіозные Якуты изъ зажиточныхъ ѣдятъ обыкновенно рыбу, преимущественно карасей, привозимыхъ изъ вилюйскаго округа, линей—мундушку. Припомнимъ о балыксахъ, которые въ теченіе всего теплаго времени занимаются ловлей этой рыбы и складываютъ ее въ ушаты, а чаще прямо въ ямы, гдѣ, слежавшись, она заквашивается и до того пріобрѣтаетъ противный гнилостный запахъ разложенія, что за нѣсколько верстъ можно опредѣлить его; такимъ образомъ заквашенная рыба называется сыма и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ колымскаго округа совершенно замѣняетъ таръ. Сыма раздѣляется на три сорта; изъ нихъ лыма считается лучшимъ. Варятъ эту рыбу, какъ таръ, разбавляя водой съ примѣсью заболони и ягодъ. Запахъ этого кушанья невыносимъ для непривычнаго обонянія, буквально, на нѣсколько верстъ. Питанье сымой, а также прокисшей и сырой рыбой развиваетъ хроническое разстройство желудка и почти поголовное страданіе солитеромъ, доводящимъ несчастныхъ до бѣшенства. Мнѣ приходилось слышать объясненіе громаднаго процента сумасшествія жителей Якутской области страданіемъ отъ солитера. При нѣкоторой настойчивости со стороны мѣстной администраціи можно было бы вывести вредный способъ гноенія рыбы въ ямахъ, введя копченіе и правильный засолъ, что̀ потребуетъ отъ казны отпуска соли въ большемъ количествѣ и продажи ея по удешевленной цѣнѣ. Кемпендейскіе ключи и залежи соли близъ Вилюйска даютъ въ изобиліи прекрасную каменную соль. Копченіе вводилось въ колымскомъ округѣ бывшимъ исправникомъ Кочаровскимъ. Слѣдуетъ добавить, что ямы съ гноящейся рыбой едва прикрываются, какъ отъ атмосферныхъ вліяній, такъ и отъ посѣщенія собакъ, не стѣсняющихся оставлять слѣды своихъ посѣщеній. Замороженные корни черноголовника (ымыя—sanguisorba alpina, Bunge) употребляются въ пищу подъ названіемъ быта. Эти корни берутъ изъ норъ полевыхъ мышей, которыя запасаютъ ихъ на зиму; въ одной норѣ находятъ ихъ до 7 фунтовъ; ѣдятъ свареными въ молокѣ. Замороженныя ягоды толокнянки (arbutus uva ursi) ѣдятъ со сливками. Кумысъ, кобылье молоко, заквашенное особымъ способомъ, нѣсколько пряное, но не опьяняющее, любимое питье, доступное только богачамъ. Бѣдняки разбавляютъ таръ водою и получается ундан̆ъ—напитокъ кисленькій, но не имѣющій ни пряности, ни крѣпости, свойственной кумысу. Санга [1]) приготовляется изъ варенаго молока, разбавленнаго ледовой водой; употребляется исключительно для утоленія жажды. Большинство Якутовъ не ѣстъ свинины и куръ по той простой причинѣ, что онѣ, копаясь въ навозѣ, становятся сами отъ того нечистыми. За грѣхъ считаютъ ѣсть аистовъ, зайцевъ и всякую болот-

[1]) Нг произносится вмѣстѣ, въ носъ.

ную птицу. Мясо лебедя также ѣсть нельзя; по повѣрью, лебедь былъ когда-то дѣвицей, которую злой духъ превратилъ въ птицу; доказательствомъ такого превращенія служитъ то, что лебедь имѣетъ очищенія, оставляя въ началѣ каждаго луннаго мѣсяца слѣды ихъ въ своемъ гнѣздѣ. Хлѣбъ Якуты очень любятъ, но по дороговизнѣ муки, въ особенности въ сѣверныхъ округахъ, пріобрѣтеніе ея является просто невозможнымъ; напр., въ колымскомъ округѣ пудъ казенной ржаной муки съ провозомъ обходится до 9 р. 50 к. Ближайшіе къ Якутску инородцы покупаютъ печеный хлѣбъ на базарѣ; сами-же пекутъ лепешки, замѣшивая муку въ маслѣ и сметанѣ, безъ соли, что называется оладьи, кулумки. Изъ овощей ѣдятъ картофель, капусту, морковь, рѣпу, рѣдьку, горохъ и свеклу, но не у себя дома, а у Русскихъ; сами-же овощей не разводятъ и не покупаютъ. Дикій лукъ—черемша употребляется въ заквашенномъ видѣ, въ очень большомъ количествѣ и называется кисломъ—хорошее предупреждающее средство противъ цынги. Бруснику Якуты ѣдятъ во множествѣ сырую, вареную съ таромъ, съ молокомъ и со сливками, какъ особенное лакомство. Грибовъ Якуты не ѣдятъ вовсе. Землянику и толокнянку (костянику) ѣдятъ съ молокомъ и со сливками, какъ лакомство. О пищѣ, употребляемой инородцами, мнѣ еще придется говорить нѣсколько разъ, передавая свои впечатлѣнія при разъѣздахъ по области.

Какъ угощеніе, якутскіе инородцы подаютъ тѣ-же кушанья, какія можетъ приготовить хозяинъ по своему достатку. Кромѣ перечисленныхъ выше назову еще хаяхъ: на пудъ молока, разбавленнаго таромъ, вливается 5—10 ф. сливочнаго масла; все это тщательно размѣшивается и замораживается. Если-же въ молоко не добавлять тара, а масла положить меньше и не замораживать, то получится кушанье, называемое коберъ. Лѣтомъ первымъ угощеніемъ считается коерчахъ, приготовляемый изъ взбитыхъ сливокъ съ добавленіемъ мороженой брусники или толокнянки; сбиваются сливки особымъ снарядомъ, отъ котораго получило свое названіе и самое кушанье. Самымъ почетнымъ угощеніемъ считаются оладьи, обильно политыя масломъ, топленое масло, кумысъ съ плавающими кусочками топленаго масла, а самымъ высшимъ угощеніемъ — водка, безъ всякой закуски.

Необходимая посуда для каждой якутской семьи средней зажиточности слѣдующая: деревянная чашка — кытыя; тарелка деревянная, мѣдная луженая, оловянная или желѣзная, какъ блюдо; большая деревянная чашка — кытахъ; большой деревянный кубокъ на ножкахъ — чоронъ, селляхъ-аяхъ, такой-же кубокъ безъ ножекъ — матарчахъ (чороны вырѣзаются изъ цѣлаго куска дерева до 1/2 арш. высоты; ножки вырѣзаются въ видѣ конскихъ копытъ; на такихъ-же ножкахъ ставятся столы и табуреты); берестяныя ведра — сылгы-чабычага и кожаныя — шири-исить, различной во-

Digitized by Google

личины, для кумыса; мѣхъ кожаный для приготовленія кумыса — симирь; ложка изъ березоваго или лиственичнаго дерева — хамыяхъ; плоскій ковшъ — холбуяръ — для сниманія сливокъ; горшки глиняные разной величины — кесь; деревянный ковшъ — хомосъ, котлы — солуръ, чайники мѣдные, желѣзные и глиняные. У болѣе зажиточныхъ встрѣчаются чайныя чашки, тарелки, ножи и вилки, самоваръ и др. посуда, употребляемая ими только при русскомъ гостѣ, или когда желаютъ щегольнуть своимъ умѣньемъ жить на русскій манеръ. Простая деревянная посуда вырѣзается Якутами дома; также есть мастера ковать желѣзную и мѣдную посуду; остальное все привозится въ область изъ европейской Россіи и продается по чрезвычайно высокой цѣнѣ.

Одежда Якутовъ-мужчинъ мало разнится отъ одежды Якутокъ, причемъ взрослые Якуты носятъ одежду того-же покроя, что дѣти и старики, а одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ дѣвичьей и той, которую носятъ старухи.

Лѣтняя одежда отличается отъ зимней только тѣмъ, что нѣкоторые предметы шьются безъ мѣха, тогда какъ другія части ни въ какое время года не мѣняются, а потому при описаніи мужской и женской одежды будетъ указано, чтò мѣняется по времени года и чтò вовсе не мѣняется.

Мужская одежда.

Мужчины носятъ зимой и лѣтомъ этярбясь (въ Якутскѣ называютъ торбаза), обувь до колѣна, у бѣдныхъ изъ выдѣланной сыромятной коровьей кожи, у богатыхъ изъ оленьей или лосиной съ отворотами изъ плиса или сукна; у щиколотки торбаза стягиваются ремнемъ на пряжкѣ, всегда пришитой сзади, выше пятки. Лѣтомъ та-же обувь носится изъ выдѣланной, черненой, непромокаемой конской кожи, причемъ изъ цѣлой большой кожи вырѣзается отъ паховъ задней части полоска шириной не болѣе аршина, а длиной не болѣе 2-хъ аршинъ, изъ которой выходитъ одна пара обуви — сары. Сырая кожа по снятіи съ животнаго раздѣляется на двѣ: одна изъ нихъ съ шерстью идетъ на постилки — теллякъ, а нижняя часть, прилегающая къ мясу, идетъ на эти сары. Конскія сары, хорошо сшитыя, не пропускаютъ сырости, и лучшими считаются верхоянской выдѣлки. Бѣдняки, не имѣя возможности пріобрѣсти сары, круглый годъ ходятъ въ коровьихъ торбазахъ, по большей части даже недымленыхъ. Если торбаза доходятъ выше колѣнъ, то называются кюрьмя. У такихъ кюрьмя съ наружныхъ сторонъ придѣлываются ремни къ поясу, чтобы не опускались.

Кятенчи, теплые чулки изъ оленьей шкуры, шерстью внутрь; они надѣваются сверхъ суконныхъ или шерстяныхъ чулокъ; сверхъ кятенчи нѣкото-

Digitized by Google

рые обертываютъ ноги еще заячьей шкуркой слѣдующей формы: берется въ аршинъ длиной и четверть ширины заячій мѣхъ и складывается такъ, чтобы одинъ конецъ четверти на 1½ былъ длиннѣе, сшивается только носокъ, куда вкладывается нога до подъема; длинный конецъ закрываетъ подошву, пятку и выше — такая обувь называется куллука.

Барки — нижніе штаны, широкіе, завязываются ремешкомъ на правомъ боку; шьются изъ синей дабы или другой плотной бумажной матеріи. Болѣе бѣдные, не имѣя барки, ходятъ круглый годъ въ штанахъ изъ телячьей кожи. Настоящіе якутскіе штаны состоятъ изъ двухъ частей: нижніе — сутуро доходятъ до щиколотокъ, гдѣ завязываются плотно около ноги, сверхъ нихъ надѣваются другіе, идущіе отъ пояса до колѣнъ, это — сэлья; они шьются съ поясомъ и застегиваются пуговицей спереди [1]). Сутуро и сэлья шьются изъ оленьей или лосиной кожи, очень узко, почти въ обтяжку. Эта часть костюма общая у всѣхъ Якутовъ безъ различія пола и возраста; носятся въ торбаза.

Урбахы (рубаха) шьется изъ дабы, ситца, сарпинки. Даба употребляется синяя, ситецъ — полосатый яркихъ цвѣтовъ, а сарпинка темная въ клѣткахъ. Фасонъ сорочки: воротникъ отложной и у запястья обшлагъ съ отворотами обтягиваетъ руку на пуговицахъ; воротъ по преимуществу завязывается пестрыми тесемками; наплечья дѣлаются изъ другой матеріи и пришиваются другими нитками. Бѣдняки вовсе не имѣютъ рубахъ, нося круглый годъ куртку изъ телячьей шкуры, пока не износится. Урбахы усвоено Якутами въ послѣднее время отъ Русскихъ.

Халтысъ (русскій галстухъ) носятъ только богатые. Онъ свертывается изъ пестраго ситцеваго или шелковаго платка.

Шелечикъ (жилетъ) шьется изъ сукна, плиса и цвѣтной шелковой матеріи, двубортный, короткій, съ отложнымъ воротникомъ; пуговицы предпочитаются металлическія, въ особенности офицерскія — съ царской птицей. Спинка дѣлается изъ краснаго ситцу или же изъ зеленой, голубой или пунцовой китайской матеріи.

Купайкы (фуфайка), кафтанъ изъ сукна до колѣнъ; идетъ на него 3 аршина; дѣлается онъ также изъ плиса или бумажной матеріи; зимой — на мѣху, чаще заячьемъ; называется также хомуссолъ — камзолъ; лѣтомъ — на легкой подкладкѣ, съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ, однобортный; пуговицы на правомъ боку и металлическія; по бокамъ косые разрѣзы кармановъ; рукава на плечахъ съ высокими и широкими сборками, у кистей рукъ узки; составляетъ обыкновенный домашній костюмъ.

---

[1]) Миддендорфъ указываетъ, что дѣленіе штановъ на двѣ части практикуется и теперь у сѣверо-американцевъ, подъ мѣткимъ названіемъ leggin, и въ центральныхъ горахъ Европы — Beinhöse и Gasshöse.

Digitized by Google

Баччы — набрюшникъ, носится зимой и представляетъ собой поясъ шириной спереди до 5 вершковъ, дѣлается изъ какой-либо бумажной матеріи на заячьемъ мѣху; концы сходятся спереди на ремняхъ съ пряжками.

Сонъ — шуба на лисьемъ, песцовомъ, бѣличьемъ, а чаще на заячьемъ мѣху, ниже колѣнъ, покрывается сукномъ (4 арш.), шелковой матеріей, а чаще атласомъ; однобортная съ металлическими пуговицами, преимущественно серебряными съ узорами; съ косыми карманами, бобровымъ или лисьимъ воротникомъ; вообще покрой тотъ-же, что и купайкы, только длиннѣе и шире, походитъ на длинный сюртукъ, у котораго сзади три широкія складки и разрѣзъ, такъ что фалды при ходьбѣ сзади расходятся — очевидно приспособленъ для верховой ѣзды. Рукава у плечъ буфами, а у кистей рукъ узки и безъ обшлаговъ. Лѣтніе и зимніе соны разнятся между собой подкладкой: у первыхъ — легкая цвѣтная, у вторыхъ — мѣховая. Якутъ средней зажиточности замѣняетъ бобровую отдѣлку тарбаганьимъ мѣхомъ.

Супунъ (зипунъ) — верхняя одежда, длиннѣе купайкы и короче сона; шьется изъ толстаго сукна бѣлаго или желтаго; носится инородцами средняго достатка, какъ верхняя одежда вмѣсто сона, а богатыми поверхъ сона.

Сыгыньяхъ — такая-же шуба, какъ и сонъ или супунъ, только безъ складокъ сзади; шьется на мѣху изъ рысьихъ, волчьихъ или оленьихъ шкуръ, шерстью наружу. Рысій мѣхъ цѣнится Якутами очень дорого, а потому носится только щеголями изъ богатыхъ.

Кемюсь-куръ — поясъ, большею частію кожаный, иногда обтянутъ чернымъ плисомъ и унизанъ бляхами разныхъ рисунковъ. Для выдѣлки бляхъ скупаютъ старыя серебряныя монеты, добавляя къ серебру свинецъ или мѣдь. Поясъ бываетъ шириной $2^1|_2$ верш. и вѣсомъ до $2^1|_2$ фунтовъ. Есть старинные пояса очень изящной работы, цѣною до ста рублей, передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и составляютъ фамильную рѣдкость. Нѣкоторые носятъ пояса, приготовляемые въ Иркутскѣ изъ пекинскаго шелку; они бываютъ шириной до 16 вершковъ и длиной до $5^1|_2$ аршинъ. Цѣна такимъ поясамъ отъ 30—35 рублей.

Мойтурукъ (боа) носится кругомъ шеи и, когда намерзнетъ отъ дыханія около рта, то передвигается, для чего и шьется круглымъ, безъ концовъ. Приготовляется обыкновенно изъ бѣличьихъ хвостовъ.

Биристянки — перчатки на мѣху до пальцевъ, стягиваются у запястья шнуркомъ, надѣваются въ дорогу подъ перчатки, или носятся при работахъ, когда пальцы должны быть свободны, напр. женщинами при домашней работѣ.

Ютюлюкъ — рукавицы на мѣху изъ песцевыхъ, лисьихъ и заячьихъ шкурокъ. Наружная часть тоже мѣховая и только внутреннія части ладоней

Digitized by Google

дѣлаются изъ ровдуги, плису или сукна. Чтобы не снимать рукавицы при работѣ, не потерять ея и не зазнобить рукъ у пульса, рукавица снимается только на половину, для чего съ внутренней стороны дѣлается разрѣзъ, въ который и просовывается рука, а рукавица остается висѣть на рукѣ. Нарядныя рукавицы расшиваются снаружи шелками, шьются изъ лапъ чернобурыхъ лисицъ, опушаются морскимъ бобромъ и стоятъ иногда свыше 30 рублей. Лѣтомъ употребляются рукавицы и перчатки изъ бѣлой и дымленой ровдуги, расшитыя шелками. Бѣдняки круглый годъ носятъ рукавицы изъ телячьей кожи.

Сынгахъ-плата — платокъ, которымъ подвязываются уши,— ситцевый или шелковый, по степени зажиточности.

Набушка (наушники) — два лоскута, соединенные на головѣ тесьмой, подвязываются у подбородка; дѣлаются на мѣху, а старинные расшивались золотомъ и опушались, напримѣръ въ колымскомъ округѣ, морскимъ котикомъ.

Чомпой или хорохъ — высокая шапка, похожая на чепецъ съ высокой макушкой, съ наушниками. У богатыхъ верхъ чомпоя шьется изъ лапъ чернобурыхъ лисицъ и опушается бобромъ, завязывается у подбородка шелковыми лентами. Подкладка дѣлается большей частью изъ бѣличьяго мѣха. Такія шапки стоятъ до 80 рублей. Бѣдняки носятъ такія-же шапки, но изъ какой-либо бумажной матеріи и на заячьемъ мѣху или-же изъ мятой конской кожи.

Хортусъ (картузъ) заимствованъ у казаковъ николаевскихъ временъ; это — суконная фуражка съ кожанымъ козырькомъ и даже проволочнымъ кружкомъ, чтобы дно сохраняло свою форму и не сгибалось. Къ околышу сзади всегда пришивается петля-вѣшалка, называемая ыръ-тимяхъ.

Кромѣ одежды есть вещи, съ которыми Якутъ никогда не разстается, а именно:

Хамса, маленькая желѣзная или мѣдная трубка съ деревяннымъ, изъ двухъ продольныхъ половинокъ, чубукомъ, перевязаннымъ тонкимъ ремешкомъ.

Сапья — кисетъ съ табакомъ, изъ кожи или цвѣтной матеріи, расшивается шелками, бисерами, носится на шнуркѣ за поясомъ.

Халабыссъ — кошелекъ для денегъ; у бѣдныхъ дѣлается изъ мошонки пороза (тасахъ).

Хататъ — огниво, похожее на бурятское, обдѣлывается въ кожу такъ, что при немъ есть карманчикъ, куда кладется кремень и трутъ. Дорогое огниво украшается мѣдными или серебряными бляхами. Трутъ приготовляютъ Якуты изъ листовъ травы кыэ, похожей на лебеду; траву эту сушатъ и мнутъ, и кыэ одинаково хорошо тлѣетъ, какъ и наросты березы.

Кыннахъ-бысахъ — ножъ съ ножнами. Ножикъ съ рукояткой; правая сторона лезвія наточена подъ острымъ угломъ, а лѣвая — подъ прямымъ,

Digitized by Google

на подобіе рѣзака на нашемъ рубанѣ. Деревянныя ножны обтягиваются кожей, чаще съ коровьяго хвоста, украшаются и скрѣпляются мѣдными связками и снабжены кольцемъ, чтобы привѣшивать къ поясу; но обыкновенно ножикъ неизмѣнно носится за голенищемъ торбаза (см. Миддендорфъ: Коренные жители Сибири Якуты, стран. 778).

Юнгю — желѣзное копье на древкѣ аршина 2 съ небольшимъ; имъ колютъ оленей при переправѣ черезъ рѣку осенью.

Батасъ — огромный желѣзный ножъ, насаженный на толстое древко; употребляется при охотѣ на медвѣдя. Тотъ-же ножъ меньшаго размѣра называется батыя.

Бинтеппя-са — винтовка съ кремневымъ замкомъ; пули употребляются величиной въ крупную горошину. Самое употребительное оружіе Якута; съ нимъ онъ ходитъ и на птицу, и на звѣря.

Дюлюкь-масъ — дубина, аршина въ полтора, съ большимъ набалдашникомъ, въ родѣ кистеня; этой дубиной охотники добиваютъ звѣря и рыбу. Въ юртѣ она виситъ около камина на вѣшалкѣ — одараяхъ.

Я не помню, видѣлъ-ли я инородца безъ кольца или перстня на рукѣ. Перстень непремѣнно именной, но въ большинствѣ случаевъ буквы вырѣзаны прямо, такъ что при отпечатаніи даютъ обратныя изображенія. Совершенно неграмотный Якутъ умѣетъ иногда подписывать свою фамилію или прикладываетъ свою печать или перстень, покоптивъ его берестой, которую носитъ въ карманѣ. Золото Якуты цѣнятъ мало: въ ихъ глазахъ оно похоже на мѣдь и томпакъ; но серебро они любятъ, и всѣ ихъ металлическія драгоцѣнности дѣлаются ими изъ серебра, къ которому добавляютъ мѣдь или свинецъ.

Якуты средняго достатка замѣняютъ тонкое сукно на своемъ платьѣ толстымъ, желтымъ или бѣлымъ, но никогда сѣрымъ, напоминающимъ имъ ненавистнаго поселенца.

Женская одежда:

Урбахы—такая же, какъ у мужчинъ, только длиннѣе.

Сэлья—штаны изъ ровдуги, дабы или другой матеріи, зимой на заячьемъ мѣху; собираются у пояса на шнурокъ и завязываются на правомъ боку; достигаютъ половины верхней части ноги; спереди къ нимъ пришиваются два мѣдныхъ кольца (тербясь) и къ этимъ-то кольцамъ подвязывается продолженіе ихъ, другіе штаны—сутуро.

Сутуро подвязывается къ сэлья ремнями—мэннэрыкъ-кятенчи; они тѣ-же, что у мужчинъ.

Куллука—такая же, какъ у мужчинъ.

Digitized by Google

Считается красивымъ и изящнымъ, если у женщины нога отъ ступни до колѣна толстая, а потому всѣ онѣ обертываютъ ноги на сколько можно толще, такъ что ноги кажутся какими-то тумбами, а маленькія ступни кажутся еще меньшими.

Баччы—набрюшникъ, какъ у мужчинъ.

Корсетъ—кофта безъ рукавовъ, изъ сукна, шелковой или другой, по средствамъ, матеріи, двубортная, съ металлическими пуговицами, косыми карманами, длиной не доходитъ до колѣнъ.

Бобра-буктахъ—то-же верхнее платье, что у мужчинъ сонъ, только наряднѣе, кроется шелковой цвѣтной матеріей. Воротникъ и правая пола обшиваются бобромъ, шириной въ четверть; рядомъ съ опушкой идетъ въ четверть ширины полоска изъ алаго, краснаго или зеленаго сукна; у подола эта полоска въ 1/2 арш. ширины и унизывается кругомъ серебряными коваными бляхами. Такая шуба стоитъ иногда до 700 рублей и переходитъ изъ рода въ родъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Люди меньшаго достатка не обшиваютъ мѣхомъ и серебромъ, ограничиваясь цвѣтной каймой.

Кемюсь-куръ, шолко-куръ—серебряный или шелковый поясъ, какъ у мужчинъ, только наряднѣе; бляхи большаго размѣра, числомъ болѣе и тщательнѣе по отдѣлкѣ.

Кыльджы и бегехъ—серебряное массивное кольцо, надѣваемое на шею; отъ него по груди до пояса идетъ бахрама—илинь-кябисярь—изъ 20-ти серебряныхъ цѣпей; бегехъ—серебряные браслеты, въ родѣ манжетъ, шириной до 3-хъ вершковъ; такой-же рядъ цѣпей, спускающихся отъ шейнаго кольца по спинѣ, называется хабаргасимяга.

Сапанъ—брошка, большая серебряная четырехугольная запонка, застегивающая воротъ рубахи; такія-же маленькія застегиваютъ обшлага рукавовъ.

Ытарга—серебряныя серьги съ подвѣсками, доходящими у щеголихъ до плечъ и обрывающими уши своею тяжестью.

Кемюсь-бисиляхъ—перстень серебряный и рѣже золотой, съ именемъ.

Хаппаръ—мѣшочекъ, вышитый шелкомъ, иногда серебромъ; въ немъ хранятъ наперстокъ, трубку, огниво; подвязывается къ поясу. Къ этому мѣшочку въ видѣ брелоковъ подвѣшиваются игольникъ — ин-нялихъ съ иголками—иння, ножикъ—бысахъ въ ножнахъ—кынинъ и ножницы—кыптый.

Сюряхъ—на шейной серебряной широкой цѣпи крестъ, украшенный подвѣсками. Крестъ виситъ на груди поверхъ одежды, похожъ на протоіерейскій, съ украшеніями, стоимостію доходитъ до 30 рублей.

Басъ-былата—шелковый цвѣтной головной платокъ, штофный, шитый серебромъ или парчевый, подвязывается какъ у мѣщанокъ.

Digitized by Google

Мойторукъ—боа.

Джабака-бергяся—мѣховая высокая шапка, закрывающая уши; передняя часть обшивается россомахой или бѣличьими хвостами, верхняя часть затылка—бобромъ, а затылокъ покрываетъ въ 1/4 арш. высоты и 1/2 арш. ширины лоскутъ изъ рысьяго мѣху. Верхняя часть шапки нѣчто въ родѣ кички—суконная черная со вставками алаго сукна—съ бѣлыми кантами, называется чорчахъ; на ней спереди большая круглая металлическая бляха—тосахта, вѣсомъ до 1/4 ф. Шапку завязываютъ спереди подъ подбородкомъ полосками изъ алаго сукна въ аршинъ длиной и въ 1 1/2 вершка ширины. Многія носятъ эти шапки и лѣтомъ; большая-же часть носятъ сѣрыя и черныя поярковыя шляпы съ полями, надѣвая ихъ сверхъ цвѣтнаго головного платка. Одежда нарядной Якутки очень дорога, и въ парадныхъ костюмахъ ихъ можно видѣть очень рѣдко, въ особенно-торжественные случаи; костюмы эти переходятъ изъ рода въ родъ и составляютъ, кромѣ своей дѣйствительной стоимости, фамильное сокровище.

Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу и въ конецъ вплетаютъ ремешекъ съ цвѣтными лентами. Замужнія заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя обертывая вокругъ головы, прикрѣпляютъ у темени, а затѣмъ покрываютъ платкомъ. Мужчины стригутъ голову гладко и только нѣкоторые оставляютъ волосы на вискахъ—кэгюль. Усы и бороду выщипываютъ всѣ инородцы области и перестаютъ это дѣлать только старики и пригородные, допускающіе уже нѣкоторыя новшества. Щипчики, которыми вырываютъ бороду и усы, называются искяхъ.

Женщины и мужчины, безъ исключенія, ѣздятъ верхомъ помужски на тѣхъ-же сѣдлахъ съ одинаковою ловкостью и удалью.

Зимой Якуты ѣздятъ въ пошевняхъ, розвальняхъ, дровняхъ и только нѣкоторые въ саняхъ особаго мѣстнаго устройства. Сыэрга — есть общее названіе саней какого-бы то ни было устройства; такъ говорятъ: пошевни—сыэрга, бычьи сани — огусъ-сыэргата, лошадиныя — атъ-сыэргата. Якутскія сани не имѣютъ козелъ; бока и спинка разрисовываются разными узорами и красками. Передъ саней называется—тумса, копылья — атага, полозья—сынгага, поперечныя скрѣпы — ылага, продольныя скрѣпы—быттыга, верхняя половина бычьяго хомута—боргалли, нижняя половина—сюрярь, оглобли—урагасъ, доски адарай. Лѣтнихъ экипажей у Якутовъ своихъ нѣтъ; одни ѣздятъ верхомъ, другіе на русскихъ телѣгахъ и телѣжкахъ.

Къ сбруѣ у Якутовъ принадлежитъ: недоуздокъ—суларъ, узда—юнь, хомутъ, дуга, черезсѣдельникъ—сисъ-быэта, сѣделка—седелка, возжи—буосса; шлеи у Якутовъ нѣтъ; объ удобствѣ и красотѣ сбруи Якуты не

Digitized by Google

заботятся, а потому часто вещи эти примѣняются у нихъ далеко не практично и на видъ крайне некрасиво; напримѣръ, чтобы сдѣлать дугу, берутъ первую попавшуюся талину, загибаютъ ее и, если она слабо затягивается, то придѣлываютъ къ ней поперечину, или-же ограничиваются тѣмъ, что сдѣлавъ изъ палокъ нѣчто въ родѣ прописной буквы А, замѣняютъ этимъ дугу. Нѣкоторые богачи, не стѣсняясь матеріаломъ и фасономъ сбруи, украшаютъ ее серебряными бляхами, въ особенности сѣдло—ынгыръ, недоуздокъ—чэнькэи (иначе называется суларъ) и уздечку—юнь. Поводья называются—тясинь, чумбуръ — кентесь, удила—остуганъ, пряжка—тербясь, потникъ травяной—бото, потникъ волосяной—сере, передняя часть сѣдла—илинъ-бюргя, задняя часть—кяминь-бюрьгя, ремни у тарака—тергю. Такія вещи переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ и, какъ даваемое въ приданое, входятъ въ счетъ калыма. Нѣкоторые, зная хорошо бурятскій языкъ, утверждаютъ, что отдѣльныя украшенія сбруи у Якутовъ имѣютъ общее названіе съ бурятскими. Якутское сѣдло похоже на бурятское, только больше его; обѣ луки—бюргэ очень высоки, особенно передняя, обиты кованными серебряными, мѣдными и жестяными украшеніями ажурной работы мѣстнаго происхожденія. Боковыя части вышитаго чапрака называются кычымь; часть чапрака, лежащая на крестцѣ, къ хвосту—чапаракъ; покрышка сверхъ подушки сѣдла—депся; стремена—исянга; подпруги—холуннъ; нагайка—кыммни; махалка отъ комаровъ—дяйбиръ. Къ числу дорожныхъ приспособленій слѣдуетъ отнести мѣховой мѣшокъ, въ который на ночь залѣзаетъ путникъ до головы, защищая себя отъ вѣтра и холода. По поводу этого мѣшка Миддендорфъ пишетъ: «Нами утрачены многія принадлежности покроя и наряда, которыя были въ употребленіи у нашихъ предковъ и которыми мы научаемся дорожить у кочевниковъ вслѣдствіе необыкновенной ихъ практичности. Для примѣра я напомню объ употреблявшихся нѣкогда, особенно на корабляхъ, набитыхъ листьями кожаныхъ мѣшкахъ, въ которые залѣзали на ночь. Подобный мѣшокъ единственное средство, позволяющее безопасно лечь спать подъ открытымъ небомъ на стужѣ, доходящей до замерзанія ртути. Гдѣ у насъ не было приготовленныхъ такимъ образомъ мѣховыхъ мѣшковъ, тамъ мы спасались, продолжаетъ Миддендорфъ, только тѣмъ, что ложились по два, антиподами другъ къ другу, пряча ноги до туловища одинъ въ рубашкообразномъ тулупѣ (сокуй) другого, вслѣдствіе чего эти тулупы смыкались и составляли одинъ мѣшокъ. Это опять напоминаетъ обычай предковъ спать вдвоемъ въ одномъ мѣшкѣ». [1])

В. Л. Приклонскій.

---

[1]) Чтобы не разрывать цѣлости этого прекраснаго труда, мы напечатали у себя и эту вторую главу, хотя она уже была напечатана въ 1887 г. въ XVIII т. Восточно Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общ. въ Иркутскѣ.

Digitized by Google

Сербо-Лужицкій народный календарь.

(Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго).

От ъ Редакт. Двѣ слѣд. замѣтки И. И. Срезневскаго взяты нами изъ бумагъ, полученныхъ нами отъ О. И. Срезневской. По всей вѣроятности, эти замѣтки были написаны покойнымъ въ пребываніе его въ Лужицахъ, во всякомъ случаѣ раньше выхода въ свѣтъ превосходнаго сборника Смоляра «Pjesnički hornych a dolnych Łužiskich Serbow wodate wot Leop. Hawpta a I. E. Smolerja». Grymi, 1841—1843. 2 ч. въ 4-у. См. тамъ о праздникахъ (II, 220—222), о повѣрьяхъ (II, 266—270); пѣснь о водяномъ мужѣ — wódny muž напечатана въ I ч. XXXIV, стр. 62—64.

Nowe ljôto — новый годъ. 1 Января дѣвушки дарятъ своимъ милымъ вѣнки изъ дѣланныхъ цвѣтовъ, переплетенные канителью, а съ тѣмъ вмѣстѣ и яблоки, орѣхи, булочки и т. п. Такъ дѣлается у Голянъ. А около Каменца кумы дарятъ другъ друга бѣлыми хлѣбами. Фигурные хлѣбцы въ формѣ коровокъ, козокъ, свиней, гусей пекутся на этотъ день, и называются Nowi ljêtka: кромѣ того, что ими дарятъ, ихъ даютъ скоту, воображая, что они помогутъ ему не болѣть и жирѣть. На крещенье (trisy kroli...) пекутъ трешян (triôszan) по имени трехъ королей....

Post—масленица. Въ первые дни масленицы молодой народъ до сихъ поръ имѣетъ обычай po kołbasy kchodźić. Съ палками и ивовыми прутьями отправляются они, ведя передъ собой музыкантовъ, а за ними двухъ носильщиковъ съ мѣшкомъ или корзинками, и ходятъ они изъ дома въ домъ. Въ иныхъ мѣстахъ носятъ еще и еловую вѣтвь, перевязанную пестрыми лентами. Придутъ, поютъ пѣсни, станутъ танцоватъ съ женщинами, которыя найдутся въ домѣ,—а носильщики просятъ между тѣмъ у хозяевъ денегъ, яицъ, колбасъ, печенаго мяса, и складываютъ въ свой ворохъ. Со всѣмъ этимъ ждутъ вечера середы или четверга, и пригласивъ дѣтей, молодицъ и дѣвушекъ въ корчму, потчуютъ ихъ, поютъ пѣсни, пляшутъ. Чтобъ еще увеличить запасъ, хватаютъ дѣвушекъ въ плѣнъ и выпускаютъ только по выкупу. Пляски эти очень важны: чѣмъ больше потанцуютъ, тѣмъ лучше ленъ взойдетъ. Пора послѣдняго дня масленицы (Pôstnicy) проходитъ въ тѣхъ же играхъ.

Въ воскресеніе на 4-ой недѣлѣ Вел. поста (Laetaris) выгоняютъ смерть:

Digitized by Google

изъ соломы дѣлаютъ чучела, одѣваютъ ихъ въ лохмотья и съ пѣснями и съ крикомъ бросаютъ въ воду.

— Wipowědanjě — Благовѣщеніе 25 марта.

— Bowońca (вм. Bołmońca-Palmensonntag), bowońčka — Вербное воскресеніе.

Страстная недѣля. Martrownica — Martrowny tydźeń.

Отъ зеленаго (великаго) четверга (zeleny štwórtk) до Свѣтлаго Воскресенія родители дарятъ дѣтей красными круто спеченными яйцами (писанками).

Великая пятница называется сухою, тихою, покутною, великою (wulki, suchi, pokutny čisty pjatk = šichy pėtk).

Свѣтлое воскресенье — jutrownica, а весь праздникъ swjäte jutry.

Наканунѣ вечеромъ Walpurgistag коровъ затворяютъ, чтобы вѣдьмы не дѣлали ничего дурного съ ними. Для этого же дѣлаютъ на дверяхъ коровень смоляныя кольца и кресты. Бѣгаютъ и съ зажженными метлами. Въ самый праздникъ дѣти дѣлаютъ маленькую висѣлицу изъ ивовыхъ прутьевъ и перепрыгиваютъ: pšez sibeńcu skakaju. Кто удачно перепрыгнетъ, тотъ счастливъ будетъ.

— Зеленая недѣля, называемая святками (swjatki) и первый день Swjatočnička (Ниж. Луж. Swjetrownica). Мяту разставляютъ по церквямъ. Отъ нея отрываютъ вѣточки въ то время, когда священникъ благословляетъ. Принося ихъ домой, приносятъ счастіе дому. Раскладываютъ очагъ.

— Ивановъ день. Огни (Либушъ. 263).

— Вознесенье: S-t pjecjě Bože = Ниж. Луж. — Stupenje do ńeba.

— Праздникъ жатвы (Biry) (Либушъ 258, 283).

Филиппов ъ день (Advent) Pšichoda. Прежде былъ обычай, что отъ Фил. дня до Рождества Христова ходили изъ дому въ домъ, одинъ представлялъ Ангела, другіе другое, заставляя дѣтей молиться и раздавая имъ хлѣбцы, плоды и пр. (Knautz. 179).

— 24 Декабря Паторжица. Въ этотъ день не продаютъ хлѣба, мяса, яицъ, и т. п. Вечеромъ зажиточныя семьи приготовляютъ 9 кушаній для себя и для своей челяди. Бѣдные, которые не въ состояніи приготовить такой богатый ужинъ, пекутъ на этотъ день свячинье — Swečenje—celebratio festi diei д. л. Gastmahl (какъ называется кое гдѣ и день), только одно кушанье, но изъ 9 припасовъ, напр. свинаго мяса, проса, воды, соли, моркови, чеснока, колераби, пшеничной муки и розинъ (коринокъ). Столъ покрываютъ соломой или кладутъ ее подъ столомъ. Потомъ вьютъ изъ нея веревку и обвязываютъ плодовыя деревья, чтобъ лучше былъ урожай на плоды. Въ полночь начинаются гаданья: если слышны у гранитныхъ камней стукъ мечей и ржанье коней, то быть на слѣдующій годъ войнѣ; дѣвушки прислушиваются на порогѣ конюшенъ къ ржанью жеребцовъ, и если услышатъ, то надѣются

Digitized by Google

выйдти замужъ до 24 іюня; другія бросаютъ носкомъ правой ноги башмакъ черезъ голову, и если башмакъ упадетъ носкомъ къ двери, то она надѣется скоро выдти замужъ. Это-же самое дѣлаютъ и наканунѣ Новаго года (Liebusch, 143).

— Праздникъ Рождества Христова наз. Годы (Hody) [1]), а первый день называется Boži dzeń (ср. срб. Божиђ). Передъ тѣмъ ходятъ съ Божіимъ дитятею (Bož džjećo).

— На вечеръ Новаго года гадаютъ.

Сербо-Лужицкія народныя повѣрья.

(Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго).

Лужичане, разумѣется, болѣе женщины, до сихъ поръ еще вѣруютъ въ разныя чудища и ихъ чудеса.—Такъ между прочимъ вѣруютъ они въ «Боже седлешко»—Божіе сельцо, думая, что оно, какъ домовой, живетъ въ каждомъ домѣ. Въ былое время, когда оно еще показывалось, видали это хорошенькое, бѣленькое дитя, съ распущенными длинными, очень длинными волосами, въ чистенькой коротенькой сорочкѣ. Теперь уже рѣдко кому приведется его увидѣть, а только иногда слышать, какъ оно стонетъ и рыдаетъ, и какъ заслышится въ чьемъ домѣ этотъ стонъ и рыданье, такъ ужъ навѣрно быть бѣдѣ: «Божіе сельцо плакало» (Боже седлешко je пвакаво)—говорятъ, надобно беречься. Если услышатъ его стонъ и рыданье вблизи, то надобно спросить: «Божіе сельцо! что со мною будетъ? (Боже седлешко, што ми будже, што ми фалуje, што ма со стач), и Божіе сельцо отвѣтитъ, что тотъ или другой умретъ, что того или другаго въ рекруты возьмутъ, или что нибудь подобное, а чаще скажетъ только: «Не тебѣ будетъ, а другому (Воно ńе буджѐ теби, ѓале другему)». Такъ было, по разсказу Грефе: Volkssagen und volksthümliche Denkmale der Lausitz von H. G. Gräve. Bautzen. 1839. ст. 49, и въ городѣ Мужиковѣ (Muskau) передъ пожаромъ 1766: во многихъ домахъ слышали тогда стонъ Божьяго сельца, и на вопросы горожанъ отвѣчало оно: «Не будетъ одному тебѣ, а будетъ по всѣмъ улицамъ. (Воно ńе буджѐ jено теби, ѓале на вшитких гаюх)». Такъ предрекало Божье сельцо и пожаръ въ Куловѣ (Wittichenau) 1822 года. Впрочемъ его слышатъ и видятъ не всѣ.

[1]) Годами впрочемъ называютъ и св. Праздникъ и Троицу—zročno časy.

Digitized by Google

Выливая или переливая кипятокъ, не одна Лужичанка боится обварить Божіе сельцо, и передъ тѣмъ скажетъ: «Иди прочь, Божіе сельцо, чтобы мнѣ не обварить тебя (Божое седлешко, джі преч зо ја че не спару). Если же не скажетъ, такъ Божіе сельцо ее самое обваритъ,—и, замѣтя у кого нибудь прыщи отъ обвару, говорятъ: «Обварило тебя Божіе сельцо» (Боже седлешко је тебе спариво»). Тогда надобно лѣчиться—намазать масломъ печное устье и намазывая приговаривать: Божіе сельцо, мажу тебя, залечи меня, ты меня обварило (Боже седлешко, ја чје мазам, залој ме, ты си ме спариво), а потомъ, снявши масляной накипи съ кипящаго горшка, помазать больное мѣсто.— Божіе сельцо само по себѣ зла никому не дѣлаетъ и обычно живетъ въ печи или на очагѣ [1]).

Съ родни Божьему сельцу приходятся колтки (Kołtki)—дѣтки—чертенята, живущіе въ домѣ по разнымъ угламъ, въ запечьи, подъ постелью, въ погребѣ, въ чуланѣ и пр. Они помогаютъ семьѣ и за это требуютъ ѣсть и пить того самаго, что ѣстъ и пьетъ вся семья.

Не такова Ходойта (Khodojta-Khodojca) или, какъ ее называютъ Н. Лужичане, Мурŏва. У нея нѣтъ постояннаго жилища: она бродитъ изъ дому въ домъ, ищетъ, чтобы кому зла надѣлать, набивается на обиду, и обиженная мститъ всячески. Это—черная, тощая, испитая старушонка крошечнаго росту; глаза у нея вышли изъ-за вѣкъ и быстро ворочаются, и страшно всматриваются въ каждаго; иногда, впрочемъ, ходитъ она и въ видѣ человѣчка въ красномъ платьѣ, продавая разные заморскіе товары; иногда летаетъ сорокой, суясь въ лицо, или катится клубомъ, подкатывается подъ ноги, или ложится ножомъ на столѣ, не виданная, а знаемая: ножомъ, да такимъ, что какъ возьмешь, такъ и захочется рѣзать человѣка. Ходойта болѣе всего ненавидитъ дѣтей: иное такъ измучитъ, что ни подобія не останется: кровь выпьетъ, кости перекрошитъ, и лежитъ бѣдное дитя словно мочало какое. Если озлится на какую семью, то останется жить у нея до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не переморитъ.

У нея есть свои помощники, маленькіе злые черти, которые портятъ все въ домѣ, такъ что отъ нихъ и защиты нѣтъ.

Къ той же породѣ, что и Ходойта, принадлежитъ и Зла жена (Зва жена), такая же старушка, крошечная, сухая, костлявая. Голова у нея съ пивной котелъ, на спинѣ огромный горбъ, носъ какъ у журавля, а глаза маленькіе, съежились и обтекли. Ходитъ она, ковыляя на костылѣ, заходитъ во всѣ

---

[1]) Невольно припоминаешь о томъ, что разсказываетъ Саксо Грамматикъ: Faeminae foco assistentes absque supputatione fortuitas in cinere lineas describebant, quas si pares numerassent, prosperae rei praescias arbitrabantur, si impares, sinistri praenuntias autumabant.

углы, и въ коровни, и на гумна и огороды, портитъ тамъ хлѣбъ и зелень, и коровъ и козъ, и пожитки. Набѣдуетъ въ одну ночь столько, что и въ годъ не поправить: коровы не даютъ молока, полотно гніетъ, дѣти болѣютъ и умираютъ. И ничѣмъ отъ нея не отобьешься, какъ поселится въ какомъ нибудь хлѣвѣ. Завидятъ бывало ее, начнутъ бросать въ нее камнями, полѣньями, сметьемъ, помоями—напрасно. Хлѣвъ сожгутъ, .мѣсто освятятъ крестомъ, вотъ хлѣва будто и нѣтъ, а приходишь, хлѣвъ стоитъ какъ стоялъ, и Зла Жена въ немъ.

Еще есть и третья старуха—Смертница. Въ бѣломъ покрывалѣ ходитъ она по деревнѣ, и какъ завидятъ, что подошла къ которому нибудь дому, такъ ужь тамъ непремѣнно будетъ покойникъ; войдя въ домъ, садится она на постели у больного и выжидаетъ его послѣдняго часу. И если завидитъ больной ее съ своего мѣста: это вѣрный признакъ смерти.

Другія чудныя существа большею частью добрыя: иныя изъ нихъ помогаютъ земледѣльцамъ, иныя пастухамъ, иныя охотникамъ.

О Приполдницѣ (Pšipołnica, Pšezpołnica) хоть и говорятъ «благодаря Богу, она уже не покажется» (Dźakowano bydi Bohu zo so jacy ńe pokaźe) и разсказываютъ много страшнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрятъ, что она и добра дѣлаетъ много. Видали ее въ лѣтнее время въ дни жатвы. Какъ бывало около полудня станетъ жарко, изъ рощи или изъ-за рѣки и выходитъ высокая, прекрасная дѣвушка, вся завитая во что-то бѣлое. Она сядетъ прежде или у воды, или подъ тѣнью дерева, сидитъ и волоса расчесываетъ, и потъ съ лица вытираетъ, и какую-то печальную пѣсню поетъ; потомъ идетъ она къ жницамъ и начинаетъ распрашивать, какъ имъ жнется, много ли ужали, много ли осталось, какъ сѣяли, боронили, какъ всходило, разцвѣтало, созрѣвало, какъ жнутъ и вѣютъ, молотятъ и мелютъ; а все распрашиваетъ для того, чтобы жницы не работали. Иной и хотѣлось бы отвѣчать, да работу не кинуть, и примется жать; Приполдница къ ней, и плачетъ, не пускаетъ работать. Если же бы та не послушалась, Приполдница разсердится, и давай ей крутить голову, пока совсѣмъ открутитъ, что цвѣтокъ отъ стебля. Если же жницы разговаривали съ нею весело и охотно, да тотъ, кто смотрѣлъ за ихъ работой, начиналъ ихъ бранить, что онѣ лѣнятся, такъ Приполдница къ нему, и хоть бы то былъ самъ господинъ или госпожа, задушитъ и пуститъ безъ головы: пусть на себя плачется, зачѣмъ отдыху не давалъ жницамъ. Только бывало тогда Приполдница и не покажется, когда тучи съ грозою находятъ или вѣтеръ подуетъ. И до сихъ поръ, хоть правда и шутя, говоритъ жница жницѣ, когда она заработается въ жаркій полдень: развѣ не боишься, что нападетъ на тебя Приполдница! (Не боиш со ты зо Пшипоуница на тебе пшинч будже) [1]).

[1]) Laus. Monatschrift 1797 Panasch Reliqu. der Feld-, Wald-, Wasser- und Haus-Götter, стр. 746.

Въ полдень же прохаживается (по Kotmarberg'y) какая то Мара, заботясь, чтобы все хорошо росло, особенно травы: ее видали пастухи и приносили ей жертвы, прося у нея помощи своимъ стадамъ: зажигали огни и обливали землю молокомъ, вскипяченымъ съ травами (Срав. Либ. 272).

У пастуховъ есть и свое страшилище Гонило (Гонидло — Honidło — Honiło, d какъ въ Motowidlo — мотовило). Чѣмъ оно страшно, Богъ знаетъ; а пастухъ, видя, что другой не выгоняетъ свое стадо въ поле, уже покрытое полной травою, не забудетъ погрозить его Гониломъ, и какъ разъ скажетъ съ угрозой: я пошлю за тобою Гонило, чтобъ онъ тебя выгналъ въ поле (ja budu tebi honidwo do doma posłać zo by cé v polo hnało). Либушъ (288) не напрасно сравниваетъ это Гонило съ Генилемъ Дитмара: — habitatores (vicinitatis meae — не далеко отъ Мерзебурга) raro ad eclesiam venientes (ср. Гриммъ, 700).

Охотники разсказываютъ о Дѣвицѣ (Джјевица), которую видали въ чащѣ лѣса не только въ полдень, но и въ полночь при свѣтѣ мѣсяца. Она одѣта какъ знатная госпожа, въ рукѣ у нея ружье tsylba; около нея свора гончихъ. Она стрѣляетъ какъ знатная госпожа на вѣтеръ, и куда бы ни стрѣльнула, куда бы ни погналась, ничто ей не помѣшаетъ, деревья по ея волѣ сдвигаются въ сторону, болота у ногъ ея сохнутъ, холмовъ и лощинъ какъ не было. Все бы хорошо, да то бѣда, что ей все равно—что дикій звѣрь, что человѣкъ: застрѣлитъ и самого охотника какъ серну, положитъ, будто вѣкъ лежалъ. Теперь хоть и рѣдко кто видитъ Дѣвицу, а все еще боятся заходить въ полдень въ чащу бора; и хоть шуткой, а скажутъ тому, кто идетъ въ боръ о полдень: А ты не боишься, что Дѣвица на тебя выдетъ (ńe boisso zo Dźewica na tebi přinć budźe).—Послышится ли ночью крикъ охоты изъ лѣсу: это Бѣднатъ (Bjadnat), панъ Дитрикъ, или что Нѣмцы называютъ Дитри Бернгардъ. (Въ Сакс. Hakkelbärend, Hakkelberg, въ Мейссенѣ Hans Jagen-Teufel, въ Швабіи Elpentrötsch. Грефе 54. — Гриммъ 515—534). — Въ лѣсахъ же и горахъ живетъ Блуднище (Bludnišco) — не то лѣшій, не то самое мѣсто, гдѣ можно забудиться: какъ пойдешь, говорятъ, на такое мѣсто, такъ приходится пропадать: и пройдешь, и все прямо, кажись, идешь, а придешь опять туда гдѣ былъ, и въ какую сторону ни повернешься, все тоже и тоже; а тутъ еще гдѣ огонекъ засвѣтитъ, гдѣ змѣй проползетъ, гдѣ аукнется, гдѣ застонетъ, гдѣ что-то невидимое станетъ тебя въ задъ пихать, волоса вырывать, гдѣ уставятся на тебя изъ чащи два огромные глаза, горятъ, сверкаютъ, и все ближе да ближе; молись да молись, а иначе ни за пенязь пропадешь.

Въ водѣ свои жильцы: ихъ знаютъ хорошо рыболовы; знаютъ и водянаго, и водяную, и дѣтей ихъ: (Wodny muž, wodna žona, wodne dzeći). Видаютъ иногда водянаго, какъ онъ хваталъ утопавшаго, а потомъ смотри и

Digitized by Google

сложитъ кости гдѣ нибудь на берегу. А Водяная выходитъ изъ воды на берегъ работать, прясть и ткать, или разложитъ полотно бѣлиться на солнцѣ, а сама заведетъ пѣсню, то веселую такую, что хохочешь, то такую, что нехотя плачешь. И дѣти около нея: играютъ, рѣзвятся. Всѣмъ бы люди, да волосы что-то очень зелены, и платье изъ чешуи, какъ у рыбы.—Если же выходятъ на ярмарку, такъ и не узнаешь, что не люди, пока не заговорятъ: говорятъ иначе, хоть и все понимаешь, что говорятъ. На мужѣ длинный бѣлый льняной балахонъ, на женѣ сорочка, исподница,—и подолъ мокрый: онъ торгуетъ хлѣбомъ, она—масломъ. Иногда покупаютъ, иногда продаютъ: если продаютъ, годъ будетъ дешевъ, а покупаютъ—такъ быть дороговизнѣ (Паннашъ, 750—752). Водянымъ очень нравятся Сербки, и не одна уже вышла за мужъ въ ихъ царство. Есть и пѣсня объ этомъ:

Жила была себѣ барышня
Одинехонька у батюшки.
И просила жъ она батюшку,
Чтобъ онъ далъ ей годикъ погулять
По новому двору своему.
Ты, пожалуй, погуляй годокъ
По новому двору своему;
Но пора вѣдь и замужъ тебѣ.
Съ тѣмъ на вышку она и пошла,
На ту вышку, въ нову горенку свою,
И тамъ сидя она плакала,
Бѣлы руки съ горя ломала.
Вотъ пришелъ туда водяной:
А гдѣ, молвилъ, невѣста моя?
Въ своей горенкѣ новой она,
Тамъ сидитъ она себѣ, плачетъ,
Бѣлы ручки съ горя ломаетъ.
О чемъ же ты плачешь, голубушка,
Ты, невѣста милая моя?
А какъ же бы мнѣ и не плакать,
Когда говорятъ ужь всѣ люди,
Будто сынъ ты жены водяной.
Пусть они говорятъ, что́ хотятъ,
А такъ тому, не иначе, быть.
Велю тебѣ выстроить мостъ
Изъ чистаго золота, серебра,
Велю тебя черезъ мостъ везти,
Чтобъ ѣхало тридцать возовъ,
Чтобъ везли тебя сорокъ коней.—
Не проѣхали и полъ моста,
Какъ началъ мостъ проваливаться.
А старикъ отецъ въ окно глядитъ:
Ахъ, смотри, гъть, милая жена,
Какъ дочь наша по водѣ поплыветъ.—
—Что же, пусть она плыветъ себѣ.
Вѣдь такъ тому, не иначе, быть.—
И семь лѣтъ она прожила тамъ,
Прижила себѣ семь сыновей.
Какъ пошелъ же и восьмой годокъ,
Пошла она и съ восьмымъ сынкомъ,
И просила у мужа она,
Чтобъ пустилъ ее въ церковь на свѣтъ.
Въ церковь на свѣтъ пущу тебя,
Но благословенья ты не жди.
И пошла она въ церковь на свѣтъ,
И увидѣла брата родного,
Увидѣла меньшую сестру.
Здравствуй ты, наша сестра,
Такъ вотъ и ты къ намъ пришла,
Къ намъ въ церковь на свѣтъ.
Въ церковь то пришла я на свѣтъ,
Да благословенья ждать не могу.

Digitized by Google

Нѣтъ, подожди ужь, милая сестра,
А тамъ вмѣстѣ обѣдать пойдемъ.
И ждала она благословенья.
А водяной кругомъ шагалъ
Въ голубыхъ своихъ шароварахъ
И въ червоныхъ чулочкахъ своихъ.
И вотъ шла она ужь изъ церкви,
Отдѣлилась отъ сестры своей,
А къ ней пришелъ водяной,
И вырвалъ дитя онъ изъ рукъ у нея
И въ мигъ передъ ней разорвалъ его,
А всѣмъ остальнымъ головы оторвалъ,
По дорогѣ ихъ разбросалъ,
А самъ на дверяхъ и повѣсился.
И не жаль же тебѣ и не жаль
Твоихъ бѣдныхъ дѣтей.
Жаль мнѣ, жаль, а ужь больше всѣхъ
жаль,
Того груднаго малюточку...
Я ль его въ купели не мыла,
И въ колыбели не качала,
И яблочкомъ съ нимъ не играла.—

Кромѣ всего этого есть еще змѣи: одни изъ нихъ называются житными (житны змиј), другіе молочными (млоковы змиј), а третьи денежными (peńežny zmij) Liebusch 285.

Колдуны (kuzlaŕ-huzleŕ.—Ujišćer).

Умиренье крови въ Грблѣ, въ Южно-Адріатическомъ Приморьѣ, 27 августа 1890 г.

(Наблюденія и размышленія очевидца).

Это — торжественный обрядъ, которымъ завершается кровавая распря между братствами, родами или цѣлыми племенами. Имъ полагается конецъ ряду убійствъ, вызываемыхъ обычаемъ кровавой мести, а иногда прекращается настоящая война между племенами. Исполненіе этого обряда соединено конечно съ большими издержками, падающими на виновную сторону; и, кромѣ того, въ самой формѣ выполненія находится много такого, чтò морально принижаетъ также виновнаго. И все это переносится ради сознанія великаго добра, приносимаго умиреньемъ.

Правда, въ настоящее время въ Европѣ, кромѣ безсудныхъ албанскихъ племенъ, живущихъ подъ управленьемъ безурядной Турціи, всякое преступленье преслѣдуется и наказывается закономъ, такъ что кровавой мести совершенно нѣтъ и мѣста; тѣмъ не менѣе мы знаемъ страну, въ которой кровавая месть практикуется до сихъ поръ и гдѣ рѣшенье государственнаго суда, хотя бы и признавалось справедливымъ, не въ силахъ ее парализовать. Эта страна — Южное Адріатическое Приморье, состоящее изъ нѣсколькихъ племенъ, какъ Паштровичи, Поборы, Маины, Грбаль, Луштица и др., и сохранившее до сихъ поръ главныя черты своего исконнаго племенного быта, которыхъ держится, какъ основы своей автономіи. До недавняго времени эти племена (а также и вся Бокка Которская) не давали Австріи ни солдатъ, ни ландвера; теперь у нихъ эта прерогатива отнята силою и единственно допущено имъ носить старое кремневое оружіе и небольшіе ножи. И тѣмъ съ большею ревностью они оберегаютъ свою внутреннюю автономію, а въ томъ числѣ и обычай умиренія крови, помимо того, что сдѣлано для наказанія преступленія правительствомъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ происходило умиренье крови въ Грблѣ. Я вмѣстѣ съ другими изъ Черногоріи приглашенъ былъ присутствовать при этомъ въ качествѣ почетнаго свидѣтеля. При томъ, какъ Русскому, мнѣ былъ оказанъ особенный почетъ: меня посадили даже въ челѣ стола за обѣдомъ и вообще ставили въ такое положеніе, чтобы отъ моего вниманія не ускользнула ни

Digitized by Google

малѣйшая подробность. Это и дало мнѣ возможность не только познакомиться со всѣми подробностями, но и вникнуть глубже въ духъ и смыслъ, проникающіе формы обычая.

Если есть гдѣ «живая старина», то этотъ обычай именно представляетъ таковую, принадлежа къ учрежденіямъ, возникшимъ въ то время, когда народы находились на первой ступени своей культурной жизни, и практикуясь въ наши дни подъ властью одной изъ культурнѣйшихъ державъ Западной Европы.

Надобно замѣтить, что описанія этого обычая, чаще всего вмѣстѣ съ кровавою местью, составляютъ цѣлую литературу.

Начиная съ ученаго венеціанскаго аббата Фортиса, описывавшаго въ прошломъ столѣтіи обычаи Морлаковъ [1]), и оканчивая новѣйшими путешествіями по Черногоріи, всюду вы найдете о кровавой мести и умиреніи ея, если не въ настоящемъ, то въ прошломъ этой страны. Больше же всего можно найти въ Далматинскихъ изданіяхъ, какъ Сербско-далматинскій магазинъ, Mjesečnik, Strenna Triestina и др. Болѣе однако подробное описаніе представляетъ, кажется, соч. Б. Петрановича (Rad jugosl. akad. kn. VI).—«Osveta, mirenje i vražda», который старается объяснить духъ обычая и причины его возникновенія. Чисто же ученое сочиненіе по этому вопросу представляетъ единственно соч. Ф. Миклошича «Die Blutrache bei den Slaven». Wien. 1887. Наконецъ новѣйшее, извѣстное намъ соч. Milenko R. Wesnitsch — «Die Blutrache bei den Südslaven». Ein Beitrag zur Geschichte des Strafrechts. Inauguraldissertation. Stuttgart. 1889. in 8°, 70. Обращаемъ вниманіе читателей на эту брошюрку г. Веснича, которая при маломъ объемѣ вполнѣ исчерпываетъ предметъ и даетъ объ немъ самое отчетливое и ясное представленіе [2]).

Послѣ этого краткаго введенья мы можемъ приступить прямо къ описанью обычая по личному наблюденью. Но для ясности, полагаемъ, нелишне будетъ предварительно охарактеризовать стороны и личности, участвовавшія въ этой кровавой драмѣ.

---

[1]) Abbate Alberto Fortis. — Viaggio in Dalmazia. Venezia. 1774.

[2]) Наша маленькая рецензія на него въ жур. «Нова Зета» 1889. свеска V, стр. 196—201.

Digitized by Google

I.

Грбаль и его раздѣленье. — Характеристика жителей. — Характеристика личностей, участниковъ кровавой драмы. — Убійство. — Общая забота о примиреніи. — Примиреніе принято и поставлены основы.

Грбаль, иначе называемый Жупа (Хира), составляетъ самую большую въ Приморьѣ общину (23 села и до 4000 д. об. п.). Помимо другихъ, онъ упоминается въ старинныхъ документахъ, касающихся исторіи Зеты. Община эта и теперь дѣлится на 4 кнежины (по итальянски—contea, а Нѣмцы переводятъ Grafschaft [1]): Любановичи, Бойковичи, Лазаревичи и Туйковичи.

Изъ нихъ первые три рода живутъ въ нѣсколькихъ долинахъ, прилегающихъ къ морю, съ богатою почвой; но источниковъ воды, кромѣ цистернъ, и то весьма жалкихъ, нѣтъ совершенно никакихъ; сообщеніе съ базарными мѣстами, какъ Которъ и Будва, также крайне затруднительное. И при всемъ томъ они богаче, чѣмъ остальные Грбляне, пріобрѣтая состояніе частью на собственныхъ сравнительно обширныхъ земляхъ, частью заработками въ Цареградѣ и другихъ мѣстахъ Турціи. Они горды, высоко держатъ честь своего рода и, обладая средствами, относятся къ другимъ заносчиво. Въ образѣ жизни весьма просты, хотя дома ихъ построены, какъ кулы (большой каменный домъ съ приспособленьями для защиты), и замѣтна большая роскошь въ одеждѣ. Въ характерѣ ихъ много суровости. Туйковичи, напротивъ, пріютившись какъ разъ у подножія Черногоріи, подъ Ловченомъ и Штировникомъ, имѣютъ всюду обиліе воды: всюду вы видите мельницы; сады и нивы всѣ почти находятся подъ поливой; поэтому растительность всюду густая, роскошная. Но эти же самыя воды и разносятъ землю; въ слѣдствіе этого Туйковичи постоянно бѣднѣютъ землею, такъ что не помогаетъ имъ и близость базара и удобство сообщеній. Но, при всей бѣдности, вы вездѣ встрѣчаете благоустроенность и культурность. Когда шла борьба за независимость, они поднимались первые, хотя положеніе ихъ гораздо затруднительнѣе, такъ какъ всюду крѣпости (Тройца и Горожда) или жандармскія станціи.

Описываемая нами вражда открылась между Туйковичами, именно семействомъ Зецовъ, которое всегда играло роль и занимало почетное мѣсто въ цѣломъ Грблѣ, и Ивомъ Бойковичемъ.

Послѣдній, кромѣ знатности рода, богатства и вліянія на общественныя

---

[1]) E. Schatzmayer — Dalmatien. Geographisch-historisch-statistische Beschreibung. Triest. 1877. 8°, 84.

Digitized by Google

дѣла, славился какъ великій юнакъ (храбрецъ, герой), человѣкъ очень умный, рѣшительный и предпріимчивый. Къ тому же онъ былъ и отличный торговецъ, извѣстный по цѣлой Боккѣ и Черногоріи. Одинъ только важный недостатокъ въ его характерѣ: слишкомъ большая горячность и постоянная готовность поссориться и побиться. Въ этомъ отношеніи всякъ его опасался. Однажды въ горячности онъ убилъ своего близкаго человѣка Бойковича, послѣ чего бѣжалъ въ Черногорію, гдѣ и прожилъ около 10 лѣтъ.

Когда австрійскій императоръ Францъ Іосифъ впервые посѣтилъ Бокку, князь черногорскій Николай, при личномъ свиданіи съ нимъ, испросилъ у него дозволеніе вернуться домой всѣмъ перебѣжчикамъ, и въ томъ числѣ вернулся домой и Иво Бойковичъ.

Когда началась послѣдняя война Черногоріи съ Турціей, Приморцы также вступили въ черногорскія войска; Иво Бойковичъ тоже отправился въ Черногорію. И вотъ, когда происходила осада Никшича и дѣло затянулось, онъ рѣшился отправиться домой, чтобы прославить свое «крсно име», день Успенія Пресв. Богородицы, 15 августа (1877 г.). Купивши коровку для закланія на свой праздникъ, 14-го августа сошелъ онъ уже въ Грбаль, гдѣ проходило много народу съ Которскаго базара. Тутъ онъ встрѣтился со Стойомъ Зецомъ; произошелъ крупный разговоръ, при чемъ Бойковичъ сильно оскорбилъ Зеца. Зецъ, тоже гордившійся своимъ именемъ и высокимъ уваженіемъ въ цѣломъ краю за свой умъ, характеръ и горячее участіе въ общественныхъ дѣлахъ и также не допускавшій никому стать себѣ на ногу, отойдя немного отъ народа, закричалъ Бойковичу: «Стой! попробуемъ оружіе!» вызывая этимъ его на поединокъ; а тотъ былъ уже готовъ: отскочивши немного въ сторону, онъ сдѣлалъ выстрѣлъ изъ револьвера, и Зецъ палъ мертвый на мѣстѣ.

Бойковичу ничего не оставалось, какъ спасаться бѣгствомъ; но куда? въ Черногорію онъ не смѣлъ, такъ какъ и тамъ былъ бы судимъ, какъ простой убійца. И онъ 7 лѣтъ держался, то въ своихъ, то въ пограничныхъ горахъ. Преслѣдовали его смѣлые отряды жандармовъ, сбивали на поиски весь народъ. Но не легко было встрѣтиться съ нимъ лично; въ то же время боялись сильнаго братства. Наконецъ онъ самъ какъ-то черезъ Черногорію и Старую-Сербію пробрался въ королевство Сербію. Имѣлись уже достовѣрныя свѣдѣнія, что онъ тамъ; а затѣмъ пришло извѣстіе, что онъ погибъ, неизвѣстно отъ кого: по всѣмъ вѣроятіямъ, убили его хайдуки, расчитывавшіе на поживу.

И такъ, собственно отвѣтственнаго лица, такъ называемаго, рукоставника не стало: остался послѣ него только сынъ Іово, которому и теперь едва двадцать лѣтъ; а отъ Зеца тоже Іово, такихъ же лѣтъ, и еще моложе Нико.

Народъ однако смотритъ на дѣло иначе. Виновникъ погибъ; но дѣло его не погибло: домъ лишился отца и все осталось на малолѣтнихъ; поэтому домъ

Digitized by Google

долженъ разориться; Бойковичи, богатые и сильные, не давши въ то же время и моральнаго удовлетворенья дому погибшаго, будутъ еще горделивѣе и своевольнѣе. Кромѣ того цѣлый родъ лишился добраго главаря, и это было въ ущербъ силѣ и значенью рода.

Въ силу соображеній такого рода дѣло не кончалось случайною смертью виновника: вмѣсто него долженъ погибнуть кто нибудь изъ его рода, и при томъ одинъ изъ лучшихъ его представителей: «месть—святое дѣло!»

Отношенія были самыя натянутыя: одинъ родъ съ другимъ совершенно не хотѣлъ имѣть никакого дѣла. Одинъ другого опасался; одинъ другому старался вредить, чѣмъ только можно. Чувствовалось и сознавалось всѣми все зло такого положенія, и вотъ понемногу начали хлопотать о примиреніи съ той и другой стороны; но больше конечно со стороны Зецовъ, у которыхъ тутъ страдали честь и имя; а въ то же время они страдали и матеріально. Одинъ старецъ между ними, больше всѣхъ хлопотавшій о примиреніи, радостный умеръ всего за нѣсколько дней до исполненія обычая. Это особенный случай; обыкновенно же умиренья ищетъ крвникъ.

Наконецъ общими усиліями достигнуто, что Бойковичи признали себя виновною стороною и предоставили Іову Зецу право избрать 24 кмета (судьи), рѣшенью которыхъ онъ покоряется.

Кметы эти выбраны были Зецомъ изъ различныхъ сторонъ, и чуть-ли не большинство ихъ было изъ партій Бойковичей. Это былъ хорошій знакъ, указывавшій на искренность отношеній и взаимное довѣріе.

Кметы собрались въ селѣ Вишневѣ (тоже въ краю Бойковичей) и постановили слѣдующее:

1. Іово Бойковичъ, какъ наслѣдникъ рукоставника (крвника, убійцы), платитъ въ видѣ мыта (подкупъ, плата или даръ, чтобы привлечь кого-либо на свою сторону) 30 цекиновъ (60 флориновъ) и цѣну мертвой головы Іову Зецу и его брату Нику—сумму въ 133 цекина и два гроша и половину пары.

2. Іово же Бойковичъ долженъ устроить обѣдъ Іову Зецу и его сторонѣ на 300 чел.

3. Іово Бойковичъ долженъ послать Зецу два посланника (изъ числа кметовъ) съ 12-ю кумствами.

4. Въ знакъ вѣчнаго мира и любви обѣ стороны должны дать одна другой 12 великихъ и 12 малыхъ побратимствъ.

5. По старинному обычаю, Бойковичъ долженъ исполнить обрядъ передачи пушке-крвнице (ружья, которымъ совершено убійство) со всѣми унижающими его формами.

День назначенъ 27 августа (понедѣльникъ).

Digitized by Google

II.

Описаніе самаго обряда: 12 колыбелей молятъ принять кумство; виновникъ выходитъ передъ пострадавшаго на четвереньках съ ружьемъ на шеѣ; 24 побратимства; обѣдъ; сложеніе виновною стороною оружія на трапезу; прощеніе; чтеніе рѣшенья.—Размышленія по поводу всего этого.

Мы, нѣсколько человѣкъ съ Цетинья, наканунѣ отправились коляской въ Сутвару (мѣстечко въ Гроблѣ), гдѣ и ночевали у знакомыхъ. Байцы отправились черезъ Ловченъ и прибыли тоже наканунѣ въ село Пелиново, гдѣ живутъ пострадавшіе Зецы.

Назначено было всѣмъ, принадлежащимъ сторонѣ Зецовъ, собраться въ Пелиновѣ въ 6 ч. утра.

Это маленькое сельцо, удалившееся отъ главной дороги въ горы (къ Черногорской границѣ) на полчаса. Кругомъ журчатъ потоки, домики ютятся въ размоинахъ и кроются въ зелени деревъ. Домикъ Іова Зеца—совсѣмъ маленькій съ одною комнатой наверху, а внизу к о н о б а (хозяйственное отдѣленіе). Онъ сидитъ въ какой-то ямѣ, такъ что входъ въ верхнее отдѣленіе съ сосѣдняго бережка устроенъ по мосткамъ. Тамъ теперь помѣстились, кромѣ членовъ семьи, 12 чел., которые должны принять 12 кумствъ. Рядомъ тутъ же круглое гумно, прекрасно выложенное тесаннымъ камнемъ, какъ блюдо съ закраинами. На этихъ закраинахъ и помѣщаемся мы, всѣ сторонники Зецовъ; иные взобрались на сосѣднія скалы и на деревья, чтобы оттуда лучше видѣть всю церемонію. Въ домикѣ происходитъ договоръ, кому какъ дѣйствовать.

Около 7 ч. показались женщины, несущія колыбели на головахъ. Не за долго до ихъ прихода домикъ затворился, и кругомъ водворилась какая-то серьезная тишина. Женщинамъ этимъ предстояло идти часа три; поэтому онѣ должны были тронуться еще до разсвѣта, когда подувалъ съ горъ свѣжій сѣверный вѣтеръ; а тутъ пригрѣло солнышко, и носильщицъ охватило солнечнымъ жаромъ. Впереди нихъ шли два посланника для переговоровъ.

Подошли эти женщины и спустили на землю колыбельки, тяжко вздыхая. Никто имъ ни «помагай Бог», ни онѣ никому. Дѣти, замотанныя въ своихъ колыбелькахъ, также не подаютъ ни знака жизни.

Посланники, одинъ съ графиномъ ракіи, другой съ виномъ входятъ на мостокъ и, не стучась въ дверь, какъ бы въ какомъ-то страхѣ, скромно привѣтствуютъ: «Доброе утро въ домѣ кума!» Отвѣта нѣтъ. Они опять повторяютъ то же самое. Мертвая тишина по прежнему, словно никого и въ домѣ

Digitized by Google

нѣтъ. «Богъ и святой Іованъ! Во имя Бога и святого Іована, доброе утро куму!» Тогда дверь распахивается, и посланники входятъ внутрь. Кромѣ угощенья виномъ и ракіей, они, опять въ видѣ мыта, подаютъ умирнику двѣ леденицы (пистолеты, отдѣланные въ литое серебро безъ куска дерева или другого металла, кромѣ стальныхъ стволовъ и замковъ). Затѣмъ начинаютъ входить женщины съ колыбельками. У каждаго ребенка подъ головкой завернутая въ бумагу какая-нибудь мелкая серебряная монета. Всякій подниметъ головку ребенка, посмотритъ, что тамъ есть, и иной возьметъ, другой оставитъ. Это тоже мыто со стороны матерей. Первый принимаетъ кумство главный изъ Зецовъ: принятіе это выражается поцѣлуемъ ребенку. Такъ точно поступаютъ и всѣ остальные.

Прежде бывало, что колыбели приносились по три утра; съ ними были и другіе, и всѣ они, стоя передъ домомъ, всячески умоляли и заклинали принять кумство. Теперь эта форма смягчена.

Прежде приносили непремѣнно некрещенныхъ дѣтей, и иные нарочно медлили съ крещеньемъ, чтобы пригодилось къ подобному случаю; а теперь только случайно можетъ найтись ребенокъ некрещенный; но кумство заключается настоящее.

Послѣ этого женщины съ колыбельками отправляются къ своимъ Бойковичамъ, на общее сборное мѣсто. Зецъ съ своими гостями отправляется черезъ полчаса, чтобы дать женщинамъ съ колыбельками возможность прійти на мѣсто раньше. Но этого невозможно: народъ этотъ не можетъ идти мѣрнымъ шагомъ, а всякій летитъ, какъ можетъ, особенно при тяжелыхъ подъемахъ въ гору. Мы нѣсколько разъ догоняли и обгоняли женщинъ, останавливались и давали имъ пройти впередъ, а на сборное мѣсто пришли въ одно время.

По пути мы встрѣчали толпы народу изъ разныхъ селъ: одни были наши товарищи, другіе шли къ Бойковичамъ. Послѣднимъ мы не отвѣчали на ихъ привѣтствіе: «помагай Богъ!» Мы еще не помирились; при томъ они заискиваютъ у насъ, а не мы у нихъ.

Наконецъ, черезъ три часа ходу мы достигли сборнаго мѣста. Главари съ той и съ другой стороны выскочили впередъ и остановили своихъ людей, чтобъ не смѣшались. Остановились одни передъ другими точно два враждебныя войска, и между ними оставлено нейтральное пространство шириною метровъ во сто.

Настала короткій моментъ тишины, а затѣмъ съ той стороны выдѣляется группа. Сынъ убійцы въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босой и безъ шапки ползетъ на четверенькахъ, а на шеѣ у него виситъ длинное ружье на ремнѣ (всегда длинное ружье, для большаго эффекта, хотя бы убійство совершено было и изъ пистолета); его съ концовъ поддерживаютъ два кмета, тоже безъ шапокъ. Увидя это, Зецъ торопливо побѣжалъ впередъ, чтобы сократить эту тяжелую,

Digitized by Google

унизительную сцену. Онъ подбѣгаетъ къ Бойковичу, чтобы его скорѣе поднять, а этотъ въ тотъ самый моментъ цѣлуетъ его въ ноги, груди, плечи. Снявши ружье съ шеи Бойковича, Зецъ обращается къ нему съ слѣдующими словами, которыя ради силы ихъ приведемъ по сербски: «Прво—брате; пак крвниче; пак завазда брате! је-ли ово она пушка, те узела живот моме оцу?..» и, не дожидаясь отвѣта, вручаетъ ружье назадъ Бойковичу, выражая этимъ полное прощенье прошлаго, и оба цѣлуются, братски обнимаясь.

Послѣ этого съ той и съ другой стороны выходятъ по одному человѣку, которые по спискамъ выкликаютъ личности, долженствующія побрататься. При этомъ не извѣстно, кто съ кѣмъ побратается, потому что списки предварительно не считываются. Между этими 24 побратимствами называются вельими тѣ 12, которыя прежде уже приняли кумство. Со стороны Бойковича всѣ выходятъ безъ шапокъ и съ покорностью.

Послѣ этого, кметы и главные люди изъ Бойковичей зовутъ Іова Зеца съ его дружиной и гостями на обѣдъ.

Трапеза была устроена высоко подъ скалами: посрединѣ широкія доски, поднятыя на камни, представляли собою одинъ длинный столъ, а передъ нимъ, тоже изъ досокъ, немного только пониже, родъ скамеекъ. Чело трапезы обращено было къ востоку. Первыя мѣста заняли два начальника (podestà) грбальскій Іоко Николевичъ и паштровицкій Нико Давидовичъ; по правой сторонѣ сѣли Зецъ съ 24 вельими и малыми побратимами, а по лѣвой, противъ него, 24 кмета. Остальные 300 и даже болѣе человѣкъ размѣщены были также по старѣйшинству, и размѣщенье это продолжалось съ часъ. Меня помѣстили между двумя начальниками. На столѣ разложены были говядина и баранина, вареная и печеная, хлѣбъ, сыръ. Когда все было готово, одинъ изъ священниковъ (онъ же и кметъ) прочиталъ молитву, и затѣмъ стали всѣхъ обносить ракіей. Ѣли, конечно, просто руками, безъ всякихъ инструментовъ, и во время ѣды обносили виномъ. Здравицъ не было никакихъ; только кто пилъ, призывалъ имя Божіе и вкратцѣ выражалъ желаніе, чтобы миръ былъ искренній и прочный. Всѣ ѣли; но Іово Зецъ и 12 принявшихъ кумство не прикасались ни къ чему: это значитъ, что умиренье еще не окончено.

Когда обѣдъ былъ оконченъ, кметы напомнили, что теперь пора платить. Распорядители со стороны Бойковичей вынесли цѣлое блюдо завернутыхъ въ бумагу монетъ и стали раскладывать передъ каждымъ зецевымъ гостемъ, начавши, конечно, прежде съ него самого. И это длилось около получаса. Іово Зецъ поднялся съ мѣста и спросилъ своихъ, всѣ-ли получили должное, и опять сѣлъ, получивши утвердительный отвѣтъ. Затѣмъ опять кметы приказываютъ, чтобы въ дополненіе къ недостающему въ деньгахъ снесено было передъ Зеца оружіе. Тотчасъ началось обезоруженье бойковичевой

Digitized by Google

стороны, и все это при самой глубокой тишинѣ. Въ моментъ обезоруженья кое-гдѣ послышался женскій плачъ, тотчасъ однако заглушенный.

Между тѣмъ передъ Зецомъ поставили огромное металлическое блюдо, и на него стали сносить лучшее оружіе: леденицы и тоже отдѣланные въ серебро большіе ножи, иногда въ позолотѣ и украшенные кораллами и дорогими каменьями. Каждая леденица заряжена и курокъ поднятъ на первый взводъ. Принесли до 34 леденицъ и 11 ножей. Спрашиваютъ Зеца: «Довольно-ли?»—«Нѣтъ»,—отвѣчаетъ онъ. Приносятъ еще 6 леденицъ и 3 ножа. Опять недовольно. Собираютъ какъ бы послѣднее: кладутъ еще двѣ леденицы и ножъ. «Довольно»—говоритъ Зецъ, и молчанье продолжается. Передъ нимъ стоитъ не только груда серебра, но и отличнаго и цѣннаго оружія, съ которымъ соединены, Богъ знаетъ, какія воспоминанія у его бывшихъ владѣтелей! а теперь оно больше не ихъ. Извѣстно, что все это будетъ возвращено; но тѣмъ не менѣе, у каждаго на лицѣ сомнѣнье: а что будетъ дальше? ну, а какъ онъ все это возьметъ себѣ? Это неопредѣленное состоянье прерываютъ кметы: именно одинъ изъ нихъ, священникъ съ прекраснымъ лицомъ, обрамленнымъ падающими на плечи сѣдыми, кудрявыми волосами—встаетъ и обращается къ Зецу съ такими словами: «Не подаришь-ли ты что нибудь намъ, такъ какъ мы, по твоему желанью, потрудились на примиреньѣ?»—Встаетъ Зецъ и, молча, подаетъ имъ черезъ столъ десятокъ леденицъ и нѣсколько ножей. Опять пауза; снова къ Зецу обращается съ подобною же просьбой распорядитель обѣда. И ему даются двѣ леденицы. Затѣмъ Зецъ обращается внѣ стола: «А гдѣ мой кумъ? позовите его сюда». Онъ является попрежнему раздѣтый, подходитъ къ своему куму съ покорностью и цѣлуетъ въ плечо. Тотъ-же беретъ цѣлое блюдо съ оружіемъ, при помощи другихъ, весь дрожа (отъ волненья или напряженія?) приподнимаетъ его и передаетъ своему крвнику. Этотъ, поцѣловавши опять кума въ плечо, принимаетъ блюдо при помощи другихъ, и Зецъ говоритъ: «Возвращаю тебѣ все: и прощается смерть моего отца, и забывается все, чтò было; между нами же да будетъ братство, миръ и любовь. Не надо мнѣ и это твое мыто (вынимаетъ и передаетъ ему двѣ леденицы, принятыя утромъ), ни бѣлой тряпки со стола не понесу отъ тебя, и возвращаю еще и это мыто»—беретъ и передаетъ ему замотанную въ бумагу монету. «Возвратите и вы всѣ»—обращается онъ къ своимъ.

Затѣмъ настаетъ еще пауза, чисто ради душевнаго успокоенья, потому что сцена была трогательная. Послѣ этого Зецъ спрашиваетъ, гдѣ его кума. Подходитъ кума съ колыбелью, ставитъ передъ нимъ, а сама цѣлуетъ въ руку кума... «Вотъ тебѣ твое мыто назадъ»—говоритъ Зецъ, возвращая принятую утромъ монету—«а вотъ тебѣ и еще» и вручаетъ флоринъ. «Воротите и вы всѣ своимъ кумамъ, чтò приняли отъ нихъ;»—говоритъ онъ, обращаясь къ

Digitized by Google

своимъ кумовьямъ. Тѣ такъ и поступаютъ, возвращая принятое, и прибавляютъ еще какую нибудь монету, иной сверхъ того даритъ платокъ.

Когда весь обрядъ исполненъ, тогда одинъ изъ кметовъ встаетъ на столъ и читаетъ сетенцію (рѣшеніе 24-хъ) и передаетъ её Зецу, а этотъ въ свою очередь передаетъ Бойковичу.

Назавтра долженъ быть обѣдъ для главнаго кума Зеца съ другими 11-ю. Тогда сетенція будетъ изготовлена въ двухъ экземплярахъ, которые будутъ связаны шолковыми шнурками за мелкую монетку, турецкую пару или какую-нибудь старинную венеціанскую. Монетка эта разрѣзывается ножницами, и при каждомъ экземплярѣ остается только по половинкѣ ея. Вотъ почему, какая-бы сумма ни опредѣлялась за мертвую голову, всегда упоминается и половина пары.

Въ заключенье намъ могутъ задать вопросъ: какое положенье занимала во всемъ этомъ оффиціальная власть? Ее представляли собою 4 или 5 жандармовъ изъ мѣстной команды; держась сначала совершенно въ сторонѣ, они потомъ смѣшались съ толпою и были любопытными зрителями, какъ и всѣ. Два же упомянутые выше начальника—выборные представители власти и при томъ состояли въ роли кметовъ.

Этимъ все и кончилось. Мы позваны были знакомыми завернуть въ ихъ дома; а сверхъ того сочли за долгъ и честь посѣтить домъ нынѣшняго митрополита черногорскаго Митрофана, который родомъ именно изъ села Главатаго, гдѣ живутъ его старикъ-отецъ и братъ, семейный человѣкъ. Къ вечеру мы пѣшкомъ вернулись въ Сутвару, а на другой день коляской—въ Цетинье.

Передавши такимъ образомъ съ возможными подробностями и точностью все, что происходило передъ нашими глазами, постараемся, сколько возможно короче, собрать во едино и тѣ впечатлѣнія, которыя оставило въ насъ непосредственное наблюденіе фактовъ.

Первое впечатлѣніе то, что всѣ эти сцены, весьма трогательныя и даже суровыя, придуманы съ цѣлью подѣйствовать на цѣлый народъ и, устрашая этими формами, отъ исполненія которыхъ не можетъ уклониться ни одинъ виновный, предупреждать возможность убійства. И это, въ дѣйствительности, производитъ на народъ эффектъ ужасный. Тутъ вы у многихъ могли видѣть слезы на глазахъ, а иной приглушалъ въ себѣ рыданія, не говоря о женщинахъ, которыя плакали. Это, значитъ, не пустыя формы и сцены въ родѣ театральнаго представленія, а вѣрно разсчитанныя на нравственное, воспитательное вліянье. Что же касается матеріальнаго наказанія виновнаго на счетъ его имущества, такъ какъ тутъ страдаютъ и матеріальные интересы потерпѣвшаго, то оно играетъ чуть ли не послѣднюю роль: за голову платится 266

Digitized by Google

флор. и 2 гроша—сумма ничтожная, сравнительно съ значеньемъ потери главнаго человѣка въ домѣ. Тѣмъ не менѣе она иногда взималась прежде. Это было особенно умѣстно тамъ, гдѣ съ той и съ другой стороны погибло нѣсколько человѣкъ; тогда такимъ способомъ подводились общіе счеты; кромѣ того тутъ же взималось за лѣченье раненныхъ и за различные другіе случившіеся при томъ убытки. Но нравственная сторона постоянно брала верхъ, и со временемъ стало какъ бы неприличнымъ цѣнить деньгами голову своего человѣка.

Весьма важную роль тутъ играетъ мыто: вмѣстѣ съ платою за голову присуждаются 30 цекиновъ (60 флор.) мыта, и кромѣ того подарки или подплата на каждомъ шагу.

Выпрашиванье кумства—также своего рода мыто, только моральное, какъ великая почесть.

Что касается обѣда,—а прежде бывали обѣды по три дня—то это единственно и падало тяжестью на виновныхъ. Но тутъ помогаетъ цѣлый родъ; и что̀ стоитъ имъ угостить 300—500 человѣкъ гостей? особенно въ прежнее время, когда со скотомъ некуда было дѣваться; а все угощенье и состоитъ въ мясѣ. Въ настоящее же время угощенье это доводится до возможно скромныхъ размѣровъ.

Итакъ, въ основаніи этого обычая положенъ принципъ моральный, при чемъ неизбѣжныхъ издержекъ несравненно меньше, чѣмъ на всякомъ современномъ судѣ, гдѣ одно сидѣнье по тюрьмамъ составляетъ страшную экономическую и моральную тяжесть.

Послѣ этого останавливаемся на слѣдующемъ фактѣ: пострадавшій принадлежитъ роду Туйковичей и не имѣетъ за собою никого больше, тогда какъ на сторонѣ виновнаго, кромѣ Бойковичей, стоятъ еще Любановичи и Лазаревичи; и не смотря на все это Туйковичи выигрываютъ. Этого никакъ не добился бы одинъ родъ, еслибы ему не помогали, проникнутые сознаніемъ его правоты, и всѣ другіе роды, весь Грбаль. Значитъ, судъ этотъ—результатъ того чувства справедливости, которое глубоко лежитъ въ цѣломъ Грбальскомъ народѣ. И никогда еще не бывало, чтобы судъ этотъ судилъ иначе.

Сколько наконецъ, нужно имѣть доброй воли и энергіи, искусства и стойкости, чтобы цѣлый сильный родъ заставить принять такія тяжкія условія, которыми онъ принижается до крайней степени!?... Все это показываетъ на глубоко внѣдренныя гражданскія добродѣтели.

Эти племена дѣйствительно всегда отличались, и какъ юнаки въ бою, и какъ граждане, стоящіе за правду и охраняющіе свои права, какъ высшую драгоцѣнность. Но они изстари, рядомъ съ племеннымъ и родовымъ бытомъ, держали крѣпко и общину, которая стояла надъ родомъ и племенемъ. Грбаль, собственно, и есть община, въ которую, какъ составныя единицы, входятъ роды

Digitized by Google

и племя. Этимъ духомъ общины Приморцы и стоятъ много выше своихъ братьевъ-Черногорцевъ, которые, не смотря на громадныя преобразованья, постигшія ихъ бытъ, и на громадные труды князя Николая для поднятія просвѣщенія и культуры въ Черногоріи, по духу остаются при воззрѣніяхъ своего стараго, племенного и родового, быта.

Вотъ къ какимъ выводамъ относительно самого народа привело насъ наблюденье обряда умиренья крови.

На этомъ мы могли бы и остановиться; но картина наша была бы не полна и заключенья не совсѣмъ ясны, еслибы мы, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, не упомянули о кровавой мести.

III.

Кровавая месть и умиренье крови — два нераздѣльныя древнія народныя учрежденья.

Кровавую месть многіе считаютъ признакомъ дикости народа и отсутствія въ немъ закона и законности, которые обуздывали бы самоволіе и грубые нравы дикарей. Это самый извращенный взглядъ на дѣло. Кровавая месть вмѣстѣ съ умиреньемъ крови представляетъ одно изъ стариннѣйшихъ учрежденій, которое не множило убійства, а напротивъ предупреждало ихъ.

Въ древнее время, во время племенныхъ формъ народной жизни, кровавая месть охраняла эти формы противъ произвола отдѣльныхъ лицъ. Когда не было хорошей администраціи и полиціи, всякій воздерживался отъ обиды кому либо и нарушенія мира, зная, что его непремѣнно постигнетъ за то казнь, если не его лично, то его родственника или одноплеменника, передъ которымы онъ также долженъ былъ отвѣчать. Что въ послѣдствіи изъ этого произошло много зла, въ томъ виновато не учрежденье, а культурная степень народа и самый характеръ этой культуры. Больше всего принесла этому зла война, которая выше всѣхъ добродѣтелей и способностей человѣческихъ ставитъ храбрость и умѣнье справляться со своими жертвами; затѣмъ отсутствіе законности и неуваженье власти къ народнымъ обычаямъ и учрежденіямъ. На Балканскомъ полуостровѣ Турція явилась военною ордою, въ которой все дѣлалось по мысли и волѣ ея главнаго военнаго повелителя—падишаха и его субалтерновъ.

И въ этомъ обезображенномъ государствѣ народъ спустился на степень скота, а съ нимъ вмѣстѣ потеряли всякое значенье и его учрежденія, которыя съ того времени не могли болѣе дѣйствовать или стали подвергаться извращенію. Между тѣмъ прежде было иначе. Кровавая месть при Неманичахъ признавалась за учрежденіе народное и государственное. Душанъ, не уничтоживъ его совсѣмъ, регулировалъ его, замѣнивъ другими законами.

Digitized by Google

Интересный случай приводитъ г. Веснічъ (стр. 32—33) изъ начала XIV в. «Одинъ Дубровчанинъ убилъ Сербина; дубровницкій князь (comes) хотѣлъ казнить его смертью, по итальянскому закону; но Дубровчане не дали, и дѣло было сообщено въ Венецію. Тутъ рѣшено было передать дѣло сербскому кралю (тогда былъ Милутинъ), тѣмъ болѣе, что пострадалъ Сербинъ. Краль на это отвѣтилъ, что онъ никакъ на это не соглашается, не желая проливать кровь своихъ, и что желаетъ, чтобы судили и рѣшили по древнему, его и его предковъ обычаю вражды, и иначе не соглашается никакъ, такъ какъ онъ это подтвердилъ даже присягою, а что Рагузинцы могутъ поступать со своими Рагузинцами, какъ хотятъ; онъ же самъ съ этими людьми не поступитъ иначе, какъ по обычаю вражды [1]).

Этотъ случай лучше всего показываетъ намъ, какъ полезно въ то время было это учрежденіе умиренья крови, которое составляетъ только заключительный актъ кровавой мести.

Между прочимъ г. Веснічъ обращаетъ вниманье еще и на тотъ фактъ, что у западныхъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ, уничтоженью кровавой мести главнымъ образомъ помогло католическое духовенство, чего совсѣмъ не замѣчается у Сербовъ (стр. 20—21), и далѣе объясняетъ это невысокимъ уровнемъ образованности сербскаго духовенства, а потомъ добавляетъ: «Даже когда сербская церковь мѣшалась въ дѣла кровавой мести, священники и тогда являются, какъ судьи, и участвуютъ не какъ слуги церкви, но скорѣе, какъ главные люди своего племени» (стр. 69—70).

Въ этой послѣдней замѣткѣ все правда; мы только дадимъ ей надлежащее освѣщеніе.

Католическое духовенство никогда не было народнымъ; поэтому оно никогда и не держалось народныхъ обычаевъ, а скорѣе уничтожало ихъ, не щадя даже самой народности; тогда какъ сербское духовенство всегда было чисто народное и потому держалось народныхъ обычаевъ, какъ своихъ родныхъ, собственныхъ. И потому, участвуя во всѣхъ народныхъ дѣлахъ, какъ люди, стоящіе по уму и другимъ качествамъ выше остального народа, духовныя лица старались не уничтожать народныя учрежденія, а оберегать ихъ отъ искаженій и вносить въ исполненіе разныхъ предписываемыхъ ими формъ только порядокъ, любовь, смыслъ и идею, что̀ и приличествуетъ вполнѣ ихъ пастыр-

---

[1]) Отвѣтъ короля Уроша, 1308 г. въ Сербск. Памят. М. Пуцича. (1862 г. стр. 153). «Quod in hoc nullo modo assentiret et quod nolebat spargere sanguinem suorum, sed volebat sententiare et tenere antiquam consuetudinem vrasde praedecessorum suorum et suam et quod aliud non faceret aliquo modo, quia hoc etiam firmaverat per sacramentum et quod Racusei facerent de suis Racuseis quidquid vellent, sed ipse non faceret de suis hominibus nisi secundum dictam consuetudinem vrasdae».

Digitized by Google

скому призванію. Въ этомъ случаѣ не корить ихъ слѣдуетъ, а благодаритъ за святое храненье народности со всѣми ея древними обычаями и учрежденьями.

А что касается Запада, то тамъ надъ искорененіемъ этого обычая работало много факторовъ: общее благоустройство жизни и культурность нравовъ, просвѣщенье и просвѣщенная власть, гуманизмъ и гуманныя идеи, которыя сыпались въ народъ великими, просвѣщенными умами; въ томъ же смыслѣ помогало и католическое духовенство; но отнюдь не оно одно. Сербамъ же досталась иная доля: турецкое господство, военная власть, мухамеданство со всѣми сопровождающими злами; а все, что сербскій народъ сохранилъ, вопреки всѣмъ обращеннымъ на него гоненьямъ, всѣ тѣ качества, которыя въ послѣдствіи помогли ему освободиться отъ чуждаго ига и занять съ достоинствомъ мѣсто между культурными народами, сохранено преимущественно его духовенствомъ.

Вотъ почему духовныя лица были не за истребленье такихъ обычаевъ, какъ кровавая месть и умиренье крови, а за ихъ лучшее примѣненье на практикѣ.

Говоря о кровавой мести, не нужно забывать, что тутъ примѣшивается нѣчто и изъ религіознаго чувства. «Ко се не освети, тај се не посвети» говоритъ Сербинъ. Это значитъ: «Тотъ не можетъ быть святымъ, т. е. удостоиться заслуженной его добродѣтелями жизни на томъ свѣтѣ, кто не будетъ отомщенъ».

Это далеко отъ разнузданнаго убійства, которое совершается въ Албаніи, а когда-то бывало и въ Черногоріи и Приморьѣ, когда не изъ мести, а просто изъ пустяковъ кидались другъ на друга, и тутъ падали десятки жертвъ.

В. Врчевичъ разсказываетъ, какъ въ Грблѣ же въ 1842 г., начавши шуткой, окончили тѣмъ, что убили троихъ на смерть, а 6 ранили. Но и это не все. Въ дополненье къ тому, четверо, встрѣтивши священника и изъ разговора съ нимъ узнавши, что онъ идетъ причастить одного изъ раненныхъ, убили и его на мѣстѣ.

Это—разнузданность, дошедшая уже до какого-то опьяненья кровью, и какое-то пренебреженье къ человѣку и человѣческой крови. Для такихъ случаевъ, мы бы сказали, и нѣтъ умиренья; но народный духъ и тутъ нашелъ выходъ, чтобы только избѣжать зла еще большаго. [1])

Такого рода массовыя убійства не имѣютъ ничего общаго съ кровавою местью. Но и она теряетъ смыслъ тамъ, гдѣ государство беретъ на себя охрану жизни и имущества каждаго.

---

[1]) См. В. Врчевић—«Низ приповиједака» Панчево 1881 г. статья: «Крвава умоба» стр. 196—206.

Digitized by Google

Изъ всего этого мы заключаемъ, что, какъ кровавая месть, такъ и умиренье крови, были нѣкогда народными учрежденьями, посредствомъ которыхъ обезпечивалась всеобщая безопасность, и польза или необходимость ихъ признавалась самою политическою властью; но времена и обстоятельство измѣнили ихъ духъ и характеръ, а всеобщая разнузданность нравовъ и привычка биться за каждую мелочь внесли въ это учрежденье то, что оно сдѣлалось бичемъ человѣчества.

Но это нужно приписать измѣненью нравовъ, одичавшихъ подъ вліяньемъ духа воинственности; дикіе нравы эти и извратили учрежденье кровавой мести до удовлетворенья кровью за малѣйшую обиду, иногда только воображаемую. Въ концѣ концовъ, кровавая месть теперь утратила всякій смыслъ и значенье, а только заключительный ея актъ, умиренье крови, какимъ-то чудомъ вполнѣ законно продолжаетъ существовать и нынѣ.

П. Ровинскій.

Цетинье, 16 окт. 1890.

Digitized by Google

Маріупольскіе Греки.

Занимаясь исторіей готскихъ народностей въ области нынѣшней Россіи вообще и крымскихъ Готовъ въ особенности, я пришелъ къ убѣжденію, что послѣднихъ потомковъ Готовъ таврическихъ слѣдуетъ видѣть въ такъ называемыхъ Маріупольскихъ Грекахъ, выселившихся въ 1778 г. изъ Крыма подъ предводительствомъ преосвященнаго Игнатія, митрополита Готѳійскаго и Кафійскаго [1]). Выходцамъ этимъ были отведены обширныя земли въ нынѣшнемъ Маріупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, гдѣ они основали городъ Маріуполь и 23 селенія, существующія и понынѣ [2]).

Переселенцы, въ составъ которыхъ вошли также тѣ немногіе Грузины и Волохи [3]), которые вмѣстѣ съ Греками выселились подъ защиту единовѣрной православной державы—Россіи, распадаются на двѣ части: одни изъ нихъ, такъ называемые «татъ», говорятъ по гречески; они вышли главнымъ образомъ изъ прежнихъ Генуезскихъ владѣній южнаго берега Крыма;—другіе, говорящіе по татарски,—суть выходцы изъ юго-западной горной области Крымскаго полуострова, т. е. именно изъ той области, которая до 1475 г. составляла владѣніе Манкупскихъ или «Готскихъ» князей (domini Todori или domini Gotiae Генуезцевъ).

Отправляясь лѣтомъ текущаго года на югъ съ цѣлью отысканія здѣсь слѣдовъ готской жизни, я поставилъ себѣ прежде всего задачей познакомиться съ этими потомками народа, слѣды котораго я хотѣлъ отыскать. При этомъ изслѣдованію подлежала, очевидно, главнымъ образомъ та часть греческаго населенія, которая говоритъ по татарски. Я могъ тѣмъ болѣе ограничиться ею,

---

[1]) Мысль эта высказана въ видѣ догадки уже въ 1874 г. А. Куникомъ въ Зап. Акад. Наукъ XXIV, стр. 142. Причины, подтвердившія мнѣ эту мысль, изложены мной въ статьѣ «Die letzten Schicksale der Krimgoten», появившейся въ отчетѣ Реформатскаго училища въ С.-Петербургѣ за 1889—90 учебный годъ.

[2]) Ихъ теперь 25, такъ какъ прибавилось двѣ деревни: Новая Карань и Новая Игнатьевка.

[3]) По рукописной «Вѣдомости» Суворова, хранящейся въ ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба и изданной мной въ указ. мѣстѣ стр. 84 сл., Грузиновъ было всего 219, Волоховъ 161 человѣкъ; Грековъ-же 18,391. Армяне, вышедшіе вмѣстѣ съ ними въ числѣ 12,611, отдѣлились отъ нихъ и поселились на устьѣ Дона, основавъ здѣсь городъ Нахичевань.

Digitized by Google

что греческія деревни посѣтилъ и описалъ еще въ 1874 г. покойный Григоровичъ [1]).

Сводя въ нижеслѣдующемъ результаты моей поѣздки въ Маріупольскій уѣздъ въ одну общую картину, я долженъ прежде всего замѣтить, что ходъ моихъ разысканій обусловливался исключительно главной моей цѣлью—отысканіемъ готскихъ слѣдовъ. Я не могъ и не хотѣлъ останавливаться, напримѣръ, на собираніи точнаго статистическаго матеріала относительно численности греко-татарскаго населенія или сельско-хозяйственнаго его быта. Это обстоятельство послужитъ, надѣюсь, достаточнымъ извиненіемъ той неполноты и односторонности, которымъ, по необходимости, долженъ страдать мой очеркъ жизни и быта Маріупольскихъ Грековъ. Главной цѣли своей я не достигъ, т. е. ясныхъ слѣдовъ готской жизни я не нашелъ ни въ лексиконѣ татарскаго говора, ни въ собственныхъ именахъ, ни въ преданіяхъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, по дорогѣ къ ясно-намѣченной, къ сожалѣнію не достигнутой, цѣли попались кое-какіе факты «живой старины», которые, можетъ быть, покажутся читателю не безъинтересными.

Пріемы, которыми я пользовался при собираніи интересовавшаго меня матеріала, состояли въ слѣдующемъ. Прибывъ въ какое-либо село, я обращался прямо къ сельскому старостѣ или волостному старшинѣ, гдѣ таковой имѣлся. Распросивъ его и растолковавъ въ чемъ дѣло, я черезъ него собиралъ всѣхъ стариковъ деревни. Дѣлалось это обыкновенно очень быстро, такъ какъ старики, по дряхлости своей, уже не уходятъ въ поле на работу и въ большинствѣ случаевъ оказывались всѣ на лицо. Приводили ко мнѣ людей дѣйствительно старыхъ; встрѣчались между ними такіе, которымъ свыше 80-ти лѣтъ (одинъ, въ Бешевѣ, утверждалъ даже, что ему больше ста); не было конечно такихъ, которые-бы видѣли еще Крымъ; въ большинствѣ случаевъ они оказывались сыновьями, рѣдко внуками, первоначальныхъ выходцевъ. Они почти всѣ крайне интересовались моимъ дѣломъ и очень охотно отвѣчали на мои распросы. Недовѣрчивость, обычную въ простолюдинѣ въ подобнаго рода вопросахъ, я замѣчалъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Вообще я долженъ отмѣтить фактъ, что во всемъ краѣ, во всѣхъ слояхъ и сословіяхъ населенія я встрѣтилъ такое дружелюбное, почти ласковое отношеніе ко мнѣ и моему дѣлу, такую, часто неожиданную, предупредительность въ оказаніи содѣйствія моимъ разысканіямъ, что край Маріупольскихъ Грековъ въ этомъ отношеніи оставилъ во мнѣ самое лучшее воспоминаніе [2]). Я отмѣчаю это не только для

[1]) Записка Антикварія о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ. Одесса.1871.

[2]) Не могу не вспомнить здѣсь съ особенной благодарностью Маріупольскаго уѣзднаго исправника Георгія Николаевича Гордынскаго, который всячески и словомъ и дѣломъ оказывалъ мнѣ свое вліятельное содѣйствіе.

Digitized by Google

того, чтобы печатно повторить выраженіе глубокой благодарности всѣмъ содѣйствовавшимъ мнѣ лицамъ, но и для того, чтобы показать, что я при своихъ изысканіяхъ былъ поставленъ въ наилучшія условія; если результаты моей поѣздки оказались тѣмъ не менѣе сравнительно незначительными, то это слѣдуетъ приписать отсутствію ожидавшагося мной матеріала.

Возвращаюсь къ изложенію моихъ пріемовъ.

Разговоръ со стариками составлялъ самую интересную и поучительную часть моихъ разысканій. Покончивъ съ нею, я обыкновенно отправлялся къ мѣстному священнику. Отъ него я часто получалъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, такъ какъ большинство священниковъ вышло изъ среды тѣхъ же Грековъ и во многихъ случаяхъ уже раньше интересовалось историческимъ прошлымъ этихъ Крымскихъ выходцевъ. Осмотромъ церкви и церковной утвари обыкновенно заканчивалось мое пребываніе въ извѣстномъ селѣ.

Я провелъ въ области Маріупольскихъ Грековъ всего 10 дней. За это время я успѣлъ познакомиться съ городомъ Маріуполемъ и со всѣми 10-ью татарскими деревнями въ слѣдующемъ порядкѣ: Старый Крымъ, Карань, Игнатьевка, Ласпа, Бешево, Улаклы (Джемрекъ тожь), Богатырь, Камара, Старый Керменчикъ [1]) и Мангушъ. Кромѣ того, я по дорогѣ останавливался въ Большой Янисолѣ (Салгирь-Енисала тожь) и въ Стылѣ, двухъ греческихъ деревняхъ.

Что касается исторіи первоначальнаго заселенія края Крымскими выходцами, то нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія я почерпнулъ изъ «Списка съ записки внесенной министромъ финансовъ въ комитетъ министровъ 31-го декабря 1823 году за № 3966.» Списокъ этотъ хранится у г. исправника Гордынскаго и любезно былъ мнѣ имъ предоставленъ. Изъ этой записки оказывается, что по плану въ 1779 г. Высочайше конфирмованному Грекамъ предназначалось 1,237,475 десятинъ земли въ границахъ, подробно обозначенныхъ. Но когда въ 1817 г. была назначена коммиссія для точнѣйшаго опредѣленія земельной собственности каждаго села и рѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ относительно землевладѣнія Грековъ, то «означеннаго въ грамотѣ числа десятинъ не оказалось, отъ того что въ самой натурѣ ихъ не явилось», какъ характерно выражается записка, а оказалось въ означенныхъ грамотой границахъ всего только 744,384 дес. 1225 саж., т. е. почти на 500,000 десятинъ меньше предполагавшейся земли. Изъ этихъ земель въ безспорномъ владѣніи Грековъ состояло 723,563 дес. 1359 саж., остальныя же земли были

---

[1]) Въ Маломъ-Керменчикѣ я не былъ: это село основано позднѣе выходцами изъ Стараго Керменчика и не имѣетъ, какъ меня увѣряли, ни стариковъ свѣдущихъ, ни старинной церковной утвари.

Digitized by Google

заселены казенными крестьянами или состояли во владѣніи помѣщиковъ. Но такъ какъ и этихъ земель казалось слишкомъ много для сравнительно малаго числа поселенцевъ, то коммиссія нарѣзала основаннымъ послѣдними 23-мъ селеніямъ всего 350,080 дес. 2181 саж., а городу Маріуполю всего 14,991 дес. $145^1/_2$ саж. [1]), да для рыбнаго промысла 6000 дес. удобной и 2332 дес. 755 саж. неудобной земли. Кромѣ того, Грекамъ предоставлено еще 139,517 дес. $1527^1/_2$ саж. для будущаго заселенія. Надѣлъ былъ, какъ видно, очень щедрый: всего Грекамъ отведено 518,421 дес. 2209 саж. Въ 23-хъ греческихъ селеніяхъ насчитывалось тогда Грековъ, Грузиновъ и Волоховъ всего 11,212 душъ мужескаго пола, которыя распредѣлялись по селеніямъ слѣдующимъ образомъ: Сартана 664, Чермалыкъ 425, Карань 652, Игнатьевка 630, Ласпа 396, Каракуба 435, Бешево 620, Стыля 489, Волковаха 207, Улаклы 309, Константинополь 487, Богатырь 571, Камара 588, Большая Янисоль 613, Новая Каракуба 417, Керменчикъ 650, Новый Керменчикъ 169, Малая Янисоль 842, Чердаклы 407, Старый Крымъ 214, Мангушъ 655, Ялта 570, Гурзуфъ 202.

Въ Маріупольской городской управѣ сохранился оригиналъ карты тѣхъ земель, которыя, по рѣшенію Екатерины II, предназначались переселенцамъ. Она носитъ заголовокъ: «Карта представляющая часть Азовской губерніи Маріупольскаго уѣзда, земли, которая опредѣляется вышедшимъ изъ Крыма Грекамъ». Посреди самой карты собственноручная надпись Императрицы: «Быть по сему. Екатерина». Затѣмъ другой рукой приписано: «Конфирмованъ 2-го октября 1779 года»; наконецъ, внизу на самомъ краю подпись: «Князь Потемкинъ». На эту карту, конечно, еще не нанесены основанныя въ послѣдствіи села; но уже обозначено мѣсто, гдѣ предполагалось основать Маріуполь: это тоже мѣсто, на которомъ теперь дѣйствительно стоитъ этотъ городъ.

Въ городской же управѣ хранится и довольно обширный архивъ, но, къ сожалѣнію, въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ. Даже поверхностное ознакомленіе съ нимъ заняло бы нѣсколько мѣсяцевъ; я поэтому за него и не брался, тѣмъ болѣе, что хранитель его увѣрялъ меня, что старыхъ документовъ, касающихся первоначальнаго заселенія края, въ немъ не имѣется: состоитъ онъ почти исключительно изъ бумагъ бывшаго греческаго суда, просуществовавшаго до 60-хъ годовъ нашего столѣтія.

Что касается распредѣленія переселенцевъ по деревнямъ, то меня прежде всего интересовалъ вопросъ, изъ какихъ именно крымскихъ деревень вышли жители каждаго Маріупольскаго села въ отдѣльности. Къ сожалѣнію, я пол-

[1]) Удобной земли 14,264 дес. $1732^1/_6$ саж., неудобной 726 дес. $813^1/_3$ саж.; селеніямъ: 346,602 дес. $1010^2/_3$ саж. удобной и 8978 дес. $1170^1/_9$ саж. неудобной.

Digitized by Google

ной ясности въ этомъ вопросѣ не достигъ. Письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ нѣтъ никакихъ, а что касается устныхъ преданій, то и они въ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ. Твердыя точки опоры даютъ только названія деревень: въ нихъ повторяются названія крымскихъ селъ, изъ которыхъ вышли основатели ихъ: такъ, въ селѣ Улаклы, называющемся и Жемрекъ, поселились, очевидно, выходцы изъ крымскихъ селъ Улаклы и Жемрекъ. Этими данными приходится довольствоваться относительно селъ: Демирджи (Константинополь тожь), Камары, Чермалыка, Бешева, старой и новой Каракубы (Аргынь тожь), Сартаны, Чердаклы, Малой Енисоли, Эски-Крыма, Мангуша, Стыли, Гурзуфа (или Кызылташъ) и упомянутаго уже Жемрека (Улаклы).

Относительно остальныхъ восьми селъ [1]) мнѣ удалось установить слѣдующее: въ Карани поселились выходцы изъ крымскихъ деревень Карани, Мармары и Черкезъ-Кермана (устное преданіе); въ Ласпѣ: жители Ласпы и Алсу (потому что одна часть деревни и теперь еще называется Алсу); въ Богатырѣ: изъ Богатыря и деревни Лака (такъ какъ, со словъ священника, часть деревни называлась такъ); въ Большой Енисолѣ поселились жители крымской деревни того же названія и, кромѣ того, выходцы изъ села Аянъ; до настоящаго времени село распадается на двѣ части: одна, Янисоль, говоритъ по гречески, другая, Аянъ, по татарски! [2]) Такъ какъ послѣдняя называется и Езенбашъ, то, вѣроятно, въ нее вошли также выходцы изъ этой крымской деревни. Въ Старомъ Керменчикѣ соединились жители четырехъ селъ: Керменчика, Шуру, Албата и Бія-сала; они, по преданію, составляли въ Крыму одну парахію и, поселившись вмѣстѣ, завели споръ о церковномъ престолѣ: побѣду одержали жители Керменчика, и церковь была выстроена во имя Св. Троицы, такъ какъ такая-же церковь имѣлась въ крымскомъ Керменчикѣ.— Наконецъ, Ялта заселена выходцами изъ Ялты, Біюкъ-Ламбата и Кючюкъ-Ламбата.

Что касается села Игнатьевки, то оно заселено исключительно Грузинами и Волохами, вышедшими изъ Крыма вмѣстѣ съ Греками. По ихъ преданію, Грузиновъ-выходцевъ было всего 36 казановъ (т. е. семействъ; по «Вѣдомости» Суворова 219 человѣкъ); они въ Крыму своихъ селъ не имѣли, а были въ рабствѣ у Татаръ; митрополитъ Игнатій освободилъ ихъ, вывелъ вмѣстѣ съ Греками и основалъ имъ здѣсь особое село, назвавъ его своимъ именемъ: Игнатьевкой. Они и теперь еще называютъ себя Грузинами, а не Греками, хотя говорятъ исключительно по татарски, забывъ грузинскій языкъ; между

---

[1]) Девятое—Волковаха или Бугасу основано не Крымскими выходцами, а анатольскими Греками въ 20-хъ годахъ.

[2]) Церковь одна, но въ ней два престола: Воскресенія (Аянъ) и Георгія Побѣдоносца (Янисоль).

Digitized by Google

ними немного только «грековъ». Въ обычаяхъ и нравахъ они ни въ чемъ не отличаются отъ сосѣднихъ Грековъ. Осталось одно лишь сознаніе, что они—Грузины, а не Греки, да еще нѣсколько грузинскихъ фамильныхъ именъ (такъ, есть между ними «дворянинъ» Ломидзевъ, который показалъ мнѣ свою дворянскую грамоту, выданную его дѣду при Екатеринѣ, въ подтвержденіе его дворянскаго достоинства). Въ ихъ составъ вошли несомнѣнно всѣ выходцы крымскихъ селъ Какчіои (?), Бешутки и Султанъ-Салы, изъ которыхъ выселились одни только Грузины. Въ другихъ деревняхъ Маріупольскихъ Грековъ я не нашелъ никакихъ слѣдовъ грузинскаго населенія. Что касается Волоховъ (выходцевъ крымскаго села Абдалъ), то они, по увѣренію Грузиновъ, тупой народъ и не захотѣли жить вмѣстѣ съ Грузинами въ Игнатьевкѣ: они выселились и основали въ 10 верстахъ отъ стараго села новое—Новую Игнатьевку, гдѣ и теперь живутъ сплошной массой [1]); говорятъ они по волошски, и фамиліи сохранили старыя, волошскія (я замѣтилъ между ними извѣстную и у насъ фамилію Абаза). По преданію, ихъ было при выселеніи изъ Крыма 96 человѣкъ; по вѣдомости Суворова 161; теперь ихъ 382 души мужескаго и 390 женскаго пола.

Мнѣ осталось еще замѣтить, что въ самомъ Маріуполѣ поселились выходцы изъ Карасу-базара, Кафы (Ѳеодосіи) и Бахчисарая [2]).

Такимъ образомъ удалось опредѣлить мѣсто поселенія выходцевъ изъ 37-ми крымскихъ городовъ и селъ. По вѣдомости Суворова, Греки, Грузины и Волохи вышли изъ 68-ми мѣстъ. Остается, слѣдовательно, неясной судьба переселенцевъ изъ 31 мѣста. Вѣроятно Греки городовъ Козлова (Евпаторіи) и Балаклавы вошли въ составъ Маріуполя; выходцы другихъ селъ слились съ большой массой, не оставивъ по себѣ воспоминанія о первоначальной родинѣ. Странно однакожь, что въ ряду названій Маріупольскихъ селъ встрѣчаются и такія, которыхъ нѣтъ въ спискѣ Суворова, именно: Богатырь, Аргынь (Каракуба) и Ёзенбашъ (Янисоль), а, между тѣмъ, одноименныя села и теперь еще существуютъ въ Крыму и, несомнѣнно, изъ нихъ дѣйствительно вышли православные. Обстоятельство это, конечно, должно быть объяснено неточностью Суворовской вѣдомости. Можетъ быть, спорныя деревни въ ней поименованы, но подъ другимъ только названіемъ?

Замѣчу наконецъ еще, что, по преданію, вмѣстѣ съ православными выселилось изъ Крыма и нѣсколько мусульманскихъ семействъ, которыя приняли крещеніе уже только въ Россіи; но они до настоящаго времени народомъ и

---

[1]) Новая Игнатьевка пока еще заштатное село, но жители хлопочутъ о признаніи его самостоятельнымъ и строятъ церковь.

[2]) Рѣчь свящ. Павла Щербина по поводу столѣтія кончины митрополита Игнатія, 1886 г., стр. 17.

Digitized by Google

оффиціально (т. е. по фамиліи) называются «турками» (со словъ отца Андрея Чентукова въ Старомъ-Крымѣ).

Внѣшній типъ у всѣхъ переселенцевъ въ общемъ одинъ и тотъ-же: они средняго роста, не слишкомъ крѣпкаго тѣлосложенія; цвѣтъ лица смуглый, волосы черные, обыкновенно въ кудряхъ, глаза большіе, быстрые, черные, носъ большой съ горбомъ, губы широкія, въ сильныхъ, энергичныхъ контурахъ,— однимъ словомъ, это тотъ-же типъ, который и теперь еще господствуетъ среди горныхъ жителей Крыма, т. е. типъ чисто новогреческій, своеобразно красивый и характерный. Типичныя черты тюркскаго племени (въ Крыму—степныхъ и городскихъ Татаръ): узкій разрѣзъ карихъ глазъ, сильно развитыя скулы, узкія блѣдныя губы и желтовато-блѣдный цвѣтъ лица—встрѣчаются крайне рѣдко; я замѣтилъ въ этомъ отношеніи только одно дѣйствительно типичное лицо (сына волостнаго старшины въ Карани; его отецъ—чистѣйшій Грекъ).

Но болѣе интересно и важно для насъ другое отступленіе отъ общаго греческаго типа: это—чисто готскій типъ. Онъ встрѣчается не слишкомъ часто, но нельзя сказать, чтобъ очень рѣдко: почти въ каждой деревнѣ я замѣтилъ одного или нѣсколько лицъ этого типа: они ростомъ повыше Грековъ, стройнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе крѣпкаго, широкаго тѣлосложенія; глаза темно-голубые, красиваго разрѣза, не такіе широкіе, какъ у Грековъ, волосы золотистаго цвѣта, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ въ кудряхъ; цвѣтъ лица, какъ у всѣхъ блондиновъ, нѣжный, щеки и губы алыя, носъ короткій, прямой. Однимъ словомъ, это чисто готскій типъ; существованіе его среди греческаго населенія Маріупольскаго уѣзда я не могу себѣ объяснить иначе, какъ атавизмомъ, проявленіемъ готской крови въ жилахъ этихъ переселенцевъ. Особенно поразилъ меня ямщикъ, везшій меня изъ Богатыря въ Камару, юноша лѣтъ 19-ти, носящій всѣ характерныя черты этого типа; имя его Гавріилъ, по фамиліи Чалбашъ (т. е. «бѣлая голова»); онъ разсказалъ мнѣ, что и у покойнаго отца его были свѣтлые волосы и голубые глаза, отчего его и прозвали «бѣлой головой» [1]). Что этотъ свѣтлый германскій типъ встрѣчается сравнительно рѣдко, это неудивительно: въ борьбѣ двухъ типовъ, свѣтлаго и смуглаго, всегда побѣждаетъ темный (ср., напр., юго-западную Германію и французскую Швейцарію).

Что касается языка переселенцевъ, то они, какъ я уже сказалъ, дѣлятся въ этомъ отношеніи на двѣ группы: одни, такъ называемые «татъ», говорятъ на своеобразномъ греческомъ нарѣчіи, которое они называютъ «аила» (оно

[1]) Я сначала относился очень недовѣрчиво къ случаямъ этого рода и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ справлялся, нѣтъ-ли тутъ примѣси великорусскаго свѣтлаго типа. Мое недовѣріе оправдалось только одинъ разъ (въ Ласпѣ), притомъ-же это было дѣйствительно русское, не готское лицо (глаза сѣрые, носъ маленькій).

Digitized by Google

описано Григоровичемъ въ указ. статьѣ); но кромѣ того, всѣ «таты» понимаютъ и говорятъ также и по татарски; пѣсни ихъ даже всѣ исключительно татарскія; греческихъ пѣсенъ они не помнятъ. Другая группа, говорящая по татарски, вовсе не знаетъ греческаго языка. Любимая пѣсня какъ тѣхъ, такъ и другихъ—пѣснь о героѣ Кјороглу (сынѣ слѣпца) и его подвигахъ, которая поется и въ Крыму еще. Но Татары помнятъ, что и они говорили когда-то по гречески: священники неоднократно разсказывали мнѣ, что крестьяне постоянно обращаются къ нимъ съ просьбой читать имъ евангеліе по гречески, хотя они ни одного слова греческаго не знаютъ: «намъ, говорятъ они, тонъ пріятенъ!» (Старый-Крымъ, от. Чентуковъ). И дѣйствительно, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда священникъ соглашается на ихъ просьбу и читаетъ имъ евангеліе по гречески, то въ крестьянахъ появляется гораздо больше усердія къ молитвѣ, и они толпами сходятся послушать звуки языка ихъ предковъ на далекой родинѣ.

Въ языкѣ Татаръ, съ которымъ я успѣлъ поближе познакомиться, встрѣчается сравнительно мало словъ греческихъ, исключительно для выраженія понятій церковныхъ: такъ «святой» въ ихъ языкѣ: аіосъ (ἅγιος), но передъ собственнымъ именемъ то-же понятіе выражается татарскимъ «азисъ» (азисъ Петросъ). Германскихъ словъ я въ ихъ языкѣ не нашелъ, хотя ревностно искалъ ихъ. За-то въ него все больше и больше проникаетъ русскихъ словъ. Дѣло въ томъ, что мужчины уже всѣ безъ исключенія знаютъ русскій языкъ, а молодежь даже между собой часто говоритъ по русски; важную роль играетъ здѣсь, конечно, общая воинская повинность и русское богослуженіе, сравнительно недавно введенное (см. ниже). Обрусѣніе подвигается очень быстро впередъ, и черезъ два-три поколѣнія русскій языкъ будетъ господствовать и въ обыденной рѣчи Грековъ-переселенцевъ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я въ глухой степи встрѣтился съ молодымъ Грекомъ и попросилъ его спѣть мнѣ пѣсню, а онъ мнѣ въ отвѣтъ затянулъ тонкимъ носовымъ голосомъ: «Я жанился, перемѣнился; я таперича не твой!» Я остановилъ его, но онъ увѣрялъ, что у нихъ другихъ пѣсенъ не поютъ, что старики, молъ, еще помнятъ кое-какія татарскія пѣсни, а они, молодежь, поютъ только русскія. Это подтвердили мнѣ въ послѣдствіи и старики. Какимъ образомъ сѣверная фабричная пѣсня попала на югъ, на берега Калки—я не знаю.

Все сказанное о языкѣ относится, однако, только къ мужскому населенію; женщины въ этомъ отношеніи консервативнѣе, и я не видалъ ни одной женщины знающей, хотя мало-мальски, русскій языкъ. Фамильныя прозвища въ рѣдкихъ только случаяхъ сохранили чисто греческую, либо татарскую форму (напр. Экзархоу, Коджасниро; Уружбай, Мами, Муратъ, Тельмачъ); по большей части они уже передѣланы на русскій ладъ (Чентуковъ, отъ татарск.

Digitized by Google

чентухъ куцый; Костомановъ, Барабашевъ, Певріевъ, Акритовъ, Темировъ), или же они прямо русскія (особенно въ духовномъ сословіи: Савельевъ, Агапіевъ, Юрьевъ, Антоніевъ; всѣ эти лица—Греки, не Русскіе). Наконецъ въ Мангушѣ я встрѣтилъ старика Суворова, или лучше Сувурова: онъ сказалъ мнѣ, что отецъ его, вышедшій изъ Крыма, назвалъ себя такъ въ честь знаменитаго полководца, который командовалъ въ то время южно-русскими арміями и былъ главнымъ руководителемъ и защитникомъ переселенцевъ въ 1778 году.

Въ бытѣ и обычаяхъ переселенцы Греки не отличаются отъ Татаръ: и тѣ и другіе, какъ жаловались мнѣ священники, народъ лѣнивый; работаютъ только мужчины, да и то лишь бѣдные; женщины же всѣ дома сидятъ и весь день трубки курятъ, въ чемъ, конечно, сохранилась черта ихъ крымской жизни и татарскаго вліянія. Но вообще они народъ трезвый и честный; пьянство пока еще не слишкомъ сильно распространено. Отличіе Грековъ отъ Татаръ замѣчается только въ праздничномъ нарядѣ женщинъ: Гречанки носятъ на головѣ бѣлыя повязки съ блестящими побрякушками, Татарки—простые платки яркихъ цвѣтовъ [1]). Въ Енисолѣ, которая распадается на двѣ части (см. выше), отличіе это строго соблюдается. Мужчины одѣваются одинаково.

Невѣстъ Татары выбираютъ только изъ татарскихъ селъ, Греки—изъ греческихъ; но причина этому не сознаніе національнаго отличія, а различіе въ языкѣ: Татарки не знаютъ греческаго языка и наоборотъ. Браки съ Русскими въ прежнее время никогда не заключались; теперь они хотя и случаются, но очень рѣдко. Женится молодежь не по расчету, а всегда, будто-бы, по любви: «былъ-бы женихъ красавецъ», вотъ принципъ, которымъ руководствуются невѣсты, выходя за-мужъ (Старый-Крымъ).

Любопытный старинный обычай сохранился какъ у Грековъ, такъ и у Татаръ—такъ называемые панаиры, публичныя игры въ высокіе церковные праздники (храмовые, на Рождествѣ и т. д.). Въ опредѣленный день собираются въ селѣ жители окрестныхъ деревень; всѣ выходятъ на свободное мѣсто передъ селомъ и начинается рядъ поединковъ: борцы обхватываютъ и стараются повалить другъ друга; побѣжденъ тотъ, чья спина первая дотронется до земли. Вокругъ борцовъ стоятъ старики и наблюдаютъ, чтобы все шло правильно, по старинному, чтобы не было драки; они же большинствомъ голосовъ рѣшаютъ спорныя дѣла. Передъ борьбой борцы благословляются священникомъ, который обязательно присутствуетъ на играхъ, и затѣмъ приступая къ борьбѣ, обмѣниваются братскимъ поцѣлуемъ. Награду лучшаго борца составляетъ, кромѣ славы, голова быка, съѣденнаго сообща всѣмъ народомъ.

---

[1]) Идя подъ вѣнецъ, невѣсты въ Мангушѣ закрываютъ себѣ лицо на турецкій ладъ.

Digitized by Google

Дѣло въ томъ, что за играми слѣдуетъ пиръ, устраиваемый однимъ изъ сельчанъ или нѣсколькими вмѣстѣ, если участники бѣдны. Священникъ рѣшаетъ, у кого быть угощенію въ слѣдующій панаиръ. Охотниковъ всегда много (не смотря на то, что пиръ обходится, конечно, дорого), такъ какъ угощать народъ въ этихъ случаяхъ считается большой честью. Впрочемъ, каждый изъ гостей приноситъ на пирушку кто что можетъ, уменьшая этимъ расходы хозяина.

Конечно, на этихъ панаирахъ случаются и несчастія. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Ласпѣ одинъ борецъ изъ Бешева переломилъ себѣ ногу; случай этотъ хотѣли скрыть, и слишкомъ поздно отвезли больного въ больницу, гдѣ онъ черезъ нѣсколько дней умеръ. Не смотря на это, сами родственники пострадавшаго отвѣчали на распросы полиціи отрицательно, утверждая, что онъ самъ переломилъ себѣ ногу случайно въ полѣ: боялись, что полиція запретитъ панаиры.

Такихъ панаировъ въ каждомъ селѣ по нѣскольку въ годъ. Въ Мангушѣ, одномъ изъ самыхъ богатыхъ селъ, ихъ даже 9: два главные, на которые сходятся гости изъ другихъ селъ (8 мая и 8 іюня), и 7 мелкихъ (1 янв., 1 и 10 февр., 21 мая, 27 іюня, 11 ноября и 24 декабря).

Что касается народныхъ преданій, то я не нашелъ ни одного такого, которое восходило-бы до временъ Готовъ и готскихъ князей: эпоха татарскаго и турецкаго ига (1475—1778) такъ сильно подѣйствовала на воображеніе угнетенныхъ, что въ ихъ памяти совершенно безслѣдно стерлись воспоминанія о прошлыхъ лучшихъ временахъ. Все, что я имъ разсказывалъ о прежнемъ ихъ житьѣ-бытьѣ въ Крыму, о манкупскихъ князьяхъ и т. д., оказывалось для нихъ пріятною новостью; они увѣряли, что ихъ отцы и дѣды никогда ничего подобнаго имъ не разсказывали. Только одинъ упомянутый уже старикъ Сувуровъ (Леонтій Ѳеодоровичъ) въ Мангушѣ зналъ о существованіи готскаго княжества. Это вообще одинъ изъ интереснѣйшихъ людей, съ которыми мнѣ удалось познакомиться въ теченіи моей поѣздки. Старикъ 81 года, разбитый параличемъ, вотъ уже третій годъ лежащій безъ движенія на постели, у открытаго окна своей избы, еле движущій языкомъ, но замѣчательно умный, начитанный и сохранившій поразительную свѣжесть памяти. Онъ уже въ 1835 г. былъ старшиной, много путешествовалъ, бывалъ и въ Крыму. Онъ съ молодыхъ лѣтъ живо интересовался прошлымъ своего народа, распрашивалъ объ этомъ кого могъ, читалъ все, что попадалось ему подъ руки. Онъ многое мнѣ разсказалъ; но, къ сожалѣнію, подробности его разсказа скоро убѣдили меня въ томъ, что его источникъ—не устное, а книжное преданіе, хотя онъ и увѣрялъ, что, напримѣръ, объ Исайкѣ, послѣднемъ князѣ Ман-

Digitized by Google

купскомъ, сказывали ему и дѣды [1]). Новыхъ фактовъ я отъ него не узналъ, ново для меня было только увлеченіе и восторгъ, съ которымъ онъ разсказывалъ объ этихъ дѣлахъ давно минувшихъ дней и о подвигахъ своихъ предковъ, говоря при этомъ всегда въ первомъ лицѣ «мы...» Для него мое посѣщеніе было сущимъ праздникомъ; онъ расплакался, когда я сказалъ ему, что хочу писать о его народѣ книжку, просилъ упомянуть въ книжкѣ и о немъ, да непремѣнно прислать ему. Я ему, конечно, обѣщалъ.

Если въ памяти переселенцевъ и исчезли слѣды давно минувшаго славнаго прошлаго, то воспоминанія о татарскомъ угнетеніи сохранились очень живыми. Они помнятъ имена Девлетъ-Гирея, Шагинъ-Гирея, Асланъ-бея; старики не разъ, со слезами на глазахъ, разсказывали мнѣ объ угнетеніяхъ и мученіяхъ, которымъ подвергались ихъ отцы, о томъ, какъ Татары похищали у нихъ дѣвушекъ, позорили женъ, пилили ихъ отцевъ деревянной пилой и всячески мучили и разоряли ихъ. Объ этомъ и въ пѣсняхъ ихъ поется. Въ пѣсняхъ же воспѣвается, какъ говорили мнѣ священники, и далекая родина—Крымъ, воспоминанія о которомъ крѣпко держатся въ народной памяти. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ стариковъ не соглашался спѣть мнѣ такую пѣсню: они, очевидно, стѣснялись; а молодые этихъ пѣсенъ уже не знаютъ. Но что они помнятъ Крымъ, что отцы и, особенно, матери много имъ разсказывали о томъ, какъ хорошо въ Крыму, какія тамъ горы, виноградники, сады—это все мнѣ говорили. Сохранились также преданія о богатыхъ кладахъ, будто бы зарытыхъ ихъ отцами при выходѣ изъ Крыма. Бывали примѣры, что потомки отправлялись туда, чтобы вырыть схороненное богатство: они, конечно, возвращались съ пустыми руками, хотя въ преданіяхъ мѣста, гдѣ зарыты эти клады, обозначены самымъ точнымъ образомъ: столько-то шаговъ влѣво или вправо отъ такого-то дерева, такой-то скалы.

Наконецъ, считаю нелишнимъ упомянуть еще объ одномъ любопытномъ фактѣ сохраненія живой связи съ Крымомъ. Въ селѣ Богатырь есть священникъ от. Леонтій Юрьевъ. Его отецъ и дѣдъ были священниками въ томъ-же селѣ. Прадѣдъ же его (по женской линіи) былъ нѣкто Юрій Сахавъ (Сахау), богатый дворянинъ, имѣвшій много земли въ крымской деревнѣ Богатырь: однихъ пастуховъ у него, по преданію, было нѣсколько сотъ, и при помощи ихъ онъ часто защищалъ и спасалъ христіанъ отъ Татаръ. Онъ же нѣсколько разъ спасалъ митрополита Игнатія и наконецъ вывелъ вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ православныхъ въ Россію, причемъ Игнатія вывезли въ бочкѣ, чтобы скрыть отъ Татаръ. Прибывъ на новую родину, Сахавъ основалъ здѣсь Богатырь и на

[1]) Самъ онъ, по его разсказу, также княжескаго рода. Грамота, выданная его предкамъ греческими (византійскими?) царями, была затеряна по пути въ Россію; бабушка Суворова всегда горько плакала, разсказывая внуку объ этомъ.

Digitized by Google

свои средства выстроилъ церковь, которая стоитъ и понынѣ. Въ крымскомъ же Богатырѣ существуютъ до сего дня дома и сады Юрья Сахава. Много лѣтъ тому назадъ жена одного «татарскаго дьякона» въ Богатырѣ, также происходящая изъ того же рода Сахавъ, но въ молодости похищенная Татарами, узнавъ, что въ Россіи имѣются потомки Юрья Сахава, прислала отцу Леонтію черезъ земляка въ подарокъ посохъ, волошскихъ орѣховъ мѣшокъ и 20 штукъ айвы!

Перехожу, наконецъ, къ послѣднему отдѣлу моего очерка. Церкви въ селахъ переселенцевъ въ общемъ довольно богаты. Старыхъ церквей однако мало: онѣ большей частью замѣнены уже новыми. Самая старая—соборъ въ Маріуполѣ, выстроенный еще Игнатіемъ; онъ деревянный, простой и невзрачный, окна маленькія, украшеній почти никакихъ. Въ послѣдствіи перестроили его съ цѣлью увеличенія, причемъ, однако, оставили древнюю часть нетронутой; затѣмъ, такъ какъ онъ и въ этомъ видѣ казался слишкомъ малымъ, то выстроили рядомъ съ нимъ новый большой каменный соборъ. Въ старомъ покоится прахъ митрополита Игнатія, память котораго свято чтится потомками Крымскихъ выходцевъ. Онъ похороненъ въ склепѣ въ сидячемъ положеніи на креслѣ. Склепъ покрытъ бѣломраморной доской съ слѣдующей надписью золотыми буквами:

«Здѣсь покоится приснопамятный святитель Игнатій
24-ый митрополитъ Готѳскій и Кафскій
мѣстоблюститель Константинопольскаго
патріарха въ Крыму
откуда увелъ Грековъ въ 1777 г. (sic!)
освободивъ отъ татарскаго ига
и водворивъ въ Маріупольскомъ округѣ
испросивъ для нихъ Высочайше
привилегированную граммату
скончался 16 февраля 1786 г.
и уцѣлѣвшій донынѣ».

Склепъ нѣсколько разъ вскрывали; очевидцы разсказывали мнѣ, что тѣло покойнаго митрополита уцѣлѣло и находится все въ томъ же положеніи на креслѣ; облаченіе же все превратилось въ прахъ. Въ соборѣ же хранятся вещи, нѣкогда принадлежавшія Игнатію, напр., его митра изъ краснаго сукна, серебряное кадило (съ надписью: τοῦ ἁγίου Νηκολάου ἐχαστρο Καφᾶ 1778), серебряное блюдо 1732 года, такая-же ложечка 1759 г., и другія мелочи; наконецъ греческое печатное евангеліе (Венеція 1709), принадлежавшее предшественнику Игнатія, митрополиту Гедеону, какъ явствуетъ изъ приписки на первомъ листѣ, сдѣланной рукой самого Игнатія въ 1765 г. На нѣкоторыхъ цѣнныхъ вещахъ есть еще слѣды черной краски, въ которую окрашивали

Digitized by Google

христіане драгоцѣнности, чтобы скрыть отъ хищныхъ Татаръ.—По сельскимъ церквамъ разсѣяно довольно много подобныхъ предметовъ церковнаго обихода, вывезенныхъ еще изъ Крыма, большей частью издѣлія прошлаго вѣка, грубой работы. Одна только вещь древнѣе: это серебряная чаша, на ножкѣ которой латинская надпись: PRO * HOSPITALI * S * MARIA * MAGDALENA* ANNO * DOMINI * 1599. Она находится въ церкви села Мангуша и попала сюда, очевидно, изъ какой нибудь генуезской католической церкви.— Наконецъ, отмѣчаю еще такую же чашу въ церкви Игнатьевки: на ея ножкѣ, на пяти круглыхъ медальонахъ, есть греческая надпись, упоминающая—въ самой варварской ореографіи—о митрополіи Готөской и Кафской (τις [τῆς] μητροπόλεως Γοτθίας καὶ Καφᾶ ἔτος 1722). Это единственный предметъ церковной утвари, который напомнилъ мнѣ о томъ, что я нахожусь среди потомковъ Готовъ.

Изъ древнихъ иконъ самая замѣчательная: икона Божіей Матери Одигитріи въ Успенской церкви слободы Марьина подъ Маріуполемъ. Она уже описана Григоровичемъ. Подобныхъ ей старыхъ иконъ, писанныхъ на мастикѣ, есть нѣсколько: такъ въ Ласпѣ образъ Георгія Побѣдоносца, такой же образъ въ Бешевѣ. [1]) Но большая часть иконъ въ сельскихъ церквахъ—новыя, русской работы. Наконецъ, стоитъ упомянуть о древнемъ желѣзномъ крестѣ (выш. въ 1 м. 50 сант.) въ церкви села Богатырь; онъ покрытъ теперь мѣдными рельефными украшеніями русской работы. Онъ считается явленнымъ: пастухи нашли его въ полѣ еще въ бытность христіанъ въ Крыму, незадолго до выселенія; отнесли его въ сельскую церковь, но онъ не захотѣлъ тамъ остаться: два раза возвращался онъ самъ собой ночью на старое мѣсто, въ поле; наконецъ, когда его принесли въ избу одной благочестивой вдовы, онъ остался здѣсь до самаго выселенія православныхъ. Когда захотѣли православные переселиться—съ крестомъ опять бѣда: не хочетъ онъ оставить излюбленнаго мѣста. Сняли его наконецъ съ молитвами, положили на телѣгу, повезли; да не тутъ-то было: оглобли телѣги повернули назадъ въ деревню. Помогли наконецъ тѣмъ, что крестъ связали, привязали къ телѣгѣ и такимъ-то образомъ отвезли его съ собой въ Россію. Теперь онъ стоитъ въ Богатырской церкви, подъ особымъ балдахиномъ, высоко чтимый жителями села и окрестныхъ деревень.

Что касается церковныхъ книгъ, то на ряду съ новыми, русскими, которыя однѣ только въ употребленіи теперь, имѣются во всѣхъ сельскихъ церквахъ и старыя, особенно евангелія греческія, безъ исключенія печатныя, ве-

---

[1]) Георгій Побѣдоносецъ и Өеодоръ Стратилатъ на ряду съ Константиномъ и Еленой—самые популярные святые края.

Digitized by Google

неціанской работы (древнѣйшее 1672 г. въ Эски-Крымѣ, затѣмъ 1689 г. въ Стылѣ и другія, большею частью прошлаго вѣка; новѣйшее 1852 года, также печатанное въ Венеціи); кромѣ того татарскій Апостолъ печатный греческими буквами (Венеція 1793 г.) въ Улаклахъ, и рукописныя турецкія евангелія 1745 г. (Бешево), 1773 г. (Богатырь) и, наконецъ, еще 1869 г. (Карань). Переплеты всѣхъ этихъ книгъ — новые, не представляющіе интереса.

Богослуженіе ведется теперь, какъ я уже замѣтилъ, на русскомъ языкѣ, съ недавнихъ сравнительно поръ; оно было введено повсюду лишь лѣтъ 15—20 тому назадъ (въ Карани лишь съ 1879 г.); прежде оно велось на греческомъ языкѣ, котораго крестьяне вовсе не понимали. Теперь даже проповѣди читаются по русски; только нѣкоторые священники, произнесши русскую проповѣдь, повторяютъ ея суть еще по татарски — для женщинъ, которыя, какъ я уже сказалъ, вовсе не знаютъ русскаго языка. Изъ священниковъ мнѣ встрѣтился только одинъ Русскій, от. Ѳеодоръ Карасевъ въ Ласпѣ, молодой еще человѣкъ. Всѣ остальные — Греки, но, конечно, получившіе воспитаніе въ русскихъ семинаріяхъ и поэтому прекрасно владѣющіе русскимъ языкомъ. Часто священническій санъ переходитъ отъ отца къ сыну, и я уже указалъ на примѣръ села Богатыря, гдѣ внукъ служитъ въ томъ же мѣстѣ. гдѣ священнодѣйствовали его отецъ и дѣдъ, въ церкви основанной прадѣдомъ,

Вышеизложеннымъ исчерпываются свѣдѣнія, добытыя мною во время моего странствованія въ приазовскихъ степяхъ.

Я искалъ свѣдѣній о тѣхъ же Грекахъ еще и въ другихъ мѣстахъ. Извѣстно, что митрополія Готѳейская и Кафійская по смерти Игнатія въ 1786 году была присоединена къ тогдашней Славянской, нынѣшней Екатеринославской епархіи. Я поэтому заѣхалъ въ Екатеринославль и справился, не имѣется ли тамъ какихъ либо бумагъ изъ архива готской митрополіи. [1])

Оказалось, что такихъ бумагъ не имѣется, а есть только позднѣйшія записи о крещеніяхъ, бракахъ и т. д. Бумаги же митрополіи остались, какъ я узналъ потомъ, въ рукахъ наслѣдниковъ (племянниковъ) митрополита Игнатія (по фамиліи Хозадинова), и должны находиться у дочери одного изъ этихъ племянниковъ, основавшей въ Херсонѣ женскую гимназію. Я хотѣлъ написать туда, но Сувуровъ сказалъ мнѣ, что уже раньше справлялись (если не ошибаюсь, преосвященный Гермогенъ, епископъ псковскій, бывшій таврическій), и что на письмо, посланное въ Херсонъ, не было получено отвѣта. Нужно бы прослѣдить это дѣло лично, на мѣстѣ. У меня не было на это ни времени, ни средствъ. Но думаю, что бумаги эти—если онѣ вообще еще имѣются—должны-бы найтись и что, во всякомъ случаѣ, стоитъ труда поискать ихъ.

[1]) Приношу искреннюю благодарность Д. Д. Барашкову за оказанную мнѣ при этомъ помощь.

Digitized by Google

Наконецъ, не могу не упомянуть о цѣнномъ пріобрѣтеніи, сдѣланномъ мною въ послѣдній день моего пребыванія въ Маріуполѣ. Отъ секретаря земской управы, Ивана Эдуардовича Александровича, я узналъ о цѣнныхъ лингвистическихъ и этнографическихъ матеріалахъ, собранныхъ покойнымъ Өеоктистомъ Абрамовичемъ Хартахаемъ († 1881 г.), основателемъ и первымъ директоромъ Маріупольской мужской и женской гимназій. Хартахай самъ былъ по происхожденію Грекъ и еще студентомъ живо интересовался судьбой своихъ соплеменниковъ. Достигнувъ на родинѣ твердаго положенія, онъ явился ревностнымъ дѣятелемъ на поприщѣ просвѣщенія роднаго края. Къ сожалѣнію, многое изъ собранныхъ имъ матеріаловъ пропало по смерти его, такъ какъ имъ не придавали никакой цѣны. Все, что̀ уцѣлѣло, въ старомъ ящикѣ на чердакѣ, было любезно предоставлено въ мое полное распоряженіе вдовой покойнаго Хартахая, Софьей Аркадьевной Домонтовичъ, за что приношу ей глубокую благодарность. Эти немногіе, но крайне цѣнные остатки состоятъ въ слѣдующемъ:

1) 5 тетрадокъ матеріаловъ (собранныхъ самимъ Хартахаемъ) для словаря нарѣчія аила,

2) Греческій пѣсенникъ изъ села Сартаны,

3) Сборникъ греческихъ и татарскихъ пѣсенъ и разсказовъ,

4) Рукописный словарь греческаго литературнаго языка съ поясненіями на мѣстномъ нарѣчіи,

5) 4 татарскихъ рукописи различнаго содержанія; между прочимъ богатый сборникъ татарскихъ мѣстныхъ пѣсенъ (всего 47).

Всѣ рукописи писаны греческими буквами и пріобрѣтены Хартахаемъ въ разныхъ селахъ Маріупольскаго уѣзда у крестьянъ. Греческій матеріалъ будетъ мною изданъ въ скоромъ будущемъ; изданіе татарскихъ текстовъ предоставляю лицамъ болѣе меня свѣдущимъ. Всѣ пріобрѣтенныя мною рукописи, по рѣшенію Этнографическаго Отдѣленія И. Г. О., будутъ переданы Императорской Публичной Библіотекѣ.

Заканчивая этимъ свой очеркъ, не могу не пожалѣть, что результаты моей поѣздки не оправдали надеждъ, возложенныхъ на нее. Къ отысканію слѣдовъ Готовъ остается, слѣдовательно, одинъ только путь — археологическія разысканія въ самой крымской Гори. Первые шаги по этому пути я уже сдѣлалъ нынче же лѣтомъ, и твердо убѣжденъ, что рано или поздно достигну цѣли, рисующейся пока только моей мечтѣ.

Ө. Браунъ.

С.-Петербургъ.
10-го октября 1890 года.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ
О СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНАХЪ ВЪ ВЕЛИКОРУССКИХЪ БЫЛИНАХЪ.

Мы желаемъ сообщить нѣкоторое количество матеріаловъ, касающихся собственныхъ именъ въ былинахъ.

1) Передъ нами Илья Муромецъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что лицо съ этимъ именемъ никогда не существовало. Не подлежитъ сомнѣнію, что лѣтописи во многихъ случаяхъ выставили на первый планъ часто ничтожныхъ князей и умолчали о настоящихъ не титулованныхъ герояхъ событій; народъ-очевидецъ не только могъ, но даже долженъ былъ отнестись къ своимъ дѣятелямъ съ большею справедливостью... Имя нашего богатыря—христіанское, и это обстоятельство не позволяетъ относить время возникновенія о немъ пѣсенъ къ очень глубокой древности. Христіанскія имена стали у насъ употребляться болѣе или менѣе часто не раньше XII вѣка (мы основываемся на данныхъ Новгородской лѣтописи, сохранившей много именъ бояръ и лучшихъ людей), но сомнительно, чтобы они могли спуститься въ народную массу, среди которой сложились былины, раньше начала XIII в. Такимъ образомъ возникновеніе былинъ объ Ильѣ едва ли можетъ быть относимо ко времени до конца XII в.

2) Добрыня Никитичъ. Кажется, нѣтъ достаточнаго основанія видѣть въ этомъ богатырѣ отраженіе древнѣйшаго изъ историческихъ Добрынь—дяди Владимира св. Имя Добрыня въ древней Руси было однимъ изъ числа самыхъ распространенныхъ именъ, какъ свидѣтельствуютъ съ одной стороны показанія лѣтописей и документовъ до самаго XVII в. (Лаврент. сп. л. 361, 1-я Новгородск. л. 155, Переяславскій лѣтописецъ 177, Акты Ѳедотова-Чеховскаго I, 271 [1]), съ другой мѣстныя названія: Добрынино (три села въ Ярославской губ., два въ Вологодской, по одному въ Тверской и Владимирской), Добрынина (дер. въ Пермской и Владим. г.), Добрыни (четыре дер. въ Тверск., одна въ Петерб.), Добрыничи (Пск.), Добрыната (Пермск.), Добрыниха (Влад., Костр.), Добрынка (Пермск.),

---

[1]) Еще см. «Славянскій именословъ» Морошкина и ст. Чечулина.

Digitized by Google

Добрынинская (Вятск.), Добрынинскій починокъ (Волог.), Добрынское (четыре дер. Влад.). Древній Новгородъ имѣлъ Добрыню (=Добрынину) улицу. Сверхъ того, у насъ распространены фамиліи Добрынинъ и Добрынкинъ (между прочимъ среди купечества и крестьянства). Поляки нѣкогда имѣли имя Добрыня (Бодуэнъ де Куртенэ, «О древн. польск. языкѣ»). Сравни у Сербовъ названія селъ Добриня и Добрине.

Мы придаемъ большую важность мѣстнымъ названіямъ и фамиліямъ.

Въ первыхъ мы очень часто имѣемъ дѣло или съ прилагательными отъ древнихъ личныхъ именъ (Добрынино—первоначально поселеніе Добрыни), или съ патронимиками (отчествами) древнихъ личныхъ именъ (Добрыничи—сперва потомки Добрыни, жители поселенія, потомъ самое поселеніе), или съ чистыми древними именами, по преимуществу во множественномъ числѣ (Добрыни—сперва нѣсколько лицъ съ именемъ Добрыня, жители поселенія, потомъ самое поселеніе). Здѣсь мы встрѣчаемся нерѣдко съ очень древними личными именами, такими, которыя не сохранены намъ ни въ одной лѣтописи, ни въ одномъ документѣ. Таково имя Перемилъ, отъ котораго названіе трехъ селъ въ Петербургской г. Перемилово и города въ Галиціи Перемиль. Срав. былинное Пермилъ=Бермята.

Въ фамиліяхъ мы довольно часто имѣемъ или прилагательныя отъ древнихъ личныхъ именъ (Добрынинъ — первоначально сынъ, потомокъ Добрыни), или патронимики (Добрыничъ—первоначально сынъ Добрыни). И здѣсь, такъ какъ фамиліи стали употребляться у насъ по меньшей мѣрѣ съ XIV в., нерѣдко мы находимъ такія древнія имена, которыхъ нѣтъ въ лѣтописяхъ и документахъ [1]).

Понятно, если мы знаемъ большое количество сходныхъ мѣстныхъ названій и фамилій,—мы имѣемъ право говорить о значительной распространенности въ древней Руси того или другаго личнаго имени; если сходныя мѣстныя названія найдены нами лишь въ извѣстныхъ частяхъ Руси (напримѣръ, въ сѣверныхъ губерніяхъ), мы можемъ говорить объ преимущественномъ употребленіи личнаго имени въ этихъ частяхъ [2]).

---

[1]) Таково, между прочимъ, имя Тихомиръ. Оно у насъ сохранилось только въ фамиліи, а у Сербовъ извѣстно по документамъ (Деч хрисовулы 90, 123).

[2]) Мы пользуемся для собственныхъ именъ, русскихъ и инославянскихъ, »Славянскимъ именословомъ» свящ. Морошкина (Спб. 1867), статьею г. Чечулина: «Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI в.» («Библіографъ» 1890 г. № 7—8), Словаремъ Южно-славянской Академіи (который еще не доведенъ до половины), извлеченіями изъ старо-сербскихъ помянниковъ проф. Новаковича и изданными нѣсколько лѣтъ назадъ сербскими Дечанскими Хрисовулами XIV в. (въ «Гласникѣ» Сербскаго Уч. Общества 2 отд., кн. 12). Мѣстныя названія, русскія и инославянскія, извлечены нами изъ «Списковъ населенныхъ мѣстъ» разныхъ губерній, изъ обширнаго Słownika gieograficznego królewstwa polskiego», къ сожалѣнію

Digitized by Google

3) Передъ нами Чурило Пленковичъ. Имя Чурило не можетъ быть считаемо происшедшимъ отъ древне-русскаго Кюрилъ=Кириллъ, такъ какъ мы совсѣмъ не знаемъ достовѣрныхъ примѣровъ измѣненія на русской почвѣ *к* въ *ч*. [1]) По всей вѣроятности, оно уменьшительное (отъ Чурославъ или ему подобнаго; сравни въ «Словѣ о полку Игоревѣ» уменьшительное вѣтрило отъ вѣтръ, въ одномъ новгородскомъ документѣ, до 1263 г., упомянутомъ въ «Древнихъ памятникахъ русскаго языка и письма» Срезневскаго, стр. 130, Твердило, имя посадника, отъ Твердиславъ), что не мѣшаетъ ему, какъ и инымъ именамъ на ило, быть общеславянскимъ.

Собственное имя Чурило въ лѣтописяхъ и документахъ XV—XVI вв. встрѣчается сравнительно рѣдко. Мы можемъ отмѣтить: nobilis Andreas dictus Czurilo (въ галицкомъ документѣ 1410 г. «Akta grodzkie i ziemskie», II, 61), Чурилко и Тараску Чурилова (Новгородскія писцовыя книги, 1495 г.), Ивана сына Григоріева Чюрилова (подъ 1377 г. Полн. собр. р. лѣт. VIII, 32), крестьянина Ѳедку Андреева сына Чюриловскаго (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, 63), Чюрилу Иванова (Акты Калачова II, 274, 1603 г.). Но мѣстныя названія сохранили его въ значительномъ количествѣ. Мы знаемъ 34 деревни съ названіемъ Чурилово (Ярославская г. 9, Вологодская 7, Псковская 6, Костромская 3, Владимир. и Тверская по 2, въ западной Руси 2, Смоленская, Курская и Казанская по 1), четыре съ именемъ Чуриловъ (Вятская 2, Тверская 1, Игуменскій уѣздъ 1), одну съ именемъ Чурилова (Орловская), одну съ именемъ Чурилина (Казанская). Далѣе намъ извѣстны: Чурилково (семь: Псковская 1, Тверская 3, Московская 1, Ярославская 1, Костромская 1), Чурилы (фольваркъ Сѣдлецк. г.), Чурилки (двѣ дер.: Владимирская 1, Костромская 1), Чуриловичи (Минская), Чуриловская (пять: Вологодская 3, Архангельская 1, Вятская 1), Чуриловскій погостъ (Олонецкая), Чурильцево (Владимирская [2]). Русская фамилія Чуриловъ также извѣстна (отмѣтимъ съ этою фамиліею крестьянина Звенигородскаго уѣзда, жителя Москвы 80-хъ годовъ).

еще не конченнаго, изъ упомянутаго выше словаря Южно-славянской Академіи и изъ разныхъ случайныхъ источниковъ. Фамиліи русскія взяты нами по преимуществу изъ газетъ, изъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, изъ списковъ лицъ имѣющихъ право быть избирателями на выборахъ гласныхъ и т. п. очень немногочисленныхъ источниковъ; сербскія—изъ Словаря Ю.-сл. Ак.

[1]) Имя Чупріанъ, откуда великорусское мѣстное названіе Чупріановка, явилось, конечно, изъ Кипріанъ, но подъ вліяніемъ словъ чупръ, чуприна и т. п. Кстати: Кюрилъ въ сербскомъ языкѣ должно перейти въ Ћурилъ, а не въ Чурилъ.

[2]) Чурило и Чуриловщина, дер. Полоцкаго уѣзда въ XVI в. (Оглоблинъ, въ Сборникѣ Археологич. Инстит. т. IV); Чурилово, дер. подъ Москвой XVII в. (Дѣло о Ѳ. Шакловитомъ, I, 437); Чурилова, дер. XVI в. (Акты Ѳ.-Чеховскаго, I, 70).

Digitized by Google

Между сербскими мѣстностями одна носитъ имя Чуриловацъ (Словарь Ю.-Сл. Ак.); между болгарскими есть Чурилово (село Костурскаго округа. «Книжици» за 1889 г. № 1, стр. 19). Одна сербская фамилія XVI в.— Чуриловичъ.

Отмѣтимъ еще: мышь Чурилку въ старой лубочной картинѣ «Мыши кота погребаютъ», русск. нарицательн. чурилко (названіе птицы; мы его знаемъ изъ «Etymologisches Wb.» Миклошича), сербск. нарицательн. чурило (Словарь Ю.-Сл. Ак., при глаголѣ чурити—дымить), ново-болг. нарицат. чурило (тиски для винныхъ ягодъ. «Изв. Слав. Благотв. Общ.» 1888 г. стр. 507).

Имя Пленъ, Плѣнъ, уменьшительное Пленко, откуда отчество Пленковичъ (срв. др.-р. отчества Иванковичъ, Михалковичъ и т. д.) въ древней Руси, повидимому, не пользовалось особою извѣстностью. Лѣтописи и документы не знаютъ его; мѣстныя названія отъ него происходящія немногочисленны. Намъ извѣстны четыре деревни съ именемъ Плѣнково въ Вятской г., три съ именемъ Плѣнкина и одна съ именемъ Плѣнчиха, тоже въ Вятской г. (Плѣнкина гора въ той же губ.), одна съ именемъ Пленино, Костромской г.

Трудно сомнѣваться въ древности этого имени: сербскіе документы XIII в. имѣютъ его (Плѣнъ, Плинъ, Морошкинъ); по своему образованію оно тожественно съ цѣлымъ рядомъ несомнѣнно древнихъ именъ. Сравни Плѣнъ при глаголѣ плѣти (медленно горѣть, Даль) и Жданъ, Бажанъ, Молчанъ, Хотѣнъ, Горѣнъ, Жадѣнъ, при глаголахъ ждати, бажати и т. д.

Кстати: Пленъ иногда называется въ былинѣ гостемъ заморскимъ. Это выраженіе отнюдь не указываетъ на то, что составители былины считали Плена иностранцемъ, прибывшимъ изъ за моря. Оно значитъ, какъ видно изъ 1-й Новгородской лѣтописи: купецъ, ѣздящій для торговли за море, купецъ, ведущій заграничную торговлю.

4) Имя Дюкъ у насъ было объясняемо нѣсколько разъ, но всѣ прежнія объясненія намъ кажутся неудовлетворительными. Что это имя не принадлежитъ къ числу древнихъ народныхъ, языческихъ именъ, въ этомъ никто не сомнѣвался. Но какого оно происхожденія?

Имя Георгій, одно изъ самыхъ распространенныхъ въ старой Руси христіанскихъ именъ, у насъ въ древности имѣло нѣсколько видоизмѣненій. Лѣтописи приводятъ его въ видѣ Гюргій, Гюргь, Дюргь, Дюрдій, [1])

[1]) Звукъ *д* образовался на великорусской почвѣ изъ *г*; срв. *т* въ Авдотья, Акатій и т. п. Малорусское нарѣчіе не даетъ намъ примѣровъ измѣненія *г* въ *д* и *к* въ *т* въ собственныхъ именахъ.

Digitized by Google

Юрій. Первыя четыре формы были, по лѣтописямъ, въ постоянномъ употребленіи приблизительно до половины XIII вѣка и образовали нѣсколько уменьшительныхъ (напримѣръ, Гюрята, имя новгородскаго посадника XI в.). Затѣмъ они исчезли, бывъ мало по малу вытѣснены формою Юрій (она въ XIV в. употребляется уже постоянно). Имя Дюкъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть уменьшительнымъ отъ Дюрдій [1]), не сохраненнымъ намъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ документахъ, въ послѣднихъ потому, что они восходятъ у насъ лишь къ XIII—XIV в. (и то очень немногіе, какъ духовная Новгородца Климента и рядная Тѣшаты), когда формы Гюргій, Дюрдій съ ихъ уменьшительными уже стали выходить изъ употребленія. Но образованіе его вполнѣ ясно: мы знаемъ у Сербовъ вполнѣ соотвѣтствующее ему по звукамъ и значенію уменьшительное Дюка (Ђука, въ старыхъ памятникахъ Гюка [2]); у насъ самихъ извѣстны уменьшительныя сходнаго типа: Ивачь отъ Иванъ (1-я Новгородская лѣтопись), Селивачь (откуда фамилія Селивачевъ) отъ Селиванъ.

Современныя великорусскія мѣстныя названія и фамиліи указываютъ на широкое употребленіе въ древней Руси имени Дюкъ.

Мы знаемъ Дюк-переволоку, мѣстность С.-Петербургской губ., Дюкъ или Дюки, деревню Калужской губ., Дюкъ (Митюшинскій Дюкъ), Тамбовской губ., Дюково, одну деревню Вологодской губ., одну Костромской и двѣ Владимирской, Дюкову, дер. Петербургской губ., Дюковку, дер. одну Владимирской и одну Тульской губ., Дюковскую, дер. одну Костромской губ. (почтов. станція) и одну Вологодской губ., Дюкино, дер. одну Тверской и три Псковской губ., Дюкалово, дер. одну Костромской и одну Псковской губ., Дюкарево, дер. Орловской.

Фамилія Дюковъ въ настоящее время пользуется сравнительною распространенностью. Мы знаемъ Дюковыхъ: 1) доктора въ С.-Петербургѣ, недавно умершаго, 2) почетнаго гражданина, жителя Москвы 80-хъ годовъ, 3) студента-филолога Петербургскаго университета 80-годовъ, 4) ученика Ровенскаго реальнаго училища 80-хъ годовъ, 5) крестьянина Покровскаго уѣзда, жителя Москвы 80-хъ годовъ, 6) дворянина (Московскія Вѣдомости 1889 г. № 166, стр. 5), 7) дѣйствительнаго статскаго совѣтника (Моск. Вѣдом. 1886 г. № 211, стр. 4), 8) крестьянина Ростовскаго уѣзда (Артыновъ, село Угодичи, стр. 11) и 8) владѣтельницу театра въ Харьковѣ. Сверхъ того, одинъ изъ героевъ романа Мельникова «Въ Лѣсахъ» носитъ фамилію Дюковъ.

---

[1]) Интересно названіе дер. Дюдьково; изъ Дюрдьково? срв. гончаръ изъ горнчаръ (Ярославской губ.).

[2]) Словарь Южно-славянской Академіи. Имя Георгій у Сербовъ звучитъ Дюрдь (Ђурђ)=др.-русск. Гюрь.

Digitized by Google

Малорусское названіе какого-то растенія дюкъ и польское названіе одной мѣстности въ Пруссіи Dziuki едва ли имѣютъ отношеніе къ нашему Дюку.

Богатырь Дюкъ именуется въ былинѣ бояриномъ — выходцемъ изъ «краснаго Галича». Это, по нашему мнѣнію, указываетъ на ту славу, которою пользовалось въ средней Руси XII—XV вв. галицкое боярство, богатое и сильное: народъ считалъ честью для своего богатыря-боярина быть выѣзжимъ изъ Галича.

5) Собственное имя Соловей, безъ сомнѣнія, образовалось изъ нарицательнаго.

Употребленіе названій животныхъ разнаго рода въ качествѣ личныхъ именъ свойственно едва-ли не всему человѣчеству. Древняя Русь знала его издревле. Такъ, намъ извѣстенъ Чеголъ=щеголъ, писецъ Словъ Григорія Богослова XI в., Воронъ—писецъ Житія Саввы Освященнаго XIII—XIV вв. (Общ. древн. письм.). Документы XV—XVII вв., особенно московскіе, имѣютъ подобныя имена въ большомъ числѣ. Въ нихъ упоминаются Баранъ Филиповъ, Горностай Гавриловичъ, Заяцъ Захарьинъ, Кречетъ Микулинъ, Куликъ Котовъ, Овца Владимировъ, Паукъ Ивановъ, Волкъ Курицынъ (одинъ изъ жидовствующихъ) [1]. XVI и XVII вв. были у насъ временемъ сильнаго распространенія этихъ именъ, которыя въ эту пору стали уже нерѣдко принимать значеніе прозвищъ и употребляться вмѣстѣ съ христіанскими именами. Первый томъ «Актовъ, относящихся до гражданской расправы древней Руси», Ѳедотова-Чеховскаго, упоминаетъ о Соболѣ Михалевѣ, Михалѣ Собакѣ Семеновѣ, Гридѣ Волкѣ Онфимовѣ, Воробьѣ Федоровѣ, Хомякѣ Страховѣ, Иванѣ Боровѣ Тимоѳеевѣ, Боранѣ Павловѣ, Иванѣ Турѣ, Жукѣ Захарьинѣ, Василіи Жукѣ Ивановѣ (XVI—XVII вв.). Въ дѣлѣ о кн. Пожарскомъ («Чтенія» Общ. ист. и др. 1870 года, I) мы находимъ такія имена Псковичей: Васька Воробей, Юрій Волкъ, Яковъ Жукъ, Стахей Голубь (нач. XVII в.). Современныя фамиліи въ родѣ Воробьевъ, Волковъ, Жуковъ, Голубевъ, ведущія начало отъ собственныхъ именъ въ родѣ Воробей, какъ извѣстно, очень многочисленны.

Имя Соловей, носимое въ былинахъ двумя лицами, которыя между собою не имѣютъ ничего общаго, встрѣчается въ нашей старой дѣловой письменности рѣдко. [2]) Но это едва ли не случайность. Во всякомъ случаѣ широкое распространеніе въ наше время фамиліи Соловьевъ (между прочимъ среди купечества и крестьянства), кажется, достаточно ручается за частое употребленіе этого имени въ старину.

---

[1]) «Славянскій именословъ» Морошкина. То же въ сербскихъ документахъ.

[2]) Тамъ же. и въ ст. Чечулина.

Digitized by Google

Безъ сомнѣнія, имя жены Потока Лебедь Бѣлая принадлежитъ къ тому же типу именъ, къ которому относится Соловей. Соединеніе въ имени существительнаго и прилагательнаго не рѣдкость въ древней Руси; напомнимъ Волчьяго хвоста X в.; укажемъ на Есипа Лубяную Саблю въ Актахъ Ѳедотова-Чеховскаго (I, 70). Но вотъ что интересно. Потокъ и его жена именуются въ былинахъ довольно часто двумя именами вмѣстѣ—сперва христіанскимъ, потомъ народнымъ: Михайло Потокъ Ивановичъ, Авдотья Лебедь Бѣлая. Подобное употребленіе среди народа вмѣстѣ двухъ именъ относится по нашимъ документамъ къ сравнительно позднему времени; оно начинается приблизительно съ половины XVI в. (ранѣе народное имя обыкновенно стоитъ одно [1]). Кромѣ примѣровъ выше указанныхъ, мы можемъ привести изъ Актовъ Ѳедотова-Чеховскаго: Михайло Губа Микулинъ сынъ, Ѳедотъ Оботуръ Вахромѣевъ сынъ, Иванъ Жиха Власьевъ сынъ, Гурей Малюта Фоминъ сынъ Кошкинъ, Зиновъ Шарапъ Васильевъ сынъ. Это обстоятельство заставляетъ думать, что окончательная редакція былинъ о Потокѣ должна быть относима ко времени не ранѣе XVI в. [2]).

Имя Будимиръ, отъ котораго отчество Будимировичъ, было довольно распространено въ древней Руси, особенно въ уменьшительной формѣ Будило (напримѣръ Акты Ѳ.-Чеховскаго I, 258). Оно вмѣстѣ съ другими древними именами въ XV в. и слѣд. уже вышло изъ употребленія, и потому въ документахъ намъ не встрѣчалось. Но оно сохранилось въ нѣсколькихъ мѣстныхъ названіяхъ: Будимирово, дер. Тверск. губ., Будимировская, дер. Новгородск. губ., Будимерцы, дер. Псковск. г., и въ цѣломъ рядѣ мѣстностей въ разныхъ концахъ Руси съ именами Будиловъ, Будилово, Будиловка. Фамилія Будимировъ намъ не извѣстна, но фамилія Будиловъ, великорусская, и Будиловичъ, Будзиловичъ, бѣлорусская, особенно послѣдняя, пользуются значительнымъ распространеніемъ.

Сербы знали и, кажется, еще знаютъ мужское имя Будимиръ и женское Будимира (Словарь Ю.-Слав. Ак.). У Поляковъ есть мѣстныя названія Budzimir, Budziłów, Budziłowo, Budziłówka, Budzile (Słownik), что̀ указываетъ на значительную популярность у нихъ въ старое время имени Будимиръ.

6) Ставръ, какъ извѣстно,—имя новгородскаго сотскаго, заточеннаго Владиміромъ Мономахомъ въ 1118 г. (1-я Новгородская лѣтопись). Послѣ это

---

[1]) Князья и бояре именуются двумя именами раньше, съ XV в.: Даніилъ Щеня, Василій Грузъ и т. п.

[2]) По̀токъ, По̀тыкъ—не искаженіе ли болѣе древняго Потко (Глѣбъ Потковичъ, Ипатск. сп. 487) или Потка=птица? Потка встрѣчается въ документахъ (Морошкинъ).

Digitized by Google

имя въ лѣтописяхъ не встрѣчается (если не считать уменьшительнаго Ставко, Лаврент. сп. лѣт. подъ 1096 г. [1]). Кажется, оно неизвѣстно и въ документахъ.

Мѣстныя русскія названія показываютъ, что оно въ древности было довольно рѣдко; мы знаемъ лишь четыре мѣстности съ названіемъ Ставрово (Владимирская г. 2, Тверская и Псковская по 1, и одну съ названіемъ Ставровщина (Полтавская). Фамилія Ставровскій, нерѣдкая у насъ теперь, едва ли имѣетъ отношеніе къ имени Ставръ; вѣроятно, она одна изъ новѣйшихъ семинарскихъ фамилій (отъ σταυρός).

Сербы знали имя Ставеръ, Ставро. Оно, въ формѣ Ставеръ, упомянуто четыре раза въ дечанскихъ хрисовулахъ, и, сверхъ того, въ формѣ Ставро, встрѣчается въ старыхъ сербскихъ помянникахъ (Новаковичъ).

Нарицат. ставръ, сохранилось только въ выраженіи: ставры точить (новгородское, «Опытъ обл. словаря»)=балясы точить, балагурить.

Имя Годинъ, отъ котораго отчество Годиновичъ, носимое въ былинахъ двумя лицами, по русскимъ памятникамъ намъ неизвѣстно. Но о существованіи его у насъ когда-то говорятъ мѣстныя названія: Годиновичи (почтовая ст. въ Могилевской губ.) и Годеново (дер. Ярославской губ. [2]). Это имя общеславянское, существовавшее, кромѣ Русскихъ, также у Сербовъ и Поляковъ (Морошкинъ); первые имѣютъ село Годинe (въ Черногоріи, извѣстное съ XIII в.; другое село—Годинацъ—въ документахъ того же стол.); у послѣднихъ есть дер. Godynowice (Калишск. г.). Образованіе нашего имени одинаково съ образованіемъ именъ Плѣнъ, Хотѣнъ и др. (срв. глаголъ годити).

7. Дунай. Это имя, встрѣчающееся, кромѣ былины, еще въ одной хороводной великорусской пѣснѣ, нѣкогда у насъ было широко распространено, особенно въ уменьшительной формѣ Дунило [3]). Галицко-волынская лѣтопись знаетъ галицкаго воеводу Дуная (Ипатск. сп. подъ 1281 г. и слѣд.); поздній, половины XVII в., московскій документъ говоритъ объ живописцѣ Дунаѣ Даниловѣ (Забѣлинъ, «Матеріалы для исторіи русск. живописи», въ «Временникѣ», кн. VII, стр. 8). Современныя мѣстныя названія, ведущія начало отъ имени Дунай, нерѣдки. Мы знаемъ пять поселеній съ именемъ Дунаево (г. Пермск. 2, Вятск., Новг. и Псковск. по 1), одно съ именемъ Дунаевка (Влад.), три съ именемъ Дунай (Вятск., Костр.. Томск.), два съ именемъ Дунаецъ (Курск., Черниг.), три съ именемъ Дунайка (Курск. 2, Черн.), по одному съ именами Дунаевщина (Новгор.), Дунайчицы (Слуцк. уѣзда) и Дунаевцы (Ушицк. у.); поселенія съ именами Дунилово, Дуниловская, Дуниловичи довольно многочисленны. Современная фамилія Дунаевъ

[1]) Лѣтописное: со Ставкомъ можно читать также: с Оставкомъ.

[2]) Акты Θедотова-Чеховскаго знаютъ еще дер. Годинки (I, 227)

[3]) Акты Θед.-Чеховскаго: Лева Дуниловъ (I, 78).

Digitized by Google

пользуется значительною извѣстностью (особенно между купечествомъ и крестьянствомъ); такъ, въ Москвѣ въ 1889 г. находилось четыре лица съ этою фамиліею, имѣвшихъ право быть избирателями на выборахъ гласныхъ: одинъ почетный гражданинъ, одинъ московскій мѣщанинъ, одинъ крестьянинъ Егорьевскаго у. и одна Ковровская купчиха.

Это имя—имя общеславянское. Дубровницкій документъ 1347 г. имѣетъ выраженіе: apud domum Dunaj; теперь у Сербовъ извѣстны село Дунави и село Дунаjeвиħ. въ Босніи (словарь Ю.-Сл. Ак.). Поляки имѣютъ мѣстное названіе Dunaj (Słownik) и фамилію Dunajewski. У древнихъ Чеховъ (XII в.) было имя Дунай (Морошкинъ).

Мы не беремся опредѣлить отношеніе собственнаго личнаго имени Дунай къ названію рѣки и къ тѣсно связанному съ послѣднимъ областному польскому нарицательному dunaj—рѣчка, потокъ [1]), но не видимъ достаточнаго основанія считать личное имя происходящимъ отъ названія рѣки.

8. Имя Хотѣнъ—довольно распространенное въ древней Руси. Мы знаемъ Хотѣна въ писцовой кн. Шелонской пятины 1584—85 г.; намъ извѣстны современныя русскія мѣстныя названія: Хотѣново, семь деревень: три въ Ярославской и по одной въ Владим., Костромск., Олонецк. и Тверской губ., Хотѣнцево, дер. Яросл. г., Хотѣнка, четыре деревни: двѣ въ Тверской, одна въ Калужской губ., одна въ Ровенскомъ уѣздѣ, Хотѣнь двѣ дер., одна въ Калужской и одна въ Волынской губ., Хотенъ въ Ровенскомъ у., Хотени въ Тверской, Хотеничи въ Черниговской, Хотѣнское во Влад., Хотѣнчицы въ Виленской губ. Сверхъ того, мы знаемъ городъ на Днѣпрѣ, который въ молдавскихъ документахъ XV в. называется Хотѣнь (сборн. Уляницкаго, стр. 53, 75) [1]).

То же имя употреблялось у старыхъ Чеховъ XI—XIII в. (Морошкинъ).

Образованіе этого имени ясно: сравни Хотѣнъ при глаголѣ хотѣти со Жданъ при ждати. Извѣстно русское областное прилагательное хотѣнъ.

---

[1]) Dunaj у Мазуровъ означаетъ глубокую воду (озеро, ручей) съ высокими берегами (Wisła 1889 г. III, 568, 585—6), въ другихъ мѣстахъ—пропасть (? Zbiór wiadom. do antropolog. kr. II, 246). То же нарицательн. дунай=потокъ встрѣчается у Русскихъ на югѣ (Zbiór VII, 171, 183) и въ Олонецкой губ. (Гильфердингъ, Онѣж. был., 330).

[2]) Мѣстныя названія Хотилово, Хотьково, довольно многочисленныя въ средней Руси, происходятъ отъ уменьшительныхъ Хотило, Хотько, которыя могли образоваться или отъ Хотимиръ, или отъ Хотѣнъ.—Хотѣево вѣроятно,—отъ Хотей=Фотей, Фотій.

Село Хотѣново, на Кашинскомъ рубежѣ, упомянуто въ актѣ XVI в. (Акты Өедотова-Чеховскаго, I, 167).

Имѣнье Хотенъ, Ров. у., упомянуто въ грам. 14 7 г. (Archiwum Sanguszków, I, № 91).

Digitized by Google

Имя Блудъ, отъ котораго образовано отчество Блудовичъ,—имя историческаго лица X в. [1]). Наши мѣстныя названія свидѣтельствуютъ о его нерѣдкомъ сравнительно употребленіи въ старину. Мы имѣемъ: Блуди, три деревни въ Московск., Тв. и Черниг. губ., Блудово, шесть поселеній, два въ Костромской и по одному во Владим., Нижегор., Псковской и Ярославск. губ., Блудково, дер. въ Вологодск. г., Блудиново, дер. въ Ярославск. губ. У старыхъ Чеховъ имя Блудъ было довольно распространено (Морошкинъ); Поляки имѣютъ мѣстныя названія Błędów, Błędowa, Błędowo, Błędowice.

9. Имя Козаринъ, отчество Козариновичъ, въ старой Руси было довольно распространено. Мы знаемъ въ началѣ XII в. воеводу Козарина (Лаврент. сп. л. 270), въ XV в. пана Козарина Рязановича (Archiwum Sanguszków, I, 45 и др.), пана Козарина (грам. Свидригайла 1438 г.), въ XVI московскаго дьяка Козарина Дубровскаго [2]).

Мѣстное названіе Казариново извѣстно намъ въ шести губерніяхъ (Вологодск., Костр.. Ярославск., Нижегородск. 2, Псковск.), Казаринова—въ одной (Пермск.), Казарино или Казарина въ 5 (Вологодск., Костр. 2, Пермск. 3, Тульск., Псковск.), Казаркино въ 2 (Вolог., Костр.). Затѣмъ мы знаемъ мѣстныя названія: Казаринцево (Псковск.), Казариновка (Каневск. у.), Казары (Ошмянск. у. и Вятск. г.), Казарь (Тульск.), Казарикъ (Ворон.), Казарка (Калуж. и Ярославск.), Казарки (Пенз.), Казаричи (Черн.), Казарята (Влад.), Козариха (Волог.), Казарное (Волог.), Казаровщина (Вятск.), Казаринскій (Вятск.) и др. Фамилія Казариновъ, по преимуществу дворянская, у насъ нерѣдка.

Это имя едва ли не однородно съ другими собственными личными именами, происходящими отъ народныхъ (племенныхъ) названій. Наша древняя лѣтопись знаетъ боярина Чудина (т. е. одного изъ народа Чудь); 1-я Новгородская лѣт. упоминаетъ о Семьюнѣ Еминѣ (изъ Еми, подъ 1219 г.) и бояринѣ Неревинѣ (изъ Неревы, подъ 1167 г.). Далѣе извѣстны: писецъ такъ наз. Юрьевскаго Ев. XII в. Угринецъ (уменьшит. отъ Угринъ), отецъ писца Ев. 1270 г. Лотышъ, Варяжько, Ляшько, Торчинъ (убійца св. Глѣба); позже Фрязинъ [3]), Русинъ, Куманинъ, Чере-

[1]) Имя Блудило въ Актахъ Ѳед.-Чеховскаго, I, 112 и др. Тамъ же, 232: Игнатей Блудовъ.

[2]) Еще нѣсколько старыхъ примѣровъ употребленія этого имени у Морошкина. Чечулинъ отмѣчаетъ его, какъ часто употреблявшееся въ XVI в., Казаринъ Осѣинъ въ Актахъ Ѳед.-Чеховскаго (I, 78).

[3]) Крестьянинъ Фрязинъ Ивановъ въ Актахъ Ѳед.-Чеховскаго (I, 82).

Digitized by Google

мисинъ (откуда фамиліи: Русиновъ, Куманинъ) и т. п. Первоначально эти имена принадлежали лицамъ изъ инородцевъ; потомъ они стали передаваться потомкамъ и мало по малу вошли въ общее употребленіе.

Сравни былинныя имена Жидовинъ [1]) и Волхъ (Всеславьевичъ). Послѣднее едва ли не произошло изъ Волохъ; по крайней мѣрѣ въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт. мы читаемъ: волхи 24, волхи 25 и др.=волохи. А имя Волохъ сохранилось въ старыхъ (съ XV в.) и новыхъ фамиліяхъ и въ рядѣ мѣстныхъ названій: Волохово (Калужск., Влад., Псковск. три, Тул.), Волоховъ (Курск.), Волхово (Тв. три), Волоховщина (Тв.), Волховская (Волог.).

10. Микула Селяниновичъ. Микула=Никола. Эта форма была распространена у насъ издревле до новѣйшихъ временъ.

Селянинъ принадлежитъ къ числу довольно извѣстныхъ древне-русскихъ именъ. Его знаютъ сравнительно поздніе документы (Акты Арх. Эксп.,I, № 205. Акты Калачова, I. 692; III, 97; Чечулинъ); оно сохранилось въ названіяхъ Селянинова, село Тульской губерніи, Селянино, двѣ дер. въ Тульск. и въ Яросл. губ., сверхъ того, мы знаемъ мѣстн. названіе Селянцево, Костромск., Селятино, Псковск., Селилово, Калужской, Селиловичи, Орловской. Послѣднія происходятъ отъ уменьшительныхъ Селята и Селило.

Святогоръ — собственное имя, повидимому мало извѣстное въ древней Руси. Его нѣтъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ документахъ; оно дало мало мало мѣстныхъ названій. Тѣмъ не менѣе послѣднія существуютъ. Мы знаемъ поселенія: Святогоры, Вологодской губ., Святогоръ, Пермской, Святогорки, Орловской, Святогорово, Московской, Святогорское въ Вологодской и Вятской, Святогорье въ Вологодской и Костромской. Фамилію Святогоровъ носитъ старый купеческій родъ въ г. Твери.

12. Передъ нами имена русскихъ не играющихъ въ былинахъ особенно видной роли, а также нѣкоторыя отчества.

Бермята едва ли не искаженіе Бернята, уменшительнаго отъ Бернъ, Бьрнъ (въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в. 11). Дер. Бернятино—Костр. г.

Срв. польское отчество Бернатовичъ (нач. XIII в.) въ Ипатск. сп. 485.

Буславъ, изъ Богуславъ, съ опущеніемъ г = h откуда отчество Буславлевичъ, Буславличъ, искаженное Буславьевичъ, Буславьичъ,—тоже одно изъ древнихъ и общеславянскихъ именъ. Оно было у насъ въ древности по видимому въ значительномъ употребленіи. Мы знаемъ

[1]) Мы имѣемъ мѣстныя названія Жидово, два поселенія Костромской г., Жидовичи Псковск., Жидиха Пск.

Digitized by Google

въ XIII в. новгородскаго боярина Богуслава. 1-я Псковская лѣтопись, подъ 1500 г., говоритъ о посадникѣ Ѳомѣ Буславичѣ. Деревня Буславля упоминается въ XVII в. (Тихонравовъ, Владимирскій Сборникъ, 186); село Буслаево существуетъ теперь въ Костромск. г. Фамилія Буслаевъ пользуется у насъ нѣкоторою распространенностью.

Имя Богуславъ у Чеховъ и Поляковъ было нѣкогда въ большомъ употребленіи (Морошкинъ).

Казимеръ, откуда отчество Казимеровичъ, принадлежитъ къ числу очень древнихъ, общеславянскихъ личныхъ именъ. Сложныя имена, въ родѣ Казимиръ, Ярославъ, Воигость, Миронѣгъ, по лѣтописямъ и документамъ, стали уже рѣдки въ XIV в., а въ XV—нач. XVI в. они—исключительное явленіе и встрѣчаются по преимуществу въ отчествахъ (старецъ Паисій Ярославовъ XV—XVI в.). Имя Казимеръ вышло изъ употребленія однимъ изъ послѣднихъ: Новгородская лѣтопись упоминаетъ о новгородскомъ посадникѣ Казимерѣ подъ 1476 г. Названіе ручья Казимиръ—въ Череповецк. у. Новг. г. (Новгор. Сборникъ, V, 222). Фамилія Казимировъ въ концѣ 80-хъ годовъ принадлежала двумъ жителямъ Москвы—чухломскому мѣщанину и корчевскому крестьянину.

Колыванъ. Мы знаемъ Александра Колыванова (въ продолженіи 1-й Новгор. лѣт., 362) и нѣсколько мѣстныхъ названій: Колывань (1) др.-русское названіе Ревеля, 2) названіе какого-то города изъ числа волынскихъ Новг. лѣт. по Синод. сп. 447, 3) названіе села въ Пермск. г.), Колыванка (Влад.), Колываново (два села Нижегор.).

Мамелфа или Амелфа—христіанское имя=Мамелхва. Оно съ буквою ф находится въ Макарьевскихъ Минеяхъ (5 окт.).

Путята—одно изъ самыхъ обычныхъ именъ древней Руси, между прочимъ имя писца Минеи XI в. Мѣстныя названія: Путятино и ему подобныя, довольно многочисленны; фамиліи Путята (или, въ польской передѣлкѣ,—Пуцято), Путятинъ—не рѣдкость.

Рахманъ (отчество Соловья-разбойника Рахматовичъ едва ли не искаженіе Рахмановичъ) и особенно Рахманинъ—нерѣдкія,[1]) но едва ли древнія имена. Они ведутъ свое начало, вѣроятно, отъ прославленныхъ въ романѣ объ Александрѣ Мак. и въ нѣкоторыхъ апокрифическихъ житіяхъ врахманъ=браминовъ; во всякомъ случаѣ въ позднихъ спискахъ Александріи и посланія Василія Новгородскаго о земномъ раѣ мы вмѣсто врахмане читаемъ: рахмане. Мѣстныя названія въ родѣ Рахманово (Костр., Кал., Орл., Моск. пять, Нижегор., Пенз. г.) у насъ довольно обычны. То же можно сказать о фамиліяхъ Рахмановъ, Рахманиновъ, Рахманинъ.

[1]) «Славянскій именословъ» Морошкина.

Digitized by Google

Саулъ. Мы знаемъ Ивана Саулина (Акты Ѳед.—Чеховскаго, I, 237) и поселеніе Саулово Яросл.

Имя Сбродъ, отчество Сбродовичъ, было повидимому, въ древности мало употребительно. Можетъ быть оно дало начало нѣсколькимъ мѣстнымъ названіямъ: Збродово Волог., Збродова Кал. и Пермск., Збродовъ, Пермск., Збродовская Волог., Сброды Вятск.

Имя Оника, Аника, откуда уменшительныя Аничко, Аничка,— не что иное какъ видоизмѣненіе имени Іоанникій, получившее начало на греческой почвѣ (срв. Алекса при Алексѣй = Ἀλεξᾶς). Оно было у насъ въ употребленіи въ старое время (мы знаемъ его съ XVI в.) и употребляется какъ обычное въ народѣ въ наши дни. Отъ него происходятъ довольно распространенныя теперь фамиліи Аникинъ, Аничковъ, Аничкинъ.

13. Имена враговъ русскихъ богатырей въ былинахъ—по большей части русскія или употреблявшіяся Русскими. Въ виду этого представляется на нашъ взглядъ рискованнымъ отыскивать въ нихъ Тугоркана, Шарукана и т. п. историческихъ лицъ,

Имя Тугаринъ было у насъ въ употребленіи въ XVI—XVII в.; мы знаемъ Суздальца Тугарина Данилова (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, 314) и Тугарина Молчанова Акты Калачева, III, 232. Мѣстныя названія: Тугариново Новгор. и Олон. г., Тугарино Орловск., Тугары Вятск., Тугарки Нижегор., Тугаровская Вятск., и довольно распространенная фамилія Тугариновъ (между пр., Барсуковъ, Погодинъ, I, 191) свидѣтельствуютъ о томъ, что это имя у насъ не было рѣдкимъ.

Съ именемъ Шарка мы можемъ сопоставить мѣстныя названія: Шарково Моск. г., Шаркова Арханг., Шарковщина Полт., Шарки Тверск. (два поселенія), Шарчина и Шарчикова Пермск., Шаричи Вятск. Мѣстность Шарковщизна, и нынѣ носящая это названіе, существовала въ Полоцкомъ уѣздѣ еще въ XVI в. (Оглоблинъ).

Кощей, какъ извѣстно изъ «Слова о полку Игоревѣ» и лѣтописей, какъ нарицательное въ XII в. и позже означало: рабъ. Мы не нашли это слово какъ собственное имя въ документѣ до 1459 г. (Акты Калачова I, 547) (срв. Смердъ Пыхачовъ, Холопъ Митинъ сынъ въ Актахъ Ѳ.-Чеховскаго, I, 154, 15). Мѣстныя названія отъ него не особая рѣдкость: Кощеево, шесть поселеній въ Ярославск. г., одно въ Тульск., Кощеевка Яросл., Тул. Фамилія Кощеевъ не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ. Ее носили въ концѣ 80-хъ годовъ изъ московскихъ жителей одинъ цеховой и одинъ кашинскій крестьянинъ.

Баба Латыгорка, мать сына и врага Ильи Мур., едва ли не есть нарицательное (какъ указалъ уже Ѳ. И. Буслаевъ въ своемъ академическомъ

[1]) Фамилія Шарковъ довольно обычна въ Новг. губ., по крайности въ г. Боровичахъ и въ уѣздѣ.

Digitized by Google

разборѣ «Ильи Муромца» Ор. Миллера). Во всякомъ случаѣ 1-я Псковская лѣтопись называетъ Лотышей Лотыгорою: Нѣмцы и Лотыгори, съ Лотыгорою (стр. 187). Былина связываетъ Латыгорку съ камнемъ Латыремъ: «я отъ каменя отъ Латыря, я отъ бабы отъ Латыгорки», говоритъ сынъ Ильи. Мы не надѣемся дать какое-либо удовлетворительное объясненіе камню Латырю, но можемъ указать мѣстныя названія: Латырево Влад. г., Латырь Вятск., Латырскій Вятск. и рядомъ съ ними названіе Латыгорево Тв. [1]).

Афромей, Вахрамей=Вареоломей.

14. Мѣстныя названія былинъ не требуютъ особыхъ поясненій.

Что такое крестъ Леванидовъ, къ которому, по однимъ былинамъ, съѣзжаются богатыри, у котораго, по другимъ, живетъ Соловей-разбойникъ, изъ подъ котораго, по третьимъ, вытекаетъ Волга? Мы должны ограничиться предположеніемъ. Древняя Русь повидимому нерѣдко ставила большіе каменные кресты или огромные камни съ высѣченными на нихъ крестами для указанія границъ и въ воспоминаніе какихъ-нибудь событій. Мы знаемъ Рогволодовъ, Борисовы камни на Двинѣ, мы знаемъ Стерженскій крестъ, поставленный новгородскимъ посадникомъ Иванкомъ Павловичемъ въ 1134 г. въ память начала работъ въ верховьѣ Волги; новгородская лѣтопись упоминаетъ, какъ объ извѣстномъ урочищѣ, объ Игначѣ (Игнатовѣ) крестѣ [2]); молдавскіе документы 1446 и 1452 гг. упоминаютъ о Крачуновѣ или Короченевѣ камнѣ (Уляницкій). Крестъ Леванидовъ, упоминаемый былинами, а за ними духовными стихами, могъ быть однимъ изъ хорошо извѣстныхъ въ древней Руси крестовъ (въ родѣ Игнатова), стоявшимъ на какомъ-нибудь важномъ распутьѣ или возвышенности [3]).

Во всякомъ случаѣ Леванидовъ — прилагательное отъ имени Леванидъ = Леонидъ. Это имя, съ *в*, — сравнительно нерѣдко въ великорусскихъ памятникахъ XVI—XVII вв.

Городъ Кидишъ, встрѣчающійся въ былинахъ объ Ильѣ, упоминается («Китежъ») въ раскольническихъ легендахъ (о нихъ, между прочимъ, въ романѣ Мельникова «Въ лѣсахъ»), какъ невидимый городъ, хранящій древнее православіе.

---

[1]) Латырево можетъ быть измѣненіемъ Латыгорево.

[2]) Татары шли «отъ Торжку Серегѣрьскимъ путемъ оли и до Игнача креста», подъ 1239 г.

[3]) Можно отмѣтить, что въ нѣсколькихъ былинахъ выраженіе «у креста Левонидова» поясняется выраженіемъ: «у мощей Борисовыхъ». Мощи Бориса и Глѣба, какъ извѣстно, были въ южномъ Переяславлѣ.

Digitized by Google

Городъ Орѣховецъ, упоминаемый въ былинѣ о Вольгѣ, извѣстенъ по 1-й новгородской лѣтописи (стр. 347).

Рѣка Смородина, упоминаемая въ тѣхъ же былинахъ, по названію близка къ соврем. рѣчкѣ Смородинной близъ г. Карачева, въ сѣв. части Орловской губ.[1]) (Моск. Вѣд. 1889 г. № 101, корресп. изъ Карачева), и къ соврем. Смородинской волости, Фатежск. у. Курской губ.

Слово поляница = витязь встрѣчается въ старшей редакціи сказки объ Еруланѣ Лазаревичѣ («Лѣтописи» Тихонравова). Слово храборъ = витязь встрѣчается только въ древне-русскихъ текстахъ на церковно-славянскомъ языкѣ или съ примѣсью церковно-славянскаго элемента (особенно часто въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ). Древне-русскіе тексты съ болѣе или менѣе чистымъ русскимъ языкомъ и современные русскіе говоры не знаютъ этого слова.

А. Соболевскій.

---

1) Здѣсь-же село Девятидубье.

Digitized by Google

ПИСЬМА П. И. ПРЕЙСА КЪ М. С. КУТОРГѢ, И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ, П. О. ШАФАРИКУ, КУРШАТУ и друг.

(1836–1846).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Считаю себя счастливымъ, что могу издать въ свѣтъ предлагаемыя письма и записки, наилучшій конечно источникъ біографіи перваго преподавателя Славяновѣдѣнія въ Петербургскомъ Университетѣ, покойнаго П. И. Прейса († 1846 г.)—и важный матеріалъ для исторіи русской и славянской науки. Въ ея лѣтописяхъ Прейсу по праву принадлежитъ почетное мѣсто. Въ исторіи Славяновѣдѣнія, по времени и по ученой подготовкѣ, по дарованіямъ и по заслугамъ, Прейсъ стоитъ непосредственно за Добровскимъ, Востоковымъ, Копитаромъ и Шафарикомъ [1]). Въ Россіи и вообще въ Славянствѣ онъ является первымъ по времени крупнымъ ученымъ въ области сравнительнаго языкознанія и первымъ критикомъ Бопповой грамматики. Въ Россіи и вообще въ Славянствѣ онъ былъ и первымъ ученымъ знатокомъ Литовскаго языка. Онъ же въ Россіи является и первымъ отличнымъ изслѣдователемъ Славянскихъ древностей. Уже въ 1843 году ему ясны были разные недочеты, пробѣлы и недостатки знаменитаго труда Шафарика „Славянскія древности". Небольшія статьи его о Ц.-Сл. языкѣ, о средне-болгарскомъ нарѣчіи, о глаголической письменности, объ эпической поэзіи у Сербовъ и проч., явившіяся съ полвѣка тому назадъ, и теперь должны быть рекомендуемы всѣмъ начинающимъ славистамъ, какъ работы образцовыя. Въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ рѣдкую честь въ Славяновѣдѣніи, за одно съ разными статьями и изслѣдованіями Добровскаго, съ разсужденіемъ и наблюденіями Востокова.

Сынъ иностраннаго подданнаго, музыканта, католическаго исповѣданія (не Чеха ли или Моравранина?), Петръ Ивановичъ Прейсъ родился кажется во Псковѣ или гдѣ то въ Пск. губ., въ 1810 г. О дѣтствѣ и первоначальномъ его воспитаніи къ сожалѣнію намъ ничего не извѣстно. Знаемъ лишь, что семья его была бѣдная, что съ 13 уже лѣтъ, какъ онъ самъ говоритъ въ печатаемой нами ниже запискѣ, въ немъ пробудилась научная любознательность, стали сказываться его филологическія наклонности и его любовь къ Русскому языку. Въ Петербургскомъ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, Прейсъ пробылъ три съ половиною года. „Обстоятельства семейныя,—писалъ Прейсъ въ 1838 г. (27 іюля) Попечителю С.-Петербургскаго Округа (см. ниже)—за десять лѣтъ предъ симъ заставили меня оставить С.-Петербургскій Университетъ въ то время, когда мнѣ до окончательнаго экзамена оставалось только полгода, и отправиться въ Дерптъ для занятія по Высочайшему повелѣнію мѣста" учителя въ тамошней гимназіи. Надо прибавить что дѣйствительный студентъ Прейсъ 12 мая 1828 г. былъ опредѣленъ младшимъ учителемъ Русскаго языка въ Дерптской гимназіи и лишь 10 окт. 1837 г. былъ назначенъ старшимъ учителемъ въ той же гимназіи.

Въ Петербургѣ у адъюнкта Попова, проф. Фрейтага и Греффе Прейсъ могъ пріобрѣсти основательныя знанія по древнимъ языкамъ. Еще 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ и потомъ студентомъ онъ съ жадностію читалъ и перечитывалъ что̀ могъ достать въ тогдашней Императорской Публичной Библіотекѣ по русской и славянской филологіи. Тогда же еще онъ ознакомился съ знаменитымъ разсужденіемъ Востокова, почувствовалъ сразу его важность, но, по собственному его признанію, долго его вполнѣ не понималъ. Десятилѣтнее пребываніе высокодаровитаго и трудолюбиваго Прейса въ Дерптѣ было

---

[1]) Изъ первыхъ нашихъ насадителей Славяновѣдѣнія по возрасту Бодянскій О. М. былъ старше всѣхъ. Онъ родился въ 1808 г., Прейсъ—въ 1810 г., Срезневскій—въ 1812 г. и Григоровичъ—въ 1815 г.

для него въ высшей степени благотворно. Лѣтомъ же 1828 г. пріѣхали въ Дерптъ его университетскій товарищъ и другъ Мих. Степ. Куторга, а затѣмъ и другіе молодые люди изъ Русскихъ университетовъ, для поступленія въ профессорскій институтъ, ставшіе вскорѣ его друзьями: Шкляревскій П. П. [1]), умершій въ Дерптѣ въ 1830 г., Порошинъ, Викт. Степ., Чивилевъ, А. И., Калмыковъ, Петръ Дав. и другіе. Въ Университетской библіотекѣ, гдѣ, благодаря стараніямъ знаменитаго проф. Эверса, было хорошее собраніе книгъ и изданій по Славянщинѣ, Прейсъ нашелъ много важныхъ для себя источниковъ и пособій по Славяновѣдѣнію. Въ теченіе десяти лѣтъ изъ этого необыкновеннаго и удивительнаго младшаго учителя Русскаго языка образовался и выработался превосходный ученый. Между тѣмъ шли годы, Дерптскіе друзья Прейса уѣхали изъ Дерпта, пробыли годъ, два въ Европѣ, заняли каѳедры въ Университетахъ, а Прейсъ все оставался младшимъ учителемъ гимназіи. Наконецъ, 10 октября 1837 г. его назначили старшимъ учителемъ, а еще въ сентябрѣ того же года Министръ Народнаго Просвѣщенія письменно обратился къ Петербургскому Попечителю съ вопросомъ, не имѣетъ ли кого Петербургскій Университетъ предложить на открытую новымъ уставомъ каѳедру Исторіи и Литературы Славянскихъ нарѣчій и прибавилъ, что Министерство разрѣшило-бы, для лучшаго приготовленія, отправить такого кандидата въ Славянскія земли, какъ уже рѣшило послать кандидата Московскаго Университета на эту каѳедру—Бодянскаго. На запросъ объ этомъ Попечителя, Профессора Историко Филологическаго Факультета Устряловъ, Куторга, Порошинъ и нѣкоторые юридическаго, какъ проф. Калмыковъ, хорошо знавшіе П. И. Прейса и высоко цѣнившіе его знанія и дарованія, рекомендовали его Совѣту Университета, а Совѣтъ Попечителю, какъ человѣка, наилучше приготовленнаго для занятія этой новой каѳедры. Такъ началась новая эпоха въ жизни Прейса.

Въ слѣдъ за письмами Прейса къ М. С. Куторгѣ изъ Дерпта мы помѣщаемъ ниже два оффиціальныхъ его письма къ князю Дондукову-Корсакову, тогдашнему Попечителю С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, двѣ записки Прейса: одну черновую объ его Славянскихъ занятіяхъ до отъѣзда его за границу, другую о планѣ его путешествія по западнымъ Славянскимъ землямъ. Тутъ же прилагаемъ заимствованный нами изъ отношенія Попечителя къ Министру Народнаго Просвѣщенія отзывъ Востокова, подъ руководствомъ котораго, по собственному желанію, занимался Прейсъ девять мѣсяцевъ въ Петербургѣ до отъѣзда своего въ исходѣ 1839 г. за границу. Далѣе идутъ позднѣйшія, въ высшей степени любопытныя письма Прейса изъ Кенигсберга, Данцига и Берлина, особенно же изъ Славянскихъ земель Автро-Венгріи и изъ Петербурга, за послѣдніе годы его жизни, такъ рано прервавшейся къ великой горести его друзей и къ великому ущербу для науки.

За изданіе этихъ замѣчательныхъ писемъ и записокъ превосходнаго ученаго и прекраснѣйшаго человѣка, столь важныхъ и интересныхъ не для одной русской науки, должно благодарить владѣльцевъ ихъ—Мих. Степ. Куторгу, сына натуралиста проф. Степ. Сем. и племянника и наслѣдника проф. Мих. Сем. Куторги,—ближайшаго друга Прейсова—и О. И. Срезневскую,—любезно передавшихъ намъ для печати эти письма и записки Прейса. Остальные матеріалы извлечены нами изъ хранилищъ, указываемыхъ въ своемъ мѣстѣ [2]).

В. Ламанскій.

Ко всѣмъ живымъ еще пріятелямъ и знакомымъ Прейса или къ ихъ наслѣдникамъ какъ въ Россіи, такъ и заграницею обращаемся съ покорнѣйшею просьбою доставить намъ свои воспоминанія о немъ или имѣющіяся у нихъ его письма, замѣтки или вѣрныя съ нихъ копіи. Просимъ и бывшихъ Дерптскихъ учениковъ и университетскихъ слушателей (1842—1846) Прейса сообщить намъ что сохранила ихъ память объ

---

[1]) См. Стихотворенія Павла Шкляревскаго. СПБ. печатано въ типографіи вдовы Плюшаръ. 1832. 12° 85 + XIII стр., съ предисловіемъ издателя (М. С. Куторги).

[2]) О Прейсѣ см. прекрасно написанное воспоминаніе Срезневскаго въ его замѣчательной брошурѣ: «На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ И. И. Срезневскаго. СПБ. 1878. О Прейсѣ стр. 1—14.

Digitized by Google

этомъ высокодостойномъ человѣкѣ и ученомъ. Полагать можно, что въ Дерптѣ и Прагѣ, въ Загребѣ и у Словаковъ—напр., у наслѣдниковъ М. Ходжи бывшаго великимъ почитателемъ Прейса, какъ я знаю изъ бесѣдъ моихъ съ Ходжею (лѣт. 1862 г.), и вѣроятно другихъ старыхъ Словенскихъ дѣятелей могутъ найтиться письма Прейса, или вообще болѣе или менѣе любопытныя данныя для его біографіи.

22 апрѣля 1836 года. Дерптъ. Среда.

Милъ-сердечный другъ, Михаилъ Семеновичъ! Пока ты еще не обабился (это названіе водится на Руси), то тебя можно тревожить и безпокоить; а тебѣ стыдно и грѣшно на это гнѣваться. Каково? Не это-ли называется нахрапомъ взять. — А что взять? тому слѣдуютъ пункты.

Ты самъ знаешь, куда иногда не дернетъ человѣка припадокъ учености. А такъ какъ я страдаю этимъ недугомъ и мѣстныя лечебныя пособія не помогаютъ, то я рѣшился прибѣгнуть къ тебѣ, Отче! и просить о учиненіи мнѣ выписки изъ Böhmes diplomatische Beiträge zum Schlesischen Recht und Geschichte. Этой книги нѣтъ ни въ библіотекѣ здѣшней, ни у Крузе. — Послѣ этого нечего было искать инудѣ.

Быть можетъ, что въ Венковомъ пріобрѣтеніи или у Круга и т. д. найдется пятый томъ этой книги с. 141. Мнѣ думается, что эти Beiträge похожи на наше собраніе грамотъ и договоровъ; если моя догадка справедлива, то ты мнѣ сдѣлаешь одолженіе и доставишь всю грамоту въ точной копіи и спискѣ. Ходъ моихъ изысканій устремилъ меня на эту страницу; найдешь ее, такъ легко узнаешь, а не найдешь ее, то я самъ при первой возможности, сообщу тебѣ объясненіе. Теперь же я не богатъ досугомъ [1]).

Одно еще обстоятельство хотѣлось бы мнѣ поставить тебѣ на видъ (прости мнѣ таковое нахальство); мнѣ бы нужна была эта выписка so bald als möglich. Скажу болѣе: эта выписка тѣсно связана съ планомъ, который тебѣ, вѣроятно, не безъизвѣстенъ, т. е. съ переселеніемъ моимъ въ Петербургъ при первомъ случаѣ.

Мнѣ пріятно думать, что ты не откажешься съ своей стороны бросить на вѣсы моего счастія нѣсколько лотовъ; эти нѣсколько лотовъ перетянутъ меня въ Петербургъ, быть можетъ, скорѣе нежели вы могли ожидать. — Слѣдовательно: so bald als möglich und wo nur möglich.

Сергѣй Елисеевичъ носитъ подъ мышками бумаги отъ и къ попечителю; часто обѣдаетъ у него; часто напоминаетъ мнѣ объ обязанности моей писать хоть для журналовъ, а я его упрекаю тѣмъ-же. Потомъ я бываю у Тихвинскаго; потомъ отъ него маршъ домой за книгу, оттуда въ постель.

---

[1]) Къ сожалѣнію этого рѣдкаго сборника Böhme нѣтъ въ Петербургѣ, ни въ Имп. Публ., ни Акад., ни Унив. библіот. В. Л.

Digitized by Google

на ночлегъ, а оттуда за книгу, да за уроки и т. далѣе. Вотъ тебѣ и жизнь, но не безъ удовольствій.

Кланяйся, пожалуйста Порошину, скажи ему, что я нигдѣ не могъ достать тетради, которую бы стоило пересылать. У иного конца нѣтъ, у другаго смысла нѣтъ, у третьяго не разберешь даже при помощи опытныхъ и свѣдущихъ палеографовъ между студентами. — Жаль, очень жаль, что я не могъ услужить Виктору Степановичу.

Кланяйся также и Ѳедору Ивановичу Нейдгардту и разругай его за неписаніе, такъ, какъ только друзья могутъ ругаться.

Калмыкову, Петру Давидовичу поклонъ и упрекъ, что не пишетъ о судебныхъ поединкахъ.

Однимъ словомъ, если будешь гдѣ либо между нашими, такъ раскланивайся на всѣ четыре сторонушки отъ ихъ товарища. — Будь здоровъ, къ Берлинъ дери черезъ Дерптъ, вотъ пока мои желанія тебѣ.

Въ ожиданіи твой *П. Прейсъ.*

30 марта 1837 года. Среда.

Любезнѣйшій Михаилъ Семеновичъ!

Спѣшу отвѣтомъ на письмо брата: оно несказанно утѣшило и обрадовало меня, увѣривъ въ непремѣнности твоего расположенія ко мнѣ, въ твоей любви къ товарищу по университету, по наукѣ и чувствамъ.—Отъ глубины простаго сердца приношу тебѣ мою чувствительнѣйшую, искреннюю благодарность.—Она тѣмъ сильнѣе во мнѣ, что мнѣ понятна цѣль твоего дружескаго предложенія: это сближеніе меня съ занятіями моими.—И кто съ этой стороны затронулъ мое сердце, тотъ счастливъ тѣмъ блаженствомъ, которое онъ доставилъ другому. — Болѣе не умѣю ничего сказать.

Братъ пишетъ мнѣ, чтобы я отвѣчалъ тебѣ поскорѣе: съ первою почтою исполняю его просьбу. — Съ своей стороны долгомъ почитаю обратить твое вниманіе на дерптскія обстоятельства мои.

Тихвинскій, отблаговѣстивъ свои 26 лѣтъ при Дерптской гимназіи, долженъ въ слѣдствіе новаго положенія подать въ отставку. По словамъ попечителя нашего мнѣ приходится занять его мѣсто; быть можетъ, удастся получить и лекторство при университетѣ. —Все это къ іюню непремѣнно должно рѣшиться. — Кажется, что благоразуміе требуетъ отъ меня — обождать, не представятся-ли мнѣ въ Дерптѣ лучшіе виды?

Степанъ Семеновичъ пишетъ мнѣ, что ты предлагаешь мнѣ мѣсто старшаго учителя во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ — Очень хорошо. Но ты не знаешь, можетъ быть, что я, по милости бывшаго министра просвѣщенія, только младшій учитель. Подвергнутъ-ли меня, при занятіи предлагае-

Digitized by Google

маго тобою мѣста, экзамену или нѣтъ. Это мнѣ навѣрное слѣдуетъ знать.— При опредѣленіи въ Дерптѣ я избѣгну такого экзамена или подвергнусь формальностямъ онаго и то въ крайнемъ только случаѣ.

Прошу также увѣдомить меня объ обязанностяхъ учителя въ корпусѣ.—

1) Чему я буду учить? 2) По какимъ руководствамъ слѣдуетъ мнѣ учить предметъ преподаванія? 3) Будетъ-ли на мнѣ лежать поправка тетрадей кадетовъ? 4) Сколько часовъ придется мнѣ давать? 5) Продолжается урокъ часъ или два? 6) Какъ продолжительны вакаціи въ корпусѣ? 7) Наконецъ, каково жалованье по мѣсту, которое ты мнѣ предлагаешь?

Притомъ хотѣлось-бы мнѣ знать, когда я долженъ поступить на службу, въ случаѣ, если условія мѣста учительскаго въ корпусѣ могутъ показаться мнѣ annehmbar.

Ты извинишь меня навѣрно за скрупулёзность моихъ запросовъ. Сообразивъ мои обстоятельства, ты, вѣроятно, найдешь ихъ справедливыми и основательными, найдешь также естественнымъ мое недоумѣніе и нерѣшительность.— Впрочемъ отъ обстоятельности твоего отвѣта будетъ многое, или лучше, все зависѣть. — Важныя, очень важныя причины заставляютъ меня желать перемѣны мѣста моего жительства, хотя съ другой стороны привычки и иныя, извѣстныя тебѣ, причины привязываютъ меня къ Дерпту.

Надѣюсь, что ты досконально увѣдомишь меня обо всѣхъ пунктахъ, которые я по дружбѣ предложилъ тебѣ и будь увѣренъ, что я очень хорошо понимаю и умѣю оцѣнить всѣ выгоды служить подъ начальствомъ друга.

Зная меня, какъ человѣка, зная, можетъ быть, и какъ учителя, который совѣстливо и честно несъ тяготу своего званія 9 лѣтъ въ Дерптѣ, гдѣ мнѣ приходилось во все это время учить одной только азбукѣ, зная притомъ, что я нисколько не слабѣлъ въ своемъ усердіи къ наукѣ, что я презиралъ всѣми выгодами жизни въ жертву ей, зная, говорю, все это, ты можешь быть увѣренъ, что одушевлюсь еще большею ревностію, имѣя предъ собою прекрасное поприще дѣятельности восхитительной: душа моя жаждетъ ея.

Прощай и кланяйся брату, супругѣ его и всѣмъ, кто меня еще помнитъ.

Твой *П. Прейсъ.*

19 мая 1837 года. Дерптъ.

Любезнѣйшій Михаилъ Семеновичъ!

Благодарю тебя за доставленіе сочиненія твоего: оно принесло мнѣ много удовольствія.—При случаѣ надѣюсь доставить тебѣ замѣчанія свои во свидѣтельство того, что я читалъ статью твою съ должнымъ вниманіемъ.—Жаль,

Digitized by Google

что ты не могъ воспользоваться послѣднимъ сочиненіемъ Шафарика: нѣкоторыя его мнѣнія ты могъ бы подвергнуть суду. — Пріятно бы услышать твой приговоръ [1]).

Теперь спѣшу сообщить мое рѣшеніе по поводу дружескаго твоего предложенія. Я долго боролся между д а и н ѣ т ъ и наконецъ долженъ былъ произнесть роковое для меня: «нѣтъ». Славянская древность впутала меня въ значительные расходы, которые, разумѣется, надобно будетъ покрыть.

Переѣздъ въ Петербургъ и первое обзаведеніе потребовали бы также издержекъ значительныхъ, für welche ich jetzt nicht gewachsen bin.—Безъ отягощенія моихъ родныхъ, у которыхъ также ничего нѣтъ, я не могу на это рѣшиться; быть же имъ въ тягость—рука не поднимется у меня никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ. Сверхъ того и нѣкоторые пункты твоего письма невыгодны для меня: въ Корпусѣ квартирныхъ полагается 200 р., а въ Дерптѣ получаю 400; зимнія каникулы очень коротки; праздниковъ мало... Грѣшный человѣкъ! Я люблю то и другое.

Жалѣю, очень жалѣю, что и теперь, при такомъ удобномъ, казалось-бы, случаѣ, прыжокъ изъ Дерпта въ Петербургъ оказывается для меня невозможенъ.

Если меня впредь когда либо будешь имѣть въ виду, то я осмѣливаюсь тебѣ отрекомендовать и знанія мои въ Русской Исторіи.—Это такъ, мимоходомъ, д л я б о л ь ш и х ъ о к к а з і й, какъ сказано въ Горѣ отъ ума.

Еще разъ благодарю тебя за доброе, дружеское предложеніе и жалѣю, что не могу имъ воспользоваться, въ силу пунктовъ, писанныхъ выше. Ликуй и веселись будущій, счастливый мужъ и не забывай одинокаго друга и товарища твоего

П. Прейса.

Ваше Сіятельство

Милостивый Государь!

Литература и Древности Славянскихъ народовъ издавна составляютъ любимый и почти исключительный предметъ моихъ занятій, не имѣвшихъ доселѣ никакой другой цѣли, кромѣ одной Науки. Но теперь, когда Правительство предположило послать въ Славянскія земли нѣсколькихъ молодыхъ людей, долженствующихъ со временемъ распространить въ нашемъ отечествѣ науку совершенно новую, во мнѣ родилось живѣйшее желаніе дать моимъ любимымъ занятіямъ основаніе и направленіе болѣе точное и тѣмъ достигнуть нѣкогда возможности быть полезнымъ моимъ соотечественникамъ.

[1]) Здѣсь разумѣются соч. М. С. Куторги Полит. устройство Германцевъ до VI ст. Спб. 1837. и трудъ Шафарика Slovanské Starožitnosti. W Praze. 1837.

Digitized by Google

Обращаясь къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою доставить мнѣ счастіе быть на томъ поприщѣ, которое одно можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ для ученыхъ занятій, я далекъ отъ мысли считать себя вполнѣ достойнымъ онаго: досуги, послѣ занятій моихъ службою, до сихъ поръ едва позволили мнѣ изготовить нѣсколько статей, изъ которыхъ двѣ заключающія извлеченія и переводы изъ сочиненій, писанныхъ на Богемскомъ языкѣ, доставлены мною въ «Журналъ М-ва Народнаго Просвѣщенія». Одну, уже напечатанную, имѣю честь представить Вашему Сіятельству. Вскорѣ представлю и другія статьи, изготовленныя мною для того же Журнала.

Мнѣ неизвѣстны всѣ условія, требуемыя Правительствомъ, но я слышалъ, что одно изъ нихъ непремѣнное; это степень по крайней мѣрѣ Магистра. Для меня, который въ продолженіи многихъ лѣтъ занимался предметомъ слишкомъ специальнымъ, и который по должности старшаго учителя Русскаго языка, не можетъ отлучиться на долгое время, нѣтъ никакой возможности подвергнуться тотчасъ испытанію на степень магистра. Я долженъ сначала войти въ колею экзаменующагося и для этого только двѣ возможности. Я обязуюсь по возвращеніи изъ заграницы выдержать и Магистерскій и Докторскій экзаменъ, въ термины, которые мнѣ назначатъ; или, если меня примутъ съ тѣмъ, чтобъ я предварительно остался на годъ въ Петербургѣ, гдѣ бы я могъ заниматься подъ руководствомъ извѣстнаго знатока Славянскихъ языковъ Г. Востокова, и по истеченіи сего времени выдержавъ Магистерскій экзаменъ, отправиться въ Славянскія земли. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, оставивъ мою должность и не имѣя иныхъ средствъ существованія, я былъ бы поставленъ въ необходимость просить опредѣленнаго содержанія отъ Правительства.

Ввѣряя себя вполнѣ покровительству Вашего Сіятельства, я долженъ присовокупить, что для меня тѣмъ еще лестнѣе вступить на предлежащее поприще, что развитіемъ любви къ моему предмету я обязанъ Университету, находящемуся подъ Вашимъ благодѣтельнымъ попеченіемъ.

Съ совершенною преданностію и глубочайшимъ уваженіемъ честь имѣю быть

В. С.

Мил. Гос.

Покорный слуга

П. Прейсъ.

Дерптъ. 19-го Февр. 1838 г.

(Арх. М-ва Нар. Просв. Дѣло Прейса).

Digitized by Google

В. С.
М. Г.

Въ письмѣ моемъ отъ 19-го Февраля этого года изъ Дерпта я осмѣлился обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ В. С-ву о доставленіи мнѣ счастія быть на томъ поприщѣ, которое любимымъ занятіямъ моимъ дало бы основаніе прочное и направленіе положительное. Непремѣнное условіе, которое Правительство требовало отъ посылаемаго за границу для изученія Славянскихъ языковъ было то, чтобъ избранный для сей цѣли имѣлъ степень по крайней мѣрѣ Магистра. Мнѣ, который не имѣетъ никакой степени, представлялись двѣ возможности: или по возвращеніи изъ за границы выдержать экзаменъ и Магистерскій и Докторскій, или еще до отправленія въ Славянскія земли пріобрѣсть степень Магистра. Въ послѣднемъ случаѣ на приготовленіе испрашивалъ я годоваго срока, въ продолженіи котораго надѣялся выполнить требованіе Правительства. Тѣмъ тверже былъ я въ этой надеждѣ, что приготовляясь къ экзамену на степень Магистра Россійской и Славянской Словесности, я въ это время исключительно занимался бы только своимъ предметомъ. И какіе отличные виды представляло мнѣ пребываніе въ С.-Петербургѣ! Руководство А. Х. Востокова, посѣдѣвшаго въ изученіи Славянскихъ языковъ, бесѣды съ другими знатоками этого предмета, изъ которыхъ нѣкоторые сами были въ земляхъ Славянскихъ, возможность пользоваться сокровищами здѣшнихъ библіотекъ, наконецъ многочисленные случаи къ практическому изученію языка Польскаго, коего и древнѣйшіе, литературные и историческіе, памятники могли мнѣ быть доступны. Такимъ образомъ я утѣшалъ себя основательною надеждою, что познанія мои въ языкахъ Церковно-Славянскомъ, древне-Русскомъ съ его различными измѣненіями, и Польскомъ, будутъ значительно дополнены такъ, что за границею мнѣ бы оставалось исключительно изученіе прочихъ діалектовъ.

На прошеніе мое послѣдовало предписаніе Его Высокопрев. Г. Министра Нар. Просв., сообщенное мнѣ Г. Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа чрезъ Исправляющаго должность Дерптскаго Директора Училищъ. На основаніи сего предписанія, былъ я, по причисленіи къ С.-Петербургскому Университету, уволенъ отъ должности Старшаго Учителя Россійской Словесности при Дерптской гимназіи, и получилъ приказаніе отправиться въ С.-Петербургъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи года выдержать экзаменъ на степень кандидата и магистра.

Обстоятельства семейныя за десять лѣтъ предъ симъ заставили меня оставить С.-Петербургскій Университетъ въ то время, когда мнѣ до окончательнаго экзамена оставалось только полгода, и отправиться въ Дерптъ для занятія по Высочайшему повелѣнію мѣсто Учителя въ тамошней гимназіи. Здѣсь и занятіе Литературою и Древностями Славянскихъ народовъ, бывшее еще

Digitized by Google

въ С.-Петербургскомъ Университетѣ любимымъ моимъ предметомъ, сдѣлалось исключительнымъ, специальнымъ занятіемъ. Весь досугъ, хотя и умѣренный, послѣ трудовъ службы былъ посвященъ на удовлетвореніе страсти моей къ изученію Славянскихъ языковъ. Со многими жертвами сопряженное изученіе древне-Русскаго, Церковно-Славянскаго, Богемскаго, Польскаго, Сербскаго, Русняцкаго, ихъ литературы и исторіи, равно какъ и сравнительнаго языкознанія, было содержаніемъ моей дѣятельности, постоянной и исключительной.

По изложеніи этихъ обстоятельствъ долгомъ своимъ почитаю объяснить Вашему С-ву, что непремѣнное условіе держать экзаменъ на степень кандидата сопряжено для меня со многими затрудненіями. Десятилѣтняя служба и занятія однимъ предметомъ поставили меня къ большему числу факультетскихъ Наукъ въ отношенія довольно отдаленныя, какъ это обыкновенно бываетъ со всѣми, которые постоянно занимаются однимъ спеціальнымъ предметомъ. Между тѣмъ, предписаніемъ Его Высокопревосходительства Г. Министра, я долженъ буду соединить двѣ обязанности: ученика, приготовляющагося къ экзамену и вмѣстѣ обязанность, обязанность священную, къ Правительству и Наукѣ. Приготовленіе къ экзамену на степень кандидата займетъ почти все время, которое мнѣ слѣдовало бы употребить на занятія моимъ главнымъ предметомъ, и такимъ образомъ ожиданія Правительства въ отношеніи къ успѣхамъ моимъ въ Славянскихъ языкахъ, при всѣхъ средствахъ, которое (sic) оно мнѣ открываетъ, не могутъ быть исполнены. Затрудненія увеличиваются тѣмъ еще болѣе, что мнѣ послѣ этого предстоитъ выдержать экзаменъ на степень Магистра, написать и защитить диссертацію.

Высоко цѣня благодѣянія Правительства и вмѣстѣ желая оправдать ожиданія онаго, я почитаю долгомъ своимъ по совѣсти и откровенно сказать, что при обязанности выдержать экзаменъ на Кандидата я не нахожу возможности удовлетворить требованіямъ Начальства, и такимъ образомъ долженъ буду лишиться дѣятельности въ области той Науки, которая издавна составляетъ главный предметъ моихъ занятій.

Представляя сіи обстоятельства на благоусмотрѣніе Вашего С-ва, я остаюсь въ совершенной увѣренности на покровительство, которое Вы оказываете занимающимся Науками.

Честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію

В. С.

Мил. Гос.

Покорн. слуга

П. Прейсъ.

С.-Петербургъ, 27 Іюля 1838 г.

(Тамъ же).

Digitized by Google

Черновая записка Прейса объ его занятіяхъ съ 1823 по 1839 г.

Еще съ первой поры моего юношества положилъ я начало филологическимъ изученіямъ[1]); чѣмъ болѣе я съ ними знакомился[2]), тѣмъ все живѣе и живѣе становилась во мнѣ идея изучить Русскій языкъ съ условіями и требованія(ми) точнаго и основательнаго знанія. Занятія древними языками дали начало моимъ изученіямъ и управляли ихъ ходомъ [3]) Что я только умѣлъ требовать изъ Импер. Публ. Библ., то все было читано съ жадностію: съ 13-го (года[4]) моей жизни до 18 (лѣтъ) она была моею наставницею.

На этой точкѣ зрѣнія находился я за десять лѣтъ по выходѣ моемъ изъ Университета С.-Петербургскаго. Обязанности службы переселили меня въ Дерптъ.—Здѣсь стремленія мои мало по малу начали осуществляться.—Многое, чего мнѣ не доставало въ Петербургѣ какъ по ограниченности моихъ средствъ, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, было наконецъ восполнено тѣми сокровищами, которыя представляла мнѣ Университетская Библіотека. Незабвенный Эверсъ собиралъ и успѣлъ собрать важнѣйшее по части Славянскихъ древностей и языкознанія. Чѣмъ болѣе я углублялся въ предметъ, тѣмъ болѣе онъ распространялся предо мною: для изученія Русскаго языка потребовались знанія, о которыхъ я прежде и не чаялъ.

Добровскій далъ моимъ изученіямъ направленіе критическое, также рецензіи Копитара въ Wiener Iahrbücher. Зародышъ сомнѣнія былъ брошенъ; пытливость была подстрекнута.—Къ сожалѣнію, не находилъ я въ нихъ полнаго, удовлетворительнаго отвѣта на мои запросы. — Все, что было напечатано на Древне-Славянскомъ, знакомило меня съ словами, оборотами и грамматикою языка. Но именно при грамматическомъ изученіи встрѣчались трудности непреодолимыя. Неудивительно! Я имѣлъ подъ рукою памятники позднѣйшіе, также и руководителями были люди, пользовавшіеся преимущественно тѣми же источниками.—Для развитія критическаго духа въ этомъ бореніи заключалось достаточно пищи. — При всемъ томъ все это составляло aggregat свѣдѣній разнородныхъ, въ которыхъ не было единства, требуемаго отъ точнаго знанія.

Въ 17 ч(асти) Труд(овъ) О(бщества) Л(юбителей) Р(оссійской) Сл(овесности) при М(осковскомъ) У(ниверситетѣ) [5]) прочелъ я разсужденіе о Славянскомъ языкѣ [6]) знакомство мое съ этимъ разсужденіемъ очень давно. Первоначально

[1]) Было написано и зачеркнуто: «съ давней поры» «труды Общества любителей Словесности, существовавшаго при Московскомъ Университетѣ и многія другія пособія дѣлали».

[2]) Б. нап. и зач.: «чѣмъ болѣе я углублялся въ»

[3]) Б. нап. и зач.: «Высота филологическихъ изслѣдованій въ области классическихъ языковъ служила (была) для меня путеводною звѣздою».

[4]) «года» и «лѣтъ» прибавлено нами. *В. Л.*

[5]) Все что̀ въ скобкахъ прибавлено нами. *В. Л.*

[6]) Б. нап. и зач.: «однако-же».

Digitized by Google

я понималъ его очень плохо [1]). Въ каждомъ замѣчаніи сочинителя этого разсужденія заключается результатъ, выводъ изъ предварительнаго глубокаго изученія своего предмета: подробности должны были найти мѣсто въ его грамматикѣ [2]). Чтобы вполнѣ достигнуть тѣхъ результатовъ, которые предложены авторомъ, надобно было развивать все, что авторомъ дано in nuce.—Трудъ не легкій при недостаткѣ древнихъ памятниковъ [3]). Мало по малу [4]) сталъ я отыскивать средства, которыя мнѣ казались довольно надежными.

Ознакомясь съ Гриммомъ [5]), я сталъ все болѣе и болѣе довѣрять тому, что находилъ въ организмѣ новѣйшихъ діалектовъ. Вскорѣ однако долженъ былъ убѣдиться что въ нихъ только отчастно сохранились свойства древняго Славянскаго. Сличеніе ихъ съ Ц. (Ц зач.) С. въ отношеніи граматическомъ и лексикологическомъ постепенно приводили меня къ результатамъ, введеннымъ авторомъ разсужденія о Ц. С. языкѣ. При этой работѣ я не могъ ограничиться одними живыми языки (sic.—ами), надобно было прибѣгнуть къ изслѣдованію историческаго хода ихъ. Къ счастію, въ этомъ отношеніи я имѣлъ передъ собою для наученія своего Краледворскую рпсь и Starobyla Skladania [6]), изъ Польскихъ нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ сочиненій [7]) которыя я по возможности сличалъ съ нынѣшнимъ Польскимъ при помощи Поляковъ самихъ. Въ отношеніи къ Сербскому заключающееся въ Ексархѣ Болгар. Калайдовича было единственнымъ моимъ источникомъ. Къ удовольствію моему я въ послѣдствіи замѣтилъ, что столкнулся во многомъ съ Шафарикомъ [8]). Само собою разумѣется, что въ отношеніи къ Русскому я находилъ болѣе средствъ.

---

[1]) Прейсъ разумѣетъ: знаменитое «разсужденіе о Славянскомъ языкѣ служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка» Востокова 1820. (Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Изд. по поруч. II отд. А. Н. И. Срезневскій. СПБ. 1865 г., с. 1—27).

[2]) Б. нап. и зач.: «Только съ того времени, какъ дальнѣйшее изученіе Славянскаго породило во мнѣ тьму сомнѣній, познакомило меня со множествомъ противорѣчій и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудило живѣйшее желаніе разсѣять этотъ мракъ, (засвѣтилась надежда-з а ч е р к н у т о), только съ этого времени упомянутое разсужденіе сдѣлалось для меня доступнѣе. Но всѣ трудности не могли быть тотчасъ устранены.—Сочинитель сего разсужденія».

[3]) Б. нап. и зач: «Чтобы понять и убѣдиться вполнѣ въ истинѣ того, что предложено авторомъ, мнѣ ничего не оставалось, какъ тщательно изучать памятники подъ его руководствомъ. Успѣхъ (зачеркнуто) Слѣдствіемъ такого».

[4]) Б. нап. и зач.: «Изъ (нихъ:—зачеркнуто) которыхъ однихъ можно бы было при помощи критики извлечь собственно принадлежащее Ц. С. и то, что вошло въ него въ послѣдствіи изъ новѣйшихъ діалектовъ».

[5]) Нап. и зач.: «Боппомъ и другими» Прейсъ разумѣлъ здѣсь великій трудъ Я. Гримма: Die Deutsche Grammatik. Gotting. 1819. B. I, изд. 1822. Bde II—IV. 1826-37.

[6]) Удивительно, что Прейсъ ни слова не говоритъ о превосходномъ трудѣ Добровскаго Geschichte der böhm. Sprache u. Literatur 1792 и 1818 гг., гдѣ собственно въ первые, особенно же въ изд. 1818 г., явился опытъ историческаго изученія одного изъ славянскихъ языковъ.

[7]) Было написано и зачеркнуто: «Сигизмундовыхъ временъ».

[8]) Здѣсь разумѣется сочиненіе Шафарика Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serb. Mundart. Pesth. 1833.

Digitized by Google

Другимъ пособіемъ для меня было наблюденіе надъ словами, перешедшими изъ чужихъ языковъ въ Славянскія (sic). Многія изъ нихъ, заимствованныя у Германскихъ народовъ, значительно разнятся отъ тѣхъ же значеніемъ и формою. Это заставило меня опять обратиться къ великому труду Гримма, къ сочиненіямъ Граффа, Циманна и т. д.[1])—Этотъ источникъ моихъ изученій не остался безъ пользы какъ въ отношеніи филологическомъ, такъ (и) въ отношеніи историческомъ. Г. Шафарикъ въ своихъ Древностяхъ не упустилъ изъ вида этого важнаго историческаго момента; и здѣсь я имѣлъ удовольствіе во многомъ найти подкрѣпленіе своимъ наблюденіямъ, хотя съ другой стороны приведенъ въ необходимость отступить отъ него, особенно въ отношеніи къ Финскимъ языкамъ[2]).

Источникомъ самаго ограниченнаго объема были слова перешедшія изъ Славян. языковъ въ чужія (sic). Болѣе всего отыскалъ я ихъ въ словаряхъ Венгерскомъ, Молдавскомъ, Литовскомъ и Эстскомъ. Значеніе и форма, хотя не вездѣ чистая, проливали все однакоже свѣтъ на предметъ.

Всѣ эти изученія вмѣстѣ съ исторіею, древностями и—сколько дозволяли мнѣ средства—правомъ Славянъ, послужило основаніемъ къ составленію Словаря этимологическаго обще-Славянскаго; отъ этого накопились у меня матеріалы къ сравнительной Славян. Грам., образовались сборники юридическій и миѳологическій, грамматики исторической Русской, Словаря древнихъ словъ Русскаго языка, извлеченнаго изъ чтенія едва ли не изъ всего, что напечатано [3]).

Присоединить ли къ этому тѣ матеріялы, которые постепенно копились при сличеніи Слав. Грам. съ родственными языками. Изученіе такое было для меня важно въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны сличеніе Славян. съ Герман. Лат. Греч. и отчасти Литовск. указывало на многія общія точки, въ которыхъ первый соприкасается съ послѣдними, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживая тѣ особенности, которыя образовались и развились независимо, своеобразно, въ духѣ Славянскомъ.—Такимъ образомъ при этомъ сличеніи не тождество, но разность, особенность были главнѣйшимъ предметомъ изученія. Постепенные переходы и измѣненія, которымъ языкъ подвергается въ продолженіе времени [4]), никогда не бываютъ повсемѣстны, никогда вполнѣ не измѣ-

---

[1]) T. e. Graff, Eb. G. Althd. Sprachschatz Berl. 1835—43. 6 Bde. Ziemann Mittelhd. Wörterbuch. 1838. Болѣе краткій 1837.

[2]) Въ Дерптѣ Прейсъ познакомился съ Эстонскимъ языкомъ, а затѣмъ пользовался уже и друг. финскими нарѣч. См. позднѣйшее письмо его къ С. И. Барановскому въ Гельсингфорсъ.

[3]) Написано и потомъ зачеркнуто: «При всемъ этомъ я былъ слишкомъ далекъ отъ увѣренности въ своихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ. Масса собраннаго и безпрестанно (напис.: безпрестаннаго) растущаго матеріяла (недостатокъ времени) (зач.) невозможность обработать и привесть сіе въ систему накопленное по недостатку досуга».

[4]) Б. нап. и зач.: «Но такъ какъ языкъ въ постепенныхъ переходахъ и измѣненіяхъ, которымъ онъ (языкъ) подвергался въ продолженіе времени, отказывается не отъ всего, что составляло его собственность въ древнѣйшую эпоху».

Digitized by Google

няютъ первобытнаго его состава: въ новомъ его состоянiи всегда остается многое древнее, до котораго время не касается. На основанiи этого нѣкоторые отдѣльные случаи въ новѣйшихъ дiалектахъ суть исключенiя, между тѣмъ какъ въ Ц. Сл. они составляютъ правило. Тоже самое представляетъ и грамматическое сличенiе язык. Слав. съ родственными: то, что въ Славянскихъ нарѣчiяхъ представляется явленiями, не имѣющими видимой связи и причин*ами* (sic вм. причины) въ настоящемъ организмѣ языка, то самое находимъ въ родственныхъ языкахъ въ видѣ закона, правила, вполнѣ развитаго. И вотъ другая сторона необходимости сравнительной филологiи для полнаго историко-критическаго познанiя нынѣшнихъ языковъ. Эти два направленiя нисколько не мѣшаютъ одно другому, ибо дополняютъ себя взаимно.

Не смотря однако-же на всѣ эти изученiя и наблюденiя я былъ слишкомъ далекъ отъ надежды [1]) всѣ эти довольно разнообразныя свѣдѣнiя связать въ цѣлое, привесть въ стройную систему. Сверхъ того [2]), что дѣятельность учительская, столь тяжелая въ Остзейскихъ губернiяхъ, не дозволяла приступить къ подобной работѣ, сверхъ того, что [3]) масса (написано по ошибкѣ маста) собираемаго постоянно увеличивалась, я находился безпрестанно въ затруднительномъ положенiи къ Ц. С. Я все не имѣлъ документовъ, вѣрныхъ и несомнительныхъ, которыя (sic) могли бы убѣдить въ вѣрности тѣхъ путей, которые я долженъ былъ избрать для того, чтобы дойти до результатовъ, которые сочинитель раз(сужденiя) о Ц. С. (Востоковъ) предложилъ (какъ) въ Трудахъ, такъ (и) въ прочихъ своихъ сочиненiяхъ.

Glagolita Clozianus, думалъ я, объяснитъ мнѣ многое, прочитавъ объявленiе о книгѣ Копитара. — Къ сожалѣнiю я нашелъ здѣсь только то, что сей послѣднiй уже прежде говорилъ въ Wiener Iahrbücher и то что заимствовано имъ изъ трудовъ А. Х. Востокова.

Наконецъ въ прошломъ году мнѣ представилась возможность исключительно посвятить себя тому, что составляло содержанiе и стремленiе моей жизни. Просьба моя, въ которой заключался актъ справедливости, уважена; не въ Прагѣ я [4]) началъ свое приготовленiе къ новому призванiю, но въ Петербургѣ.

Изъ предъидущаго видно, какъ я понималъ задачу Славянской филологiи, какiя средства употреблялъ къ рѣшенiю оной и наконецъ чего мнѣ недоставало. Теперь къ занятiямъ моимъ въ Петербургѣ.

Понятно послѣ этого, что Ц. С. долженъ былъ составить главный пред-

---

[1]) Б. нап. и зач.: «Не тронутымъ, но очень натурально, что родственныя языки».
[2]) Б. нап. и зач.: «увѣренности».
[3]) Б. нап. и зач.: «Не говоря уже».
[4]) Б. нап. и зач.: «Каждый день болѣе или сколько-нибудь».
[5]) Нап. и зач.: «долженъ начать».

Digitized by Google

метъ моихъ занятій. Надобно было повѣрить тѣ результаты, которые пріобрѣтены былъ (sic — вм. были) сравнительнымъ изученіемъ Церковно-Славянскаго. Вообще говоря, многое подтвердилось и именно то, что обще нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ Славянскихъ діалектовъ. Многое, казавшееся мнѣ Ц. С. [1]), должно было отойти въ грамматику тѣхъ діалектовъ, изъ которыхъ Ц. С. получалъ чуждые ему приливы.—Наблюденія этого рода не безполезны будутъ для исторической грамматики новѣйшихъ нарѣчій.

Вообще меня занимала система гласныхъ Ц. С. въ корняхъ, производныхъ слогахъ и грамматическихъ функціяхъ и отношеніе сихъ гласныхъ къ новымъ діалектамъ.—Дѣйствительно слишкомъ долго система гласныхъ была оцѣниваема чрезвычайно поверхностно и безъ должнаго соображенія ихъ важности. Еще Добровскій не довольно точенъ былъ въ семъ отношеніи: это видно изъ его каталога корней. Открытіе правильнаго употребленія полугласныхъ ъ и ь (напис. рь), потомъ открытіе ринезмовъ дало изслѣдованіямъ другое направленіе. Безъ этого очень легко самые разнородные корни соединять или пріурочивать ихъ къ значеніямъ самымъ произвольнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что замѣчаніе Гримма: Die Consonanz gestaltet, der Vocal bestimmt und beleuchtet das Wort, останется навсегда правиломъ при этимологическихъ и грамматическихъ изслѣдованіяхъ.

Сверхъ того, что древніе памятники [2]) установили нѣкоторыя мои шаткія понятія о вопросахъ грам. Ц. С., я долженъ сказать, что лексикографическая часть моихъ изученій подвинулась очень значительно.—Значеніе многихъ словъ я принужденъ былъ прежде отыскивалъ (sic—вм. вать) то въ новыхъ діалектахъ, то угадывать изъ связи, въ которой онѣ мнѣ встрѣчались,—но здѣсь опытъ доказалъ, что средства эти помогали не вездѣ: сличеніе съ Греч. подлинникомъ и изустное объясненіе [3]) имѣло слѣдствіемъ довольно важныя модификаціи моихъ прежнихъ понятій. Не говорю уже о множествѣ словъ совершенно [4]) новыхъ, которыя нигдѣ мнѣ не встрѣчались или встрѣчались въ новыхъ діалектахъ.—Далѣе —пріятно было встрѣтить нѣсколько словъ, важныхъ въ отношеніи къ древнему праву Славянъ, къ ихъ Миѳологіи и т. д. Встрѣча эта тѣмъ пріятнѣе [5]) была, чѣмъ неожиданнѣе. Эти слова восполняютъ сумма (sic — вм. сумму) тѣхъ случаевъ, которые составляютъ общее достояніе Славянъ.

При чтеніи древнихъ памятниковъ и постоянномъ ихъ сличеніи съ Греческимъ подлинникомъ...

---

[1]) Б. нап. и зач.: «при повѣркѣ древн.».
[2]) Б. нап. и зач.: «которые были мнѣ предложены вли не сообщ.».
[3]) Очевидно—Востокова. *В. Л.*
[4]) Зач.: «для меня».
[5]) Б. нап. и зач.: «Это тѣмъ драгоцѣннѣе, что...».

Digitized by Google

Лѣтопись Манассія и Георгія Амартола озарили для меня вожделѣннымъ свѣтомъ нѣкоторые грамматическіе пункты Болгарскаго и Сербскаго. Изъ первой видно, что Болгарскій 14 столѣтія многое уже утратилъ и измѣнилъ, что ему принадлежало нѣкогда. Кажется что діалектъ сей въ означенную эпоху едва ли сохранилъ ѫ-сы съ носовымъ изглашеніемъ. Не смотря на то, что хотя сіи звуки употребляются promiscue, одинъ вмѣсто другаго, но нигдѣ не употреблены вм. ю, оу. Это подтверждается и словами Венелина (Моск. Набл. 1837. Сентябрь Кн. 1 с. 74) «Такъ въ однихъ мѣстахъ (въ Болгаріи) говорятъ песокъ, хлѣбъ, каменъ, любя, лябяхъ и проч., а въ другихъ; пясокъ, любъ, комокъ, любимъ, любихъ». За то: Арѫс (Αρης), Ефратѫс (Εὐφράτης) необходимо ведутъ къ заключенію, что ѫ = ъı или ъ (ь), подобно какъ Ц. С. бѫдетъ произноситься Болгарами: Быде (Моск. Набл. 1837. Сентябрь Кн. 1 с. 93—94). Въ этомъ я еще болѣе убѣдился при чтеніи Временника Георгія Амартола, гдѣ ѫ вмѣсто ѣ довольно часто встрѣчается, но также и вмѣсто ъ; кѫбль (къбль), пронѫзи, тѫмѫ, лѫбина (лъбина), скѫктаніе и скъкътаніе, вм. ы стѣнѫ (вм. стѣны) и т. д., изрѣдка только вм. ѣ, которое едва ли не произносилось подобно Польскому въ словѣ wiara: по крайней мѣрѣ къ этому ведетъ правописаніе нѣкоторыхъ словъ: вапр: млѣдыи (младый), глѣва, (глава), ѣше (-аше).

При чтеніи Георгія Амартола я собралъ многое, что можетъ послужить со временіемъ дополненіемъ и модификаціею мнѣній Шафар. въ его Serbische Lesekörner.

Литературою прочихъ славянскихъ народовъ я менѣе имѣлъ возможность заняться, по неимѣнію подъ рукою необходимыхъ пособій.—Преимущественно меня занимало сравнительное изученіе эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ у разныхъ народовъ Славянскихъ. Для этого у меня было достаточно матеріаловъ, потому что мало мало я успѣлъ собрать едва ли не все, что до сихъ поръ издано въ свѣтъ. Сожалѣю, что въ Петербургѣ я не могъ воспользоваться собраніями Нѣмецкихъ и Скандинавскихъ пѣсенъ, которыми я пользовался въ Дерптѣ какъ изъ Университетской Бобліотеки, такъ и изъ частныхъ Библіотекъ. На время это важное изученіе должно было пріостановиться. Польскимъ языкомъ мнѣ удалось заняться и исторически: Psałterz królowej Małgorzaty, потомъ отрывки, довольно значительныя, которыя я нашелъ у Мацѣевскаго въ его Pamiętnikach, были для меня чрезвычайно поучительны. Для Краинскаго, кромѣ Словаря и Грам. Ярника, Мурко, Metelko я имѣлъ подъ рукою Volkmera Fabule ino Pésmi. Сербское собраніе моихъ книгъ увеличилось двумя: Пѣваня Церногорска и Херцеговачка, Словацкихъ: пѣснями народными Коллара и поэмою Голаго: Святополкъ и Моравскихъ Сушила (напис. Сушилы). Сверхъ того изученіе Шаф. Starož. и Časopis Českého Museum.

Digitized by Google

При всемъ томъ я успѣлъ слѣдовать (sic) и за успѣхами Сравнительной Филологіи: третья часть Бопповой Vergleichende Grammatik, новыя сочиненія Бенари, Граффа, Куна. Впрочемъ съ этой стороны надѣюсь сдѣлать пріобрѣтенія за границею».

(Пол. отъ М. С. Куторги).

Одобренный Востоковымъ планъ путешествія Прейса по заграничнымъ Славянскимъ землямъ.

Отправляющійся въ заграничныя Славянскія земли обязанъ исключительно имѣть въ виду изученіе языковъ и литературъ Славянскихъ. Древности, Исторія, Палеографія и т. д. также пересмотръ Архивовъ не должны отвлекать его отъ главной цѣли. Такимъ образомъ излишне, кажется, путешествіе по странамъ, гдѣ Славянское населеніе изчезло и гдѣ находятся одни только памятники чисто историческіе, но не литературные. Этимъ сбережется время, которое можно будетъ съ большою пользою употребить на преслѣдованіе главной цѣли въ путешествіи по землямъ чисто Славянскимъ. На основаніи этого позволено думать, что поѣздка въ сѣверную Германію и Италію, по всей вѣроятности, не принесетъ существенной пользы тому, который обязанъ имѣть въ виду литературно-филологическія изученія. Въ отношеніи къ прибалтійскимъ странамъ Германіи можно утвердительно сказать, что для языка и для литературы здѣсь нельзя ожидать пріобрѣтеній. Въ разсужденіи Италіи должно будетъ переговорить съ Копитаромъ, который недавно тамъ былъ. Судя по извѣстіямъ, сообщеннымъ Г. Палацкимъ и по другимъ свѣдѣніямъ, можно думать, что посѣщеніе Милана, Генуи, Болоньи, даже Рима и Венеціи, едва ли представитъ особенныя выгоды. Во всякомъ однако же случаѣ подробности можно будетъ узнать отъ Копитара, Палацкаго и другихъ.

Въ послѣднія десять лѣтъ сравнительная филологія сдѣлала такіе блистательные и огромные успѣхи, что Славянскій языкоизыскатель не можетъ не слѣдовать за ходомъ ихъ. Сравнительная филологія получила нынѣ совершенно иное значеніе. Теперь дѣло заключается не въ томъ, чтобы отыскать тождество звуковъ въ сравниваемыхъ языкахъ и такимъ образомъ выводить начало одного языка изъ другаго. Въ новѣйшее время метода эта оставлена, убѣжденіе сдѣлалось повсемѣстнымъ, что Европейскіе языки имѣютъ матеріалъ общій. Вся важность вопроса заключается въ опредѣленіи органическихъ различій и въ развитіи характеристическихъ началъ отдѣльныхъ языковъ, въ раз-

Digitized by Google

витія того, что имъ особенно свойственно. Въ этомъ отношеніи для изслѣдователя Славянскихъ языковъ становится чрезвычайно настоятельнымъ изученіе Литовскаго языка, въ чемъ никакъ нельзя сомнѣваться послѣ того, что высказано объ этомъ предметѣ Гриммомъ, Боппомъ, Боленомъ, Резою, Шафарикомъ и другими. Въ послѣднее время Поттъ всего ощутительнѣе сдѣлалъ эту истину, преимущественно въ новомъ сочиненіи: De Borusso—Lithuanicae tam in Slavicis quam Letticis linguis principatu. Недавно еще справедливо замѣтилъ Шафарикъ (Časopis Českého Museum. 1838 с. 255), что безъ вреда нельзя исключить Литовскаго языка изъ круга Славянскихъ и что, при сличеніи послѣднихъ между собою, первый есть регулативъ, подобно какъ языкъ Готскій для изучающаго германскіе діалекты.

Послѣ этого не безполезнымъ будетъ посѣтить Кенигсбергъ, гдѣ въ тамошнемъ Университетѣ есть каѳедра языка Литовскаго. Нѣкоторыя свѣдѣнія правда небольшія, пріобрѣтенныя Прейсомъ въ этомъ языкѣ, подаютъ надежду, что изученіе его не составитъ особенной трудности и не останется напраснымъ для науки. Изъ Кенигсберга отправиться въ Данцигъ и селенія Кашубовъ для собранія свѣдѣній о языкѣ ихъ и провѣрки замѣчанія Мронговіуса, будто нарѣчіе Кашубовъ ближе къ Русскому, нежели къ Польскому (Библіографическіе Листы с. 251). Послѣ этого побывать въ Берлинѣ и войти въ сношеніе съ Боппомъ, который въ своей Vergleichende Grammatik оказалъ важныя услуги Славянскому языку поясненіемъ его грамматическихъ формъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Сверхъ того можно ожидать много поучительнаго отъ знакомства съ Граффомъ, Бенари и другими, которые много содѣйствовали успѣхамъ сравнительной филологіи. Наконецъ вотъ еще одно обстоятельство, которое сильно влечетъ сюда того, который въ продолженіи десяти лѣтъ усердно занимался Педагогіею практически и теоретически: это учебныя заведенія въ Пруссіи. Какъ бы пріятно было увеличить познанія въ этомъ предметѣ на пользу отечественнаго просвѣщенія.

Изъ Берлина отправиться въ Великое Герцогство Познанское, отсюда въ Силезію, Саксонію, Лузацію, Моравію и Богемію. Указателями при путешествіи по этимъ землямъ послужатъ извѣстія и замѣчанія, которыя напечатаны въ разныхъ сочиненіяхъ гг. Кеппена, Добровскаго, Копитара, Мацѣевскаго, Строева (въ Протоколахъ Археографической Коммиссіи) и т. д. Сверхъ того знакомство съ учеными въ этихъ земляхъ будетъ надежнымъ руководствомъ для путешествующаго. Вообще сіи земли болѣе извѣстны, точнѣе описаны, большее число заключаютъ въ себѣ дѣлателей. Въ продолженіи года можно здѣсь сдѣлать важныя пріобрѣтенія, особенно въ Прагѣ.

Изъ Богеміи поѣхать въ Вѣну, гдѣ воспользоваться руководствомъ Копитара и пособіями тамошнихъ библіотекъ.

Digitized by Google

Изъ Вѣны отправиться въ Пестъ и Офенъ, потомъ проѣхать въ Штирію, Каринтію, Крайну, Кроатію и Славонію, изъ Лайбаха въ Тріестъ и оттуда въ Венецію, если въ послѣдствіи окажется что поѣздка въ Венецію можетъ быть особенно полезна для изучающаго Славянскіе языки и литературу. Страны, гдѣ господствуетъ нарѣчіе Хорутанское, должны особенно обратить на себя вниманіе путешествующаго. Труды Копитара и другихъ сдѣлали это нарѣчіе чрезвычайно важнымъ въ отношеніи историческомъ и филологическомъ.

Отсюда путешественникъ долженъ поѣхать въ Далмацію, Герцеговину, Рагузу, Скутари, Черногорію, Боснію, Сербію и Булгарію и чрезъ Молдавію, Валахію и Седмиградскую область въ Галицію, гдѣ, какъ извѣстно, для дѣятельности Славянскаго ученаго представляется обширное поле. Въ числѣ другихъ предметовъ нарѣчіе Русиновъ, столь важное по отношенію къ Малороссійскому, должно обратить особенное его вниманіе.

Изъ Кракова направить путь въ царство Польское; въ Литвѣ вновь обратиться къ языку Литовскому и короче познакомиться съ нарѣчіемъ Бѣлорусскимъ.

Путешествіе по землямъ, гдѣ господствуютъ Славянскія нарѣчія, принадлежащія къ Иллирійской отрасли, потомъ поѣздка въ Галицію и царство Польское, едва ли можетъ совершиться въ продолженіе годоваго срока, особенно если сообразить значительное пространство земли, малоизвѣстность нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ странъ, довольно ограниченное число надежныхъ руководителей и т. д. Можетъ быть на путешествіе по этимъ землямъ потребуется не менѣе полутора года.

«Этотъ планъ былъ, по словамъ Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа въ его отношеніи къ Министру, разсмотрѣнъ г. Востоковымъ и найденъ имъ очень основательно написаннымъ и совершенно соотвѣтствующимъ своему назначенію». — «Г. Востоковъ, — писалъ Попечитель Министру 5 Мая 1839 г.—отзывается съ весьма похвальной стороны объ успѣхахъ занятій Прейса, котораго при самомъ порученіи его руководству въ Іюлѣ прошедшаго 1838 г., онъ нашелъ хорошо уже приготовленнымъ къ избранному имъ поприщу, и потому Востокову легко было руководить его къ пріобрѣтенію дальнѣйшихъ познаній. Прейсъ, по указанію его, преимущественно занимался въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Румянцевскомъ Музеумѣ чтеніемъ древнѣйшихъ Славянскихъ рукописей и выписками изъ оныхъ, и Востоковъ надѣется что въ сіи девять мѣсяцевъ онъ не мало пріумножилъ свой запасъ Славянскаго языкознанія, который ему теперь остается дополнить предстоящимъ путешествіемъ, и что послѣ онаго Прейсъ будетъ безъ сомнѣнія способнѣе всѣхъ занять каѳедру Славянскихъ нарѣчій при С.-Петербургскомъ Университетѣ». (Арх. М. Нар. Пр.).

Кенигсбергъ. Декабря 19-го 1839 года.

Пока еще не замерзли въ чернильницѣ чернила спѣшу писать къ тебѣ, любезный Мишель.—Вы всѣ вѣрно на меня сердиты, что я такъ долго молчалъ. Виноватъ, впредь буду аккуратнѣе. Уже не въ первый разъ узнаю, что большія рождаются бѣды, когда начнешь откладывать.

Про Дерптъ не пишу; Сухачевъ вѣрно былъ въ Петербургѣ. Въ Ригѣ я пробылъ день; вечеръ провелъ въ пріятной бесѣдѣ съ моими бывшими учениками, которые теперь большею частію сами учители. По порученію Кеппена былъ я у Гольдгаммера (который немедленно хотѣлъ списаться съ П. И. Ему же чрезъ Сухачева, я доставилъ диссертацію Ленца о Духоборцахъ. И прочія его порученія исполнены или будутъ исполнены въ свое время). Все это для Виктора Степановича). Гольдгаммеръ женатъ и отецъ семейства; онъ просилъ меня всѣмъ вамъ кланятися.—Въ Ригѣ я нанялъ фурмана до границы и доѣхалъ преспокойно въ прекраснѣйшей коляскѣ. Изъ Таурогена до Тильзита въ прусской почтовой бричкѣ. Нѣманъ cum adjacentibus напомнилъ мнѣ одну поэму, которая услаждала мнѣ путешествіе по Жмуди. Въ Тильзитъ пріѣхалъ я рано, а потому тотчасъ отправился къ директору гимназіи, который былъ такъ добръ, что подарилъ мнѣ цѣлый день. Онъ познакомилъ меня довольно подробно съ здѣшнею гимназіею. Душевно радовался я успѣхамъ учениковъ. И неудивительно! Учители — чудо. — Только учитель Исторіи мнѣ не понравился своимъ непомѣрнымъ крикомъ и странными жестами. У него Исторія въ лицахъ. Въ то время, какъ я былъ въ его урокѣ, онъ представлялъ Монтецуму. Умора. — Послѣ классовъ къ директору на бесѣду; ему обязанъ многими свѣдѣніями. — Въ 7 часовъ вечера тронулся наконецъ дилижансъ и я съ нимъ. На другое утро нижеподписавшійся былъ уже въ Кенигсбергѣ. Первымъ дѣломъ было отыскать брата Розенбергера (бывшаго дерптскаго директора). Сей былъ такъ добръ и услужливъ, что и пересказать тебѣ не умѣю. — Послѣ того къ Сарторіусу, котораго здѣсь не жалуютъ; отсюда къ Лобеку съ твоею диссертаціею [1]), за которую онъ тебя очень благодаритъ. Онъ очень обрадовался, что въ Петербургѣ Русскіе занимаются древностію, между тѣмъ какъ также оффиціальные археологи ничего не дѣлаютъ. Sapienti sat. — Лобекъ кланяется Кеппену и пеняетъ, что онъ оставилъ древность. — Я пораженъ былъ нѣсколько при первомъ взглядѣ на

) Essai sur l'organisation de la tribu dans l'antiquité. Paris. 1839. Сарторіусъ Э. В. Х. богословъ р. въ Дармштадтѣ 1795 г., былъ проф. богословія въ Дерптѣ (съ 1824), а потомъ съ 1835 г. суперинтендентомъ В. Пруссіи въ Кенигсбергѣ. + 1859 г. Напис. нѣск. богосл. соч.

Digitized by Google

Лобека. Читая его Aglaophamus, я полагалъ, что онъ лѣтъ 30. На самомъ же дѣлѣ онъ оказывается уже порядочнымъ старичкомъ [1]).—Лобекъ очень недоволенъ сравнительною филологіею; я ее защищаю за исключеніемъ разумѣется злоупотребленій, которыя дѣйствительно съ каждымъ днемъ усиливаются, какъ видно изъ новаго сочиненія Höfer-a [2]).— Я нерѣдко бываю у почтеннаго Лобека. Потомъ направилъ я свои стопы къ Друману, который принялъ твою диссертацію и меня съ величайшимъ благоговѣніемъ. Человѣкъ онъ очень добрый и умный, да только мучитъ меня своею вычурною учтивостію; чѣмъ я ему соотвѣтствовать не могу. Фохта я также посѣтилъ; только онъ мнѣ показался нѣсколько спѣсивымъ [3]). Отъ него я узналъ, что въ здѣшнемъ Тайномъ Архивѣ Русскихъ актовъ нѣтъ ранѣе пятисотыхъ годовъ (1525). Съ этого года можно ими пользоваться только съ позволенія министерства. Такъ какъ эти акты не могутъ мнѣ принесть существенной пользы, то я и не хлопоталъ объ этомъ позволеніи тѣмъ болѣе, что они будутъ списаны для археографической коммиссіи. Что же касается до профессора Резы (Rhesa), то это чудакъ, какого свѣтъ не производилъ. — Это съ ногъ до головы укутанный ипохондрикъ, человѣкъ боязливый, разсѣянный, забывающій сказанное самимъ за нѣсколько минутъ. Такъ какъ онъ говоритъ медленно, съ разстановкою и тихо, то каждое мною скоро и громко сказанное слово конфузитъ его. Онъ начинаетъ посеменивать ногами, руками и всѣмъ тѣломъ. Разумѣется, что и я конфужусь. Пробыть у него часъ—мученіе для меня. Я пользуюсь только его библіотекою, въ которой очень много драгоцѣнныхъ рукописей, относящихся къ Литовскому языку. — Учусь собственно у одного студента, природнаго Литвина [4]), котораго Реза мнѣ рекомендовалъ.—Я очень доволенъ его уроками. — Сверхъ того ежедневно въ $^{1}/_{2}$ 7 утра является ко мнѣ унтеръ-офицеръ — Литвинъ, съ которымъ стараюсь конверсировать.

Вообрази себѣ, что здѣсь Landau никто не знаетъ; одинъ знакомецъ

---

[1]) Лобекъ р. 1781 г. + 1860 г. Отличный филологъ-эллинистъ. Важны были его труды по Греч. грам. Его Aglaophamus, seu de theologiae mysticae Graecorum causis. Кенигсбергъ 1829 г. 2 т. имѣетъ большое значеніе въ исторіи сравнительнаго изученія миѳологій и религій. (См. Lang A. Myth, ritual a. religion. London. 1887 I, 20).

[2]) Пр. вѣроятно разумѣлъ его сочин. Beiträge zur Etymologie u. vergl. Gram. d. Haupt-Spr. d. indogerm. Stammes. Berlin. 1839.

[3]) Друманнъ р. 1786 г. + 1861 г. Его главное соч. Gesch. Roms in seinem Uebergang v. d. republ. zur monarch. Verf. неудачное по порядку изложенія, блещетъ новыми и вѣрными мыслями. Незадолго передъ смертью онъ изд. Die Arbeiter u. Kommunisten in Griechenland u. Rom. 1860.

[4]) Это былъ Куршатъ, извѣстный составитель Грам. и Слов. Литовскаго.

[5]) Voigt. p. 1786 г. + 1863 г. в. заслуженный историкъ: Gesch. Preussens 1827—1839. 9 том. Codex diplomaticus prussicus. 1836—1861. 6 том., и нѣк. др. замѣчат. въ свое время труды, какъ Hildebrand als Papst Gregor VII, 1815. 2 изд. 1846.

мнѣ сказывалъ, что человѣкъ, носящій подобную фамилію, уѣхалъ въ Америку. — Какъ жаль!

Слѣдовательно, какъ видишь, первый день прошелъ; на другой же день я отправился съ моимъ попутчикомъ странствовать по городу и осматривать достопримѣчательности, которыхъ не много: вечеромъ былъ въ театрѣ (въ первый и послѣдній разъ): представляли die Stumme von Portici и очень дурно.—На третій день я уже сидѣлъ въ моей уютной квартирѣ за Литовскимъ, которымъ занимаюсь усердно.—Это занятіе удержитъ меня въ Кенигсбергѣ до половины января, а можетъ быть и до конца. — Для другихъ языковъ пособій довольно вездѣ; для Литовскаго нигдѣ, кромѣ Кенигсберга. Притомъ этому прекрасному языку суждено въ Пруссіи скоро умереть. Общая повинность быть солдатомъ и запрещеніе въ школахъ учить на Литовскомъ, чрезъ нѣсколько поколѣній, истребятъ совершенно этотъ языкъ, тѣмъ болѣе, что Литовское народонаселеніе не превышаетъ 150 тыс. человѣкъ.

Кенигсберга (sie) описывать нечего; ты его знаешь. Изъ лекцій мнѣ бы всего болѣе хотѣлось послушать Розенкранца; къ сожалѣнію однако же не могу изъ-за Литовскихъ уроковъ, которыхъ никакъ нельзя расположить иначе. Другія же лекціи меня не интересуютъ; съ большею пользою употребляю я лишнее время на посѣщеніе школъ, которыя, не повѣришь, какъ меня занимаютъ.— Профессоръ Боленъ (Bohlen), къ душевному моему прискорбію, находится теперь въ Галлѣ, надѣясь вылечиться отъ сильнѣйшей чахотки. — Этотъ молодой ученый съ жаромъ принялся за изученіе Литовскаго и успѣлъ въ немъ до того, что путешествуя по деревнямъ, собралъ множество народныхъ пѣсенъ. Онъ перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ и думалъ издать съ подлинникомъ; но не нашелъ Verleger-a. Онѣ лежатъ теперь въ Тайномъ Архивѣ, но я надѣюсь до нихъ добраться.

Дней пять тому назадъ проѣхалъ чрезъ Кенигсбергъ Срезневскій, одного со мною предмета; его посылаетъ Харковскій (sic) университетъ. Онъ очень обрадовалъ меня своимъ проѣздомъ.

Недѣли за двѣ общество здѣшнихъ врачей праздновало день своего учрежденія; въ качествѣ гостя и я былъ приглашенъ сюда. Разумѣется, ѣли, пили, пѣли, между піющими гораздъ былъ Moser, Prof. Physic. Здѣсь я сдѣлалъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Раза два былъ въ обоихъ здѣшнихъ клубахъ, которыхъ есмь членъ. Разговору нѣтъ; играютъ въ карты, читаютъ газеты и молча пьютъ пиво изъ огромнѣйшихъ стакановъ. — Слѣдовательно, довольно скучно.

Забавно смотрѣть на ученіе здѣшнихъ солдатъ, которыхъ этимъ дѣломъ занимаютъ часовъ 6 въ день. — Годы службы уменьшены до 2-хъ, вмѣсто прежнихъ трехъ; волонтеры служатъ полтора. Стою я однажды на плацъ-

Digitized by Google

парадѣ подлѣ кучки солдатъ, стоявшихъ праздно. Вслушиваюсь въ ихъ разговоръ. Одинъ между прочимъ тако рекъ: «närrisch genug, dass unser einer, einzeln genommen ganz schaufelig aussieht. Ist er aber im Glied und Reihe, so sieht er ganz russisch aus» [1]). Это разсужденіе простаго прусскаго солдата меня очень позабавило.

Конецъ моимъ разглагольствіямъ о Кенигсбергѣ.—Напиши мнѣ, сдѣлай милость о себѣ. Что, каково идутъ твои дѣла. Я часто объ этомъ думаю, какъ жаль, что я не дождался брата въ Петербургѣ: какъ ему пріятно было возвратиться домой. Здорово-ли дитя? Твое здоровье каково? Степанъ Семеновичъ разумѣется здоровъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Каролинѣ Борисовнѣ. Нельзя-ли будетъ сообщить о времени и планѣ путешествія Чижова [2]), съ которымъ очень бы хотѣлось гдѣ нибудь столкнуться. Поклонись ему и извини меня, что не успѣлъ съ нимъ проститься. Къ Виктору Степановичу über kurz oder lang буду особенно писать. — Нельзя-ли будетъ какъ нибудь добыть двухъ экземпляровъ Чувашской грамматики, вышедшей въ 1836 году въ Казани и сохранить ихъ до моего пріѣзда. Черезъ два года можетъ быть не сыщешь ни одного экземпляра. Объ этой книгѣ я свѣдалъ по разбору, напечатанному въ Berliner Jahrbücher. — Не вышла ли диссертація Касторскаго, которая меня очень интересуетъ? Нельзя ли ее будетъ черезъ Кеппена отправить въ Прагу къ Шафарику, который бы мнѣ ее передалъ.

А. В. Никитенкѣ и Плетневу мое почтеніе свидѣтельствуетъ нижеподписавшійся.—Исторію Устрялова въ «Preussische Staatszeitung» расхвалили; за то досталось ей въ «Neue Hamburger Zeitung».—Другихъ рецензій еще не встрѣчалъ.

Крафтштрема вездѣ знаютъ. Лобекъ разсказывалъ мнѣ нѣсколько преуморительныхъ анекдотовъ.—Слѣдствіе о Мукерахъ кончено; приговоръ еще не опубликованъ. Говорятъ, что наказаніе будетъ строгое. Одинъ изъ этихъ фанатиковъ дошелъ до того, что предвидя скорый новый потопъ, построилъ себѣ судно на Прегелѣ, на случай надобности. Такъ какъ постройка этого ковчега производилась очень дурно, то оный и потонулъ. Эки чудеса дѣлаются въ просвѣщенной Пруссіи. Впрочемъ дуракамъ законъ не писанъ.

И такъ до слѣдующаго письма. Будь здоровъ и побѣждай.

Твой *П. Прейсъ.*

Адресъ: Koenigsberg. Burgstrasse № 4, Haus Paulini.

Спасибо тебѣ за Лобека и Друмана: чрезъ нихъ я имѣю свободный входъ въ Королевскую Библіотеку.

[1]) Т. е. «довольно забавно, что любой изъ насъ взятый въ одиночку смотритъ совсѣмъ дрянью, а въ ряду и въ строю смотритъ совершенно Русскимъ». Schaufelig —собств. schofelig—слово заимствованное изъ Еврейскаго жаргона—жалкій, дрянной.

[2]) Ѳ. В. Чижовъ адъюнктъ математики въ Пет. ун. и извѣстный потомъ общественный дѣятель.

Digitized by Google

14 января 1840. Кенигсбергъ.

Только нѣсколько строчекъ на этотъ разъ, любезнѣйшій М. С. и прежде всего спасибо за дружеское письмо, которое меня очень развеселило. Поздравляю тебя съ началомъ лучшей эпохи. Я былъ въ восторгѣ отъ извѣстій, которыя ты мнѣ сообщилъ. — Ура!

Литовскій удержалъ меня въ Кенигсбергѣ долѣе, нежели я предполагалъ. Предметъ этотъ впрочемъ требовалъ по возможности основательнаго изслѣдованія. — Я приближаюсь теперь къ концу своихъ изысканій и слѣдовательно къ отъѣзду изъ Кенигсберга. Отсюда отправляюсь на нѣсколько дней въ Данцигъ, гдѣ пробуду много недѣлю. Изъ Данцига поспѣшу въ Познань недѣли на три и отсюда уже въ Берлинъ, гдѣ слѣдовательно надѣюсь быть въ мартѣ мѣсяцѣ.—Этотъ планъ заставляетъ меня просить тебя о высылкѣ мнѣ денегъ въ Кенигсбергъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

До отъѣзда моего изъ Кенигсберга буду писать въ Совѣтъ Университета. На дняхъ принимаюсь за составленіе записки.

Относительно Пиндера, я только могу просить тебя дать мнѣ цыдулочку, если тебѣ это будетъ не непріятно! Custos библіотеки есть великое дѣло! По пріѣздѣ въ Берлинъ первымъ моимъ дѣломъ будетъ сходить къ Дункеру. Боюсь только не будетъ ли поздно.

Кругъ моихъ знакомствъ распространяется. Я былъ также нѣсколько разъ приглашенъ на вечеръ къ Druману, Лобеку, Сарторіусу. Познакомился также съ Розенкранцемъ, у котораго даже былъ на лекціи. Читаетъ обворожительно. — Въ Sylvester-Abend былъ на балу и смотрѣлъ, какъ потѣшается здѣсь средній классъ. Дамы большею частію премилыя существа, за то кавалеры народъ неотесаный. — Какъ членъ клуба, я хожу иногда слушать концерты, даваемые здѣсь диллетантами. Въ послѣдній разъ я писалъ о пораженіи Устрялова, теперь бьютъ безъ милосердія Ѳаддѣя Булгарина, напримѣръ, въ «Berliner Iahrbücher. — И по дѣломъ!

Ничего ты мнѣ не пишешь о своемъ здоровьѣ. Cur? Не забудь объ этомъ отмѣтить въ будущемъ твоемъ письмѣ. И я аплодирую Степану Семеновичу: floreat, crescat! До слѣдующаго письма! Будь здоровъ: поклонъ всѣмъ безъ обиды.

Твой *П. Прейсъ.*

Что дѣлаетъ Петръ Давидовичъ? [1]) Кто ректоръ?

---

[1]) Проф. Калмыковъ.

Digitized by Google

Берлинъ. 27 апрѣля 1840.

Любезный Мишель! Я уже слишкомъ двѣ недѣли въ Берлинѣ; полагалъ, что застану письмо твое здѣсь. Ждалъ, ждалъ, ходилъ каждый день на почту, справлялся у Дункера; но письма нѣтъ, какъ нѣтъ. Или оно затерялось на почтѣ или ты болѣнъ. — Досадую на себя, что не писалъ тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Берлинъ; мысль, авось сегодня или завтра получу письмо отъ тебя, удерживала меня. — Изъ Кенигсберга я не писалъ потому, что на другой день по полученіи твоего письма я уже былъ въ дорогѣ. Но возвратимся въ Кенигсбергъ.

Тяжело мнѣ было разстаться съ нѣкоторыми изъ кенигсбергскихъ знакомцевъ, особенно съ Лобекомъ. По желанію твоему я былъ у него съ тѣмъ, чтобы узнать его мнѣніе о твоихъ tribubus. Вотъ точное fac-simile его словъ:

«Da ist eine höchst gediegene, geistvolle Arbeit. — Uns in Deutschland kommen solche Arbeiten nicht zu oft vor, прибавилъ онъ съ обыкновенною солью, wahrhaftig nicht». Причемъ вновь просилъ меня «ihn Dir zu empfehlen und danken für die Ehre die ihn H. Prof. Kutórga erwiesen hat.» — Онъ заключилъ надеждою и просьбою, что ты не оставишь поприща, «die so rühmlich begonnene Laufbahn». —

Ты вѣрно не воображаешь, какъ обрадовалъ меня такой отзывъ Лобека. — Зная его, что это человѣкъ durch und durch Wahrheit, зная, какъ онъ недоволенъ текущею ученою литературою, я боялся, что и тебѣ достанется: онъ человѣкъ откровенный, и не умѣетъ щадить. — Я слышалъ, какъ онъ казнилъ нѣкоторыя знаменитости. — Слава Богу, сошло благополучно!

Теперь въ Данцигъ, который мнѣ чрезвычайно понравился во всѣхъ отношеніяхъ. Сравненія нѣтъ съ Haupt und Residenzstadt Кенигсбергъ, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе упадаетъ. — Жители горько жалуются на затруднительность торговыхъ сношеній съ Россіею.

Въ Данцигъ дали мнѣ нѣсколько писемъ, въ числѣ ихъ были адресы и не къ ученымъ, т. е. къ бюргерамъ въ тѣсномъ смыслѣ, которыхъ я въ Германіи почитаю самымъ здоровымъ классомъ людей. Надобно самому испытать то гостепріимство и радушіе, съ которымъ я здѣсь былъ принятъ, особенно долженъ я упомянуть объ аптекарѣ Лефасѣ и кандидатѣ теологіи Рёснерѣ (который, разумѣется, уже женихъ и опять разумѣется женихъ не одной только церкви Христовой). Они водили меня по городу, водили по окрестностямъ, которыя очаровательны и въ мартѣ мѣсяцѣ, когда снѣгъ не успѣлъ еще сбѣжать съ полей. Замѣчательно, что отъ Кенигсберга до Данцига площадь — хоть шаромъ покати. Близъ Данцига вдругъ начинаетъ

Digitized by Google

тянуться цѣлая линія возвышеній, которыя произвели на меня сильное впечатлѣніе. Это для моихъ глазъ первыя горы. Все подгорье застроено дачами, домиками, усажено аллеями; подъ ногами твоими море, вдали Hela и ты позволишь мнѣ молчать. Бесѣда съ этими добродушными бюргерами отрадна, особенно тѣшили меня твердыя ихъ убѣжденія въ существеннѣйшихъ пунктахъ, касающихся человѣка. Изъ ученыхъ съ удовольствіемъ упомяну о добромъ старикѣ, который прозывается Mrongovius, извѣстный Польскій лексикографъ. Я ему очень многимъ обязанъ въ отношеніи къ своей цѣли. Любовь его къ своему предмету превышаетъ всякое описаніе. Не смотря на то, что почти 8 десятковъ лѣтъ покоятся на его могучихъ плечахъ, онъ еще бодръ, свѣжъ и юношески дѣятеленъ. Его чрезвычайно обрадовало мое посѣщеніе: я видѣлся съ нимъ ежедневно.

Mrongovius ввелъ меня въ Journalisticum. Это названіе имѣетъ въ Данцигѣ особенное значеніе. Разъ въ мѣсяцъ одинъ изъ членовъ этого Journalisticum, поочереди, приглашаетъ на вечеръ всю братію, принадлежащую къ этому coetus попить винца, чаю, шоколаду, покурить, побалагурить. Здѣсь я нашелъ весь почетъ Данцига, начиная отъ Ober-Bürgermeister'а—а это не шутка. Коммиссія—знакомиться со всѣми! Въ памяти у меня остался Marquart, учитель здѣшней гимназіи, филологъ. — Stadt-Angelegenheiten были главною темой, особенно Weichsel-Durchbruch. И я поневолился съѣздить посмотрѣть на эту достопримѣчательность. Въ теченіи двухъ часовъ Висла успѣла прорыть себѣ новое устье (о геологія!). До сихъ поръ не знаютъ еще навѣрно, къ добру-ли Данцига случился этотъ казусъ. Мнѣ сказывали, что въ прошломъ, если еще не 17 столѣтіи, сенатъ города Данцига хотѣлъ именно въ нынѣшнемъ Durchbruch'ѣ прорыть берегъ. Планъ остановился за неимѣніемъ милліоновъ, которые потребовались на исполненіе его. Природа сдѣлала gratis. Я варваръ,—глядя на Durchbruch, жалѣлъ объ одномъ: огромныя льдины, которыми загромождены были Висла и берега ея, имѣли видъ утесовъ и скалъ. Все это должно исчезнуть!

Данцигъ всѣмъ хорошъ и пригожъ; въ одномъ пунктѣ однакоже оплошалъ.— Подумайте: Здѣсь болѣе 400 человѣкъ, которые отличили себя какимъ нибудь воровскимъ дѣломъ и которые всѣ insgesammt состоятъ подъ присмотромъ полиціи, почему и именуются здѣсь: «die Observaten». За нѣсколько лѣтъ они такъ изволили здѣсь шалить, что бѣдные бюргеры принуждены были образовать общество; очередные члены по нѣскольку разъ ночью должны были являться на квартиру обсерватовъ, для того, чтобы убѣдиться, не на промыслѣ ли молодцы.—Ихъ обыкновенно отсылаютъ въ Грауденцъ въ рабочій домъ, который я видѣлъ въ проѣздъ мой чрезъ этотъ городъ. Надъ воротами рабочаго дома написано «Der Reue und Besserung». Этотъ девизъ обсерваты толкуютъ по своему: проживъ здѣсь нѣкоторое время, они возвра-

Digitized by Google

щаются въ Данцигъ съ раскаяніемъ, что до сихъ поръ были только мелкіе воры, въ дѣйствительности исправляются, дѣлаясь ворами № 1. За нѣсколько недѣль передъ моимъ пріѣздомъ одинъ изъ исправившихся обсерватовъ разрѣзалъ ножемъ ротъ жандарму, который хотѣлъ было его схватить съ поличнымъ. Богъ меня миловалъ отъ нападеній этихъ обсерватовъ. Здѣсь завидуютъ намъ, что въ нашей власти Сибирь.

До самаго почти Грауденца я ѣхалъ въ пріятномъ обществѣ.

Это былъ Маріенвердскій Schulrath. Цѣлый день толковали о школахъ. Отъ Грауденца до Торна спутникомъ моимъ былъ солдатъ, который повѣствовалъ мнѣ о состояніи ратнаго дѣла въ Пруссіи. Дорога была ужасная; здѣсь нѣтъ шоссе. Ужасъ! Я измучился на пространствѣ этихъ 8 миль.

Проѣзжая черезъ городокъ Kulmsee, я не пропустилъ случая взглянуть на здѣшнюю ратушу для контраста. Говорю безъ всякаго преувеличенія; эта ратуша ни дать, ни взять голубятня.

Отъ Грауденца начинаются уже польскія деревни и города, которые и здѣсь точь въ точь какъ въ Жмуди.—Хотя я и не принадлежу къ числу чертей, при всемъ томъ долгомъ моимъ почитаю замѣтить, что Boże męki (Божьи муки, Crucifixa), разставленныя на дорогахъ и поляхъ были и будутъ мнѣ противны.

Въ Торнѣ я пробылъ три дня, надѣясь получить нѣкоторыя грамоты, о которыхъ мнѣ говорилъ проф. Фохтъ. Но ихъ уже нѣтъ—исчезли съ лица земли въ слѣдствіе безпорядочности здѣшнихъ магистратскихъ чиновниковъ. Здѣсь я познакомился съ Новицкимъ, учителемъ здѣшней Bürgerschule, натуралистомъ, какъ слышу, очень дѣльнымъ.—Другое знакомство было съ Dr. Haeneke, который усердно занимается древностями Торна и сравнительнымъ языкознаніемъ. Въ Торнѣ я насмотрѣлся на католическія церкви, видѣлъ домъ, гдѣ жилъ Коперникъ, осмотрѣлъ ратушу съ ея диковинными прелестями Bürgerthum'а и т. д. Въ церквахъ на каждомъ шагу поражали меня картины, нѣкоторыя изъ нихъ презабавнаго содержанія. Напримѣръ, Спаситель несетъ оленя. Надпись гласитъ: dulce onus meum. Другая картина представляетъ операцію обрѣзанія. Очень нужно!

Въ 4 часа ночи меня разбудили: пора ѣхать. Нечего дѣлать. До Гнѣвкова, первой станціи отъ Торна, мнѣ пришлось ѣхать одному. Въ Гнѣвковѣ присоединился ко мнѣ неожиданный, но весьма пріятный пассажиръ — преобразованная, прелюбезная, преживая, прелестная Жидовочка лѣтъ 16. Насъ было только двое! Въ Иновраціавлѣ, на слѣдующей станціи, я принужденъ былъ съ нею разстаться и ѣхать съ какимъ-то польскимъ графомъ, человѣкомъ интереснымъ и бывалымъ.

Стршельно, Тршемешно и т. п. города Польскіе, т. е. масса домовъ, обмазанныхъ глиной и наполненныхъ Жидами. Въ Тршемешно я успѣлъ осмотрѣть

Digitized by Google

здѣшнюю церковь. Въ ней 16 придѣловъ. Съ дороги видѣлъ башню Крушвицкую, гдѣ Попеля мыши съѣли:

То старина, то и дѣяніе.
Синему морю на послушаніе!

Наконецъ вечеромъ въ 9 час. мы доплелись до Гнѣзна, первой столицы польскихъ королей и донынѣ митрополіи Великопольской. Городъ этотъ за двадцать лѣтъ предъ симъ выгорѣлъ почти до тла. Всего замѣчательнѣе здѣсь соборъ, гдѣ обрѣтаются мощи св. Войтѣха (Адальберта), хранящіяся въ серебряной ракѣ; по бокамъ ея вырѣзаны на серебрѣ апостольскіе подвиги этого первоучителя Прусской Литвы. Сверхъ того примѣчателенъ дворецъ Дунина, нынѣ пустой. Этотъ Дунинъ, по разсказамъ, человѣкъ весьма ограниченнаго ума, который любитъ поѣсть, попить и повеселиться. Въ его дворцѣ собиралось самое любезное общество Гнѣзна и окрестностей, не выключая и дамъ! Не удивляюсь, что сіи послѣднія ходятъ по немъ въ трaурѣ.—Кромѣ того стоитъ еще взглянуть на церковь св. Георгія. Она построена на мѣстѣ языческаго требища. Здѣсь показывали мнѣ двѣ каменныя фигуры яко бы изображенія двухъ идоловъ. Дѣло не невозможное.—Отъ скуки я познакомился съ директоромъ здѣшней гимназіи, Neu, переводчикомъ Лелевелевыхъ Kleine Schriften.

Отъ Гнѣзна до Познани оставалось 7 миль. Чтобы ѣхать на почтовыхъ, надобно было ждать три дня, а потому я нанялъ Куявяка; въ открытой телегѣ, при несносной погодѣ (мокрый снѣгъ валилъ безъ милосердія) я поѣхалъ до Poznania. Дорогой забавлялъ меня этотъ Куявякъ своими разсказами и особенно тѣшилъ своимъ великопольскимъ выговоромъ. Ночью, Богу помогающу, мы прибыли въ Познань. На другой день я отправился съ письмами къ здѣшнимъ литераторамъ. Въ тотъ же день былъ уже въ библіотекѣ Рачиньскаго, относительно которой я нѣсколько обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ двѣ недѣли, проведенныя мною здѣсь, я почти не выходилъ со двора; погода была не выносимо дурна. И я не былъ этимъ не доволенъ: успѣлъ пройти нѣкоторыя части исторіи Польской литературы... Войковскій, Лукашевичъ u. s. w. снабжали меня всѣмъ, что относилось къ предмету моихъ занятій.

Quoad-Познань, то этотъ городъ имѣетъ двѣ стороны: одна старопольская (см. выше), другая принадлежитъ новѣйшему времени, и это безспорно лучшая часть. Подивовался я на огромный коллегіумъ, принадлежавшій нѣкогда іезуитамъ. Нечего сказать, умѣли строить! Но вотъ замѣчательность особеннаго рода, которая мнѣ пришла въ голову при мысли о Познани. Въ день воскресный я какъ-то забрелъ въ Лютеранскую церковь Garnisons-Kirche и остолбенѣлъ! Церковь была биткомъ набита. Развѣ это не рѣдкость. До того въ лютеранскихъ церквахъ я видѣлъ только нищихъ, калѣкъ, *чающихъ движенія воды*.

Digitized by Google

Но впрочемъ пора въ Берлинъ, до котораго 34 мили, т. е. 24 часа ѣзды. Съ почтамта мнѣ удалось перебраться тотчасъ на квартиру (Neu-Friedrichs-Strasse nr. 64). Первый выходъ въ посольство, гдѣ какой-то молоденькій дипломатъ сказалъ мнѣ, чтобы я отправился «на полицію», что и сдѣлано было. За симъ къ Дункеру; застаю его дома и слышу изъ устъ его, что онъ тебя не имѣетъ чести знать. Можетъ быть это мой сынъ? Тьфу пропасть, подумалъ я. Отправляюсь къ сыну, хотя мнѣ и невѣроятно было, чтобы ты въ письмѣ своемъ ко мнѣ могъ ошибиться, давъ мнѣ адресъ къ старику Дункеру. Сынъ живетъ подлѣ. Вхожу, спрашиваю и онъ знать ничего не знаетъ. «Сходите въ контору отца моего».—Отправляюсь въ контору, допытываюсь. Выходитъ: точно съ старикомъ ты имѣлъ дѣло, но что до сихъ поръ не получали отъ тебя писемъ. Я сталъ въ тупикъ.—Я могъ только увѣрить Commis, что письмо не замедлитъ прибыть и просилъ его увѣдомить меня, коль скоро оно получится. Въ ту же минуту я бросился на почту — и тутъ ничего: проходитъ недѣля, другая. Ты вѣрно заболѣлъ или письмо потеряно.—Вотъ на чемъ я остановился и каждый день досадую на себя, что не тотчасъ взялся за перо. Но глупость сдѣлана и ея не поправишь досадой. Другая непріятность: я пріѣхалъ въ каникулы. Съ 1-го мая начнутся лекціи. Мнѣ непремѣнно хочется побывать у нѣкоторыхъ профессоровъ, и потому пробуду здѣсь до письма твоего. Впрочемъ каникулы въ томъ отношеніи для меня удобны, что я свободно могу заниматься работами въ библіотекѣ, гдѣ съ 9—12 и съ 2—5 обрѣтаюсь. Сверхъ того и дома у меня довольно дѣла.

Ближайшіе сосѣди мои Цумптъ и Риттеръ. Къ первому я отправился съ твоей диссертаціей; онъ очень сердечно благодарилъ тебя за нее. Цумптъ ужасная флегма.—Онъ, между прочимъ, говорилъ о питомцахъ Педагогическаго института и спрашивалъ: гдѣ они получили свое первоначальное образованіе. Я притворился, что не знаю, чуя, къ чему это ему нужно. «Fleissige Menschen, aber stumm, mit einer mechanischen Auffassung» и т. д. Я сидѣлъ, какъ на иголкахъ, пока продолжалась его филиппика.—Потомъ онъ перешелъ къ Фрейтагу, благодарилъ его за Иліяду и сталъ ее хвалить безъ конца: «da ist ein Buch, welches in den Händen aller Schullehrer sein muss; diese Arbeit verräth grossen Geschmack, Tact; es ist in jeder Hinsicht vortrefflich». Эта похвала высказана была Цумптомъ непритворно; онъ не забылъ прибавить, что онъ не ожидалъ отъ Фрейтага такого труда. Съ тѣхъ поръ я не видѣлся съ Цумптомъ.

Къ Риттеру я отправился съ поклонами отъ П. И. Кеппена, которому онъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Кромѣ ласковаго пріема безподобный Риттеръ далъ мнѣ нѣсколько писемъ къ M-me Robinson (урожденнной Jacob, извѣстной переводчицѣ Сербскихъ пѣсенъ подъ псевдонимомъ Talvj), къ библіотекарю Фридлендеру и, наконецъ, къ Вилькену, къ которому тотчасъ отправился. Онъ

Digitized by Google

откомандировалъ меня ad Pontium Pilatum, къ Пиндеру.—Все люди чрезвычайно привѣтливые и услужливые.—О тебѣ ни полслова, ни Пиндеръ, ни Вилькенъ. Въ библіотекѣ я познакомился съ Бутманомъ, у котораго языкъ—мечъ обоюдо-острый.

На этотъ разъ довольно: усталъ «писаміи», какъ говаривала Протасова.—Хотѣлось тебѣ разсказать о комической трагедіи Раупаха Борисъ Годууновъ (sic), о томъ, какъ Годуновъ одѣтъ былъ, о кучерскихъ его порткахъ и рубахѣ и т. д. Ужъ натѣшился я, глядя на эту трагедію. Нелѣпость въ высшей степени! И Нѣмцы ею недовольны. Что до того Раупаху: 300 таллеровъ у него въ карманѣ.—

Поклонъ отъ меня всѣмъ добрымъ нашимъ друзьямъ и товарищамъ. Я, благодаря Бога, здравствую при такой превосходной погодѣ: шинелей давно не видать.—По полученіи отъ тебя письма не премину тотчасъ отвѣтить. — Будь здоровъ и отведи душу твоимъ письмомъ.

Твой *П. Прейсъ.*

Digitized by Google

Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) называется купальницею и считается днемъ урочнымъ?

Оказывается, что этимъ вопросомъ задавались наши предки, и уже въ XVI вѣкѣ, не зная настоящей причины, одинъ книжникъ отвѣтилъ на него легендой. Въ одной рукописи XVI в. (Соф. № 1462 л. 82) находимъ слѣдующую статью:

«Что ради наречеся Иванъ вечеръ Купалницею и коея ради вины полезно есть на различныя лѣчебныя потребы? Отвѣтъ. Добрѣ въпрашаеши, възлюбленне, тайна убо царскаа добро есть таити, дѣла же Христова проповѣдати преславно есть. Отъ много убо пытанія сіа навыкохъ отъ искуснѣйшихъ мужъ: въ каа времена и въ коихъ странахъ преж сіе учинися прозваніе. Бѣ человѣкъ благочестивъ въ Израили, именемъ Товитъ. И оклеветанъ бысть къ царю и избѣгъ внѣ града и успе подъ стѣною царскою, отворени очи имы. Птицы же, зовомыя ластовицы, упустиша калъ свой на очи его. И бысть на очію его бѣлма. Бѣ же отроковица отъ роду его, имущи въ себѣ бѣса. И повелѣ сыну своему Товиту пояти еа. Онъ же не смѣаше бѣса ради, прежде бо того семь муж убьени быша отъ бѣса. И помолися отроковица Богу, и посла Богъ на помощь има ангела своего Рафаила. И рече Товитъ сыну своему Товиту: съ рукописаніемъ отиди въ Мидію и оттуду, взем десять талантъ злата, скоро принеси ми. Отроку же пытающу спутника и обрѣте ангела Божіа Рафаила, яко человѣка стояща. И рече Товиту: азъ путь свѣдаю, а имя ми Назарья, да иду съ тобою. И пріидоша къ рѣцѣ Тигрѣ, отроку же влѣзшу купатися по съвѣту ангелову, и пріиде къ нему рыба ліа, по нашему же осетръ. И рече ему ангелъ: ими рыбу и, прорѣзавъ чрѣво ея, възми утробу и сердце и желчь и съхрани. Отроку же въпрашающу: чему се на потребу? и рече ему ангелъ: утробою и сердцемъ кадящи изгонитъ бѣса и поиметъ отрокъ отроковицу жену себѣ; желчію же потребити бѣлмо. Егда же возвратися Товитъ къ отцу своему и створи, якоже сказа ему ангелъ, и прогнанъ бысть бѣсъ кажденіемъ сердца и утробы, и потребися бѣлмо помазаніемъ желчи. И оттолѣ мнози назнаменаша той день, въ он же Товитъ купася съвѣтомъ ангеловымъ, мѣсяца іуніа

Digitized by Google

въ 23, яко той день благопотребенъ есть на всяку ползу роду человѣческому».

Въ приведенной статейкѣ мы видимъ любопытный образчикъ того, какъ книжникъ народному обычаю и вѣрованію старается дать объясненіе и оправданіе при помощи церковной литературы. Интересный сюжетъ библейской «Книги Товита» пользовался въ старину большою популярностью и легъ въ основу апокрифическаго разсказа о томъ, «какъ Провъ назвалъ Іисуса братомъ» (въ компиляціи съ именемъ болгарскаго попа Іереміи), и однороднаго съ нимъ «Указа о братотвореніи»; эта послѣдняя легенда пересказывалась у насъ для объясненія происхожденія очень распространеннаго въ старину у Грековъ и православныхъ Славянъ обычая «братотворенія», «побратимства» или братства названнаго (Разборъ легенды см. въ нашей книгѣ: «Матеріалы и Замѣтки по старинной славянской литературѣ» в. I. М. 1888 г. стр. 168—172). Не дѣлая никакихъ выводовъ, замѣтимъ, что жена Семиклея— Селевкія, не названная въ текстахъ югославянскаго апокрифа, въ русскомъ «Указѣ о братотвореніи» называется К у п а в о й.

М. Соколовъ.

Огонь на свадьбѣ.

«Въ нѣкоторыхъ глухихъ поселкахъ волынскаго Полѣсья сохранился еще своеобразный свадебный обычай. Невѣсту, прежде чѣмъ вести въ церковь для вѣнчанія, заставляютъ пройти черезъ огонь. Это испытаніе дѣлается съ цѣлью узнать, сохранила-ли она дѣвственность до замужества. По понятіямъ Полѣшуковъ, огонь долженъ обжечь дѣвушку, еслибы она рѣшилась на это испытаніе не будучи цѣломудренною. Испытаніе это производится такъ: по дорогѣ въ церковь раскладывается небольшой костеръ, черезъ который, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ, должна перешагнуть невѣста». («Нов. Вр.» № 5303).

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ II.

Великорусскія народныя легенды.

Марина безбожница и Стенька Разинъ [1].

Въ „Орловомъ кустѣ“ обитала атаманша Марина безбожница, а въ „Чукалахъ“ жилъ Стенька Разинъ. Мѣстности эти въ то время были покрыты непроходимымъ лѣсомъ. Марина со Стенькою вели знакомство, и вотъ, когда Марина вздумаетъ со Стенькою повидаться, то кинетъ въ станъ къ нему, верстъ за шесть, косырь, а онъ ей отвѣчаетъ: иду-де, и кинетъ къ ней топоръ. Марина эта была у него первой наложницей, а прочихъ до 500, и триста женъ. И не могли Стеньку поймать. Поймаютъ, посадятъ въ острогъ, а онъ попроситъ въ ковшичкѣ водицы испить, начертитъ уголькомъ лодку, выльетъ воду — и поминай какъ звали! Однако, товарищей его всѣхъ переловили и разогнали, а онъ самъ ушелъ и спрятался въ берегу, между Окой и Волгой и до сихъ поръ тамъ живетъ: весь обросъ мохомъ, не знать ни губъ, ни зубъ. Не умираетъ же онъ отъ того, что его мать-земля не принимаетъ. И оставилъ этотъ разбойникъ здѣсь кладъ, подъ корнями шести березъ зарылъ его. А узнали про это вотъ какъ: сидѣлъ одинъ мужичекъ въ острогѣ вмѣстѣ съ товарищемъ разбойника. Вотъ тотъ и говоритъ ему: „послушай, братъ, въ такомъ-то мѣстѣ лежитъ кладъ, мы зарыли его подъ корнями шести березъ, рой его въ такое-то время“. Стало быть, ужь онъ не чаялъ, что его выпустятъ на вольный свѣтъ, а, можетъ быть, раскаялся и далъ зарокъ. Вышелъ этотъ мужикъ изъ острога, пошелъ на указанное мѣсто, а березы ужь срубили и корней не знать; разсказалъ онъ про это всему селу: подѣлали щупы, однако клада не нашли, а кладъ-то, говорятъ, все золото да серебро, цѣлыя бочки.

---

[1]) Сообщившій эти преданія г. Мамакинъ предпосылаетъ преданью о Стенькиномъ кладѣ слѣд. замѣчаніе: «Старожилы разсказываютъ, что во времена Пугача помѣщичьи крестьяне Лукояновскаго уѣзда охотно принимали сторону послѣдняго, для чего стоило надѣть какую-то юбку, заткнуться—и готовъ казакъ. Въ деревнѣ приказчикъ, по случаю смутъ, бѣжалъ и пробрался до Питера, къ господамъ своимъ, по ночамъ лѣсами. Народъ бросился его искать и въ домѣ, и въ стогахъ сѣна, пробуя вилами, потомъ принялись разорять барскій домъ; лоскуты отъ обоевъ дѣвки вплетали въ косы. Послѣ усмиренія бунта, будто бы, у виновныхъ крестьянъ рѣзали уши, рвали бороды; клочья послѣднихъ: черные, рыжіе, сѣдые, говорятъ, долго хранились въ водосточныхъ трубахъ отъ разореннаго барскаго дома. Этотъ бунтъ, надо полагать, и послужилъ канвою для слѣдующаго довольно распространеннаго преданія, въ которомъ имена дѣйствующихъ лицъ довольно таки перепутаны». Подробности любопытны, но предположеніе невѣроятно. Во второмъ преданьи приписано Брюсу, что̀ на христіанскомъ востокѣ въ довольно раннее время приписывали Симону Волхву, а въ средніе вѣка въ Германіи Фаусту—сотвореніе человѣка. Творимая Брюсомъ изъ цвѣтовъ женщина—очевидно молодая и красивая, коли возбуждаетъ ревность его жены—не слѣды ли и отзвукъ другаго мотива Симоновскаго и Фаустовскаго сказанія—объ Еленѣ? Какъ и когда оно къ намъ зашло? Въ третьемъ преданіи судъ и наказаніе Салтычихи глубоко-поэтически присвоены Пугачу. Салтыкова род. въ 1730 г., б. наказана въ дек. 1768 г., прожила въ тяжкомъ заключеніи 33 года † 1800 или 1801 г. Русск. Арх. 1865. 247 сл. Тамъ же 1871 С. 1281. Русская Старина 1874 С. 497 сл. Было открыто, что въ теченіи 10 или 11 лѣтъ она погубила своихъ людей слишкомъ 100 д., преимущественно женскаго пола, въ томъ числѣ дѣвочекъ лѣтъ 11 и 12. Убійства совершались въ Москвѣ въ собств. ея домѣ и подмосковномъ селѣ Троицкомъ Подольск. у. За Салт. числилось болѣе 600 д. крестьянъ въ гг. Волог., Костр. и Моск. Молва народная обвиняла ее въ людоѣдствѣ, будто бы С. употребляла себѣ на жаркое вм. сладкаго мяса—женскія груди. (Р. Арх. 1865 и 1871 г.). Ред.

Digitized by Google

Брюсъ.

Былъ въ старые годы великій чародѣй Брюсъ. Много хитростей зналъ и дѣлалъ онъ; додумался и до того, что хотѣлъ живого человѣка сотворить. Заперся онъ въ отдѣльномъ домѣ, никого къ себѣ не впускаетъ, никто не вѣдалъ, что онъ тамъ дѣлаетъ, а онъ мастерилъ живаго человѣка. Совсѣмъ сготовилъ—изъ цвѣтовъ—тѣло женское, какъ быть,—оставалось только душу вложить, и это отъ его рукъ не отбилось бы, да на его бѣду — подсмотрѣла въ щелочку жена Брюса и, какъ увидала свою соперницу, вышибла дверь, ворвалась въ хоромы, ударила сдѣланную изъ цвѣтовъ дѣвушку, и та разрушилась.

Пугачъ и Салтычиха.

Когда поймали Пугача и засадили въ желѣзную клѣтку, скованнаго по рукамъ и ногамъ въ кандалы, чтобы везти въ Москву, народъ валмя-валилъ и на стоянки съ ночлегами, и на дорогу, гдѣ должны были провозить Пугача, — взглянуть на него; и не только стекался простой народъ, а ѣхали въ каретахъ разные господа и въ кибиткахъ купцы.

Захотѣлось также взглянуть на Пугача и Салтычихѣ. А Салтычиха эта была помѣщица злая-презлая, хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на видъ грозная. Да какъ ей и не быть было толстой и грозной: питалась она — страшно сказать — мясомъ грудныхъ дѣтей. Отберетъ отъ матерей изъ своихъ крѣпостныхъ шестинедѣльныхъ дѣтей, подъ видомъ, что малютки мѣшаютъ работать своимъ матерямъ, или другое тамъ для виду наскажетъ — господамъ кто осмѣлится перечить? и отвезутъ-де этихъ ребятишекъ куда-то въ воспитательный домъ, а на самомъ-то дѣлѣ сама Салтычиха заколетъ ребенка, изжаритъ и съѣстъ.

Дѣло было подъ вечеръ. Остановился обозъ съ Пугачемъ на ночлегъ; пріѣхала въ то же село или деревню и Салтычиха: дай-де и я погляжу на разбойника-душегубца, не больно-де я изъ робкихъ. Молва уже шла, что когда къ клѣткѣ подходилъ простой народъ, то Пугачъ ничего — разговаривалъ; а если подходили баре, то сердился и ругался. Да оно и понятно: простой—черный народъ сожалѣлъ о немъ, какъ жалѣетъ о всякомъ преступникѣ, когда его поймаютъ и везутъ къ наказанію,— тогда какъ покуда тотъ преступникъ ходилъ по волѣ и отъ его милости не было ни проходу пѣшему, ни проѣзду конному, готовъ былъ колья поднять, — сожалѣлъ по пословицѣ: „лежачаго не бьютъ"; а дворяне болѣе обращались къ нему съ укорами и бранью: что-де, разбойникъ и душегубецъ, попался!..

Подошла Салтычиха къ клѣткѣ; лакеешки ея раздвинули толпу. — „Что попался, разбойникъ?" спросила она. Пугачъ въ ту пору задумавшись сидѣлъ, да какъ обернется на зычный голосъ этой злодѣйки — и, Богу одному извѣстно, слышалъ ли онъ про нее, видѣлъ-ли, или просто-на-просто не понравилась она ему звѣрскимъ выраженіемъ лица и своей тушей, — да какъ гаркнетъ на нее; застучалъ руками и ногами, инда кандалы загремѣли; глаза кровью налились: ну, скажи звѣрь, а не человѣкъ. Обмерла Салтычиха, насилу успѣли живую домой довезти; привезли ее въ имѣнье, внесли въ хоромы, стали спрашивать, что прикажетъ, а она уже безъ языка. Послали за попомъ; пришелъ батюшка; видитъ, что барыня ужь не жилица на бѣломъ свѣтѣ, исповѣдовалъ глухою исповѣдью; а вскорѣ Салтычиха и душу грѣшную Богу отдала. Прилетали въ это время на хоромы ея два черные ворона...

Много лѣтъ спустя передѣлывали домъ ея и нашли въ спальнѣ потаенную западню и въ подпольѣ сгнившія косточки.

Ив. Мамакинъ.

(Записаны въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи).

Digitized by Google

Пѣсни

крестьянъ села Молодова Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда.

(*Окончаніе*).

9.

Ой, пійду я лісомъ, лугомъ: bis
Тамъ мый мылый орѐ плу̀гомъ.
Ой, вінъ орѐ, а я ба̀чу— bis
Вінъ спэва̀е, а я пла̀чу.
Понэсу̀ я ёму істы, bis
Чи нэ ска̀же вінъ мні сісты.

Понэсу̀ я ёму пы̀ты, bis
Чи нэ ста̀нэ говоры̀ты.
Якъ наі̀уса, да напы̀вса bis
То-й на ро̀лю (22) повалы̀вса:
Ой, кто каже: мій мужъ добрый,
Бодай тому вікъ нэдо̀вгій.

10.

Коло млына, коло броду bis
Два голубки пылы воду.
Напывшися, полынули (45),
Крылечками стрепэнулы,
Свое кохание вспомэнулы:
„Якъ мы, сэрдце, любылыса,
Сухи дубы розвылыса; bis
А якъ-же мы побралыса,
То-й зелены повалялыса“. bis
— Ой, немае, да-й нэ буде,— bis
Розсудылы злые людэ.
Розсудылы, розгудылы, bsi
Щобъ мы въ пари нэ ходылы.

Я молода въ Божуй кари (46), bis
Не давъ мэни Господь пари:
Ны пари, ны пароньки, bis
Ны долы, ны доленьки.
Ой, пойду я у церковку;
У церковцы людэй мныго,
Оно-жъ нэма сэрця мого.
Ой, пойду-жъ я на річеньку,
На річеньку подывлюса,
Да-й объ камэнь розобьюса.
Нэхай тэе людэ знають, bis
Що зъ кохання умырають.

11.

Зеленый дубочекъ
На лісъ похилывса:
Молодый ковачe,
Чого зажурывса (39)?.
Чи волы присталы,
Чи зъ дорожки збывса?
— Волы нэ присталы,

Зъ дорожки не збывса, —
Пошовъ до корчомки,
Горилки напывса.
Ишоу̀ изъ корчомки,
На плытъ (40) повалывса,
Тамъ людэ стоялы,
Мэнэ осуждалы...

Digitized by Google

— Вы дывные людэ,
Чого суждаетэ,
Самы не знаете:
Я у чужимъ краю
Па́роньки нэ маю;
Тылько у менэ пари —
Чорны очи у твари. (41).
Тылько-й розмовоньки, (42) —
Що чорны бровоньки.
Тылько-й прихильлечка —
Біла постилечка.

12.

1.

Гиля, гиля, білы гусы,
Изъ поплаву (52) — на пэсокъ:
Оддавъ менэ мій батэнько, —
Я-жъ думала, на часокъ.
Гиля, гиля, білы гусы,
Изъ поплаву — на воду:
Оддавъ менэ мій батэнько
Изъ роскоши да въ бэду.
Гиля, гиля, білы гусы,
Вжежъ наплавалыса. —
Ужежъ моі ясны очки
Да-й наплакалыса.

2.

Нагнівавса мый мылэнькій
Безъ причины на менэ:
Якъ сядэмо вэчераты, (54).
Не говорить до менэ.

Зустринемось ў воротэчкахъ,
Обиходыть вінъ менэ: —
Сама знаешь, молодая,
Що нэ люблю я тебэ.

13.

Ой, ты груша моя, кунджеря́вая. (31)
Ой, а гдэ-жъ ты росла, моложа́вая?
— Я вэсною взойшла̀, літомъ выросла
При зэлёномъ лужкў, при крутымъ бэрожкў.
Тамъ стояло дэуча̀ (32) пўзьно зъ вэ̀чора,
Зажигало свѣчу воску я́рого, |bis
Дожидало дружка пріудалого.
Ой, пришовъ, прибэгавъ підъ воро̀тэчка,
Застучавъ, забрязчавъ у окёнэчко.
Одчиныло (33) дэуча̀ сіны,—ха̀точку,
Запросыло (34) дружка на вэчерушку (35). (bis)
Налыва̀ло дружкў віна́ ча̀рочку.
„Я до тёбэ пришовъ нэ напытыса,
А до тебэ пришовъ розспростытыса: (bis)
Чи позволышь, дэуча̀, оженытыся.
Оженысъ, молодёцъ, помагай Боже!
Не бэри удовы, бороны Боже!
Да бэри за себэ ты подрўженьку,
Красну дивоньку, полюбо̀внычку.

14.

Ой, шумыть, гудэ̀ дубро̀вонька,
Да плаче, тужить удивонька.
Ой, плаче, тужить и рыдае,
Да на бытый шля́гъ (36) поглядае.
А тымъ шлягомъ ула̀нэ идуть,
Да мого дружка коня вэдуть.
„Ой, уланушки молодые,
Куда вы мого дружка ділы?“
— У чистумъ полі трава шумыть,
А въ туй трави твій другъ лэжить:
„Вы, уланушки молодые,
Чи пійдэтэ въ мою сто̀рону?
Накажитэ (37) моій жинци,
Нэхай вона мэнэ не ждѐ,
Да нэхай вона замужъ идэ.
Да нэхай не идэ за ныко̀го, —
За поручнычка молодого,
За поручныкомъ добре будэ, —
То вона мэнэ позабудэ.
За поручныкомъ добре житы,
Да на панщину нэ ходыты;
На панщину нэ ходыты,
Да лыхимъ панамъ нэ годыты. (38)

Digitized by Google

15.

Якъ пріихавъ мій мылэнькій съ поля,
То-й заплакавъ, коло коныка стоя:
„Ой, бідная да головонька моя,
Захворіла (43) мылэнькая моя“.
— Не плачь, мылый, не плачь, чорнобривый,
Не вбывайся у вэлыкую тугу.
Якъ я умру, то возьмешь собі другу,
А мні зробышь зъ хитрыноньки труну (44).
„Нема-дэ, мыла, хитрыноньки взяты,
Да будешь, мыла, въ сосновумъ лэжаты“.
— Да будэшь, мылый, по садочку ходыты,
Молодую жинку за ручку водыты,
Да тобі, мылый, жинка молодая,
А моімъ діткамъ маты нэрідная.

16.

Ой, задумавъ, загадавъ: (bis)
Не по собі жинку взявъ.
Пойду до війска служиты, (bis)
Щобъ мні зъ ею нэ житы.
Ой, кобъ еі Бігъ узявъ, (bis)
То я-бъ еі поховавъ
И могилу-бъ высыпавъ,
Жовтымъ пескомъ обгорнуу,
Дывыною обсадывъ:
„Ой, дывыно, дывыно,
Зеленая ялыно,
На ялыни соловей,
Соловейко маленькій,
Голосочокъ тонэнькій,
Не щебечи на зорі,
Нэ задавай жалю мні.“

17.

Ой, на гори жито,
И въ долыни жито.
Подъ білою березою
Козака забыто.
Быто-жъ ёго, быто,
На смерть нэ забыто;
Червоною (23) китайкою (24)
Оченьки (25) закрыто.
Якъ пришла дивчина
Съ черными очима,
Да подняла китаечку,
Да-й заголосыла (26).
Да пришла другая,
Вжежъ то нэ такая,
Якъ подняла китаечку,
Да-й поціловала
Да пришла третяя
Изъ новеі хаты:
„Було-жъ тобі, вражій сынэ,
Насъ трехъ нэ кохаты.„
— Ой, одна любыла,
А друга кохала,
А третяя чаровныця,
Да-й очаровала.
А тэпэръ я тута,
А завтра поіду;
Будэшь, мыла, припадаты
До моёго сліду.
„Я-жъ нэ припадала,
Припадать нэ буду,
Якъ безъ тебэ горовала,
Гороваты буду“.

18.

1

Тэпэръ Купайло, завтра Янъ, Янъ,
Будэмъ гуляты цілый дэнь, дэнь.
Тэпэръ Купайло, заутра Янъ, Янъ.
Мні молодэнькуй на торгъ (47) трэба.
Повэзу батэнька продаваты,
Собі мылого куповаты.
Продамъ батэнька за три грошн,
Куплю мылого за чотыри.

2.

Нэ ластывонька (48) купаласа,
Ка бэрожэчку сушилася, —
Дивонька у батька просыласа:
„Ой, батьку, батьку, мый батэньку,
Учины-жъ бо мні свою волю, —
Кобъ ще я літо літовала,
Русую косу годовала.
Русая коса до пояса,
Білэе лычко, якъ яблычко.“

Digitized by Google

19.

„Дивчино моя, зару̀чоная!
Чого ходышь, не говоришь, — засму̀чо-
ная?„ (49).
— А вчо̀ра була, якъ рожа (50) цвѣла,
А тепэ̀ра білэ личко,
Якъ ру̀та вьяла.
„Я-жъ тэбэ не бывъ, а ны батько мій,
Да бывъ тэбэ, дивчѝнонько,
Дурный розумъ твій.
Я-жъ тэбэ не бывъ, нэ маты моя.—
Была тэбэ, дивчинонько,
Натура твоя.
Я-жъ тэбэ любывъ,
Якъ ружовый цвітъ;
Чи мні тэбэ Бигъ не суды̀въ,
Ой, чи цілый світъ".

И сюды̀ гора, и туды̀ гора,
Промѐжь тымы гороньками
Ясная зора̀.
Ясная зора ранѐнько взойшла̀,
Молодая дивчинонька
По водыцу шла.
Казакъ за ѐю, якъ за своѐю:
Сывымъ, сывымъ конычонькомъ
По-пидъ горею:
„Дивчино моя, напый мні коня
Зъ холеднôі крынычоньки,
Зъ нового вэдра".
— Якъ буду твоя,
То напою й два
Зъ холоднеі крынычоньки,
Зъ нового вэдра.

20.

Бува̀йтэ здоро̀вы,
Новыи пороги,
Тамъ, дэ походылы
Мої білы ноги.
Ой, гдэ походылы,
Не будуть ходыты;

Кого я любыла,
Не буду любыты.
Кого я любыла,
У людэ пустыла,
А кого нэ знала,
Съ тымъ на шлюби (51) стала.

21.

Да чія-жъ то пшеница,
Що довги загоны? —
— То-жъ того козака,
Що чорные брови.
Да чій-жъ то волыки
По гори ходылы?
— То-жъ того козака,
Що мы вѣдвохъ любылы.
Одная любыла, —
Другого зашлюбыла.
Я-жъ ѐго любыла, —
Житьте отруила (18).

Кого нэ любыла,
Любыты нэ буду. —
Его-жъ полюбыла,
То-й вікъ нэ забуду.
Я ѐго любыла,
Сэстра розлучила;
Бодай тэбэ, сестро,
Вода утопыла.
Бодай тэбэ, сестро
Вода руда мыла,
Ой, якъ же-жъ ты менэ
Зъ мылымъ розлучила.

22.

Була Польща, була Польща,
Да стала Россія:
Не заступыть сынъ за батька,
А батько за сына.
Пошовъ батько изъ сохою,
А сынъ зъ бороною;
Пошла маты за лёнъ жаты,

А дочка до гною.
Ой, ковала зозуленька,
Ковала, ковала,
Якъ панщина, даремщина
Одъ пана втэкала. (54).
Утэкала панщинонька,
Ажъ горы траслыся. —

Digitized by Google

А за ею экономы:
„Панщино, вэрныса!“
Нагоныли панщиноньку
На калыновумъ мосты:
„Вэрнысъ, вэрнысъ, панщиноньна,
Хочъ до пана въ госты.“
— Не вэрнуса, не вэрнуса,
Бо нэма до кого,
Було хлопа шановаты, (35).

Якъ здоровья свого.
Нэ вэрнуса, нэ вернуса,
Бо нэма̀ до кого;
Тэпэръ мене посылайте
Хочъ до мырового. —
Подякуймо-жъ Богу и Царю
А также-й Царицы:
Закопалы панщиноньку
На прусскуй границы.

23.

Ой, ты зайчику,
Кудрявчику,
Не становыса
Блызько менэ,
Не становыса
Блызько менэ,
Бо скажутъ людэ, —
Любышь мэнэ,

Бо я родоньку
Нэ такого,
Щобъ я любыла
Ля̀да—кого. (56).
А колы любышь,
Любы дуже, —
Колы не любышь, —
Нэ жартуй-же. (58)

24.

Ходыть голубь коло хаты,
У ёго ножки волохаты;
Якъ загуде жалостнэнько,
На сэрденьку тяженько.
„Ой, нэ ходы, голубэ,
Ой, нэ гукай, нэбоже,
Да кого-жъ я вірно люблю,
Поможи-жъ бо мні Боже.
Ой, зроблю я зъ воску свічку,
Да пущу я на воду:

Плывы, плывы зъ воску свічка
Да крузь цілую нычку.
Ой, нэ свэты зъ воску свічка,
Да нэ свэты ныкому,
Оно-жъ мойму мылэнькому,
Якъ идтимэ до дому.“
А въ городи барвиночокъ
Да на дылъ похилывса;
Нідэ мылый на Вкраіні
Черезъ людэ поклонывса.

25.

Заковала зозуленька,
Изъ бору лэтючи,—
Заплакала сыротонька,
На службоньку идучи.
„Ой, Боже мій милосэрдный,
Всімъ світомъ гіруешь,
Богатому долю даешь,
Сыроти жалуешь.
„Дэсь ты мене, моя маты,
Съ північи родыла,
Що ты мені, моя маты,
Долі нэ вдэлыла“

— Удэлыла, доню, долю. —
Чорнэнькіе очи;
Нэ досыпай, моя доню,
Темэнькеі ночи.
„Ой, хочъ бы я, моя маты,
Ночи нэ доспала,
Людэ скажуть и сговорать:
Сырота заспала.
Ой хочъ бы я, моя маты,
День и нічъ робыла,
Людэ скажуть и сговорать:
Сырота лэныва.“

Digitized by Google

Объясненіе нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ.

22. Роля—пахатное поле.
23. Червоная—красная.
24. Китаечка—лента.
25. Оченьки—глазки.
26. Заголосыла—заплакала.
27. Мова—разговоръ.
28. Зозулька—кукушка.
29. Рабы—пестрые
30. Хусточка—платочекъ.
31. Кунджерявая—кудрявая.
32. Дэўча—дѣвушка.
33. Одчиныло—отворило.
34. Запросыло—пригласила.
35. Вэчерушка—ужинъ.
36. Шлягъ—столбовая дорога.
37. Наказаты—передать.
38. Годыты—угождать.
39. Зажуривса—запечалился.
40. Плытъ—изгородь.
41. Тваръ—лице.
42. Розмовонька—разговоръ.
43. Захворіла—заболѣла.
44. Труна—гробъ.
45. Полынулы—полетѣли.
46. Кара—наказаніе.
47. Торгъ—ярмарка.
48. Ластывонька, ластоўка—ласточка.
49. Засмучоная—опечаленная.
50. Рожа—роза.
51. Шлюбъ—бракъ.
52. Поплавъ—лугъ.
53. Вэчераты—ужинать.
54. Утэкаты—уходить.
55. Шановаты—дорожить, уважать.
56. Ляда-кого—лишь-бы кого.
57. Дуже—очень.
58. Нэ жартуй-же—не шути-же.

Записала *М. А. Саковичъ*, членъ-сотрудница Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Digitized by Google

Болгарскія народныя пѣсни,

(записанныя въ Прилѣпѣ).

Юначки.

1.

Книга пиши' цара Костадина,
Ми я пракья града Митро'ица
На оние войно'и сино'и,
Войно'и сино'и, бракья Ашико'и:
Еднйо Стеванъ, а другйо Павле:
„Ви се моламъ, бракья Ашиковци!
„Како знайте во Стамболъ да дой'те".
Книга пишитъ Павле помалечокъ
И му вели на брата Стевана:
„Ей ди брате, Ашикбанъ Стеване!
„Ни дошло книга отъ града Стамбола
„Отъ онега царя Костадина
„На оние бракья Ашиковци,
„Како знаатъ во Стамболъ да дойдатъ.
Тогай вели Ашикбанъ-Стевана:
„Ей ди брате, Павле помалечокъ,
„Ясъ сумь женетъ, а ти не си женетъ;
„Си имаме една мила сестра,
„Мила сестра, бѣла Ангелина;
„Ами отъ насъ по богати нѣма,
„И отъ насъ нигдѣ по юпаци нѣма,
„Како дворье сами да остайме;
„Да не се чуе, да не се разбери,
„Оти не се тука войно'и сино'и,
„Да не ни се стори голѣма превара!
Изговори Павле помалйотъ:
„Ей ди брате, Стеванъ-Ашикбане,
„Тôа гайле ли си ти забрало?
„Ние си имаме яко кале,—
„Триста стажни во вишина,
„Стойпедесетъ во ширина,
„Си имаме до два сиви коньи,
„Не се коньи, како коньи,—
„Туку ми се како сиви сокли.
„Кье явниме коньи по вечера,
„До полнокя Стамболъ кье пойдиме,
„Отъ полнокь пазатъ кье дойдиме;
„Кой кье чуе, кой кье не разбери?
И два брата канлъ се стори'я;
Яко кале, яко заклучи'я,
По вечера коньи ми явнà'а
И со коньи кале прерипа'а,
И до полнокь Стамболъ отидо'а,
Го найдо'а цара Костадина,
Кай ми шетатъ шарена одая
И му велатъ войно'и сино'и:
„Богъ помагай, царе Костадине"!
А що бѣше цара Костадина
Часотъ сабя ми потегна
Да погубитъ войно'и сино'и.
Тогай велатъ бракья Ашиковци:
„Мили вуйко, царе Костадине!
„Що си пратилъ града Митро'ица
„На оние войно'и сино'и?"
Се досѣти цара Костадина,
—Добрѣ дошле, мои мили внучина!
Ви се моламъ отъ небо до земи,
Да пойдите во Кочани Клисури,—
Наживеле гладни арамии
Да сѣдите двѣ недѣли врѣме.
Що кье найте на колъ да удрите,—
Да смирите Кочани Клисури".
Що се дочу отъ край до край земя,
Що се дочу во земя Арапска,
Кай ми разбра Мевметъ Арапина,
Оти не се тука войно'и сино'и.
Тей ми зеде до триста арапи
И ми дойде града Митро'ица.
Богъ го било Мевметъ арапина!
Ко'а гледатъ кале заклучено.
'Итро било Мевметъ арапина:
Ми напрà'и триста колье,

Триста колье—студено железо,
'И закачи во кале високо;
Ми сопаша тристана пояси
И си върза танка поло'ина;
Отъ колъ на колъ на кале се вкачи.
Що ми влезе во рамни дворо'и,
Вити порти 'и отвори,
Ми влего'а до триста арапи
И малцѣ стока поплѣнп'я:
Двайсе то'ари су'о злато!
Богъ го било Мевметъ Арапина!
Тей не гледа стока да поплѣни,
Само плѣни бѣла Ангелина.
И остана млада Стеваница
Сама во рамни дворо'и
И се чуди сама що да чинитъ,
В'рацѣ крена свое машко дѣте.
Бърго търчатъ во бѣла чаршия;
Тая пойде во ладни ме'ани,
Таму найде гяче ученичe;
Изговори младата невѣста:
„Мило брате, гяче ученичe!
„Напиши ми едно бѣло книже;
„Кье го пратамъ во града Стамбола
„На оние бракья Ашиковци,—
„Како зна'атъ бърго да си дойдатъ.
„Оти дойде Мевметъ-Арапина:
„Я поплѣни нивна мила сестра
„И му плѣни нивно су'о злато.
А що бѣше гяче ученичe,
'Ѣ напиша една бѣла книга.
И що бѣше младата невѣста,
Си я зеде тая бѣла книга,
Бърго търчатъ на рамни дворо'и;
Що се качи високи дивани
И отвори шарени мусандри,
Ми изваде пиле соколо'о,
Книга му заши на дѣсното крило
И на пиле му велеше:
„Чуй ме мене, пиле соколо'о:
„Бърго 'оди во града Стамбола,
„Да 'и барашъ твоитѣ стопани;
„Ако тука не 'и найдишъ,
„Ти да 'о'ишъ в' Кочани Клисури,
„Да му да'ишъ ова парче книга!
Лѣтна пиле соколо'о,
Ми отиде во града Стамбола,
Сиьо Стамболъ го прошета,
Не 'и найде бракья Ашиковци;
Тогай пойде в' Кочани Клисури,
Кога гледа пиле соколо'о:
Во средѣ Кочани бѣла шатора,
Подъ шаторо Павле помалечокъ,
Стеванъ му спие на дѣсно колѣно.
Пиле слѣзе на Павле'о рамо;
Пиле пищитъ, дѣсно крило тресигъ;
Кога глѣда Павле помалечокъ,
На крило му бѣла книга има.
Кога виде Павле помалечокъ,
Пърсти кършитъ, дробни солзи ронитъ,
И скорива свой брата рогьени:
„Стани, брате, Ашикбанъ Стеване!
„Що ни дошолъ Мевметъ Арапина
„Во нашитѣ рамни дворье,
„Ни поплѣнилъ наша мила сестра;
„Ни поплѣнилъ су'о злато.
В' часо два брата рипна'а
И коньи ми наружа'а,
Коньи ми сиви явна'а.
Овде, онде по бѣли друмища
Ми дойдо'а на двѣ раскърсници:
Една търга града Митро'ица,
Друга търга во земя Арапска.
Изговори Стеванъ по старйо:
„Айде брате, Павле помалечокъ,
„Да си о'йме на рамни дворо'и!
Тогай вели Павле помалечокъ:
„Ей ди брате, Ашикбанъ Стеване,
„Що бараме на рамни дворо'и?
„Ти пойди си на рамни дворо'и,
„Да си видишъ твоята невѣста
„И да видишъ твое машко дѣте.
„Ясъ кье одамъ во земя Арапска,
„Я кье гла'а да'амъ, я кье сестра земамъ;
„Ама ти се моламъ, мое мило брате,
„Бърго иди индатъ да ми сторишъ.
А що бѣше Павле помалечокъ
Коня бие со остри маймузи,
Дури црева коню кье истуритъ.
Кога бѣше врѣме икиндия,
Ми отиде во земя Арапска.
А що бѣше него'а мила сестра!
Тая сѣди на високи дивани
И до неа—Мевметъ Арапина.
Мила сестра брата си го виде.
Наче гърло бѣла Ангелина:
„Чуй ме мене, Мевметъ стопанине!
„Ти се моламъ отъ небо до земи.
„Вечерь вѣра кье ми мѣнишъ,
„Испущиме бѣла видѣлина,—
Да си одамъ на вода студена,
„Да си одамъ со деветъ алайки.
Изимъ ѣ даде Мевметъ Арапина,
Да ми оди на вода студена.
А що бѣше бѣла Ангелина,
Що си зеде два злати ибрика
И отиде на вода студена,
И му рече на деветъ алайки:

Digitized by Google

„Налѣйте 'и два злати ибрика,—
„Да го прашамъ онай добръ юнакъ,
„Али видѣлъ мои бракья рогьени.
Тогай вели бѣла Ангелина:
„Чуй ме, брате, Павле помалечокъ!
„Кри се брате отъ Мевмеда,
„Оти е юнакъ, да го Богъ убиетъ!
„Сега ми е врѣме рамазана,
„Той ми има голѣми адети;
„Да си о'итъ по църни кавина,—
„Дойди вечерь, брате, да ме земишъ,—
„Кье бѣгаме, како Богъ поможи!
Богъ го убилъ Мевметъ Арапина,
Ми отиде по църни кавина.
Ката вечерь порти затвораше,
Тая вечерь порти забора'и.
И ми дойде Павле помалечокъ.
Си я̂ зеде своя мила сестра.
Богъ го било Мевметъ Арапина!
Како каве що пиеше,
Само себе се раздума:
„Фала Богу за чудо голѣмо!
„Ката вечерь порти си затворафъ,
„Ова'а вечерь порти забораифъ,
„Да не ми се стори голѣма превара!
Како каве що пиеше
И на часо ми рипнало,
И ми търча во рамни дворо'и,
Я побара бѣла Ангелина.
Кога виде оти побѣгнала,
В' часо собра до триста арапи
И ми прати голѣма потера.
Богъ, 'и убилъ тристана арапи,
Що Павлета ми го привтаса'а.
Се опули бѣла Ангелина
И му рече на брата си:
„Дей ди брате, Павле помалечокъ!
„Я фърли ме во трѣва зелена,
„Не загинуй и ти зара'й мене!
Тогай вели Павле помалечокъ:
„Не бой ми се, сестро Ангелино,
„Дури стои гла'а на рамена!
Уще Павле зборо недорѣче
Го стаса'а тристана арапи.
А що бѣше Павле помалечокъ,
Часо слезе отъ коньо на земи
И потегна сабя отъ ножница—
Деветъ педи во ширина,
Двана'есеть во должина;
Свърте сабя на лѣво на дѣсно,
Ми посѣче до триста арапи.
В' часо аберъ на Мевмеда му пойде
И голѣма войска ми пособра.
Напрѣтъ търча Мевметъ Арапина,
Отъ конья дизгина в'уста държитъ,
Отъ заби му оганъ излегуватъ,
Во двѣ рацѣ до двѣ сабьи носитъ.
Го доглѣда сестра Ангелина:
— Ей ди, брате, Павле помалечокъ
Я фърли ме во трѣва зелена,
Оти идитъ Мевметъ Арапина.
Многу е юнакъ, да го Богъ убиетъ!
Отъ конья дизгина в'уста дьржитъ,
Во двѣ рацѣ до двѣ сабьи носитъ,
Отъ уста му оганъ излегу'а,—
Да не загинишъ и ти зарай мене!
Тогай вели Павле помалечокъ:
„Не бой ми се, моя мила сестро.
„Дури стоитъ гла'а на рамена!"
'И привтаса Мевметъ Арапина,
Отъ конь слѣзе Павле помалечокъ,
В'часо тръгна сабя отъ ножница:
Деветь педи во ширина.
Двана'есеть во должина;
Свърте сабя на лѣво на дѣсно.
Сета войска му я̂ испотроши,
Живъ го фати Мевметъ Арапина.
Добра коня низъ кърви пливаше!
Ете идитъ Стеванъ, постарйотъ братъ;
Ами Павле брата не го позна,
Часо търгна сабя отъ ножница,
Кье погуби свой брата рогьени.
Тогай коньи се познале,
Се познале, коньи ми виснале.
Тогай гласи Стеванъ ми пропищи:
„Не бой ми се, Павле помалечокъ!
„Еве на индатъ ти идамъ.
Тогай Павле му велеше;
„Ей ди, брате, Ашикбанъ-Стеване!
„Ако коньи не висне'а
„И тебѣ кье младо да загубевъ.
Се здружи'а два бракья рогьени,
Отидо'а во рамни дворо'и,
„Готнесо'а Мевметъ Арапина,
Живо, голо го слеко'а,
Го върза'а во стредѣ дворо'и,
Го измачка'а меда и пекмеза.
Тогай се молитъ Мевметъ Арапина:
„Ви се моламъ, бракья Ашиковци!
„я̂ слезете отъ диванъ високи,
„Младо мене вие загинете.
Тогай велатъ бракья Ашиковци:
„Али чуешъ, Мевметъ Арапина!
„Ние нѣма да те загубиме,
„А сакаме, да ни го донесишъ
„Наше злато—два'есетъ то'ари.
Тогай вели Мевметъ Арапина
„Чуйте мене, бракья Ашиковци!

Digitized by Google

„Пущете ми само дѣсна рака,
„Па дайте ми калема, дивита,
„Да напишамъ една бѣла книга,
„Да ѧ пущамъ на моя стара майка.
А що бѣ'а войно'и сино'и,
Му пущия нему дѣсна рака,
Му дадо'а калема, дивита,
И напиша една бѣла книга:
„Чуй ме мене, моя стара майко!
„За два'есеть то'ари су'о злато,
„Да ми пратишъ четири'есеть товара,
„Туку живо ясъ да си откинамъ;
И му прати злато, що сакаше.
А що бѣ'а бракья Ашиковци
Ми викнале дваица бербери:
Г'избричи'а, живо го одра'а
И со слама кожа наполни'а,
И на коня го качия,
Аберъ ми пратия во Арапска земя
На него'а стара майка,
Оти идитъ Мевметъ Арапина
Со она'а уба'а невѣста.
А що бѣше него'ата майка,
Си излезе да си го пречека.
Кога гледа тая, що кье види,
Църна кожа слама наполнета!

Веселисе, чесни домакьине,
Весела била чесиата тѫрпеза
Со яденье, брате, со пиенье!
Що слушало веселба имало,
На кукья слана, а во кукья слава,
До кукьята дървье со ясенье,
Во кукьята здравье со веселба!
Да се живи лугье во кукьята,
Да е жива стока по полето,
Да е жива гла'а домакинска,
Да се живи гости приятели!
Я турете, да се напиеме,
Послѣ друга кье ви прикажиме!

2.

Вино піятъ три млади юнаци,
Вино піятъ Кочани дервени,
Вино пиле за деветъ години,
Заптисале Кочани дервени,
Заптисале морскитѣ скелина,
Кай що върви царевото азно,
Що му 'одитъ отъ вѣра рисянцка.
Кой кье бидатъ три млади юнаци?
Първо бѣше Марко отъ Вароша, *)
А другйо Янкула Будимецъ,
Трекйо бѣше малечокъ Секула.
Тие на царо до'одокъ не пуща'а,
Що му 'оди отъ вѣра рисянцка.
А що бѣше цара отъ Стамбола,
Той ми личи три млади теляли,
Три теляли нисъ три града добри:
Първи телялъ во града Стамбола,
Втори телялъ во града Солуна,
А трекьйо нисъ града София:
Да се бери многу турцка войска,—
Кье 'и бие три млади юнаци.
Се собрал'е оджи, ефендии,
Се собрале по турцки кавина,
Мегю себе лакърдии чинатъ:
„Алъ чуете, оджи, ефендии,
„Ай да о'йме во града Стамбола,
„Ние царо да го научиме,
„Да не бери гумно турцка войска,
„Да не 'и бие три млади юнаци;
„Тие не се три млади юнаци,
„Туку ми се три млади крале'и:
„Първо ми е Марко отъ Вароша,
„А вторйо Янкула Будимецъ,
„А трекьйо малечокъ Секула.
„Тие со войска не се удира'атъ,—
„Кье изявнятъ коньи пеливани,
„Кье потъргнатъ сабьи отъ ножници,
„Сета войска кье му ѧ потрошатъ,
„Живо царо в'рацѣ кье го ватать,
„Кье го мачатъ на жива живота,
„Кье му сѣчатъ нозѣ до колѣна
„И бѣли му рацѣ до рамена,
„Кье му вадатъ очи отъ гла'ата;
„Туку ние царо да го научиме,
„Тембивъ да стори на вѣра 'рисянцка,
„Голѣмъ тембивъ за триста година:
„Ни да се женатъ, ни да се мажатъ,
„Ни на Велигденъ на законъ да одатъ,
„Како тие адетъ що има'атъ;
„Ни па дѣте мало да се кърсти,—
„Ситѣ тие кье се испотурчатъ.
Богъ 'и убилъ 'оджи, ефендии!
Отидо'а во града Стамбола,
Тие царо ми го научи'я:

---

*) Варошъ—деревня на 1/4 ч. разстоянія на С.-З. отъ Прилѣпа; надъ деревней на скалахъ воздвигнутъ замокъ кралевича Марка, развалины котораго торчатъ и до сихъ поръ.

Digitized by Google

„Чëстити царе, жежко сонце наше!
„Не мой да беришъ многу турцка войска,
„Да 'и биешъ три млади юнаци:
„Тие не се три млади юнаци,
„Туку ми се три млади Крале'и.
„Тие со войска не се удираатъ:
„Кье изявнатъ коньи пеливани,
„Кье потъргнатъ сабьи отъ ножници,
„Сета войска кье ти я потрошатъ,
„Живо в'рацѣ тебе кье те ватать,
„Кье те мачатъ на жива живота,
„Кье ти сѣчатъ нозѣ до колѣна
„И бѣли рацѣ, царе, до рамена,
„Кье ти вадатъ очи отъ гла'ата;
„Туку, царе, да те научиме:
„Темб̆ивъ да сторишъ на вѣра 'рисянцка,
„Голѣмъ темб̆ивъ за триста години:
„Ни да се женатъ, ни да се мажатъ,
„Ни на Велигденъ на законъ да пойдатъ,
„Како адетъ що имаятъ;
„Ни па дѣте мало да се кърсти,—
„Сите, царе, кье се испотурчатъ!
Кога бѣше недѣла Лазара,
Се собра'а до триста дѣвойки,
Кье ми одатъ на вода студена,
Мегю себе тие си веле'а
„Ал'чуете, моми, емъ дѣвойки!
„Еве сме сега тамамъ за маженье;
„Кай кье чекаме до триста години,
„Бѣли плетенки кье си заплетиме;
„Момчинята бради кье испущатъ,
„Кье испущатъ дури до пояси.
„Ай да о'йме во града Стамбола,
„Ние на царо да му се молиме,—
„Изимъ да дай цара отъ Стамбола,
„Да играме недѣла Лазара,
„На Велигденъ ситѣ се турчиме.
Отидо'а при цара силнего;
Тие цару тогай се моле'я:
„Чëстити царе, жежко сонце наше!
„Ние, царе, кье ти се молиме:
„Изимъ дай ни, царе отъ Стамбола,
„Да играме недѣла Лазара,
„На Велигдень ситѣ се турчиме.
Изимъ му даде цара отъ Стамбола;
Си играле недѣла Лазара.
Кога бѣше на Велйя сабота,
'И затвори в'стамболцка джамия.
Изутрина пръвъ день е Велигдень,
Царь кье турчи до триста дѣвойки.
Таму се згоди крало отъ Будима.
Чуло крало, добро ми разбрало,
Бърго търчатъ на рамни двoро'и,
Уще отъ порти крало ми викаше:
„Бърго, внуче, дѣте Еливерче!
„Бърго търчай в'долзи конюшници,
„Да отберишъ до деветъ ато'и,
„Дури ферманъ ясъ да ти напишамъ.
„Ти да пойдишъ во града Варошa
„Кай онега Марка Варошлия,
„Да му дашъ бѣлата фермана.
„Царь кье турчи до триста дѣвойки,
„Наша вѣра той кье испогани;
„Ако коньи, чудо, попука'атъ,
„Бърго оди во града Варошa.
Кога пойде дѣте Еливерче,
Кога пойде во града Варошa,
Осумъ коньи подъ него пукнале;
А що бѣше дѣте Еливерче,
Ми застана на вититѣ порти,
Двашъ'клукнува, три пати викнува:
„Отворими, мили вуйко Марко!"
Бърго търчатъ младо Марко'ица,
Вити порти тая 'и отвори;
Кога глѣда дѣте Еливерче,
Наче гърло дѣте да ми вели:
„Мила вуйно, млада Марко'ице!
„Що Марко'и дворье огърделе?
Изговори млада Марко'ица:
„Чуй ме мене, дѣте Еливерче,
„Еве има до деветъ години,
„Сумъ го чула, не сумъ го видѣла,—
„То'а било в'Кочаки—дервени.
Вейкье дѣте нищо не ми рѣче,
Туку врати конья пеливана,
Бърго търча в'Кочани—дервени.
Таму ми е Марко отъ Варошa,
Таму ми е Янкула Будимецъ
И со него Секула малечокъ.
Бърго търча дѣте Еливерче,
И тая конья подъ него пукнала;
Мало дѣте на нозѣ ми търчатъ;
Отъ нозѣ му скорни се скинале,
Отъ нозѣ му цьрни кърви течатъ;
Падка дѣте во трѣва зелена,
Пищитъ дѣте како змия лута,
Що ми пущи танкитѣ гласе'и:
„Чуй ме мене, мили вуйко Марко!
„Тй, кай да сй, сега овде да си,
„Оти младо загинувамъ.
Како Марко вино що пиеше,
Танки гласи ми заслуша,
Наче гърло до зборува:
„Чуй ме мене, малечокъ Секула,
„Я явни го шарца пеливана
„И излѣзи по бѣли друмо'й:
„Алайлемъ, иди дѣте Еливерче.
А що бѣше малечокъ Секула,

Digitized by Google

Часо явна шарца пеливана,
Оди, оди по бѣли друмо'и,
Ми го найде дѣте Еливерче,
Ми го найде во трѣва зелена
И го вати за рака дѣсница,
Си го върли задъ себе на койньо
Го однесе в'Кочани—дервени.
А що бѣше дѣте Еливерче,
Си посигна во свилени пазу'и
И изваде бѣлата фермана,
Му ѝ даде на вуйка си Марка.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
В'лѣва рака държи бѣли ферманъ.
А в'дѣсната мали чабуръ държи,
Мали чабуръ седумъ ока;
Вино піетъ, Марко, ферманъ пе'и'.
Како вино Марко що пиеше,
Ройно вино отъ носъ му потече.
Фърли чабуръ на чесна търпеза,
Що ми бие рацѣ отъ колѣна,
Дури пърсти нему попукале.
Солзи рони по бѣли образи,
Часо рипа на нозѣ юначки,
Бърго търча долзи конюшници
Той ранеше двана'ес' ато'и;
Наче гърло Марко да му вели:
„Ал'чуете, двана'ес' ато'и!
„Кой кье бидитъ отъ ситѣ по юнакъ,
„До полнокь Стамболъ да м'однеси,—
„Царь кье турчи до триста дѣвойки?
Ситѣ коньи глави наведо'а,
Нѣма койнья що да се навати,
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Той ми пойде кай стара кобилица.
Наче гърло Марко да ѐ вели:
„Кобилице, мило добро мое,
„Али можишъ в'Стамболъ да ме носишъ,—
„Царь кье турчи до триста дѣвойки?
Пами вели стара кобилица:
„Чуй ме мене, Марко, стопанине!
„Ти си ранишъ дална'ес' атои,
„Ти се' млади тие во врѣмето,—
„Тие можатъ Стамболъ да те носатъ;
„Еве има два'есе години,
„Како си ме мене подвърлило,—
„Ясъ не можамъ Стамболъ да те носамъ.
Ми се врати Марко плачеейки;
Се обзърна стара кобилица,
Наче гърло тая да му вели:
„Стопанине Марко отъ Вароша!
„Донеси ми мене едно ведро,
„Едно ведро—лутица ракия
„И донеси шиникъ бѣла пченица;
„Дури Марко ти да се наружашъ
„И ясъ добро кье си се назобамъ.
Вейкье Марко ми се ослободи,
ѐ донесе лутица ракия,
ѐ донесе бѣлата пченица;
Дури Марко се наружа,
Кобилица се назоба.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
ѝ изведе стара кобилица.
Изговори стара кобилица:
„Чуй ме мене, Марко стопанине!
„Опаши ме со деветъ колани,
„Фърли ми се на мойтѣ рамена.
Добро Марко ѝ опаша,
Я опаша со деветъ колани,
ѐ се фърли юнакъ на рамена.
ѝ потера по бѣли друмо'и;
Угрѣяла дзвѣзда вечерница,
Па ми вели Марко Варошанецъ:
„Оди, коню, нозѣ да ти капнатъ,
„Ал'не глѣдашъ дзвѣзда вечерница.
Па ми вели стара кобилица:
„Стопанине, Марко отъ Вароша,
„Я изва'и си твоя танка риза,
„Превързи си твойтѣ църни очи,
„Оти кье одамъ високи планинье,
„Да не очи негдѣ ти нарасамъ.
А що бѣше Марко отъ Вароша
Си изваде своя танка риза,
Па'ми вели стара кобилица:
„Али чуешъ, Марко стопанине!
„Я изва'й си чаталли камшия.
Що извади Марко чаталли камшия,
Да ѝ удри стара кобилица;
Тая вати вейкье прекутрупа,
Прекутрупа високи планинье.
До полнокья Стамболъ ми отиде.
Ми застана стамболска джамия.
Наче гърло стара кобилица:
„Стопанине, Марко Варошлия!
„Отвързи си твойтѣ църни очи,—
„Ме начека висока планина,
„Да ѝ видишъ коя ѐ планина.
Тогай Марко очи си отвърза
Кога глѣда Марко отъ Вароша,
Не ми било висока планина,
Туку била стамболцка джамия.
Тогай слѣзе отъ коньо на земи,
ѐ цѣлива двѣтѣ църни очи:
„Блазѣ тебѣ со твое юнаст'о;
„Не е тая висока планина,
„Туку ми е стамболцка джамия.
Върза коня за врата ожаминска.
Изговори Марко Варошлия:
„Али чуешъ, стара кобилице!

Digitized by Google

„Ясъ кье 'одамъ во ладна ме'ана
„Малку вино да си се напиямъ,
„Не кье пущишъ жива ди'яния,
„Ни да влези, ни па' да излези,
„Оти джувапъ мене не ми да'ашъ.
Кога бѣше той день първъ Велигдень,
Кога зора се обзори,
Ете иди цара отъ Стамбола,
Кай ми носи оджи, ефендии.
И ми носи триста чо'адари,
Кье 'и турчи до триста дѣвойки.
Кога глѣда цара отъ Стамбола
За джамия конья привързано,
Тогай царо ми се досѣтило,
Па'ми вели цара отъ Стамбола:
„Ал'чуете, млади чо'адари!
„Ай одете по ладни меани
„Да видите нѣкой пияница
„Добра конья, що ми привързало.
Отидо'а на ладна ме'ана,
Го найдо'а Марка отъ Вароша,
Кай ми пие вино тригодишно;
Па ми велатъ триста чо'адари:
„Ай де Марко, царь те вика тебе,
„Да си земишъ конья пеливана,
„Царь кье турчи до триста дѣвойки.
А що бѣше Марко отъ Вароша
Часо рипна на нозѣ юначки,
Часо дойде стамболцка джамия,
Отъ далеку ми се поклонуе:
„Чуй ме мене, царе отъ Стамбола!
„Прости мене до триста дѣвойки,
„Не мой вѣра да ни испоганишъ.
— „Вогъ те било, жолта бугарину!
„Земи си коня пеливана,
„Да не вадамъ сабя отъ ножница,
„Да ти сѣчамъ глава отъ рамена.
Тогай Марко лели се молеше:
„Изимъ дай ми, царе, конья да си земамъ!«
А що бѣше Марко отъ Вароша
Що си зеде конья пеливана,
Му се върли коню на рамена,
Часо потегна сабя отъ ножница,—
Деветъ педи во ширина,
Двана'есетъ во должина,
Свърте сабя на лѣво, на дѣсно,
Ми изсѣче триста чо'адари,
Живо вати цара отъ Стамбола,
Му пресѣче нозѣ до колѣна,
Бѣли рацѣ дури до рамена,
Му извърте очи отъ гла'ата
И го кладе до вода студена,
Го дарува два луката жолти;
Тогай Марко цару му велеше:
„Честити царе, жежко сонце наше!
„Ако нѣкой тебе те испраша,
„Отъ още си така улишено
„И ти, чудо, нему да прикажишъ:
„Силумъ вѣра да не се мену'а.
А що бѣше Марко отъ Вароша
'И испущи до триста дѣвойки,
'И дарува по едень жолти дукатъ
—Алъ чуете, до триста дѣвойки!
Ай и вие Велигдень чинете.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Той ми влѣзе во града Стамбола,
Ми отиде в'царцкитѣ сараи,
Малку 'азно, брате. ми поплѣни—
Седумдесе то'ари саде су'о злато.
Ми отиде Кочани—дервени;
Ми сѣднале во ладни ме'аии,
Да си пиятъ вино тригодишно.

Digitized by Google

Часо явна шарца пеливана,
Оди, оди по бѣли друмо'и,
Ми го найде дѣте Еливерче,
Ми го найде во трѣва зелена
И го вати за рака дѣсница,
Си го вързи задъ себе на койнью
Го однесе в'Кочани—дервени.
А що бѣше дѣте Еливерче,
Си посигна во свилени пазу'и
И извади бѣлата фермана,
Му ѭ даде на вуйка си Марка.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
В'лѣва рака държи бѣли ферманъ.
А в'дѣсната мали чабуръ държи,
Мали чабуръ седумъ ока;
Вино пиетъ, Марко, ферманъ пе'и'.
Како вино Марко що пиеше,
Ройно вино отъ носъ му потече.
Фърли чабуръ на чесна търпеза,
Що ми бие рацѣ отъ колѣна,
Дури пърсти нему попукале.
Солзи рони по бѣли образи,
Часо рипа на нозѣ юначки,
Бърго търча долзи конюшници
Той ранеше двана'ес' ато'и;
Наче гърло Марко да му вели:
„Ал'чуете, двана'ес' ато'и!
„Кой кье бидитъ отъ ситѣ по юнакъ,
„До полнокь Стамболъ да м'однеси,—
„Царь кье турчи до триста дѣвойки?
Ситѣ коньи глави наведо'а,
Нѣма койнья що да се навати,
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Той ми пойде кай стара кобилица.
Наче гърло Марко да ѣ вели:
„Кобилице, мило добро мое,
„Али можишъ в'Стамболъ да ме носишъ,
„Царь кье турчи до триста дѣвойки?
Нами вели стара кобилица:
„Чуй ме мене, Марко, стопанине!
„Ти си ранишъ дална'ес' атои,
„Ти се' млади тие во врѣмето,—
„Тие можатъ Стамболъ да те носатъ;
„Еве има два'есе години,
„Како си ме мене подвърлило,—
„Ясъ не можамъ Стамболъ да те носи...
Ми се врати Марко плачеейки;
Се обзърна стара кобилица,
Наче гърло тая да му вели:
„Стопанине Марко отъ Вароша!
„Донеси ми мене едно ведро,
„Едно ведро—лутица ракия
„И донеси шиникъ бѣла пченица;
„Дури Марко ти да се наружашъ...

„И ясъ добр...
Вейкье Марк...
Ѣ донесе л...
Ѣ донесе б...
Дури Марко...
Кобилица с...
А що бѣш...
Ѭ изведе...
Изговори...
„Чуй ме...
„Опаши м...
„Фърли...
Добро М...
Я опаш...
Ѣ се ф...
Ѭ пот...
Угрѣя...
Па ми...
„Оди...
„Ал'и...
Па м...
„Сто...
„Я...
„Пр...
„О...

...сказки.

...дѣвойче го останле безъ име, ...ѣ реколъ, оти ако не родишъ ...; си станува кралицава (ко'а ...о'и во планина, и си зема пе... си во кукята да се радуа'ме. ...шъ оганъ, да си завалиме и ... уще 'и слуша, оти си чинатъ ... еднйо вели: петъ дни да би... ...лѣ да умрить; трекьйо рѣколъ: ...ъ за жененье и да му са дава ... да биди отъ преку Дунавъ; Да ...ъ по невѣста и ко'а кье с'идитъ на... ...ка, да слѣзи отъ конь и да го ... нареко'а за брато; ама никому не ... си видамъ братами, да с'ожени, ...женье; не се свърши отъ никадѣ: ...върши дѣтево, отъ кай що нареко я ...тра му по-старата ошла со него; от... ...нападна една дрѣмка зетовъ и при... ...зетонъ! сестраму е со него; тая велитъ: ... еденъ скоренъ"; го зеде сестра му ... еднио скоренъ и му вели сестра му: ...шъ, ка'о зетъ!" као що легналъ да ... него се загнала; воскорено я начека ... со еденъ скоренъ кье си одишъ дома, ...о'а дома, я вѣнчаа'а невѣстата, и 'и ... постарата сестра: „айде осумъ сестри ...ганъ, кье гориме лута змия, отъ коя го ... се роди во планина, оти змия кье го ... осумъ зет'и я вързлия змията натре ... осумъ зетеи и осумъ сестри. Ми дочу ...то, д'излезамъ да видамъ зетеитѣ и сест... ...ка'и огнотъ и змията, како що гореше ...ре. Отъ рѣченото, ете, чо́екъ не можи да ...

2.

Прозеицата.

... една селцка кукья алица за кукьнитѣ лугье; во ... Таманъ терзията кье се прозевни и невѣстата ... отп невѣстава се прозевнува башъ тогай,

Digitized by Google

ко'а се празевнувалъ терзията; той зини. та'я зини: Момче'о си рѣкю, оти има нѣкая работа помегьу нивъ; Намислилъ да' а обѣси. Отъ тука с'излѣголъ во корията, що била надъ кукьи; послѣ, ойтъ отъ дърво на дърво, си бара гранка но яка за да я обѣси. Го догле'ува невѣстата и го праша: шо така о'ишъ отъ дърво на дърво, како прозѣвица отъ чоѣкъ на чоѣкъ? Ѣ рече: зеръ така о'й прозевица отъ чоѣкъ на чоѣкъ?—Така.—Ясъ сакавъ за то'а да те обѣсамъ; И така невѣстава си куртулисала, защо, ако не му кажела, кье летнела: той не знаелъ, оти прозевицата о'итъ отъ чоѣкъ на чоѣкъ; прозевни се еденъ, прозевни се другъ!

3.

Имало една невѣста и еденъ зетъ. се вѣнчале и повѣнчанията зето умрѣлъ. Ангело му я зеде душата и гледа, невѣстава оти плачи во одаята, во кьошо со вѣнецо на гла'а. О'итъ ангело со душата при Госпо' и му вели: „що сторивме, Господи! Како била'а така да земиме душата на зето; а невѣстата му сѣди во кьошъ со вѣнецъ на гла'а и плачи. Що сторивме, жало'и не се гледа'а"! Тогай му рѣче Госпо: „е, толку му бѣше вѣко, шо да пра'амъ? Оди прашай го татка му, ако му да'а отъ динтѣ негон, душата отнеси му я". Войде кай таткаму, му вели: „му да'ашъ дни отъ твоитѣ на сина ти да станитъ?"—Татвото му рѣче: „неможамъ да му да'амъ, како кье му даамъ отъ моитѣ дни?"—Пакъ отиде кай Бога ангело: „неможамъ да да'амъ, како кье си 'и даамъ днитѣ. вели татвому. Господи"! Оди майка му прашай я, ако му даа отъ незиинтѣ дни, душата отнеси му я. Дойде кай майка му, я прашатъ: „кье му дашъ, вели, отъ твоитѣ дни на сина ти, да ти станитъ"?—Велитъ майка му: „како кье му да'амъ, моитѣ дни не можамъ да му 'и даамъ". Па оди ангело: „не давать и майка му, Господи! Не даамъ отъ моитѣ дни, ко'о можамъ, вели, да му даамъ"! Е, оди уще невѣстата прашай я, ако му да'а отъ незинитѣ дни, отнеси му я душата. Дойде кай невѣстата ангело, я прашатъ: „кье му дайшъ, невѣсто, отъ твоитѣ дни на момчето кье ти станитъ". Невѣстата си стоела како що я вѣнчале во одаята, во еденъ кьошъ со вѣнецо на гла'а, си плакала прѣдъ зето скруженъ. Я праша ангело: „му даашъ отъ днитѣ"? та'е рѣче: „отъ наполу, пойкье му давамъ нему"; отиде ангело кай Бога му рѣче: „невѣстата половина, пойкье му да'атъ днитѣ, що 'и иматъ на момчето".—Послѣ рече Госпо: „майка и татко толку да не се гледа'а, колку другшата". И од'ото Госпо кажетъ и жената, ко'а кье се вѣнчаатъ да си се гледатъ; зато'а сега, ко'а кье се ожени, пойкье се гледа жената, отъ колку майката!

4.

Имала една баба една кравчка со [illegible]
Имало еденъ богатъ, од'а таму кай [illegible]. Той [illegible]
ідеше; бабата саде [illegible] и [illegible]
имаше. Со [illegible]
си имела кравчката со [illegible]. Бабата [illegible]
заведе, саде [illegible]
Велеше, оти Госпо да му [illegible]
пилцията, [illegible]
да излези, защо го [illegible]
лифъ и [illegible] вели на [illegible]
нико, дѣкъ да кажу'а". [illegible]
дува во кьошо. [illegible]
ду'овнико: [illegible]
пиедовъ. [illegible]
таа не те [illegible]
зени [illegible]—Е, уще [illegible]
днинъ. Ако [illegible]
кравчката, кье [illegible]
ката и ко'а [illegible]

Болгарскія народныя сказки.

(Изъ Прилѣпа).

1.

Нѣкоя кралица родила осумъ женцки дѣца; деветтото дѣвойче го остаиле безъ име, него го викале „безимко"; крало, мажотъ ѣ, билъ поганъ и ѣ реколъ, оти ако не родишъ мажко дѣте (чункимъ кралицата останала трудна) кье те заколамъ; си станува кралицава (ко'а дойде врѣме за рагянье) си я зема керка си постарата и си о'и во планина, и си зема пелени. Таму й се рагья машко дѣте. Тая си вели: лели да сме си во кукята да се радуа'ме. Майка ѣ рѣкла на дѣвойчето: оди онде при овчарине да земишъ огань, да си завалиме и да повиеме дѣтево. Дѣвойчево о'и при овчаритѣ и отдалеку уще 'и слуша, оти си чинатъ лакърдий (защо тие не биле овчари, ами „нарѣчницитѣ"). еднйо вели: петъ дни да бидитъ живо; другио роколъ: не! да биди живо 10 години, послѣ да умрить; трекьйо рѣколъ: двайсетъ или пойке години да биди живо, дури да до'йтъ за жененье и да му са дава мома отъ ситѣ градеи и кралей, а отъ нигдѣ да не биди, да биди отъ преку Дунавъ; Да биди со триста души сватои ко'а кье се женитъ; Да о'атъ по невѣста и ко'а кье с'идитъ назатъ, преку море ко'а кье заминитъ, да го вати една дрѣмка, да слѣзи отъ конь и да го изе'итъ змия. Чу сестрава, се ужали, се увили, оти така нареко'а за брато; ама никому не кажа; ситѣ сестри 'и омажия, таа не се мажи; „Дури не си видамъ братами, да с'ожени, нѣма да се мажамъ", си велела. Дойде врѣме за жененье; не се свърши отъ никадѣ: дури отъ прекуДунавъ отъ нѣкой краль; отаадѣ се свърши дѣтево, отъ кай що нареко я нарѣчницива. Дойде врѣме, киниса'а поневѣста и сестра му по-старата ошла со него; отадѣ си я зедо'а невѣстата, премина'а преку море. Го нападна една дрѣмка зетовъ и привика'а ситѣ свато'и: симнете го да преспие тро'а зетонъ! сестраму е со него; тая велитъ: „Кье преспиетъ, ама на мой скутъ да преспиетъ и со еденъ скоренъ"; го зеде сестра му на скутъ, отъ како го симна'а отъ конь; му собу еднио скоренъ и му вели сестра му: „така е адето, брате, со еденъ скоренъ да преспиешъ, ка'о зетъ!" као що легналъ да преспие, излѣгла една змия отъ морето, пра'о на него се загнала; воскорено я начека сестра му, я вързала арно во него и му вели: „со еденъ скоренъ кье си одишъ дома, оти си преспалъ, не чини со два скорна." Си дойдо'а дома, я вѣнчаа'а невѣстата, и 'и затвория невѣстава и зетовъ в'една одая; му вели постарата сестра: „айде осумъ сестри и осумъ зетеи! завалете средворъ еденъ силенъ оганъ, кье гориме лута змия, отъ коя го дочувавъ братотъ, защо нарѣчницитѣ нарѣко'а, коа се роди во планина, оти змия кье го клукни". Завалия силенъ оганъ осумъ сестри и осумъ зет'и я вързия змията натре в'огань да гори. Послѣ, се смѣятъ и пукотъ праатъ осумъ зетеи и осумъ сестри. Ми дочу зето и ѣ вели на невѣстата: „сѣди ти, невѣсто, д'излезамъ да видамъ зетеитѣ и сестритѣ, що джумбуши тераатъ". Излѣзе, пойде ка'и огнотъ и змията, како що гореше во него, рипна и го клукна во челото и тука умре. Отъ рѣченото, ете, чоѣкъ не можи да откини; го чува сестра му, ама арно го дочува!

2.

Прозеицата.

Имало еденъ терзия и шиелъ во една селцка кукья алица за кукьнитѣ лугье; во тая кукья имало една невѣста бърго земена. Таманъ терзиява кье се прозевни и невѣстата се прозевнувала. Момчево (мажотъ ѣ) гле'аше, оти невѣстава се прозевнува башъ тогай,

Digitized by Google

ко'а се празевнувалъ терзията; той зини. та'я зини: Момче'о си рѣкло, оти има нѣкая работа помегьу нивъ; Намислилъ да' а обѣси. Отъ тука с'излѣголъ во корията, що била надъ кукьи; послѣ, ойтъ отъ дърво на дърво, си бара гранка по яка за да я обѣси. Го догле'ува невѣстата и го праша: шо така о'ишъ отъ дърво на дърво, како прозѕица отъ чоѣкъ на чоѣкъ? Ѣ рече: зеръ така о'й прозеица отъ чоѣкъ на чоѣкъ?—Така.—Ясъ сакавъ за то'а да те обѣсамъ; И така невѣстава си куртулисала, защо, ако не му кажела, кье летнела: той не знаелъ, оти прозеицата о'итъ отъ чоѣкъ на чоѣкъ; прозевни се еденъ, прозевни се другъ!

3.

Имало една невѣста и еденъ зетъ, се вѣнчале и повѣнчанията зето умрѣлъ. Ангело му я зеде душата и гледа, невѣстава оти плачи во одаята, во кьошо со вѣнецо на гла'а. О'итъ ангело со душата при Госпо' и му вели: „що сторивме, Господи! Како биду'а така да земиме душата на зето; а невѣстата му сѣди во кьошъ со вѣнецъ на гла'а и плачи. Що сторивме, жало'и не се гледа'а"! Тогай му рѣче Госпо: „е, толку му бѣше вѣко, що да пра'амъ? Оди прашай го татка му, ако му да'а отъ днитѣ негои, душата отнеси му я". Пойде кай таткаму, му вели: „му да'ашь дни отъ твоитѣ на сина ти да станитъ?"—Таткото му рѣче: „неможамъ да му да'амъ, како кье му даамъ отъ моигѣ дни?"—Пакъ отиде кай Бога ангело: „неможамъ да да'амъ, како кье си 'и даамъ днитѣ, вели таткому, Господи"! Оди майка му прашай я,ако му даа отъ незинитѣ дни, душата отнеси му я. Дойде кай майка му, я прашатъ: „кье му даишъ, вели, отъ твоигѣ дни на сина ти, да ти станитъ"?—Велитъ майка му: „како кье му да'амъ, моитѣ дни не можамъ да му 'и даамъ". Па оди ангело: „не давать и майка му, Господи! Не даамъ отъ моитѣ дни, ко'о можамъ, вели, да му даамъ"! Е, оди уще невѣстата прашай я, ако му да'а отъ незинитѣ дни, отнеси му а душата. Дойде кай невѣстата ангело, я прашатъ: „кье му дайшъ, невѣсто, отъ твоитѣ дни на момчето: кье ти станитъ". Невѣстата си стояла како що я вѣнчале во одаята, во еденъ кьошъ со вѣнецо на гла'а, си плакала прѣдъ зето спруженъ. Я праша ангело: „му даашъ отъ днитѣ"? та'я рѣче: „отъ наполу, пойкье му давамъ нему"; отиде ангело кай Бога му рѣче: „невѣстата полойна, пойкье му да'атъ днитѣ, що 'и иматъ на момчето".—Послѣ рече Госпо: „майка и татко толку да не се гледа'а, колку друшката". И бла'осои Госпо мажотъ и жената, ко'а кье се вѣнчаатъ да си се гледатъ; зато'а синъ, ко'а кье се ожени, пойкье си гледа жената, отъ колку майката!

4,

Имала една баба една квачка со пилинья; израсле пилинята, за яденье втасале. Имало еденъ богатъ, оде'а таму кай него пилинята деньѣ. Той си вакяше по едно, си ядеше; бабата саде нивъ' и имаше; нѣмаше ни челать, ни нищо, саде нивъ си 'и имаше, со нивъ се радуваше; Богатйо едно по едно во три дни 'и изеде; кой патъ си идела квачкато со пилинята, по едно нѣмало. Бабата велела: „що свиде у мене, що завиде, саде нивъ 'и имамъ!" сѣкий день по едно ѝ гинеше и таа се на Бога оста'аше. Велеше, оти Госпо да му плати на той, що 'и яди пилинята. Богатйо тамамъ 'и дояде пилинята, пердунитѣ, що бѣ'а на нивъ, ситѣ никна'а на него. И той веке не можеше да излѣзи, защо го бѣше срамъ; и сѣдна во кьошо, во кукята, и се стори, како лифъ и ѣ вели на домакинката: „сега, домакинко, що кье прайме? оди, викай дуо'овнико, лѣкъ да кажу'а". Пойде женава, го викна ду'овнико. Иди до'овнико, ко'а погледува во кьошо, що да види—нѣщо како ливъ, дури се уплашу'а. Богатйо му вели на ду'овнико: „еве ясъ ова го направивъ: имаше една баба дванайсе' пилиня, колку и изедовъ, ситѣ перду ни никна'а." Ду'овнико му вели: „нѣма лѣкъ, оти на Бога остаала, таа не те колнела, ами на Бога оста'ала и Той ти платилъ. Ако да има нѣщо друг-земи ѣ."—Е, уще квачката е.—Земи ѣ квачката, ако остаи на Бога, така кье си бидишъ. Ако земи да колнитъ, кье ти паднатъ пердунитѣ. Богатйо рѣче: „се'а кье до' и квачката, кье фатиме, да а уготвиме." Дойде квачката, я ватия, му уготви домакинката и ко'а сѣдеа да вечера'а, бабата си чекаше квачката да и дойдитъ; ко'а не

Digitized by Google

дойде, вати да колнитъ:" сърце да го яди, болесь да го яди, краста да гояди, али малцѣ му бѣ'а пилинята, ами и квачката ми я изеде. Со нея кье с' изведевъ друзи пилиня!" Ко'о що вечераше богатйо, пердуитѣ му падна'а,—оти колнеше бабата, да остааше на Бога, не му па'я. За се чоѣкъ трѣба да оста'а на Бога и той кье му плати, защо не ѣ каиль Богъ да колнитъ чоѣкъ. Е, що колии чоѣкъ, се да биду'а, вѣковъ би се затрелъ!

5.

С' имаше еденъ мажъ и една жена; жената си бѣше работна, мажо мързливъ—си сѣдѣше дома и си квачеше яйца—гускини яйца. Ошла женава на жетва у нѣкой ага и си прикажу'а по свѣто: „оти с' имамъ еденъ домакинъ, нищо не работи, дома сѣди и яйца гускини квачи; Ако дой'дитъ нѣкой ка'й него, той гърчи као гуска: гррь! вездепь сѣди натъ яйцата и не се мърда". Знамъ той що сака, вели агата: Да му пойди чо'ѣкъ дома со еденъ ятаанъ, да видишъ, како оста'атъ яйцата. Му вели жената: „дай ми еденъ ятаанъ и рубата твоя, да явнамъ на еденъ конь, да пойдамъ дома да го заплашамъ тро'а". Ѣ да'атъ агава алищата негои, еденъ ятаанъ и коньо; му пойдува дома, той сѣди потъ еденъ тремъ си квачи яйца, влегла тая и му свикала: „стани, дженабетъ, да ме сметнишъ отъ коньо"! Той туку гърчи, ка'онѣкоя гуска: га! га! и не станува. Та мавну'а со ятаано, той станалъ и я сметналъ; Прошеталъ троа, що прошеталъ, агата му рѣколъ: „де, да ме кренишъ, на конь да ме качишъ"! станува, го качува на конь. и си о'й дури на нива кай агата и му кажува: „Пойдовъ, ме симна, ме качи, му удривъ нѣколку ятаани; не стануаше, ама ка'о му удривъ ятааннтѣ! ко'о дѣте зарипа; го сторивъ малко тербйетъ—ми помина тагата—баремъ го протепавъ малцѣ"! Вечерьта ко'а си дошла, го прашала: „ка'о помина, домакине, денеска со яйцата"! Остай се, жено, денеска що налепивь ясъ: Како ми дойде еденъ турчинище со еденъ ятаанъ, со едень конь, ко'а ми свика: стани, кьерата, да ме симнишъ отъ коньо. Па го сметнавъ, ми удри нѣколко ятаани; и прошета тро'а щопрошета, па ме натера до го качувамъ. Де, пезевнагу, да ме качишъ; ама, си'о, со рани бѣше. Кье се оитъ да се работи, да се оста'атъ яйцава, да не ми доитъ пакъ!

6.

Си билъ нѣкой овчаръ, живѣалъ се в'планина во лугье не се смешалъ, ни цръква знаелъ, ни литургия знаелъ нищо не знаелъ, защо нищо не видѣлъ—башка отъ планиньата. Еднашъ му загинала една овца—му се погоду'а да помини край една църква, низъ дворо, надзрелъ во църквата да види, що има во нея. Що да види?—Ситѣ лугье со самари, попоитѣ по два; мудойде срамъ, оти мегьу толку лугье той да е безъ самаръ; ти о'итъ надворъ, наогя едно добиче, му го зема самарю, си го клава на гърбъ и си влегу'а така в'църква. Тие, що се на пангаро, му вела'атъ: „оти така сисосамаръ?—е да ми прощаате: васъ ве видовъ со самари, ситѣ носите, ми дойде срамъ, па и ясъ зедовъ. Послѣ тие се свѣстия, и си веле'я, оти ние трѣба да сме многу грѣшни, щоне гледа така насъ со по еденъ самаръ, а попоитѣ по два, и му рѣко'а: „а остай го ти, акоси безъ самаръ". Само църква оденье со грѣ'ои, не е на принятъ отъ Бога то'а!

7.

Имало еденъ сиромашецъ, той с' нмалъ една домакинка и едно дѣтенце; еденъ богатъ комшия клетъ билъ, отъ него той неможелъ да излѣзе на дворъ, и дѣтето не могло да излѣзи. Сиромашецо вели на домакинка та: кьодамъ да го барамъ Госпо, да го прашамъ, али по-бърго къ'умри богатйо, да се куртулисаме". О'итъ, си зема стапченцето; кье си го бара Госпо'. Една невѣста си сѣди на еденъ бунаръ, му вели: „Кай ке одишъ, дѣдо"? той ѣ велитъ: „Кьодамъ да го барамъ Госпо, нѣщо кье го прашамъ".—Е

Digitized by Google

прашай го и за мене, оти и мене, како на ситѣ, Госпо' не ми далъ челатъ.—Арно!— Понатаки еденъ богатъ чо'ѣкъ го стретилъ и му вели: „кай кье одишъ, дѣдо"?—Кь'одамъ да го барамъ Госпо, да го прашамъ нѣщо.—Е, прашай го и за мене, кай ке ме клаи таму во рай Госпо. Уще понатаки го найдо'а едни арамии; тие го праша'а: „кай кье одишь, дѣдо?—Кьодамъ кай Господа, да го прашамъ нѣщо?—Е, прашай го за насъ, кай кье не клай таму, али има мѣсто за насъ, оти сме отепале, сме украле, многу лошо сме сториле. Кье прашамъ, рѣколъ дѣдото! Ко'а си о'итъ, о'итъ, си го найде во една гора зелена старио Госпо. Ей, старче! що си дошолъ (той си знайше що бѣше дошолъ).—Що дойдовъ, Господи? Имамъ една мака дипъ голѣма отъ комшията, той е богатъ, ясъ сумъ сиромавъ, не можиме да излезиме ни ясъ, ни домакинката, ни дѣтето. Вика на насъ, маатъ. Уще колку години кье биди живъ. Му рѣче Госпо: уще триста години кье биди живъ.

— Е, милос, твоя! Колку сиромайотъ рѣче, милос твоя! Госпо' стото му 'и реси, уще двѣстѣ му остана'а на богатйо за живѣенье. Една невѣста нѣматъ челатъ и плачи', ми рѣче да прашамъ, оти челатъ не си ѣ далъ, како на ситѣ другачки и незѣ.—Госпо, рѣче, оти нѣма да й бидатъ прокопцани челатьта, тая е праведна, ке и дамъ, ке я клаамъ во грѣвъ.—Еденъ богатъ нарача да те прашамъ: него кай кье го клаишъ. Госпо му рѣче: оние кукьи се него'и, защо многу добринье чинеше и прѣдъ смърть му се напраи, що му трѣба тука. Едни арамии ми порочаа али и за нимъ ке има мѣсто, оти многу лошо сториле: обрале, отепале, али и за нимъ кье има мѣсто.—Има мѣсто, казанитѣ во райо' не ми се закърпени, кье си' и закърпамъ. Го стрето'а найпърво араминтѣ и го прашая: „ей, старче, го праша Госпо, що ти рѣче: има мѣсто и за насъ?"—Има, рѣче, и за васъ, кье си закърпи со васъ казанитѣ. Тие разгърна'а рацѣ и отъ се сърце се разрадува'а и рѣкоя: „Е, сполай ми ти, Господи, оти има и за насъ мѣсто."—Послѣ, го стрете богатйо', го праша: „Е, старче! що ти рѣче Госпо"? Натвоя рака Кье биди творѵ'анье, затворанье сараитѣ ти се готои.—Е, овдѣ мака и гаму мака. Госпо сараитѣ, по то'а како чу' и даде на араминтѣ, а богатйо го тури да му кърпи казанитѣ.—Невѣстичката го стрете и го праша: „що ти рѣче, дѣдо, Госпо"? То а, оти не ти да'а дѣца, защо кье ти бидатъ непрокопцани, а ти си праведна, да не те клай во грѣвъ.—Тая рѣче: «сполай му, милосъ него'а!» Го чека дѣвойченцето отъ сиромашецо, го чека, го пречеку'а и му рѣче: «Е, тате! що ти рѣче Госпо?»—Уще триста години кье биди живъ.—Е, милосъ него'а нека е! рѣче дѣвахчево. Госпо тогай, кога вие, оти и дѣвойчето оста'а се на Богѣ, му скуси на богайо уще сто години. Го стрете домакинката и таа рѣче: е, милосъ него'а! Ко'а утрината слушаа плаченье, богатйо си умрѣлъ. Домакинката му вели: «море домакине, ти ми велеше, оти потриста години кье умри, а той сега умрелъ. Е, незнаелъ и Госпо!» Сиромащецо си зелъ стапченцето и ошолъ па го бара Госпо и го нашолъ Госпо' и Госпо' му вели: «що барашъ, старче!—» Ами, Господи, дельми велеше, оти по триста години кье умреше, а той умрелъ денеска. Тогай Госпо му рѣколъ, защо оставите на милостьта моя и ясъ за то'а така напраивъ:

(Сообщены И. Д. Младеновымъ, изъ Прилѣпа.)

Лопарскія сказки.

---

3) Оборотень медвѣдь.—(Ергаль Кувдчь).

На одномъ озерѣ жили Лопарь да Лопка. У нихъ была одна дочь. Осенью однажды, когда озера стали замерзать, Лопарь ушелъ въ тундру къ оленямъ, а старуха съ дочерью остались дома. Вечеромъ онѣ сидѣли въ вежѣ, починяли сѣтки и разговаривали. На срединѣ у нихъ горѣлъ огонь, надъ которымъ висѣлъ котелъ, съ варящейся рыбой. Онѣ бы уже давно и поужинали, но дожидали хозяина. Вдругъ повѣшенная вмѣсто двери постель открылась, и въ вежу зашелъ медвѣдь, весь покрытый льдомъ. Мать съ дочерью испугались. Дочь, сидѣвшая одна по другую сторону огня, перескочила черезъ огонь къ матери. Медвѣдь занялъ ея мѣсто и растянулся противъ огня. Мать съ дочерью сидѣли и смотрѣли на него. Сколько не смотрѣли на него и сколько ни показывали на двери, чтобы онъ вышелъ, но медвѣдь не двигался никуда, а только смотрѣлъ на нихъ и на котелъ. Хозяинъ не приходилъ между тѣмъ, и имъ было страшно. Наконецъ Лопка заключила, что это не простой медвѣдь, а должно быть оборотень. Она поэтому сняла котелъ съ огня и стала тянуть рыбу на двѣ кары. Одну кару взяла она себѣ, а другую подала медвѣдю.

Медвѣдь съѣлъ всю рыбу и легъ спать.

Мать съ дочерью только смотрѣли на него, а спать боялись. Боялись подойти къ нему, ожидая, скоро ли будетъ утро, или не придетъ ли хозяинъ.

Медвѣдь всю ночь проспалъ крѣпко и спокойно. Шерсть на немъ уже высохла. Предъ наступленіемъ зари онъ проснулся и посмотрѣлъ на хозяевъ. Смотрѣлъ онъ на нихъ нѣсколько времени наконецъ поклонился и пошелъ изъ вежи. Мать съ дочерью тоже вышли въ слѣдъ за нимъ, чтобы посмотрѣть, куда онъ пойдетъ. Медвѣдь недалеко отъ нихъ сталъ на заднія лапы, а передними сталъ показывать на озеро, откуда пришелъ вечеромъ. Мать съ дочерью смотрѣли на него и ничего не понимали. Наконецъ медвѣдь всталъ на всѣ ноги и пошелъ въ лѣсъ. Мать съ дочерью радовались, что онъ ушелъ, не сдѣлавъ никакого вреда, и въ тоже время думали: что такое имъ онъ показывалъ. По слѣдамъ его на озеро идти боялись.

Вскорѣ возвратился Лопарь. Ему все разсказали, и онъ задумался. Подумавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ: Вѣроятно у него былъ товарищъ и какъ ледъ еще не крѣпокъ, онъ утонулъ. Пойдемте по слѣдамъ его къ озеру и тогда узнаемъ, на что онъ вамъ указывалъ.

Пришли они на озеро и увидѣли большую прорубь.

Опустили туда карбасъ и увидѣли, что тутъ утонулъ медвѣдь. Стали его доставать и съ большимъ трудомъ вытащили на берегъ. Медвѣдь былъ большой и черный. Положили его на кережу и притянули къ вежѣ. Здѣсь положили его къ огню, чтобы оттаять. Чрезъ нѣсколько времени Лопинъ снялъ съ него шкуру и увидѣлъ, что это былъ не медвѣдь, а человѣкъ оборотень — олмашъ ергаль. Подъ шкурой кругомъ себя у него былъ поясъ — чересъ, наполненный серебряными и золотыми деньгами. Лопинъ взялъ его себѣ, купилъ оленей и зажилъ такъ богато, какъ никогда и не думалъ.

(Записана со словъ Василія Летова).

Digitized by Google

4) Сказка о Нойдѣ, проводникѣ оленей.

Жилъ-былъ въ Пазрѣкѣ одинъ Нойда (колдунъ), и ему хотѣлось, чтобы дикіе олени были и въ Пазрѣкѣ на Вилемскомъ наволокѣ, *) а ихъ тогда нигдѣ нельзя было найти, какъ только въ Норвегіи. Однажды онъ подобралъ себѣ товарищей и сказалъ имъ: поѣдемъ за добромъ въ Норвегу. Самъ сѣлъ въ карбасъ на корму, а товарищи сѣли на носъ и стали грести, работать веслами. Пріѣхавъ въ Норвегу, они пристали къ берегу. Ну, вы теперь сидите въ карбасѣ, никуда не ходите и дожидайтесь меня. Нойда самъ пошелъ на гору и тамъ взялъ оленій рогъ. Пришелъ съ нимъ въ карбасъ, сѣлъ опять на корму и сказалъ: „Если я этимъ рогомъ буду давиться, вы никто ничего не говорите и у меня не отнимайте, а если и задавлюсь, не жалѣйте. Ваше дѣло только грести обратно на Вилемскій наволокъ". Сдѣлавъ наставленіе, онъ приказалъ ѣхать. Самъ рогомъ провелъ изъ Норвегіи къ Вилемскому наволоку и сталъ его грызть—ѣсть. Грызъ и глоталъ рогъ, и дошелъ до того мѣста, гдѣ у рога отдѣляется другой, какъ бы вѣтвь. Вотъ въ ротъ-то ему болѣе не входитъ, онъ и показываетъ одною рукою товарищамъ, чтобы кто нибудь пришелъ и отсѣкъ сторонній отростокъ. Этого между тѣмъ никто не понялъ, да и не смѣли подойти. Онъ между тѣмъ на одномъ мѣстѣ у рога все позорился и вложить его въ ротъ ни какъ не могъ. Олени дикіе въ это время, какъ птицы, плыли за карбасомъ и въ большомъ количествѣ. Доѣхали до Вилемскаго наволока и пристали къ берегу. Вышелъ Нойда на берегъ и сказалъ товарищамъ: „Никто изъ васъ не догадался отрубить вѣтви отъ рога, и поэтому я всего не могъ сгрызть. Теперь дикіе олени придутъ къ намъ только тѣ, которые успѣли до нашего пріѣзда зайти въ море, а остальные останутся въ Норвегіи, да и тѣ, которые пришли, будутъ здѣсь не долго. Разсказчикъ прибавилъ: „вотъ ихъ теперь и нѣтъ".

Записана со словъ Вас. Летова. Помѣщена была ранѣе въ «Голосѣ» (фельетонъ за 1883 г.).

---

5) Легенда.

Въ давнія времена въ Нотозерскомъ погостѣ, недалеко отъ Финляндіи и 60 верстъ отъ г. Колы жила дѣвка-нойда. Разъ утромъ она встала рано и разбудила всѣхъ въ погостѣ. Ее спросили: за чѣмъ ты это дѣлаешь? Вотъ я вамъ, что скажу: Приготовьте себѣ хлѣба и воды на три дня и изъ тупъ никуда никто не ходите. Скоро начнется для пользы вашей такая буря, что не будетъ видно ничего. Дѣлайте скорѣе такъ, какъ я сказала. Я лягу спать и меня не будите, пока я не встану. Всѣ Лопари такъ и сдѣлали, какъ она велѣла. Сама она легла спать. Едва-едва она заснула, какъ поднялась такая буря и мятель, что нѣтъ возможности это и выразить. Всѣ Лопари даже испугались. Черезъ три дня буря кончилась, и дѣвка — нойда встала. Она опять собрала Лопарей и сказала: возьмите пищали и подите на мохъ (разбойничій). Лопари послушались ея, пошли. Когда пришли туда, то увидѣли много Шветовъ, шедшихъ раззорять погостъ. Большая часть ихъ замерзла, а которые были живы, тѣхъ убили. Такъ нойда и буря спасли отъ смерти и грабежа погостъ.

(Записана со словъ бывшаго Нотозерскаго Лопаря Сергѣя Герасимова).

---

*) Вилемскій наволокъ находится на устьѣ Пазрѣцкаго залива, на правой сторонѣ.

Digitized by Google

6) Два брата. (Куихтъ виллъ).

Нѣкогда жили два родные брата—Лопари. Жили они мирно, какъ между собою, такъ и съ другими. Разъ одинъ изъ братьевъ поссорился съ Нойдой—колдуномъ, который и пригрозилъ ему: вспомнишь ты меня. Лопарю отъ этого сдѣлалось плохо. Онъ сталъ думать, что-то со мной сдѣлаетъ нойда. Сталъ бояться, и безъ брата своего никуда не ходилъ. Куда братъ, туда и онъ въ слѣдъ за нимъ. Другому брату это стало надоѣдать и онъ сталъ думать: какъ бы сдѣлать, чтобы онъ за мной не ходилъ. Разъ утромъ всталъ онъ и сказалъ брату: я пойду сегодня по ангасамъ (подобіе силья для промысла дикихъ оленей) одинъ и ворочусь скоро. Ты оставайся дома и перевяжи оленей на другое мѣсто: они подъ ногами около себя яголь—бѣлый мохъ—уже съѣли. Услыша это, поссорившійся съ нойдой братъ испугался. Однако онъ промолчалъ про ссору и подчинился волѣ брата. Тотъ ушолъ, а другой остался печальнымъ. Немного спустя къ нему пришелъ нойда или, подъ видомъ нойды, другой кто и сказалъ: пойдемъ бороться со мной: кто кого поборетъ, тотъ и правъ. Нойда былъ, нужно замѣтить, въ шапкѣ-невидимкѣ. Отошли они недалеко отъ вежи и начали бороться. Незнакомецъ сейчасъ же убилъ его. Отрѣзалъ послѣ этого нойда отъ убитаго на лѣвой рукѣ мизинецъ. Къ отрѣзанному мѣсту руки поставилъ трубку, дунулъ, и кожа вся сошла съ тѣла. Тѣло безъ кожи недалеко отнесъ, положилъ на землю, а съ кожею пошелъ дальше, чтобы не догналъ его братъ убитаго и не отомстилъ бы за смерть. Братъ возвратился къ вежѣ и увидѣлъ, что изъ вежи дымъ нейдетъ, а олени стоятъ на старомъ мѣстѣ. Подумалъ, что братъ не здоровъ. Зашелъ въ вежу, но брата нѣтъ, а дрова лежатъ все тѣ же, что и были. Ему стало не ловко. Вышелъ изъ вежи, вскричалъ, но отвѣта нѣтъ. Подошелъ далѣе и увидѣлъ двои слѣды. Сейчасъ и догадался, что былъ, значитъ, Чудоорчь или нойда. Пошелъ послѣ этого, оленей отпустилъ на волю всѣхъ, а себѣ оставилъ одного ирваса (нехолощенный олень—быкъ) хорошаго и собаку. Съ ними и пошелъ разыскивать брата. Время приходило къ зимѣ, и на землѣ было немного снѣгу. Слѣды поэтому онъ скоро нашелъ. Подъѣхавъ немного на оленѣ, онъ увидѣлъ покрытое землею тѣло человѣка безъ кожи и по величинѣ его заключилъ, что это его братъ. Съ поспѣшностію онъ обвернулъ тѣло въ бересто, вырылъ неглубокую яму и похоронилъ его. Слезы не проронилъ ни одной, оставилъ ихъ до удобнаго времени. Самъ послѣ этого сѣлъ въ кережу (подобіе корыта—замѣняетъ сани) и погналъ скорѣе впередъ по слѣдамъ за злодѣемъ. Не мало онъ переѣхалъ рѣкъ и окружилъ озеръ, потому что ледъ былъ некрѣпокъ, но наконецъ таки передъ вечеромъ увидалъ огонь. Сейчасъ онъ соскочилъ съ кережи, привязалъ ирваса къ лѣсинѣ, чтобы онъ не хрюкалъ, и самъ пошелъ посмотрѣть, кто сидитъ у огня и что дѣлаетъ. Зная однако, что собака можетъ залаять и тогда убійца брата можетъ убѣжать, онъ надѣлъ ей на носъ шапку. Такъ принялъ онъ всѣ предосторожности, чтобы не выдать себя.

Подошелъ къ огню онъ съ собакой поближе и сталъ изъ-за лѣсинокъ смотрѣть. Огонекъ въ темнотѣ горѣлъ свѣтло. Подлѣ нойды въ сторонѣ лежала его одежда, а на немъ сверху надѣта была кожа брата. Въ ней онъ поворачивался къ огню и спиной, и брюхомъ, и боками, чтобы ее высушить. И вотъ когда она подсохла, онъ снялъ ее съ себя и сталъ складывать пластами. Лопарь—братъ нѣсколько разъ въ это время прицѣливался выстрѣлить, но слезы не давали ему прямо навести на него пищаль. Наконецъ онъ осилилъ себя, выстрѣлилъ и попалъ въ Нойду. Тотъ однако вскричалъ: стрѣляй другой разъ. Нѣтъ меня не обманешь, ты хочешь еще встать, отвѣтилъ ему Лопарь. Для тебя, знаю, довольно и разу. Теперь пропадешь ты какъ собака. Шапка невидимка теперь тебѣ болѣе не поможетъ,—поэтому не хочу портить и пули. Сказавъ это, подошелъ къ нему, вырвалъ кожу брата изъ рукъ и пошелъ обратно. Тѣло нойды осталось на съѣденіе птицамъ и хищнымъ звѣрямъ.

Digitized by Google

Нужно еще замѣтить, что нойда всегда ходилъ за убитымъ братомъ до смерти, и онъ его видѣлъ, но старшій не видѣлъ, потому что къ нему онъ не имѣлъ никакого отношенія. Невидника же шапка нойду или Чудоорча скрывать можетъ, пока онъ не убьетъ человѣка. Послѣ онъ ее теряетъ, или она сама скроется отъ него.

(Записана со словъ Ефима и Васил. Летовыхъ и Макс. Ѳедотова).

7) Собачья сказка.—(Пеный майнасъ).

Въ былыя времена жилъ старикъ со старухою. Старикъ былъ человѣкъ, какъ есть человѣкъ, а старуха была полчеловѣка, потому что одна половина была у нея человѣческая, а другая подобная звѣрю или, вѣрнѣе, собакѣ. Надъ старухой всѣ смѣялись заочно, а когда были вмѣстѣ съ нею, то боялись и уважали. Старикъ умеръ раньше, и вскорѣ послѣ смерти его у нея родился сынъ на подобіе ея. Сынъ росъ не по годамъ, а по днямъ. И вотъ, когда онъ выросъ, изъ него сдѣлался хорошій промышленникъ. Онъ ежедневно ходилъ на промыселъ звѣрей и никогда не возвращался безъ ничего. Мать любила его, но онъ захотѣлъ наконецъ жениться. Возвратясь разъ съ охоты, онъ сказалъ матери: «Ты стала стара, тебѣ тяжело; поэтому я хочу жениться. Ты найди мнѣ невѣсту».

Старуха по любви къ сыну согласилась на его просьбу и сказала: „Недалеко отъ насъ живетъ старикъ со старухою. У него есть три дочери, и завтра я пойду сватать за тебя старшую. Они живутъ бѣдно и поэтому, полагаю, отдадутъ".

На другой день сынъ ушелъ въ лѣсъ, а мать пошла искать ему невѣсту.

Старикъ съ семействомъ, увидя старуху, удивился ея приходу, потому что она никогда у нихъ не бывала. Старуха съ ними поздоровалась и, ее, какъ гостью, просили сѣсть.

Старуха поблагодарила ихъ и прибавила: «Ничего, я постою. У меня, дѣдушка есть до тебя просьба: не хочешь ли съ нами породниться? Меня послалъ сынъ и просилъ, чтобы твоя старшая дочь согласилась быть его женою. У насъ мяса довольно, ей будетъ хорошо».

Старикъ поговорилъ съ дочерью, и та согласилась идти сейчасъ же со старухою. Она прибавила еще: «Насъ три сестры, и ждать мнѣ долго не слѣдуетъ». Простилась она послѣ этого съ родителями и сестрами и пошла, какъ съ настоящею свекровью, къ своему мужу.

Пришли онѣ въ вежу,—старуха и говоритъ невѣсткѣ: «мужа твоего еще нѣтъ дома, онъ скоро придетъ. Ты пока ложись (указала ей въ одной сторонѣ мѣсто)—спи и не смотри, какъ я буду варить ужинъ. Не исполнишь этого, худо тебѣ будетъ».

Невѣстка, повидимому, послушалась. Сейчасъ легла она спать, а сама изрѣдка тихонько и смотритъ, что будетъ варить свекровь и какъ?

Она увидѣла, что свекровь стала варить мясо въ кожаномъ мѣшкѣ. Мѣшокъ, повѣшенный надъ огнемъ, вскорѣ, однако, потекъ. Старуха разсердилась и вскричала: «Говорила, не смотри, ты не послушалась, будь же ты теперь камнемъ». Не успѣла она этого сказать, какъ молодая окаменѣла, а въ вежу зашелъ сынъ и спрашиваетъ: «гдѣ моя жена?»

— «Смотри вотъ тамъ». И указала на окаменѣвшую.

— Ну, это ничего, только завтра ты должна найти мнѣ жену. Начали снова варить и, когда готовъ былъ ужинъ, поужинали молча.

На слѣдующій день сынъ пошелъ въ лѣсъ, сказавъ матери: «Не забудь привести жену».

Мать послѣ него опять пошла къ старику и сказала ему: «дочери твоей на первыхъ порахъ скучно, потому что мужъ ходитъ въ лѣсъ. Дозволь идти въ гости къ ней другой сестрѣ».

Старикъ согласился, и другая дочь пошла со старухою.

Пришли въ вежу. Старуха сказала ей, что она будетъ не гостья, а жена ея сыну. Указала ей и на окаменѣвшую сестру, прибавивъ: «Не послушаешься меня, тоже будетъ и съ тобой».

Невѣстка легла спать и уснула. Къ несчастію своему, она скоро проснулась и увидѣла, что свекровь варитъ въ мѣшкѣ.

Старуха опять разсердилась и вскричала то же, что и первой, и вторая сестра окаменѣла.

Пришелъ изъ лѣсу сынъ, спросилъ жену и мать указала на другую каменную человѣческую фигуру. Сынъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и сказалъ: «Завтра должна быть у меня жена непремѣнно, а нѣтъ—прощайся и со мною».

Мать отвѣтила: «Эти были непослушны и потому въ жены тебѣ не годились. Завтра я приведу меньшую сестру: изъ нея быть можетъ и выйдетъ жена».

Молча они сварили, молча и поужинали. На третій день сынъ пошелъ въ лѣсъ сердитый.

Мать послѣ него сейчасъ пошла къ старику и стала просить его, чтобы онъ отпустилъ и меньшую сестру въ гости. Старикъ, не зная ничего, и послѣдней дочери дозволилъ идти. Пришла она со старухою въ вежу и увидѣла, что сестры ея окаменѣли. Она испугалась сперва, но старуха сказала: „Не бойся. Онѣ не слушались меня и сами себя къ этому приговорили. Будь послушна мнѣ, исполни что скажу, и тогда ты будешь не гостья, но жена моего сына“.

Старуха стала приготовляться варить ужинъ, а невѣстка легла спать и уснула крѣпко. Она не видѣла ничего. Старуха, наконецъ, услышавъ лай какъ-бы собаки, разбудила невѣстку и послала ее встрѣчать своего мужа, а ея сына. Вскорѣ оба они вошли въ вежу, поужинали и стали жить, какъ мужъ съ женой, любя другъ друга.

Вскорѣ у нихъ родился сынъ, очень похожій на отца. Оба они были рады, и мужъ сказалъ женѣ: Смотри, чтобы отъ сына нашего оленья постель подъ нимъ никогда не была мокра отъ его мочи. Сынъ росъ, какъ и отецъ, скоро. Мать слово мужа помнила, и все шло хорошо. Разъ, однако, сынъ помочился на постель, и ее положили сохнуть. Пришелъ мужъ и увидѣлъ это. Онъ спросилъ: кто это сдѣлалъ? Мать отвѣтила: сынъ. Услыша это, онъ сказалъ: Моего слова не исполнили, и поэтому я теперь отъ васъ уйду. Вы живите, какъ хотите. Сынъ сталъ также проситься идти съ отцемъ. Онъ согласился взять, и ихъ никакъ не могли отговорить ни мать, ни жена. Женщины остались дома и отъ нихъ послѣ родились дикіе олени. Мать при прощаніи съ сыномъ, который разлучилъ ее съ мужемъ, сказала ему: черныхъ звѣрей бойтесь, а бѣлыхъ вамъ нечего бояться. Не бойся также и гангасовъ (подобіе сила для дикихъ оленей), они дѣлаются для пользы людей и тебѣ не повредятъ. Отецъ съ сыномъ ушли, и болѣе объ нихъ не было никакого слуху.

(Записана со словъ Ефима Лотова, Максима Ѳедотова и Вас. Лотова).

8) **Пеыта олмашъ**. Нагой человѣкъ — (**Чакли варрь**— лѣсная гора у Вакъ озера).

Жилъ былъ Лопарь Кондратій. Осенью онъ промышлялъ на Вакъ озерѣ рыбу. Разъ онъ ходилъ по Чакше варюнѣ и нашелъ большую глубокую яму. Онъ подумалъ: вѣрно, нагой человѣкъ здѣсь живетъ. Развязалъ онъ у себя каньги и снялъ ихъ съ

Digitized by Google

ногъ. Оборы (на подобіе ленточекъ; онѣ ткутся Лопарями изъ разныхъ цвѣтовъ шерсти длиною къ каждой ногѣ около 3 аршинъ: онѣ къ одѣтымъ уже каньгамъ прикрѣпляются за петельку и послѣ кругомъ ноги обвертываются нѣсколько разъ до конца, чтобы каньга не спадала съ ноги) онъ связалъ вмѣстѣ и опустилъ одинъ конецъ въ яму, а другой привязалъ къ каньгамъ, которые оставилъ у ямы. Къ каньгамъ привязалъ еще веревку и самъ ушолъ не очень далеко въ сторону. Сперва еще у ямы онъ нѣсколько разъ сказалъ: кизамъ, кизамъ чулмамъ — верчу, верчу и узелъ свяжу. Чрезъ нѣсколько времени по оборамъ вышелъ изъ ямы нагой человѣкъ и сталъ одѣвать каньги. Кондратій въ это время выскочилъ и схватилъ его. Онъ сталъ проситься, чтобы его отпустилъ. Кондратій сталъ просить выкупъ. Онъ посулилъ и далъ вѣрное слово, что снова выйдетъ изъ ямы и принесетъ выкупъ. Кондратій отпустилъ его. Онъ вскорѣ вышелъ и принесъ ему полную тарелку серебряныхъ денегъ. Лопинъ взялъ и сказалъ: мало. Нагой человѣкъ принесъ ему и другой разъ столько же. Кондратій опять взялъ и сказалъ: маловато. Нагой человѣкъ болѣе ничего не сказалъ, а только покачалъ головою и ушелъ третій разъ. Вскорѣ принесъ ему ножикъ и вилку и отдалъ ихъ. Когда Кондратій это взялъ, онъ сказалъ: Не на долго тебѣ этого богатства, за чѣмъ ты много взялъ? Скорю твой родъ обѣднѣетъ. Сказавъ это, ушелъ обратно. Кондратій самъ былъ богатъ, но родъ его постепенно дѣлался бѣднѣе и бѣднѣе.

(Записана со словъ Лопарей Василія Летова и Максима Өедотова).

9) Коддь ачка (Дикая старуха).

Очень давно жила-была одна старуха — нойда, колдунья. Ей наскучило быть въ человѣческомъ видѣ. Она захотѣла быть важенкой, оленемъ — самкой. Это съ ней и случилось. Долго ли, коротко ли она была оленемъ, этого вѣрно сказать нельзя. Наконецъ она сдѣлалась беременною и наступало время ей родить. Оборотясь оленемъ, она, однако, должно быть, думала иногда по человѣчески. Предъ самыми родами она испугалась, что отъ нея родится олень, и желая избѣжать этого, опять обратилась въ женщину. Это ей однако не помогло. У нея родился не человѣкъ, а олень-быкъ. Какъ ни непріятно ей было, но все таки теленка она кормила своею грудью. Онъ у нея выросъ и сталъ даже возить дрова къ вежѣ, гдѣ она жила. Они другъ друга понимали. И вотъ когда онъ сталъ большой, захотѣлось ему на волю. Мать этому не препятствовала, только просила привести болѣе дровъ. Мать нарубила дровъ, а онъ притянулъ къ вежѣ. Онъ былъ сильный и сталъ пособлять ей и дровъ колоть. Такъ они заготовили дровъ довольно. Мать хотѣла дать ему еще при разставаніи груди, но онъ отказался, и только просилъ сказать, кто его отецъ: человѣкъ или олень? Мать на этотъ вопросъ отвѣтить не хотѣла. Видя это, онъ показалъ видъ, что еще хочетъ поколоть дровъ. Стали колоть толстую чурку. Когда у нея одинъ конецъ раскололся, тогда поставили клинъ въ щель. Сынъ послѣ этого и показываетъ матери, чтобы она поставила ногу въ щель, а онъ другимъ клиномъ будетъ колоть. Мать послушалась его, и положила ногу въ щель. Онъ вмѣсто того, чтобы поставить клинъ, взялъ изъ щели зубами и первый. Ногу у матери прижало и она отъ боли закричала. Скажи, кто отецъ у меня, и тогда пособлю тебѣ вытянуть ногу. Ей не хотѣлось открыть тайны, но наконецъ сказала: У тебя отецъ олень—ирвасъ. Послѣ этого вложилъ онъ въ щель клинъ, придавилъ ногами и мать была свободна. Онъ простился съ нею и ушелъ въ тундры—свое отечество.

(Записана со словъ М. Өедотова).

Digitized by Google

10) Чадцъ иллій живущій въ водѣ.

На островѣ Шалимѣ (въ истокѣ Пазрѣцкаго залива) жили два Лопаря и оба они были хорошіе промышленники. Однажды они ходили около морскаго берега и увидѣли почти у самаго берега: сидитъ женщина на камнѣ и чешетъ голову. Одинъ изъ Лопарей и сказалъ другому: я стрѣлю. Нѣтъ, не стрѣляй, это не человѣкъ, а чадцъ иллій — живущій въ водѣ. Онъ не послушался его и сталъ стрѣлять. Въ это время другой вскричалъ: «Берегись, женщина, въ тебя стрѣляютъ!» Она соскочила съ камня въ воду, недалеко она опять показалась на водѣ и вскричала: «Добрый человѣкъ, пожалѣвшій меня, приди завтра въ это время сюда; а ты, который хотѣлъ убить меня, гдѣ будешь пить воду, тутъ и утонешь».

«Не дикой же я, что пойду или побреду въ глубокое озеро или рѣку пить. Вольно тебѣ врать».

Послѣ этого, оба товарищи поспорили не много и разошлись для промысла звѣрей въ разныя стороны до вечера. Стрѣлявшій въ женщину пришелъ къ ручью, наклонился и сталъ пить ртомъ, свалился въ ручей и утонулъ. На другой день утромъ товарищъ пошелъ его искать, потому что онъ вечеромъ не явился на означенное мѣсто. Нашелъ его онъ въ ручьѣ. Тѣло утонувшаго обернулъ въ бересто и предалъ землѣ. Окончивъ это дѣло, онъ пошелъ на вчерашнее мѣсто, куда звала его женщина. На дорогѣ встрѣтилась черная лисица. Онъ убилъ ее, снялъ шкуру и съ нею пошелъ далѣе. Пришелъ къ морю и сталъ дожидаться женщины. Она вскорѣ вышла изъ воды и вскричала: Пришелъ ли ты, кого я звала?

— Здѣсь, отвѣтилъ онъ.

«Поди сюда къ берегу, сказала она».

Онъ подошелъ и получилъ отъ нея золота и серебра довольно и сталъ жить послѣ этого какъ кухманъ—купецъ.

(Записана со словъ Василія Летова).

11) Айнай суло. Айновы острова—въ Ледовитомъ океанѣ противъ Земляного наволока и становища Мало-нѣмецкаго.

Мы Лопари не были еще христіанами, а въ нашихъ погостахъ, въ Лапландіи дикихъ оленей почти не было, или было да очень мало. Въ Финляндіи и Норвегіи было очень много. Вотъ и стали наши старики думать, какъ бы сдѣлать, чтобы дикіе были и на нашей землѣ. Въ это время жили въ Печеньгѣ, около становища Вайуогубы, силачи—нойды три брата, и у нихъ была мать старуха—агка. Братья, какъ нойды, знали все и умѣли пособить горю. Вотъ однажды они и сказали матери и своимъ пріятелямъ: Мы пойдемъ въ Норвегу и отрѣжемъ кусокъ земли, на которой бѣгаетъ много дикихъ оленей, и приплывемъ сюда на этой землѣ со всѣмъ добромъ. Жизнь наша тогда пойдетъ богаче. Сказано, сдѣлано. Нойды отправились въ Норвегу. Мать старуха въ одну ночь спитъ и видитъ во снѣ, что ея дѣти возвращаются на норвежской землѣ съ оленями. Она вскочила какъ шальная, побѣжала изъ тупы—избы на пахту (высокая каменная гора противъ Айновыхъ островов) смотрѣть, какъ дѣтки ѣдутъ съ добромъ. Старуха увидѣла: земли идетъ много и гулъ отъ хрюканья и бѣгу оленей раздается далеко, далеко. Съ радости она запѣла: Вотъ мои дѣтки ѣдутъ, вотъ они везутъ живота, везутъ оленей и важенокъ. И отъ радости еще вскричала: Не даромъ ихъ называютъ нойдами и силачами. Послѣ этого она сей-

Digitized by Google

час же окаменѣла, окаменѣла и изба, и остатки от этого, говорят, можно видѣть на Земляном наволокѣ и понынѣ.

Земля, плывшая по океану, от слов старухи разорвалась на два острова и остановилась. В промежутках между ними дѣти и все добро потонуло. Айновы острова теперь славятся мурошкою. Говорят еще, что всѣ морскіе острова, на которых растет мурошка, приведены нойдами из Норвегіи. Другое преданіе касательно Айновых островов и Кильгина, сходное в одном, противорѣчит цѣли.

В Печеньгѣ и в Колѣ в это время, говорят, Препод. Трифон уже просвѣтил крещеніем многих Лопарей. Нойды, или Кебуны за это сердились на него, а также и на Лопарей, которые крестились. И вот на зло лопарскому Апостолу и крещенным, они вздумали запереть Печенгскій и Кольскій заливы, и для этой цѣли поплыли на отдѣлившейся землѣ к заливам. Когда нойды подъѣзжали к заливам, то их замѣтили на берегу люди и закричали: земля идет, земля. Кричавшіе окаменѣли, а земля остановилась, и образовались острова: Айновы и Кильгин.

(Записана со слов В. Летова, а преданіе слышало от умершей 100 лѣтней дѣвицы Сусловой). Двѣ послѣднія были помѣщены в «Голосѣ» за 1883 г.

12) **Шапка невидимка.**—(К т капер).

Нѣкогда жил-был царь и у него была дочь красавица. Он послал объявленіе по всей землѣ, кто достанет звѣзду с неба, тот и получит в замужество его дочь. Люди знатные, узнав об этом, сперва удивились столь странному объявленію, полагая, что со временем царь уничтожит его. Не видя однако отмѣны приказа, не стали и думать о красавицѣ. Царское объявленіе дошло и до Лапландіи. Вот один Лопарь и похвастался, что он может достать звѣзду. Сказано—сдѣлано. Лопарь пошел по высоким тундрам и горам, чтобы оттуда достать звѣзду. Он перебывал на многих высоких тундрах и горах, но звѣзды достать не мог. Когда приходил на высокую тундру, то ему представлялось, что с другой болѣе высокой можно достать, но когда приходил туда, опять видѣл тоже. Так он ходил долго, и наконец потерял надежду, что можно достать звѣзду. Стал горевать, потому что в объявленіи сказано было еще, если кто скажет: достану, но не достанет, тот предан будет смерти. Горевал он немало времени, и хотѣл наконец лишить сам себя жизни, как в это время откуда не возьмись явился пред ним незнакомец и сказал: «Что ты такой печальный, развѣ что потерял?»

«Как мнѣ не печалиться, когда сам себя я за хвастовство приговорил к смерти. Желая сдѣлаться счастливым, я сказал что достану с неба звѣзду, думая что можно это сдѣлать с высокой горы, но между тѣм ошибся: сколько ни ходил, но успѣха никакого не было. Теперь не только мнѣ не жениться на царевнѣ, но еще придется умереть».

Незнакомец сказал: «Не знаю, как пособить твоему горю. Впрочем попытаем счастья. Ты садись ко мнѣ на спину и держись крѣпче. Мы полетим вверх, и ты только вниз не смотри. Вот они и полетѣли, как птицы, к облакам. Летѣли они долго; наконец Лопарь устал даже и держаться. Незнакомец в это время и сказал: смотри вверх лучше. Он смотрит и видит, что звѣзды у него под руками и всѣ большія.

Ну, что видишь, спросил опять его незнакомец. Звѣзды у меня почти в руках, отвѣтил он. Возьми же одну скорѣе руками. Он сейчас взял звѣзду, сперва одною рукой, а послѣ и другою. Как-двумя то руками он взял звѣзду, незнакомца

Digitized by Google

вдругъ и не стало. Лопинъ остался у звѣзды висѣть и думаетъ: звѣзда у меня и въ рукахъ, но и съ ней опять горе. Вѣтеръ между тѣмъ его бросалъ со стороны на сторону, а онъ все таки отъ звѣзды не отступается. Наконецъ его оторвало вмѣстѣ со звѣздой, и онъ полетѣлъ внизъ. Упалъ онъ съ высоты на мохъ и просѣлъ до половины туловища. Звѣзду онъ положилъ въ карманъ, а самъ сталъ стараться выйти изо мха. Съ большимъ трудомъ онъ освободился и тогда пошелъ искать дороги. Шелъ онъ немало времени, и наконецъ услыхалъ, что недалеко кричатъ люди. Онъ пошелъ туда и увидѣлъ, что между собою дерутся три человѣка. Подошелъ къ нимъ и сказалъ: «что вы за люди и о чемъ спорите, чуть даже не деретесь».

— «Мы всѣ родные братья. У насъ нынѣ умеръ отецъ, и у него осталась одна шапка—капперъ. Вотъ ее то мы и не знаемъ, какъ раздѣлить. Каждому взять хочется, а другимъ-то ничего не останется. Очень сожалѣю, что вы изъ-за такой бездѣлицы спорите и даже чуть не деретесь».

— Да, легко тебѣ это говорить, когда ты не знаешь нашей шапки. Шапка-то не простая, а невидимка: кто одѣнетъ ее, того никто не увидитъ, что бы онъ ни дѣлалъ. Эта шапка лучше всякаго богатства».

— «Нельзя ли посмотрѣть мнѣ, покажите пожалуйста, я вамъ буду очень благодаренъ».

Они согласились и принесли.

Онъ взялъ въ руки и сталъ разсматривать. Да, шапка дѣйствительно хороша, и сталъ поднимать себѣ на голову. Братья, видя это, сейчасъ сказали: нѣтъ не одѣвай себѣ, мы тебя не увидимъ.

«Ничего, не надолго можно примѣрить. Правду ли вы еще говорите, стоитъ ли и спору-то. Я только удостовѣрюсь въ справедливости вашихъ словъ и возвращу вамъ».

Не успѣлъ онъ одѣть, какъ его пререстали видѣть, и онъ пошелъ далѣе путемъ-дорогою.

Братья послѣ этого еще болѣе заспорили, но наконецъ сказали: «Шапки теперь нѣтъ, перестанемъ же и спорить, потому что изъ троихъ изъ насъ теперь никому не завидно. Будемъ лучше жить по прежнему, согласно, и поблагодаримъ незнакомца, что онъ избавилъ насъ отъ непріятности. Быть можетъ, во время спору мы бы убили еще одинъ другого».

Лопинъ въ шапкѣ-невидимкѣ шелъ себѣ къ царю и никого не боялся. Зналъ теперь, что у него никто не отниметъ и звѣзды. Вдругъ онъ опять услышалъ крикъ и пошелъ посмотрѣть. Когда сталъ приближаться къ людямъ, шапку снялъ. Теперь онъ увидѣлъ, что дерутся три человѣка. Онъ опять спросилъ ихъ: «что вы за люди и зачѣмъ обижаете одинъ другого»?

— «Мы братья. У насъ былъ отецъ и теперь умеръ. У него остались одни только каньги *),—каммай, но каньги только непростые. если ихъ поворотишь на лѣвую сторону, то они сами идутъ, или вѣрнѣе несутъ на себѣ человѣка».

— «Нельзя ли мнѣ ихъ посмотрѣть?» Братья принесли и стали показывать.

Лопинъ разматривалъ ихъ внимательно и хвалилъ. Они будучи польщены его словами, дали ему и помѣрить. Лишь только онъ одѣлъ ихъ, какъ въ то же время одѣлъ на себя шапку и пошелъ отъ нихъ далѣе съ благодарностью за простоту.

Братья еще поспорили между собою, но наконецъ и они помирились, подобно первымъ.

Лопинъ теперь продолжалъ свой путь очень скоро, и чрезъ нѣсколько времени опять услышалъ крикъ. Пошелъ на голосъ и увидѣлъ, что между собою ссорятся три человѣка. Онъ спросилъ ихъ: о чемъ вы спорите и что дѣлите между собою?

Мы братья и сейчасъ похоронили отца своего. Денегъ и имущества у него не осталось никакого. Остался у него только одинъ посохъ, — с о б б ъ; посохъ этотъ непростой: если рукоятью поставить въ землю во время войны, тогда на той сторонѣ, гдѣ находится посохъ, не убьютъ ни одного человѣка, а непріятели всѣ умрутъ отъ моровой язвы. Онъ попросилъ посмотрѣть и, какъ только взялъ въ руки, сейчасъ же рукоятью поставилъ въ землю, и братья умерли. Онъ положилъ ихъ въ землю и пошелъ въ веселомъ расположеніи духа къ царю. Шелъ,

Digitized by Google

шелъ и дошелъ до большого красиваго домъ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ полями и садами. Онъ сталъ ходить около дому, въ надеждѣ не увидитъ ли кого. Къ сожалѣнію, людей не видѣлъ, а видѣлъ только, что летаютъ разныя птицы, и гуляютъ по саду. Передъ вечеромъ пошелъ онъ въ домъ и, лишь только отворилъ двери, сейчасъ увидѣлъ толстую женщину. Она, увидавъ его, сказала: «вотъ мнѣ теперь будетъ праздникъ, хорошее мясо само пришло ко мнѣ».

— «Нѣтъ, любезная! на мое мясо лучше не надѣйся. Я уже хожу много, много времени, и у меня остались только костье да жилы. Будь лучше добра, и помоги моему горю: скажи, въ которой сторонѣ живетъ царь съ красавицею-дѣвицею».

— «Вотъ этого-то я уже не знаю. Сижу постоянно дома и мнѣ во всемъ помогаютъ птицы. Спрошу у нихъ».—Вышла она въ садъ, и птицы по ея знаку всѣ прилетѣли къ ней. Она спросила ихъ: гдѣ живетъ царь и красавица дѣвица. Птицы отвѣчали что не знаютъ, и прибавили, что нужно спросить у самой большой птицы—К у д д а л в ъ, которая носитъ людей. Она, быть можетъ, и знаетъ. Явилась наконецъ и эта птица, спросили у нея, но она не отвѣтила ничего. Хозяйка, видя ее упрямство, стала бить и такъ какъ она молчала, взяла ее въ избу и бросила на печь. Птицу ожидала тутъ настоящая смерть, и она сказала: отпустите меня съ печи, я скажу. Ее взяли оттуда и хозяйка сейчасъ же велѣла ей отнести Лопина къ царскому дворцу. Лопинъ поблагодарилъ хозяйку и сѣлъ на птицу. Птица поднялась высоко и понесла его чрезъ рѣки, озера и моря. Летѣла она долго, наконецъ захотѣла ѣсть, сказала Лопину: брось на море платокъ и кусокъ сѣры. Лопинъ бросилъ, и образовался островъ—С у л о. Здѣсь они отдохнули и закусили. На другой день опять утромъ рано полетѣли они и передъ вечеромъ увидѣли стадо коровъ. Птица опустила Лопина на землю, указала ему дорогу къ царю, а сама схватила быка и полетѣла съ нимъ обратно. Лопинъ вскорѣ пришелъ къ царскому дворцу, надѣлъ невидимку — шапку и пошелъ во дворецъ. Здѣсь онъ увидѣлъ много людей, ходилъ за ними и разсматривалъ вездѣ и все. Наконецъ пришелъ онъ въ комнату къ царской дочери. Она сидѣла и шила себѣ хорошее платье. Въ это время она попросила у служанки пить. Та принесла, а Лопинъ отрѣзалъ отъ звѣзды кусокъ и положилъ въ чашку, когда мимо него несли.

Царевна, взявъ въ руки чашку, увидѣла, что въ водѣ плаваетъ звѣзда. Она изумилась и поставила питье въ сторону. Попросила другую чашку, но и съ этой Лопинъ сдѣлалъ то же. Царевна опять пить не стала и задумалась. Думала, думала и наконецъ сказала: «кто здѣсь есть изъ постороннихъ, пусть покажется, наказанія не будетъ». Лопинъ снялъ шапку, и она его увидѣла. «Кто ты такой и за чѣмъ сюда пришелъ, разскажи подробно».

Лопинъ разсказалъ о себѣ все сначала до конца и спросилъ, гдѣ царь? мнѣ нужно явиться и къ нему.

Царевна сказала: «Къ сожалѣнію, его нѣтъ. Онъ уѣхалъ на войну, откуда и получены сегодня извѣстія, что войска его всѣ разбиты. Едвали онъ живъ теперь и самъ, прибавила она съ слезами на глазахъ».

Спросилъ онъ еще, въ которой сторонѣ война, и узнавъ, сказалъ, что пойдетъ на войну. Увижу я тамъ самъ, такъ ли дѣла плохи и не могу ли пособить.

Царевна стала его уговаривать и упрашивать, говоря, что теперь у ней вся надежда на него. Наконецъ, убѣдившись, что онъ не останется, стала и сама проситься съ нимъ. «Онъ уговаривалъ ее остаться и сказалъ: если я пойду, то возвращусь скоро, да и царь возвратится, а если нѣтъ, то съ нимъ можетъ случиться дѣйствительно несчастіе. Царевна наконецъ осталась, а онъ въ своихъ каньгахъ сейчасъ же явился на войну. Лишь только онъ поровнялся съ царемъ, какъ сейчасъ же посохъ поставилъ рукоятью въ землю.

По непріятелю немедленно прошла моровая язва и войска всѣ умерли. Царь, стоявшій на колѣняхъ, прослезился и возблагодарилъ Бога за спасеніе, и сталъ собираться къ отъѣзду во свояси.

Digitized by Google

Лопинъ, видя, что война кончилась счастливо, въ своихъ каньгахъ поспѣшилъ къ царевнѣ, чтобы передать о случившемся. Пришелъ онъ во дворецъ и расказалъ, какъ и отчего погибъ непріятель. Она поблагодарила его, и стали дожидать возвращенія царя. И вотъ, когда пронеслась вѣсть, что царь возвращается съ побѣдой, царевна и Лопинъ вышли его встрѣчать. Царь не успѣлъ еще увидѣть у царевны звѣзды, какъ она и Лопинъ стали просить благословенія на бракъ. Царь на радостяхъ сейчасъ же благословилъ ихъ и далъ пиръ на славу всѣмъ. Новобрачные стали жить да Бога славить. Вотъ и сказка вся.

(Записана со словъ М. Ѳедотова).

Свящ. К. К. Щеколдинъ.

Прим. Въ почтенномъ трудѣ г. Н. Харузина Русскіе Лопари очерки прошлаго и современнаго быта. М. 1890. Стр. 462—470—помѣщены пять сказокъ, изъ коихъ четыре были сообщены О. К. Щеколдинымъ: 1) О царскомъ сынѣ, 2) Игрунъ-смѣльчакъ сынъ, 3) Московскій воръ, 4) что бываетъ съ скупыми на томъ свѣтѣ.—См. также Островскій Д. Н. Лопари и ихъ преданія. Изв. И. Р. Геогр. О. 1889. Вып. IV. Стр. 316—333.

Digitized by Google

Якутскія народныя повѣрья и сказки.

(Приложенія къ Этногр. Оч. Три года въ Якутской области).

Громъ, по понятію Якутовъ, служитъ знакомъ проявленія гнѣва боговъ, живущихъ на небѣ. Каждый разъ, какъ загремитъ громъ, духъ, жившій на небѣ, низвергается на землю за свое неповиновеніе.

Маленькіе пѣтушки (Phalaropus rufescens Bris.) много терпѣли отъ щукирыбы. Въ ясный день, бѣгая по отлогому берегу рѣки, они часто дѣлались добычею щукъ; не стало пѣтушкамъ житья отъ щукъ, и въ горѣ своемъ рѣшили они просить Ан-Тоёна (создателя) избавить ихъ отъ этой напасти. Спросили щукъ: зачѣмъ губятъ онѣ пѣтушковъ? Онѣ отвѣтили, что дѣлаютъ это по неволѣ, чтобъ удовлетворить голодъ. Ан-Тоёнъ приказалъ щукамъ оставить пѣтушковъ въ покоѣ, указавъ имъ воду, гдѣ много мелкой рыбы, а чтобы щуки не забыли этого велѣнія, положено, чтобы, когда пѣтушки будутъ подходить къ водѣ, быть грому, отъ котораго щуки и прячутся на дно рѣки.

Главныхъ вѣтровъ—четыре: сѣверный, южный, восточный и западный. Этими вѣтрами управляютъ четыре добрыхъ духа, приставленные охранять покой четырехъ сторонъ земли. Эти добрые духи ведутъ между собой сношенія чрезъ посредство подчиненныхъ имъ вѣтровъ. Цѣль сношеній—слѣдить за духами противными (недобрыми) и узнавать, что они дѣлаютъ на землѣ. Вѣтры промежуточные, т. е. СВ., ЮВ, ЮЗ и СЗ. исходятъ отъ демоновъ, живущихъ между собой не въ ладу; они всегда ссорятся между собой, дерутся и къ тому же склоняютъ между собой людей. Главный надъ этими духами живетъ въ сторонѣ, между сѣверомъ и западомъ, откуда лѣтомъ сыплетъ на землю соль, т. е. градъ, и нагоняетъ холодный вѣтеръ. Черезъ посредство промежуточныхъ вѣтровъ сносятся съ духами (злыми) шаманы и даже ведутъ съ ними войну. Гдѣ вѣтромъ повалено или поломано много лѣсу, тамъ дрались шаманы. Вихрь—это злой духъ, который въ злобѣ своей вьется и кружится. Однажды два шамана, поссорившись между собой, условились подраться. Мѣстомъ драки назначенъ былъ Верхоянскій хребетъ; одинъ изъ нихъ жилъ недалеко отъ Якутска, а другой на р. Алданѣ, и разстоянія между ними было до 350 верстъ. Наканунѣ дня, назначеннаго для поединка, оба шамана вышли изъ своихъ юртъ и оборотившись вихремъ полетѣли черезъ рѣки, лѣса и горы прямо къ Верхоянскому хребту; гдѣ они пролетали, тамъ оставался за ними слѣдъ, тамъ повсюду на горахъ и долахъ валился лѣсъ. На разсвѣтѣ назначеннаго дня прилетѣли они на Верхоянскій хребетъ и, отдохнувъ немного, начали драку. Дрались они долго, переломали весь лѣсъ на хребтѣ, изрыли тамъ земли и переворочали камни всѣ и только, когда выбились изъ силъ, перестали драться. Съ того-то времени и до сихъ поръ много поваленаго лѣсу лежитъ на Верхоянскомъ хребтѣ.

Прежде, давно, на землѣ была только одна плотоядная птица, по названію „Сарай“. Птица эта была огромной величины; она много пожирала на землѣ, и мелкимъ тварямъ вовсе не было житья отъ нея, все трепетало ея. Не силенъ ли медвѣдь и не хитра ли лисица, однакожъ и они ея боялись и часто, когда она была близко, имъ приходилось голодать. Нужда заставила ихъ искать средства: всѣ звѣри, большіе и малые, собравшись на общій сугланъ (сходъ), или совѣтъ, единодушно положили просить Ан-Тоёна [1]) избавить ихъ отъ этого страшилища. Просьба ихъ была уважена: изъ—ог-

---

[1]) Господа Бога.

Digitized by Google

ромной птицы Сарай сдѣлано было пятнадцать разныхъ плотоядныхъ птицъ; крупные звѣри совѣмъ избавились отъ ужасной птицы,—за то мелкимъ стало доставаться больше прежняго: ихъ стали истреблять и хищныя птицы, и крупные звѣри.

Алъ-Іотъ итчитя—духъ огня.

До прихода Тунгусовъ, потѣснившихъ Якутовъ ближе къ сѣверному морю (южное море—Байкалъ), Якуты не думали, чтобы кромѣ нихъ еще жили люди на землѣ. У верховьевъ Лены—начало земли, а у истоковъ ея—земля склоняется: тамъ конецъ. Сначала люди, т. е. Якуты, не знали огня, ѣли все сырое и много терпѣли отъ стужи, пока добрые духи не умудрили одного изъ нихъ добыть огня изъ камня и совершенно неожиданно. Вотъ это какъ было: въ лѣтній жаркій день бродилъ старикъ по горамъ и, присѣвъ отдохнуть отъ нечего дѣлать сталъ, бить камень о камень; отъ удара посыпались искры, зажгли сухую траву, а за нею и сухія вѣтви. Огонь распространился, и люди со всѣхъ сторонъ сбѣжались смотрѣть невиданное чудо; чѣмъ дальше, тѣмъ больше становился огонь и привелъ всѣхъ въ трепетъ и ужасъ, но къ счастью полилась сверху вода и загасила огонь. Съ этого времени Якуты научились добывать огонь и тушить его. Огню, какъ могущественной силѣ, поклоняются люди (Якуты); при принесеніи жертвы какому бы то ни было духу огню приносятъ прежде всего, и непремѣнно отъ всякой пищи Якутъ плеснетъ ложку въ огонь; ему бросаютъ отъ перваго весенняго кумыса, его вездѣ величаютъ Алъ-Уотъ.

О чествованіи огня много разсказовъ. Такъ разъ Маркатанъ (Маркъ), ѣдучи къ тестю своему, заѣхалъ по дорогѣ къ своему знакомому Бахылаю (Василію). Гостя нужно всегда угостить, а если у хозяина нѣтъ ничего, то хотя покурить трубочку или понюхать табачку, а тутъ дали поужинать. Маркатанъ удивился, что, готовя пищу, хозяйка, противъ общаго обыкновенія, не сплескивала въ огонь изъ котелка, а потому отъ себя почтилъ огонь, сплеснувъ ему ложку изъ поданной на столъ чашки. Поужинавъ легли спать. Ночью Маркатанъ пробудился и сквозь тлѣющій слабый свѣтъ разглядѣлъ, что на шесткѣ камина сидитъ мальчикъ сухой и тощій, а когда Маркатанъ сталъ пристально всматриваться, то услыхалъ тихую жалобу на хозяина юрты: „Я исхудалъ здѣсь, никто мнѣ не даетъ ѣсть, я всегда голодный, и ты первый далъ мнѣ ложку каши. Я сдѣлаю тебѣ за это добро, слушай меня: уѣзжай отсюда скорѣе, ты увидишь, что здѣсь случится“. Маркатанъ почувствовалъ отъ страха дрожь во всемъ тѣлѣ и, скоро собравшись, уѣхалъ не простясь съ хозяиномъ. Отъѣхавъ отъ юрты, Маркатанъ оглянулся: юрта Бахылая пылала вся въ огнѣ. У Моппея (Матвѣя) Коршука было всегдашнимъ обыкновеніемъ изъ варящейся пищи удѣлять что нибудь огню; оттого онъ всегда жилъ хорошо: его коровы телились раньше другихъ, сметана была гуще и масло—вкуснѣе. Старый Пайбалъ (Павелъ) также жилъ богато, а все оттого, что не забывалъ Алъ-Іотъ'а и приносилъ ему жертву. Алъ-Іотъ итчитя всегда подметалъ у него дворъ, убиралъ пометъ въ хотонахъ (хлѣвахъ), ходилъ за его телятами и жеребятами и заплеталъ лошадямъ гривы; часто видали маленькаго старичка съ метлой въ рукѣ: онъ ходилъ по двору и подчищалъ грязь лопатой, выбрасывалъ въ окно хотона скотскій пометъ, а когда, подоивши коровъ, разольютъ молоко по туисамъ (берестяныя ведра) и поставятъ въ ледникъ, а сами послѣ трудовъ уснутъ, старичекъ отправляется въ погребъ и переливаетъ молоко изъ одной посуды въ другую, отчего, по увѣренію Пайбала, у него были сливки гуще, чѣмъ у другихъ и вкуснѣе. Уйбанъ (Иванъ) Чуча ѣхалъ разъ изъ города (конечно Якутска) домой, застигла его буря (пурга̀) и онъ заѣхалъ переночевать въ ближайшую юрту. Снявъ сумы и сѣдла, подложивъ себѣ подъ голову, скоро заснулъ; видитъ во снѣ, что сѣдой старикъ прохаживается по юртѣ взадъ и впередъ и, подошедши къ Уйбану, сказалъ: Я перейду жить къ тебѣ! При этихъ словахъ въ сумѣ подъ головой что-то зашевелилось. Уйбанъ проснулся и вскочилъ съ своей постели: изъ сумы выбѣжала мышь и, испугавшись въ

Digitized by Google

свою очередь Уйбана, снова бросилась въ суму. Уйбанъ понялъ, что въ образѣ мыши былъ духъ, который обѣщался перейти къ нему на жительство; всю ночь просидѣлъ Уйбанъ, скорчившись, посреди юрты, боясь пошевелиться, а когда проснулись хозяева, Уйбанъ сталъ смѣлѣе, началъ даже покашливать и совсѣмъ забылъ, что ему хочется спать. Когда всѣ встали съ своихъ постелей, Уйбанъ вытащилъ суму на середину юрты, выложилъ изъ нея все, что въ ней было—онъ хотѣлъ выбросить и мышь, но въ сумѣ нашелъ только свои вещи; онъ сложилъ ихъ обратно, и, не дождавшись завтрака, уѣхалъ домой. Къ вечеру онъ пріѣхалъ домой, вошелъ въ юрту, положилъ суму на свой оронъ (постель), а самъ подсѣлъ къ камину. Вскорѣ сума зашевелилась, и прогромная мышь вылѣзла изъ нея и поспѣшно ушла подъ каминъ. Спустя нѣкоторое время Уйбанъ услыхалъ, что юрта, въ которой онъ ночевалъ, стоитъ пустою: хозяинъ оставилъ ее, потому что какъ ни старался развести огонь въ каминѣ, онъ всегда угасалъ.

Сказка о могучемъ богатырѣ Кись-Саныяхѣ и о сынѣ его Бардамъ-Саналахѣ.

Не на небѣ и не на нашей бѣдной землѣ, а въ среднемъ между небомъ и землей благодатномъ краю, гдѣ вѣчное лѣто и день, гдѣ солнце ни на минуту не прячется за причудливые хребты, гдѣ не бываетъ холода и вода не мерзнетъ и не убываетъ, гдѣ люди живутъ не старѣясь и не умирая, гдѣ о трудѣ и горѣ знаютъ только по наслышкѣ, жилъ давно человѣкъ, по имени Кись-Саныяхъ; богатство у него было такое, что ни вамъ, ни мнѣ и во снѣ не видать, а жена его, дочь великаго господина, обладателя средней поднебесной страны, была такой неописанной красоты, какой на землѣ у насъ нѣтъ. Кись-Саныяхъ въ приданое за женой получилъ дерево такое высокое и вѣтвистое, что вѣтви его бросали тѣнь на такое пространство, что весь скотъ его въ полдневный зной сходился подъ его тѣнь, а на вѣтви слетались всѣ поднебесныя птицы. Домъ у него былъ такой большой и крѣпкій, что ни вихорь, ни пурга, ни время не могли повредить ему, а двери входныя были столь тяжелы и велики, что восемьдесятъ человѣкъ едва могли отворять ее, да и самъ Кись-Саныяхъ былъ молодецъ не въ нашу мѣру, и восемьдесятъ такихъ, какъ мы, врядъ-ли справились бы съ нимъ. Скота у Кись-Саныяха было столько, что онъ, побывавъ одинъ разъ на нашей землѣ въ осеннюю звѣздную ночь подумалъ: звѣздъ ли надо мною больше, или у меня скота? Казалось бы, можно было жить безъ печали и горя и страха, но и Кись-Саныяхъ былъ человѣкъ и имѣлъ свое горе и чувствовалъ страхъ. Онъ слыхалъ, что на нашей бѣдной землѣ бываютъ такіе нахалы, что часто берутъ не свое и ходятъ въ гости незванными. Причиною страха была молодая его жена—чудо красоты. Боялся онъ, чтобы кто-нибудь не похитилъ ее, чтобъ взоръ какого либо нахала не упалъ на его божество и не осквернилъ его. Онъ чувствовалъ, что если кто посторонній проникнетъ въ его жилище, то ждать ему горя и несчастій. Ревность и страхъ потерять свое сокровище не давали ему покоя ни днемъ ни ночью; онъ никогда не снималъ своей собольей шубы, не выпускалъ изъ рукъ своей тяжелой трости, всегда былъ вооруженъ съ ногъ до головы и приготовленъ ко всякой случайности. Чего онъ страшился, то вскорѣ и случилось. Одинъ богатырь-волшебникъ, родомъ съ нашей земли, по имени Хара-Чогой, невидавшій никогда себѣ равнаго въ бою, услыхалъ о богатствѣ, славѣ и о красавицѣ женѣ Кись-Саныяха и вздумалъ навѣдать его. Вздумано—сдѣлано. Обратившись въ ворона, съ страшнымъ шумомъ и свистомъ полетѣлъ онъ къ жилищу Кись-Саныяха. Прилетѣвъ, опустился на золотую поскотину, да такъ тяжело, что поскотина, какъ ни крѣпка была она, съ трескомъ обрушилась подъ тяжестію нежданнаго гостя. Воронъ посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны: поднялась страшная пурга, нанесло отовсюду горы снѣга и града на владѣнія Кись-Саныяха; всю землю и деревья покрыло ледянымъ покровомъ; третья часть всего скота Кись-Саныяха была обѣдомъ страшному ворону. Кись-Саныяхъ въ это время спалъ. Онъ имѣлъ привычку спать подъ рядъ трое сутокъ, а вы-

Digitized by Google

спавшись не спалъ втрое больше. Отъ шума и стука на дворѣ содрогнулась жена Кись-Саныяха и вышла изъ юрты узнать, что тамъ дѣлается, и видитъ небывалое чудо: земля и деревья погребены снѣгомъ; обломки золотой поскотины лежатъ по сторонамъ, а скотъ безо всякой пощады пожираетъ страшный воронъ. Увидавъ ее, воронъ проговорилъ: „Пошли сюда своего мужа, у меня къ нему есть дѣло, да посылай поскорѣе, я ждать долго не привыкъ“.—Господинъ мой, воронъ сизочерный, говоритъ жена Кись-Саныяха, смилуйся, не погуби: мужъ мой не зналъ, что ты будешь нашимъ дорогимъ гостемъ и ушелъ на промыселъ въ сѣверную сторону. Услышавъ это, воронъ, словно черная туча поднялся съ поскотины и полетѣлъ въ указанную сторону искать Кись-Саныяха, но сколько ни леталъ, сколько ни искалъ, конечно его найти не могъ. Съ немалой досадой прилетѣлъ онъ назадъ и пожралъ вторую треть скота Кись-Саныяха. Ахъ, ты негодная! вздумала обманывать меня и скрывать мужа! Погоди, я найду его, а ужъ тебя, милая, непремѣнно возьму къ себѣ, ты знай это!—выкрикиваетъ ей съ поля воронъ. Со страхомъ опять выбѣгаетъ къ нему жена Кись-Саныяха и снова говоритъ ему: Не прогнѣвайся, господинъ сизо-черный воронъ, какъ ты отлетѣлъ, то мужъ возвратился съ охоты, но потомъ опять ушелъ и теперь въ южную сторону. Услыхавъ это, воронъ снова полетѣлъ искать Кись-Саныяха; леталъ, леталъ и снова возвратился ни съ чѣмъ назадъ; и послѣдняя часть скота стала жертвой его прожорливости. Позавтракавъ, воронъ снова улетѣлъ на поиски. Къ тому времени пробудился Кись-Саныяхъ и, когда разсказала ему жена о случившемся, онъ страшно испугался и сказалъ: „Зачѣмъ ты не разбудила меня ранѣе? видно, пришло время принимать къ себѣ гостя незваннаго!“ Жена наскоро приготовила ему пищу на дорогу, увязала ее, и Кись-Саныяхъ, попрощавшись съ женою, сѣлъ на коня и поѣхалъ на встрѣчу страшному ворону, по дорогѣ къ четыремъ горамъ. Вскорѣ страшный воронъ опять возвратился, и пуще прежняго горятъ злобой его глаза, пуще прежняго сжимаетъ онъ свои желѣзные когти. Не нашедши хозяина дома, въ третій разъ пустился искать его. Въ это время жена Кись-Саныяха была беременна и ходила на послѣднемъ мѣсяцѣ. Отдавъ мужу все, что имѣла, она осталась ни съ чѣмъ: ей нечего было поѣсть, скотъ былъ съѣденъ ворономъ или погибъ отъ бури; между тѣмъ голодъ мучилъ ее. Въ раздумьѣ вышла она на дворъ и жалобно взмолилась роднымъ своимъ, отцу и матери: „ахъ, родные мои, дорогіе, смилуйтесь надо мной, бѣдною сиротою! Былъ у меня мужъ, теперь навѣрное его не стало; былъ у насъ, скотъ, и было и богатство, но все истребилъ страшный воронъ! Я не знаю, что сдѣлалось теперь съ бѣднымъ мужемъ моимъ: его вѣроятно тоже загубилъ этотъ ужасный воронъ; и поѣсть-то мнѣ нечего; сама хожу беременная! Вспомните меня милые, вспомните—я вамъ родная“! Послѣ того, долго-ли, коротко-ли, но все таки кажется въ тотъ же день много было хлопотъ и возни въ средней странѣ, на третьемъ ли небѣ, или между седьмымъ небомъ и землей; надъ жилищемъ Кись-Саныяха скопилось много облаковъ, и вдругъ на полѣ появилось множество коннаго и рогатаго скота; засвѣтило попрежнему солнце; снова поля зазеленѣли и зацвѣли, птички по прежнему стали распѣвать свои беззаботныя пѣсни. Жена Кись-Саныяха разбогатѣла пуще прежняго; послѣ этого она въ скорости родила сына и назвала его Бардамъ-Саналахъ. Мальчикъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и къ году сталъ уже сильнымъ и цвѣтущимъ юношей. Сынъ сталъ спрашивать мать, гдѣ его отецъ и кто онъ такой, какъ его зовутъ? Мать сначала не хотѣла расказывать сыну исторіи отца, но потомъ, уступая его просьбамъ, повѣдала ему свое горе, сказала и то, какъ раззорилъ ихъ страшный воронъ и какъ родные благословили ее снова богатствомъ. Тогда сынъ выпросилъ у матери лучшую лошадь, осѣдлалъ, поѣздилъ на ней, а потомъ сообщилъ матери, что онъ ѣдетъ искать отца. Сколько ни упрашивала его мать не ѣздить, сколько ни плакала, ни умоляла, юный богатырь не отступилъ отъ своего намѣренія и поѣхалъ искать отца прямо къ четыремъ горамъ.

Подъѣзжая, онъ увидѣлъ, какъ около одной изъ горъ леталъ страшный воронъ, гоняясь за какимъ-то старикомъ. Бардамъ-Саналахъ догадался, что старикъ никто другой, какъ его отецъ, а воронъ—богатырь волшебникъ Хара-Чогой. Онъ спустился съ коня и закричалъ ворону: „Эй, ты, братецъ, молодецъ удалый! Какая тебѣ будетъ слава,

Digitized by Google

если ты одолѣешь этого усталаго старика? То-ли дѣло тебѣ со мной силой помѣряться, я противъ этого старика и помоложе и посильнѣе! Такая дерзость взбѣсила ворона, и онъ рѣшилъ наказать молокососа. Хорошо, сказалъ воронъ, вотъ я не много отдохну, а потомъ попробуемъ, такъ-ли ты силенъ, какъ сказываешь. Воронъ далъ себѣ роздыхъ. Между тѣмъ старикъ благодарилъ своего избавителя, не зная того, что это былъ его сынъ, и обѣщалъ ему въ награду половину всего своего имѣнія. Воронъ, отдохнувъ, началъ бой: въ воздухѣ поднялась пыль такимъ густымъ облакомъ, что неба не было видно, а отъ шума и грома по всей землѣ (якутской) гулъ стоялъ. Долго дрались противники безъ перевѣса на чью либо сторону, наконецъ изнемогли и оба повалились на землю. Тогда Бардамъ-Саналахъ, отчаявшись въ побѣдѣ, обратился къ небу, запѣвъ: „Мой славный дѣдъ, что живешь въ средней странѣ, помоги мнѣ побѣдить ужаснаго злодѣя, брось съ неба въ пасть этого обжоры копье твое и тѣмъ, ты избавишь меня отъ страшнаго позора, а можетъ быть и отъ смерти!“ Едва допѣлъ онъ, какъ раздвинулось небо и копье, блестя молніей, упало прямо въ пасть задыхающагося отъ злобы ворона, который вскорѣ же и издохъ. Бардамъ Саналахъ сжегъ трупъ его, причемъ отъ огня ускользнулъ блескъ вороновыхъ глазъ, сверкнувъ въ сторону, словно молнія. Сложивъ свое копье въ сумку (оно было складное), юный побѣдитель отправился домой. Отъѣхавъ немного, онъ увидѣлъ юрту, которой раньше не видалъ, и очень тому дивился. Онъ подошелъ къ юртѣ, заглянувъ въ щель—въ ней никого не было, пусто. Отпустивъ лошадь на траву, Бардамъ-Саналахъ спрятался въ кусты и караулилъ, кто придетъ въ юрту. Полежалъ онъ часъ, другой, какъ вдругъ изъ разщелины горы выбѣжала очень быстро огромная крыса, которая, добѣжавъ до избушки, обратилась въ старуху и вошла въ юрту. Снова подкрался къ окну Бардамъ-Саналахъ и видитъ, что старуха кого-то няньчитъ, припѣвая: „ба, бая, ба, бай, что мигъ, то годъ, что мигъ, то годъ! Пять годовъ—пять вѣковъ!“ Сразу понялъ юноша, кого няньчила старая вѣдьма, и обратившись въ нищаго, вошелъ въ юрту; старуха няньчила ребенка, а блескъ глазъ его сразу напомнилъ богатырю страшнаго ворона. Старуха узнала вошедшаго и сказала ему: Судьба послала тебя побить нашъ родъ! я сестра главнаго богатыря Хара-Чогой, котораго умертвило копье твоего дѣда, но я дамъ тебѣ выкупъ за себя и за этого малютку; согласенъ ли ты на это?—Пожалуй, отвѣтилъ Бардамъ-Саналахъ, я не прочь, но какой выкупъ предложишь ты мнѣ?—„Такой выкупъ, отвѣтила старуха, какой тебѣ и во снѣ не снился, и, говорю напередъ, будешь имъ доволенъ. Вотъ тебѣ шелковый шарикъ: брось его передъ собой, и куда онъ покатится, туда и поѣзжай, а время и обстоятельства укажутъ тебѣ, что надо тебѣ дѣлать. Знай: камнемъ желѣзо сотрешь, а меня съ бою не возьмешь; смотри, не думай предлагать мнѣ условій, я ихъ не люблю; я сама властная госпожа и надо мной нѣтъ никакого владыки. „Бардамъ-Саналахъ взглянулъ въ сверкающіе глаза старухи и, молча взявъ изъ ея рукъ клубокъ, поклонился и вышелъ. Сѣвъ на коня, онъ бросилъ впередъ свой клубокъ и поѣхалъ за покатившимся шарикомъ. Ѣхалъ онъ долго и наконецъ видитъ передъ собой палаты изъ чистаго серебра; шарикъ, докатившись, исчезъ въ дверяхъ этого дворца. Богатырь подошелъ къ сѣнямъ, огромный засовъ дверей самъ отодвинулся передъ нимъ, и дверь раскрылась настежь. Вошелъ онъ въ палаты и видитъ: на мягкихъ собольихъ шкуркахъ сидятъ старикъ и старуха, сѣдые какъ снѣгъ. Лишь только вошелъ богатырь, какъ хозяева встали съ мѣстъ, поклонились ему и просили садиться: „Счастливаго пріѣзда, мой дорогой зятекъ, суженый нашей дочери! давно мы тебя поджидали!“ Спустя нѣкоторое время, провели его въ особое помѣщеніе, усадили на соболье сидѣнье, угощали жирнымъ конскимъ мясомъ, поили лучшимъ кумысомъ; затѣмъ подвели къ нему свою дочь и сказали: „Судьба назначила васъ одинъ для другого, живите счастливо и любовно!“ Дѣвица была чудомъ ума и красоты, и богатырь, увидавъ ее, полюбилъ сразу и тутъ же согласился жениться на ней. Начался пиръ, по обыкновенію: въ то время Якуты не знали вина и пили кумысъ съ масломъ, который приготовляли лучше, чѣмъ мы теперь. Послѣ совершившагося такимъ образомъ бракосочетанія тесть сказалъ зятю: „Дорогой зять, я знаю, у тебя живы отецъ и мать, они не знаютъ, что ты живъ и здоровъ и даже женатъ; несомнѣнно они очень обрадуются, увидавъ тебя съ молодой женой; я отдѣлилъ вамъ половину всего моего имѣнія, возьмите его и поѣз-

Digitized by Google

жайте благополучно обрадовать родителей твоихъ, которые думаютъ, что тебя погубилъ страшный воронъ, а вышло на оборотъ, недаромъ говоритъ пословица: отъ бѣды пожива бываетъ (алджархайтанъ алъ тахсаръ); сестра ворона указала тебѣ насъ и твою жену". Съ красавицей женой и полученнымъ богатствомъ поѣхалъ нашъ богатырь въ отчій домъ. Старикъ-отецъ, завидѣвъ приближающихся гостей, вышелъ къ нимъ на встрѣчу и не узналъ своего сына. Богатырь сказалъ ему: Я тотъ, кому ты обѣщалъ половину твоего имѣнія, когда я избавилъ тебя отъ когтей ворона. Тогда старикъ едва привелъ себѣ на память и наконецъ вспомнилъ, что дѣйствительно какой-то молодецъ спасъ его отъ неизбѣжной гибели. Хотя старикъ и слышалъ отъ жены, что у нихъ былъ сынъ, но такъ какъ времени съ тѣхъ поръ прошло много и сынъ не возвращался, то съ теченіемъ времени и самая память объ этомъ обстоятельствѣ изгладилась изъ памяти и теперь едва онъ могъ припомнить, что дѣйствительно кто-то, когда-то спасъ его, но о томъ, что у него былъ сынъ, вспомнить не могъ. Старикъ позвалъ въ домъ гостей, а старуха, выйдя посмотрѣть, кто гости, узнала сына и на радостяхъ устроила пиръ на славу, Долго пили жирный кумысъ и ѣли вкусное и сочное конское мясо. Съ тѣхъ поръ молодые и старики зажили спокойно и счастливо.

Эряйдахъ Буруйдахъ Эрь Соготохъ.

Съ седьмого неба былъ сотворенъ Якутъ, который жилъ на землѣ; у него была огромная юрта; за обѣдомъ и ужиномъ онъ ѣлъ по три кобылы, которыхъ варилъ въ громадномъ котлѣ; онъ былъ необыкновеннаго роста и силы—его звали Эряйдяхъ Буруйдахъ Эрь Соготохъ. Оружіемъ его были: лукъ, сдѣланный кузнецами, живущими за девятью морями, (эти кузнецы звались чёмчёрюкянь кырбытанъ и работали его девять сутокъ); стрѣла этого лука имѣла свойство убивать все, что было впереди на разстояніи семи ночлеговъ; 90-пудовая булава или кистень и огромный мечъ (батасъ), самой красивой работы, съ искусно отполированнымъ клинкомъ, довершали вооруженіе. Эрь Соготохъ былъ увѣренъ, что если бы 38 родовъ чертей, живущихъ въ аду, вздумали бороться съ нимъ, то онъ всѣхъ ихъ раскрошилъ бы, какъ мухъ. Одинаково мощнымъ считалъ онъ себя и противъ 28 родовъ небожителей. Жилъ Эрь Соготохъ одинъ, никого изъ людей не видалъ; богатство его было громадно и состояло изъ скота и пушныхъ звѣрей. Однажды, вставъ утромъ, онъ одѣлся, умылся, сѣлъ на своего вороного коня и поѣхалъ осматривать свой скотъ. Ѣхавши, увидалъ онъ впереди себя саврасаго коня огромнаго роста, дыханіе котораго обхватывало пламенемъ все, что было передъ нимъ; на конѣ, сидѣлъ осьмигранный желѣзный чортъ; голова его была величиной равна десяти стогамъ сѣна сложеннымъ вмѣстѣ; носъ былъ желѣзный въ $3^1/_2$ сажени длины; когти на рукахъ были тоже желѣзные и были по три четверти длины каждый. Одѣтъ былъ великанъ этотъ весь въ желѣзо, почему можно было принять его за желѣзнаго человѣка. Увидавъ такого страннаго великана, Эрь Соготохъ и радъ былъ встрѣтить себѣ соперника, и вмѣстѣ съ тѣмъ злое чувство поднялось въ его сердцѣ; онъ поскакалъ къ нему и, поровнявшись, запѣлъ: „Хотя ты восьмигранный чортъ, но слушай, что скажетъ тебѣ мое серебряное горло: откуда ты, какъ зовутъ тебя, кто твои предки и зачѣмъ ты заѣхалъ сюда"? Какъ только Якутъ Эрь Соготохъ выговорилъ это, желѣзный великанъ сошелъ съ своего коня, имѣя въ рукахъ мечъ, и, довольно близко подойдя къ Соготоху, запѣлъ: До моей родины можно доѣхать въ три вѣка, а путь лежитъ на край свѣта, черезъ девять морей, за огненнымъ моремъ. Отецъ мой—духъ огненнаго моря—Уотъ-осаръ-тоёнъ, а меня зовутъ Тимирь Уоранъ-Бухатыръ. Я пріѣхалъ къ тебѣ попробовать твою силу, убить тебя и думаю, что я тебѣ равный другъ (т. е. такой же богатырь, съ которымъ тебѣ не стыдно сразиться). Эрь Соготохъ выхватилъ свой мечъ, ударилъ имъ дьявола по головѣ и сказалъ—„На, вотъ, другъ, посмотри мою силу и ловкость". Началась драка, продолжавшаяся девять сутокъ, и никто изъ нихъ не могъ считать себя

Digitized by Google

побѣдителемъ. Тогда дьяволъ сѣлъ на своего коня и сказалъ Якуту: Ну, попробуй догнать меня, неужели ты не рѣшишься гнаться за мной? Якутъ погнался за нимъ, не зная, куда ѣдетъ; наконецъ разглядѣлъ, что ѣдетъ уже за предѣлами своей родины, гдѣ девять небосклоновъ сходятся съ землей, а съ западной стороны протекало огненное море. Доѣхавъ до этого моря, дьяволъ остановилъ своего коня и сказалъ Якуту: „ты теперь очень далеко отъ своего дома; если воротишься домой, то я всѣмъ буду расказывать про твою трусость, разскажу всему небесному улусу, передамъ на смѣхъ всему потомству. Ну, теперь смотри, какъ я поѣду". Сказавъ это, дьяволъ бросился въ огненное море, а Якутъ, не отставая, полетѣлъ за нимъ. Три дня плылъ онъ по огненному морю, не было ни конца, ни краю его; пламя обхватывало всю его одежду и коня, такъ что на немъ сгорѣла вся одежда, а на конѣ вся шерсть. Наконецъ волной выбросило его на берегъ едва живаго, такъ что онъ не могъ ни встать, ни сидѣть. Тогда онъ обратился къ небу и сталъ звать на помощь духа Сотворителя. На небѣ появилось бѣлое облако, грянулъ громъ, послѣ чего показалась сидящая на облакѣ шаманка, которая, спускаясь надъ нимъ, запѣла: „Сотворившій тебя отецъ услышалъ просьбу твою; ты сотворенъ былъ въ давнопрошедшія времена на небѣ Аи-Тоѣн'омъ, сотворившимъ и всѣхъ насъ. Я—шаманка, воскрешаю умершихъ, исцѣляю больныхъ; меня зовутъ Анъ Тюсюльгю Удаганъ. Отецъ твой посылаетъ тебѣ свое благословеніе на побѣду враговъ и на смерть Тимирь Урана. Вѣсть о твоемъ спасеніи сообщаю тебѣ!" и съ этими словами полетѣла обратно на небо.

Соготохъ немедленно почувствовалъ себя здоровымъ, сѣлъ на своего коня и поѣхалъ за Тимирь Ураномъ на западъ; доѣхавъ до конца земли, гдѣ начинается дорога въ адъ, онъ, по причинѣ всегдашнихъ сумерекъ въ той сторонѣ, не могъ ничего разсмотрѣть. Люди тамъ были одноногіе, съ одной рукой на груди и однимъ глазомъ во лбу. Доѣхавъ до этого мѣста, Тимирь Уранъ скрылся изъ глазъ Соготоха, а люди его въ несмѣтномъ количествѣ напали на Соготоха и били его семь сутокъ, и Соготохъ защищался противъ нихъ своей саблей; освободившись отъ нихъ, онъ продолжалъ свой путь на западъ и доѣхавъ до каменнаго дома, оборотился громаднымъ быкомъ, длиной въ 70 саженъ, съ рогами въ 30 саженъ и легъ у порога этого дома. На девятомъ мѣсяцѣ этого лежанья вышла изъ дому старуха Тимирь Бягійдянь, съ семью горбами на спинѣ, съ однимъ глазомъ на лбу, съ саженнымъ желѣзнымъ носомъ, съ одной рукой на груди, снабженной аршиными желѣзными когтями. Старуха, увидавши быка, стала скакать вокругъ него и запѣла: „Ты скажи, бычекъ, откуда ты пришелъ; если бы съ неба спустился, былъ бы на тебѣ снѣгъ; если бы ты вышелъ изъ земли, былъ бы ты въ пыли. Я спала 9 мѣсяцевъ, и на счастіе моего желудка богъ послалъ мнѣ тебя, и теперь мнѣ голодной будетъ чѣмъ позавтракать". Какъ только старуха кончила эти слова, быкъ подхватилъ ее на рога, и началась драка: старуха защищалась носомъ и когтями. Дрались они 9 мѣсяцевъ, у быка не стало ни роговъ, ни шкуры и побѣда клонилась уже на сторону старухи, но быкъ сбросилъ съ себя остатки своей шкуры и сталъ опять тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, Соготохомъ, и, остановившись передъ старухой, запѣлъ: „Дочь ада, слушай, что скажу тебѣ: меня зовутъ Эряйдахъ Буруйдахъ Эрь Соготохъ. Я ищу богатыря Тимирь Урана, котораго, я знаю, ты спрятала, и, если ты мнѣ не выдашь его, то я тебя убью". На это Тимирь Бягійдянь вскричала такъ громко, что треснули горы: „Я теперь поняла, зачѣмъ ты лежалъ у моего порога девять мѣсяцевъ; я знаю, гдѣ Тимирь Уранъ, но пока будутъ цѣлы мои кости, я не выдамъ тебѣ его". Снова началась жестокая борьба, и побѣда уже склонялась на сторону Якута, какъ старуха остановила его: „Дай мнѣ немного отдохнуть, я тебѣ скажу всю правду. Тимирь Уранъ проѣхалъ здѣсь три года тому назадъ; его домъ отсюда на югъ, за девятью морями, на концѣ земли тамъ, гдѣ живутъ Якуты, но не тѣ, которыхъ ты знаешь; тамъ живутъ Хонгорунъ Хотой Бюргю Тоенъ и его жена Кюнь Тюсюльгю Хотунъ; у нихъ дочь—шаманка Сырдыкъ Сыралыма; она пожелала выйти за тебя за мужъ и потому послала за тобой Тимирь Урана, чтобы или заманить тебя къ ней, или привезти насильно". Когда она кончила эти слова, онъ бросилъ ей свою шкуру, и она обратилась въ 70-ти саженнаго быка. Эрь Соготохъ сѣлъ

Digitized by Google

на него верхомъ и поѣхалъ на югъ, На девятый день доѣхали они до страны, гдѣ жилъ Хонгорунъ Хотой; Соготохъ спустился съ быка, который, проглотивъ сразу 270 коровъ, отправился назадъ. Затѣмъ Соготохъ направился къ дубу, стоявшему на громадномъ бугрѣ, отрубилъ 9 главныхъ суковъ, разложилъ 9 костровъ, поймалъ 9 кобылицъ, которыхъ изжарилъ на 9-ти рожнахъ и съѣлъ всѣхъ разомъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Хонгоруна Хотоя, то послѣдній сказалъ: „Я думалъ, что Эрь Соготохъ—Якутъ, а онъ дьяволъ, и пріѣхалъ раззорить меня. Девять дѣвъ и девять юношей, приготовляйтесь, садитесь всѣ на бѣлыхъ лошадей, отправляйтесь къ нему и просите его ко мнѣ". Они пріѣхали къ Соготоху и такъ обратились къ нему: „Господинъ нашъ, мы пріѣхали просить тебя пріѣхать къ нашему отцу и матери, которые этого желаютъ". Услыхавъ это, Эрь Соготохъ сильно закричалъ на нихъ и, схвативъ свою саблю, гналъ ихъ 7 верстъ, а возвратившись назадъ, онъ опять изжарилъ 9 кобылъ и, съѣвъ ихъ, легъ спать. Посланные, возвратясь къ Хонгоруну Хотою, разсказали про все, что они видѣли и испытали и высказали при этомъ свое мнѣніе, что Эрь Соготохъ не человѣкъ, а дьяволъ. Хонгорунъ Хотой имѣлъ двухъ сыновей-богатырей: перваго звали Хороджай-бяргянь, а второго—Хомусъ Уланъ Аттахъ Хомустаи Бяргянь. Они, услыхавъ про поступокъ Соготоха, стали снаряжаться къ бою изготовившись, поѣхали къ Соготоху. Старшій запѣлъ: „Я ожидалъ видѣть въ тебѣ хорошаго человѣка, а ты пріѣхалъ насъ раззорять; я тебѣ равный, и мы помѣряемся силой". Началась драка и продолжалась девять сутокъ, безъ перевѣса на чьей либо сторонѣ. Тогда дочь Хонгорунъ Хотоя—шаманка Сырдыкъ Сыралыма сѣла на облако и стала умолять прекратить драку: „Эрь Соготохъ, послушай словъ любящей тебя: оставь драку! того же желаютъ и родители мои". Услышавъ это, дравшіеся остановились и тутъ же помирились. Эрь Соготохъ женился на Сырдыкъ Сыралыма. Раньше на ней хотѣлъ жениться дьявольскій богатырь Анъ-Аджырга, который, взявъ съ собой 800 отборныхъ богатырей и пріѣхавъ къ Хонгорунъ-Хотою, велѣлъ сказать ему: „Я думалъ жениться на твоей дочери, а ты отдалъ ее Эрь Соготоху. Соготохъ долженъ со мной драться, и побѣда рѣшитъ, кому изъ насъ должна принадлежать Сырдыкъ Сырылыма". Эрь Соготохъ и два брата его жены, собравъ сколь возможно было больше воиновъ, направились на своего новаго врага, который истребилъ весь скотъ Хонгоруна Хотоя и сжегъ его лѣса. 9 сутокъ дрались Якуты и наконецъ перебили всю дьявольскую силу, а самого Анъ Аджырга, взявши въ плѣнъ, привязали къ 9-ти лѣсинамъ, но ни какъ не могли убить его. Тогда жена Эрь Соготоха сказала: „Не можетъ быть, чтобы онъ былъ весь желѣзный, когда хотѣлъ жениться на Якуткѣ: противъ сердца должно быть открытое мѣсто". Дѣйствительно, противъ сердца обнаружено проницаемое мѣсто, и Анъ Аджырга былъ убитъ. Спустя нѣкоторое время Эрь Соготохъ съ женой поѣхалъ домой, (пути его было три года), и пріѣхавъ, зажилъ спокойно и зажиточно. Отъ него произошли теперешніе Якуты.

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

ОБЗОРЪ ТРУДОВЪ ПО ЛИТОВСКОЙ ЭТНОГРАФІИ ЗА 1879—1889 г.

(*Окончаніе*).

Одинъ изъ основателей Тильзитскаго Общества, занявшій послѣ смерти Нессельмана каѳедру сравнительнаго языкознанія въ Кёнигсбергскомъ университетѣ, г. А. Бецценбергеръ совершилъ въ 1879, 1880 и 1881 годахъ съ этнографически-лингвистическою цѣлью поѣздки по Литвѣ. Результатомъ ихъ были его извѣстныя „Литовскія разысканія. Матеріалы по изученію языка и народности Литовцевъ“ [1]). Въ этой книгѣ помѣщены: 1) дополненія къ литовскому словарю Ф. Нессельмана, собранныя не въ одной Прусской Литвѣ, а также и Поневѣжскомъ уѣздѣ у Литовцевъ кальвинистовъ въ Попельскомъ и Бирзенскомъ приходахъ, при этомъ авторъ не мало сдѣлалъ для словаря жемайтскаго говора Тельшевскаго уѣзда, Ковенской губ., и Мемельскаго округа въ Пруссіи. 2) Пѣсни (дайны) съ напѣвами (см. нотное приложеніе); 3) сказки и были; 4) загадки; 5) поговорки, заклинанія и ругательства; 6) суевѣрныя и вообще народныя воззрѣнія и обряды. При изслѣдованіи литовскаго народнаго пѣснотворчества Беценбергеромъ всегда указываются параллели изъ латышской поэзіи (срв. напр. X, XI и 16, 28) [2]).

Изученію народныхъ говоровъ Прусской Литвы посвящены его діалектологическіе этюды „Zur Dialektforschung“, обнародованные въ „Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen“, томъ VIII, стр. 98—142 и IX, стр. 253—293. Относительно географіи діалектологическихъ особенностей нынѣшней рѣчи Прусской Литвы Беценбергеръ приходитъ къ тому результату, что говоры ея различать слѣдуетъ по четыремъ областямъ, приблизительно соотвѣтствующимъ историческимъ провинціямъ Судавіи, Надравіи, Шалавіи и Цеклисъ (вмѣстѣ съ Ламатой) въ началѣ 13 вѣка“ [3]).

Въ подробномъ критическомъ разборѣ извѣстнаго литовско-нѣмецкаго словаря Куршата (+23 авг. 1884 г., родился 24 апрѣля 1806 г.) въ Göttinger Gelehrte Anzeigen за 1883 годъ, стр. 905 — 948, Беценбергеръ касался и говоровъ Русской Литвы и пришелъ къ тому выводу, что историческое изслѣдованіе этого языка должно преимущественно заключаться въ наблюденіи современныхъ его говоровъ и выдѣленіи признаковъ сравнительно наиболѣе древнихъ [4]). Жемайтскому говору Тельшевскаго уѣзда,

---

[1]) Т. е. Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volkstumes der Litauer. Göttingen. 1882. Срв. мой отчетъ о Прусскихъ Литовцахъ l. c. стр. 2 и слѣд.

[2]) Срв. мой отчетъ о поѣздкѣ къ Прусскимъ Литовцамъ стр. 1—2 и примѣчаніе 1-ое тамъ же.

[3]) См. подробнѣе Литовскій катехизисъ Н. Даукши, Зап. Имп. Академіи Наукъ, Томъ 53, кн. 2. СПет. 1886, стр. LIX и слѣд.

[4]) См. l. c. LVI и слѣд.

Digitized by Google

волостей Плунгянской и Кульской посвящена небольшая любопытная статья о жмудскихъ носовыхъ въ вин. падежѣ единственнаго и род. пад. множ. числа въ Beiträge zur Kunde der indogerm. Spr. за 1886, p. 307—314 подъ заглавіемъ „Zur žemaitischen grammatik“.

Въ томъ же 1886 году А. Бецценбергеръ издалъ свой опытъ изслѣдованія типовъ литовскаго крестьянскаго дома: „Über das litauische haus“ [1]). Этюдъ этотъ вызванъ рядомъ изслѣдованій о нѣмецкихъ крестьянскихъ постройкахъ О. Лазія [2]) и Р. Геннинга [3]), Мейцена [4]) о черемисскихъ, мордовскихъ, эстскихъ и финскихъ домахъ, Гейкеля [5]), и друг.

Въ 1887 году вышло отдѣльное изслѣдованіе о языкѣ прусскихъ Латышей на Курляндскомъ Нерунгѣ, напечатанное первоначально въ Магазинѣ Латышскаго-Литературнаго Общества, томъ 18, стр. 1—170 [3]). Историко-этнографическое и географическое описаніе жителей Курляндскаго Нерунга, составленное при участіи другихъ Кенигсбергскихъ ученыхъ тѣмъ же неутомимымъ изслѣдователемъ балтійскихъ языковъ и исторической судьбы народовъ балтійскаго прибережья, издано было въ 1889 году въ 3-мъ томѣ „Forschungen zur deutchen Landes- und Volkskunde“ [3]) подъ заглавіемъ: „Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner [3]). Этотъ очеркъ Бецценбергера заключаетъ въ себѣ 7 отдѣловъ. Послѣ краткаго введенія о географическомъ положеніи изучаемаго Нерунга, въ первой главѣ, на стр. 7—20, описываются особенности почвы, климатъ и вообще геологическій характеръ этого угла; во 2-ой приводятся историческія примѣчанія о корскомъ Нерунгѣ вообще и каждой мѣстности Саркова, Латенвальде, Кунценъ, Роситенъ, Пріеденъ, Пилкопенъ, Ниденъ, Карвайтенъ, Негельнъ, (по латышски Агила, по литовски Агилсъ), Шварцортъ и Зандкругѣ въ отдѣльности. Въ третьей главѣ стр. 67—72 помѣщено описаніе дюнъ и попытокъ къ укрѣпленію песчаной почвы на нихъ и насажденію ихъ лѣсомъ. Глава 4-я (стр. 83—92) заключаетъ въ себѣ вѣсти объ археологическихъ находкахъ различныхъ періодовъ на этомъ пространствѣ, заимствованныя изъ извѣстныхъ сочиненій Тишлера, Клебса и вообще записокъ физико-экономическаго общества въ Кенигсбергѣ. Въ пятой главѣ (стр. 93—119) изложена исторія языка жителей курляндскаго Нерунга въ 18, 17 и 16 столѣтіяхъ. Въ 6-ой главѣ, на стр. 119—131, Бецценбергеръ сообщаетъ краткую характеристику этихъ Куровъ (курляндцевъ) въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, описываетъ ихъ одежду, обычаи, повѣрья, домашній бытъ и занятія (рыболовство и янтарную промышленность) у Латышей Курляндскаго Нерунга. Особенно поражаетъ бѣдность народнаго творчества: Бецценбергеру пришлось у нихъ услышать только три народныхъ пѣсни; изъ нихъ одна заимствована отъ Литовцевъ; онѣ вообще мало поются. О сказкахъ не можетъ быть и рѣчи (срв. стр. 282). Литовцы восточной части Нерунга напротивъ того богаты пѣснями и сказками, Латыши же въ западной части бѣдны ими, какъ бѣдна ихъ природа. Характеръ мѣстности, трудность работъ и простота жизни отражается и на ихъ языкѣ. Въ Прейлѣ слабо развиты понятія о золотѣ и серебрѣ, въ Сарковѣ картины называются мутными зеркалами (stulbi speegel'blinde Spiegel), сосна (по латышски preede) означаетъ часто д е р е в о вообще (l. c. стр. 283). Въ прибавленіи къ этой книгѣ (стр. 132—140) помѣщенъ списокъ населенныхъ мѣстъ Курляндскаго Нерунга въ алфавитномъ порядкѣ и съ краткими этимологическими объясненіями. Вся книга представляетъ такимъ образомъ крайне грустную исторію оскудѣнія и

---

[1]) Отдѣльный оттискъ изъ Altpreussische Monatschrift Bd. XXIII Heft 1/2, 8, 79 стр. съ 21 рисунками. Дополненіе печатано тамъ же въ 7/8 выпускѣ стр. 629—633.

[2]) Das friesische Bauernhaus in seiner Entwickelung während der letzten vier Jahrhunderte. LXI Quellen und Forschungen zur Sprach-und Culturgeschichte der germanischen Völker. №

[3]) Die Deutchen Haustypen. Тамъ-же, № LVII и того-же Геннинга «Das deutsche Haus in seiner historischen Entwickelung» № XLVIII.

[4]) S. Meitzen. Das deutsche Haus in seinen volksthümlichen Formen. Berlin. 1882.

[5]) Axel O. Heikel Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen (Отд. оттискъ изъ «Journal de la société finno-ougrienne IV. Helsingissa». 1888, 8°.

Digitized by Google

объдненія курляндцевъ на прусскомъ Нерунгѣ, съ 16 вѣка до нашихъ дней, когда они или онѣмечиваются или литовятся.

Въ 1888 году Л. Беценбергеръ въ докладѣ, читанномъ 11 октября въ засѣданіи Тильзитскаго Литературнаго Общества, распространился объ этнографическомъ составѣ народонаселенія восточной Пруссіи и сосѣднихъ странъ (см. Mitteilungen, Heft 14 (III, 2) стр. 187—192).

Въ октябрѣ 1889 года А. Беценбергеръ вмѣстѣ съ В. Нерингомъ въ Бреславѣ издалъ замѣтку „Древній памятникъ литовскаго языка" (Ein altes Denkmal der litauischen Sprache), гдѣ описанъ шелковый поясъ съ литовскою надписью (будто-бы) 1512 года.

Въ томъ же году въ Пилкалленѣ вышла статья того же автора „Этнографическія замѣтки о Пилкалленскомъ уѣздѣ" (Ethnographisches aus dem Kreise Pilkallen). Беценбергеръ высказываетъ здѣсь новое мнѣніе о Ятвягахъ (Ядвингахъ), образовавшееся у него при изученіи прусско-литовскихъ говоровъ. Ятвяжскій языкъ, по его мнѣнію, не вымеръ, а продолжаетъ свое существованіе въ языкѣ прусско-литовской письменности. [Русская литература о Ятвягахъ обогатилась также новымъ трудомъ о нихъ и новой теоріею о несуществованіи вещественныхъ слѣдовъ ятвяжскаго народонаселенія (см. стр. 32—33) въ Гродненской губерніи, особенно въ той части, которая примыкаетъ къ надбужскому Дрогичину и Дрогичинской землѣ, въ статьѣ Н. П. Авенаріуса „Дрогичинъ Надбужскій и его древности". Матеріалы по археологіи Россіи издав. Имп. Археол. Коммиссіею № 4, Древности Сѣверо-Западнаго края, Томъ I, вып. 1, С.-Пет. 1890, стр. 1—42].

Въ органѣ литовско-литературнаго Общества Беценбергеръ, въ указанное десятилѣтіе, помѣстилъ только нѣсколько маленькихъ статей:

1) Къ литовской библіографіи (Томъ 1, 1879, стр. 27—40).

2) Этимологическія мелочи (Etymologische Miscellen, 1879, 40—45).

3) Народная этимологія и приставка гласнаго въ Литовскомъ языкѣ „Volksetymologie und Vokalvorschlag im Litauischen" (1879, 46—48).

4) Приглашенія къ свадьбѣ „Hochzeitsbittersprüche" (II, стр. 121—124), гдѣ Беценбергеръ сообщаетъ матеріалы, доставленные ему гг. Мачуль-Мулиненомъ и учителемъ Марольдомъ.

5) Къ исторіи литовской литературы „Zur litauischen Literaturgeschichte". (Томъ III, стр. 121—129). Статейка эта посвящена прусско-литовскому писателю Бреткуну, извѣстному переводчику библіи на литовскій языкъ.

Такимъ образомъ Тильзитское Литературное Общество пока не было въ состояніи помѣстить на страницахъ своего повременнаго изданія что инбудь выдающееся кромѣ короткихъ замѣтокъ выше приведенныхъ лицъ и не мало важныхъ статей А. Беценбергера. Несомнѣнную заслугу пріобрѣлъ себѣ членъ общества Х. Бартшъ († въ началѣ 1890 г.) изданіемъ сборника народныхъ напѣвовъ Литовцевъ, о которомъ мы выше говорили. Вып. I, Отд. 3, стр. 42.

Нѣмецкая литература по литвовѣдѣнію вообще не сосредоточилась въ Тильзитѣ и въ названномъ обществѣ, а продолжаетъ развиваться по прежнему въ разныхъ другихъ спеціальныхъ органахъ или въ отдѣльныхъ книгахъ.

Число членовъ Общества слишкомъ медленно увеличивается и по отчету предсѣдательствующаго отъ 11 октября 1888 года оно имѣло только 213 человѣкъ. Средства общества и пособія прусскаго правительства не въ силахъ вывести Общество изъ провинціальныхъ границъ и придать ему болѣе широкое значеніе среди образованныхъ русскихъ Литовцевъ въ Ковнѣ и Вильнѣ, и ополяченныхъ ихъ собратьевъ въ Варшавѣ и Краковѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что общество пользовалось нѣкоторыми выдающимися трудами природныхъ Литовцевъ какъ напр. Басановича и Ив. Шлюпаса въ своихъ сообщеніяхъ.

Большинство членовъ Тильзитскаго литературнаго общества высказало свою любовь къ литовскимъ занятіямъ весьма платонически и участвуетъ въ дѣятельности его пассивно, единственно аккуратнымъ внесеніемъ ежегодныхъ взносовъ. Природныхъ Ли-

Digitized by Google

товцевъ отталкивалъ отъ общества господствующій въ нѣкоторыхъ его дѣятеляхъ взглядъ на литовское племя, какъ на вымирающее.

Занятія природныхъ Литовцевъ по изученію роднаго края, по этнографіи и археологіи Литвы ограничивались въ Пруссіи и Сѣверной Америкѣ очень немногими и небольшими статейками гг. Басановича [1]), Роха Шлюпаса [2]) и, наконецъ, Довойны-Сильвестровича [3]). Успѣшности этихъ занятій мѣшали политическія увлеченія и журнальная дѣятельность. Лучшими результатами увѣнчались старанія Литовцевъ въ Россіи, особенно братьевъ Юшкевичей по изданію памятниковъ народной словесности и Литовскаго словаря.

Въ Германіи литовскій языкъ со временъ Боппа сдѣлался излюбленнымъ предметомъ для сравнительной лингвистики. Литовскому языку посвящали свои ученые труды А. Лескинъ [4]) въ Лейпцигѣ, К. Бругманъ [5]) въ Лейпцигѣ (а потомъ въ Фрейбургѣ) и И. Шмидтъ [6]) въ Берлинѣ.

Въ 1882 году А. Лескинъ и К. Бругманъ вмѣстѣ издали сборникъ литовскихъ пѣсенъ и сказокъ подъ заглавіемъ: „Litauische Volkslieder und Märchen aus dem Preussischen und dem Russischen Litauen“ Strassburg. Книга состоитъ изъ трехъ отдѣленій: I) Литовскихъ пѣсенъ, изъ окрестностей Вилкишекъ, въ Прусской Литвѣ, собранныхъ А. Лескиномъ; II) Литовскихъ пѣсенъ, сказокъ, орацій (рѣчей, произносимыхъ на свадьбахъ) изъ окрестности Годлевы (въ 10 верстахъ отъ г. Ковны), собранныхъ и изданныхъ вмѣстѣ съ матеріалами по грамматикѣ и словарю Годлевскаго говора К. Бругманомъ; III) Литовскихъ сказокъ, переведенныхъ К. Бругманномъ съ литовскаго на нѣмецкій языкъ, съ примѣчаніями (сравнительно-литературными) В. Вольнера.

Въ 1883 году, въ Гейдельбергѣ, книга Э. Фекенштедта „Миѳы, сказанія и легенды Жамайтовъ (Литовцевъ) „Die Mythen, Sagen und Legenden der Żamaiten (Litauer) gesammelt und herausgegeben von Edm. Veckenstedt.“ Богатство сообщенныхъ имъ свѣдѣній по миѳологіи не основано, къ сожалѣнію, на надежныхъ и точныхъ данныхъ; этимъ сборникомъ можно пользоваться только съ крайней осторожностью (ср. мою статью объ изученіи Литовской миѳологіи, приложеніе къ XXIV тому. Изв. И. Р. Г. О. стр. 3).

Кромѣ того г. Фекенштетдъ помѣстилъ еще нѣсколько литовскихъ сказокъ во французскомъ сочиненіи „La Musique et la Danse dans les traditions“. Paris 1889, на стр. 12—34 и въ брошюрѣ: „Pumphut, ein Kulturdämon der Deutschen, Wendeı Litauer und Żamaiten. Mit Originalsagen der Litauer und Żamaiten“. Leipzig. 1885. 8°.

Въ послѣднее десятилѣтіе Поляки, по почину и примѣру г. Я. Карловича, стали также интересоваться живой литовской стариною. Въ 1879 году знаменитый польскій

---

[1]) Срав. напр. a) Żirgas ir vaikas Uistoriškai-arkelogiškas ištyrinejima. Tilżeje. 1885. в) Żiponas bei żipone. Tilżeje. 1885. c) Apie senoves Lietuvos pilis въ Auszra за 1883 г., № 1, за 1884 стр. 37—52: здѣсь перечислены извѣстные замковища и сопки, называемыя по литовски pilkalnis (см. ниже статью М. Довгирда объ этомъ-же предметѣ въ журналѣ «Висла» и друг. мелкія замѣтки въ газетѣ «Аушра» и другихъ литовскихъ газетахъ).

[2]) Письма Ивана Шлюпаса о жизни переселенцевъ въ Америкѣ въ Аушрѣ и друг. газетахъ, особенно Lietuviszkasis Balsas, газетѣ издаваемой имъ-же въ Нью-іоркѣ и Шенандоа.

[3]) Рохомъ Шлюпасомъ собраны свѣдѣнія о пилкалнахъ (срв. Lietuviszkasis Balsas 1887 года, № 26, 1888 г., № 8—10), о народной музыкѣ (см. Извѣстія И. Р. Г. О. 1888 года Томъ XXIV стр. 494) и объ антропологіи литовскаго племени. (Изв. XXIII стр. 767).

[3]) Patarles ir dainos surasze nůg żmoniu Meczius Davainis Silvestraitis. Tilżeje. 1889. 12°. 30 стр.

[4]) Срв. особенно его изысканіе «Der Ablaut der Wurzelsilben» въ IX томѣ, № 4. Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig. 1884. 8°. (См. о прежнихъ его трудахъ Кат. Даукши, стр. VI и VII, примѣч. 3).

[5]) См. его Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. 1887—1890.

[6]) Напр. въ его сочиненіи: Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar 1889. 8°.

Digitized by Google

этнографъ О. Кольбергъ [1]) († 23 мая 1890 г.) издалъ въ III томѣ изданія Краковской академіи наукъ „Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj, wydawany staraniem komisyi antropologicznéj Akademii umiejętności w Krakowie". 1879, отдѣлъ 3 на стр. 167—230 небольшой сборникъ литовскихъ пѣсенъ (всего 76) съ напѣвами, записанными въ Сувалкской губерніи. Въ введеніи на стр. 167—187 помѣщенъ библіографическій обзоръ прежнихъ трудовъ о литовской пѣснѣ на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и представлена характеристика мотивовъ и символовъ литовской народной поэзіи въ сравненіи съ польскими и друг.

Въ 1887 году въ XI томѣ того же изданія обнародованы были Яномъ Карловичемъ: Podania i bajki ludowe zebrane na Litwie, всего 124 стр. Въ этомъ сборникѣ помѣщены, въ польскомъ переводѣ, бѣлорусскія и литовскія сказанія и легенды; литовскихъ и жмудскихъ не мало, напр. № 46 „Dwaj bracia i siekiera, № 47 „O gryfie zaklątym" и № 48 „Dla czego liście osiny drżą zawsze" (сказка эта извѣстна мнѣ изъ рукописнаго сборника литовскихъ легендъ, Россіенскаго уѣзда, г. Довойны Сильвестровича) № 49 „o trzech febrach" и вообще № 50—64 на стр. 66—88. Въ Россіенскомъ уѣздѣ записаны № 64—71 на стр. 88—100, № 71—73 въ Шавельскомъ уѣздѣ Ков. губ. Остальныя сказки и преданія записаны въ Свенцянскомъ, Лидскомъ, Виленскомъ уѣздахъ Вил. губ. и въ Новогрудскомъ у. Минской губерніи. Пользоваться этимъ сборникомъ довольно неудобно, такъ какъ нѣтъ подробнаго указателя мѣстъ, рѣдкихъ словъ и характеристичныхъ оборотовъ, помѣщенныхъ въ примѣчаніяхъ въ литовскомъ или бѣлорусскомъ оригиналѣ. Вообще говоря сборникъ Карловича составляетъ не маловажный матеріалъ для изученія литовско-бѣлорусскихъ сказочныхъ мотивовъ и даетъ возможность провѣрять г. Фекенштедта. Въ польскомъ этнографическомъ журналѣ „Висла" вышли слѣдующія статьи по литовской этнографіи:

О. Кибортъ. Probki piosenek litewskich. Томъ I, стр. 78, 112, 157, 190, 233, 271, 312 и 345—366.

Z. Gloger. Podróż Niemnem, Томъ II, стр. отд. оттискъ in 8°, 112 стр.

Biruta. Dożynki na Litwie. Томъ III, стр. 92—94. Dwa podania (sosny w Lidzie; o kościele sw. Anny w Wilnie) Томъ III стр. 645—646.

T. Dowgird. Piłkalnie (O dwóch mogiłach książeckych z czasów przedhistorycznych na Żmujdzi) ibid. стр. 380—389.

W. W(ejtko). O pilkalniach, ibid. стр. 894—899, свѣдѣнія эти собраны по Трокскому у. Вил. губ. и по Кальварійскому у. Сувалкск. губ.

Biruta. Podania o górze pilokalskiéj: ib. стр. 899 и 900.

M. Dowojna-Sylwestrowicz, Teksty szlachty żmujdzkiej, Томъ II, стр. 154—165 и 312—324.

Dwie pieśnie litewskie o Chodkewiczu, Томъ II, стр. 780—783.

Дѣло изученія Литвы въ Россіи было малоуспѣшно до значительной степени оттого, что на мѣстѣ литовщина осталась недоступною и раскрывается Русскимъ такъ-же медленно, какъ и польскому пану, который (говоря словами Котляревскаго l. c., стр. 367) желая изучить родную Литву не счелъ нужнымъ запастись знаніемъ народнаго языка и проникнуть въ тайники народнаго быта, а продолжалъ лишь переборку стараго матеріала.

Еще въ 1884 году одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей (Шолковичъ) по спорному вопросу объ этнографической границѣ между бѣлорусскимъ и литовскимъ племенами, упрекнулъ Географическое Общество за то, что оно будто-бы (!) мало обращаетъ вниманія на близкій западъ (см. библіографическую замѣтку по поводу III тома Живописной Россіи „Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора" Бѣлорусса. Вильна. 8°, стр. 68).

Литовщина напротивъ того успѣшно раскрылась въ нашихъ университетахъ, благодаря изслѣдованіямъ профессоровъ покойнаго Микуцкаго въ Варшавѣ, Бодуэнъ-де-Куртенэ въ

[1]) Срв. его біографію, составленную Н. А. Янчукомъ по поводу 50-лѣтія его дѣятельности. Москва, 1889. Отд. оттискъ изъ II книжки Этнографическаго Обозрѣнія 8° 11 и страницъ краткую вѣсть о его смерти тамъ же въ 5 кн., стр. 174.

Казани, А. А. Потебни въ Харьковѣ, Фортунатова въ Москвѣ и другихъ въ Дерптѣ и С.-Петербургѣ.

Проф. А. А. Потебня въ извѣстныхъ трудахъ по сравнительному синтаксису и по фонетикѣ славянскихъ и русскихъ нарѣчій разрабатывалъ и литовскую грамматику, и въ своихъ объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ обратилъ одинаково вниманіе на символику латышской и литовской народной поэзіи.

Рано умершимъ ученикомъ А. А. Потебни, А. В. Поповымъ на литовскій языкъ обращено должное вниманіе въ сочиненіи: Синтаксическія изслѣдованія им. звательн. и винит. въ связи съ исторіею заложныхъ значеній etc. Воронежъ. 1881.

Въ Казани, благодаря дѣятельному участію къ литовскимъ занятіямъ проф. Бодуэна де Куртенэ, издавались фундаментальные труды И. и А. Юшкевича по Литовской народной поэзіи и бытописанію: 1) Литовскія народныя пѣсни изъ окрестностей Веленъ и Пушолатъ, три тома съ 1880—1882 г. 2) Свадебные обряды Веленскихъ Литовцевъ, записанные Антономъ Юшкевичемъ въ 1870 году. Казань 8° [1]).

Ученикъ проф. Фортунатова въ Москвѣ Г. Ульяновъ обнародовалъ изслѣдованіе: Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ. Варшава. 1888, (Отд. Оттискъ изъ Фил. Вѣстника. 1888. 8°)

Въ настоящее время многоуважаемый профессоръ Фортунатовъ работаетъ надъ изданіемъ Литовско-польско-русскаго словаря Юшкевича, редакція котораго ему поручена отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1883 году тѣмъ-же отдѣленіемъ былъ изданъ объемистый сборникъ литовскихъ свадебныхъ пѣсенъ, составленный Иваномъ Юшкевичемъ, по записямъ брата его Антона, всего 898+XXIV стр. in 8°.

Народныя пѣсни раздѣлены Юшкевичемъ на пѣсни свадебныя, любовныя, гулевыя, военныя, миѳологическія, погребальные плачи и пѣсни смѣшаннаго содержанія. Къ свадебнымъ онъ относитъ всѣ, l. c. стр. VII, тѣ пѣсни, которыя обыкновенно поются: 1) еще до свадьбы при ознакомленіи жениха съ невѣстою, сватовствѣ, рукобитіи и обрученіи, 2) во время свадьбы при совершеніи почти всякаго обряда, и 3) при посѣщеніи родителей молодой новобрачными и, на оборотъ, при посѣщеніи новобрачныхъ родителями молодаго.

Заслуженный знатокъ Литвы И. Юшкевичъ скончался 29 апрѣля въ 1886 г. (см. мою статью Johann Juschkewitsch. Nekrolog въ Mitteilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft. Heft. 12, стр. 409—413).

Миѳологіи литовской касался почтенный знатокъ Прибалтійскаго края Георгій Трусманъ въ извѣстной своей диссертаціи „Введеніе Христіанства въ Лифляндіи", гл. II, I-ой части, на стр. 22—68 (срв. мой разборъ этой части книги Трусмана въ Magazin herausgegeben von der Lettisch-Litterärischen Gesellschaft. Bd. 18, Mitau. 1887, стр. 171—185).

Изученіе Литвы и Сѣверо-западнаго края съ 1884 года стало значительно оживляться на мѣстѣ, въ центрахъ литворусской жизни въ Ковнѣ и Вильнѣ. Архивный матеріалъ для изученія литовскаго племени раскрытъ былъ почтеннымъ ветераномъ по службѣ на литовской окраинѣ Латышемъ Иваномъ Спрогисомъ въ его многолѣтнемъ трудѣ „Географическій словарь древней Жемойтской земли XVI столѣтія, составленный по 40 актовымъ книгамъ Россіенскаго земскаго суда". Вильна, in 8°. 1888.

Какъ выяснено мною въ статьѣ „Новые матеріалы для изученія литовскаго имeнослова" [2]), этимологическое значеніе названій мѣстъ жмудско-литовской земли оста-

---

[1]) Изъ Казанскихъ учениковъ профессора Бодуэна де Куртенэ, нынѣ находящагося въ Дерптѣ — особенно г. Александровъ посвятилъ себя изученію Литовскаго языка въ трудахъ:

а) Sprachliches aus dem Nationaldichter Donalitius. Zur Setasiologie. Dorpat. 1886.

б) Litauische Studien I. Nominal-Zusammensetzungen. Dorpat. 1888. 8°.

в) Литовскіе этюды. Вып. 1. Народная этимологія, Варшава. 1888.

Другимъ слушателемъ г. Бодуэна де Куртенэ г. О. Видемановъ составлена диссертація «Das litauische Präteritum. Strassburg. 1889. 8o.

[2]) Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. Часть CCLXIX, отд. 2, стр. 376—383 и Deutsche Literaturzeitung 1889, № 5, стр. 159—161.

Digitized by Google

лось неразгаданнымъ оттого, что авторъ этого труда не обладаетъ достаточнымъ знаніемъ литовскаго языка.

Незнаніе литовскаго замѣчается также въ весьма полезныхъ трудахъ другихъ дѣятелей Сѣверо-западнаго края, какъ, напр., въ изданіяхъ секретарей Виленскаго и Ковенскаго статистическихъ комитетовъ.

Въ Ковнѣ со вступленіемъ въ должность секретаря К. С. Гуковскаго, ученика Кіевскаго профессора Антоновича, ежегодно стали появляться описанія уѣздовъ Ковенской губерніи (Шавельскаго, Поневѣжскаго и Тельшевскаго), въ которыхъ не послѣднее мѣсто отведено описанію народнаго быта (преимущественно на основаніи изученія книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ [1]). Имъ-же составленъ былъ краткій историческій очеркъ Ковенской губерніи. Ковна. 1889. 8о. 35 стр. Срв. мою статью „Статистика племеннаго состава народонаселенія Сѣверо-Западнаго Края“ въ Календарѣ Сѣв. Зап. Края за 1890 годъ, изд. М. Запольскимъ. Кіевъ 1889.

Въ другомъ мѣстѣ мы привели списокъ мѣстныхъ знатоковъ края и литовскаго языка и корреспондентовъ нашихъ, разсѣянныхъ по Литовской землѣ, доставившихъ И. Р. Г. Обществу новые значительные матеріалы для изученія Литвы и ея живой старины. См. нашъ предварительный отчетъ въ Извѣстіяхъ. Томъ XXIV.

Въ литовскомъ катихизисѣ Н. Даукши, по изданію 1595 года, (вновь перепечатанъ и снабженъ объясненіями (приложеніе къ 53 тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, кн. 2), въ введеніи на стр. 1—XXII сдѣланъ мною обзоръ трудамъ по литовской грамматикѣ и по разработкѣ литовскаго языка сравнительно съ другими арійскими и преимущественно славянскимъ. Въ этнографическомъ изученіи Литвы участіе природныхъ Литовцевъ не маловажное и даже выдающееся обнаруживается въ трудахъ Юшкевичей. Литовскій языкъ первоначально по преимуществу изучаемый и разработанный учеными Нѣмцами (отъ Нессельмана до Бецценбергера) обращалъ на себя вниманіе первыхъ славистовъ, особенно Прейса въ 1840-хъ годахъ. Что, по словамъ Котляревскаго, изученіе языка и быта Литвы главнымъ образомъ лежитъ на обязанности русскихъ ученыхъ—такое сознаніе, раздѣляемое хотя многими, на дѣлѣ осуществлялось до періода обозрѣваемаго весьма немногими, почти единственно проф, Фортунатовымъ въ Москвѣ. Въ послѣднее же десятилѣтіе стали, какъ мы выше видѣли уже — появляться особыя университетскія диссертаціи изъ области литовской грамматики. Народнопоэтическія возрѣнія нашихъ Литовцевъ изучаемы были впервые Поляками или же ополяченными Литовцами большею частью съ романтически-политической точки зрѣнія (Крашевскимъ и друг.), серіозно изслѣдованы были въ послѣднее десятилѣтіе также и русскимъ ученымъ А. А. Потебнею. Обыкновенная русская публицистика и литература знаетъ поэтическую Литву только изъ польскихъ источниковъ Юцевича, Нарбута и Крашевскаго. Успѣхи русской этнографической науки въ дѣлѣ изученія Литвы находятся въ тѣсной зависимости отъ покровительства Литовцамъ и отъ разрѣшенія вопроса о литовскомъ шрифтѣ, но во всякомъ случаѣ единственныя въ своемъ родѣ „литовскія“ изданія Литовскихъ пѣсенъ (свадебныхъ и вообще дайны) вышли не въ Германіи или Польшѣ, а Россіи: въ Казани и въ С.-Петербургѣ.

Литовщина до сихъ поръ малодоступная русскимъ дѣятелямъ нашихъ окраинъ раскроется съ успѣхомъ только тогда, когда дадутъ жить и развиваться (см. вып. I, стр. XXII) мѣстнымъ языкамъ литовскому и латышскому (такъ называемой инфляндскихъ уѣздовъ) въ школѣ и народной литературѣ. Литовцы же, пишущіе нынѣ даже грамматики и учебники англійскаго языка (въ Плимутѣ изданъ былъ въ 1887 году „Prawadnikas angełskos kałbos“ на иждивеніи разбогатѣвшаго Литовца—торговца И. Паукштиса) безъ сомнѣнія скоро откажутся отъ дорогихъ заморскихъ и заграничныхъ изданій газетъ и трактатовъ, издаваемыхъ въ Плимутѣ, Ньюіоркѣ, Шенондоа въ сѣверной Америкѣ и въ Рагнитѣ, Тильзитѣ и Мемелѣ въ восточной Пруссіи, когда у нихъ дома станутъ выходить болѣе дешевыя книжки.

Э. Вольтеръ.

[1]) См. Отчеты о дѣятельности комитета за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 и памятныя книжки за тѣ-же года.

Digitized by Google

Этногрфическое Обозрѣніе. Изданіе Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ, подъ редакціей секретаря Этнографическаго Отдѣла Н. А. Янчука. 1890 № 3, книга VI.

Изъ сравнительно небольшого числа статей, помѣщенныхъ въ VI-ой книгѣ „Этнограф. Обозрѣнія", на долю изслѣдованій приходятся — слѣдующія двѣ: — I-ая „Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ", Н. Ѳ. Сумцова, попытавшагося въ своемъ краткомъ этюдѣ намѣтить въ монгольскихъ сказаніяхъ нѣсколько мотивовъ, какъ ветхозавѣтныхъ: о потопѣ и о Соломонѣ, такъ и новозавѣтныхъ: о св. Троицѣ, о чудесномъ насыщеніи хлѣбомъ и рыбою 5 тысячъ человѣкъ, о странствованіи Спасителя, а также изъ легендъ о крестномъ древѣ, объ архангелѣ Михаилѣ и великомученикѣ Георгіи; 2-ая—„О свадебныхъ платежахъ и о приданомъ у Кавказскихъ горцевъ", Л. В. Малинина, сгруппировавшаго въ довольно значительномъ количествѣ свѣдѣнія объ извѣстиыхъ первоначальныхъ формахъ брака—похищеніи и куплѣ-продажѣ, о размѣрахъ калыма, который первое время, вѣроятно, уплачивался за невѣсту не отдѣльнымъ лицемъ и не отдѣльному лицу, а цѣлымъ родомъ другому роду, о наслѣдственномъ правѣ женщинъ и о „кебинѣ"—денежномъ обязательствѣ жениха въ видахъ обеспеченія невѣсты. Къ этимъ изслѣдованіямъ можно отчасти отнести статью Ю. Н. Мельгунова—„Къ вопросу о русской народной музыкѣ". Это рядъ бѣглыхъ критическихъ замѣчаній—на книгу П. Сокальскаго „Русская народная музыка", на руководство по музыкѣ „Учебникъ формъ инструментальной музыки", Л. Бусслера, на музыкальныя приложенія въ сборникахъ народныхъ пѣсенъ г-жи Радченки и др., сдѣланныхъ на основаніи теоріи Р. Вестфаля („Allgemeine Theorie der musikalischen Rhytmik...", а также см. Русск. Вѣстникъ, 1879 г. № 9). Не смотря на свою краткость замѣтка такого мастера дѣла, какъ г. Мельгуновъ, обратитъ на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ и любителей русской музыки. Далѣе слѣдуютъ два сообщенія чисто этнографическаго характера: „Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губ.", А. Балова и „Очерки Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губ.", В. Бондаренка (часть 1-ая). И въ томъ и въ другомъ нельзя не цѣнить цѣльности описанія, но по своимъ даннымъ они не отличаются ни полнотою, ни новизною: мѣстныя черты почти теряются среди весьма распространенныхъ, даже общерусскихъ особенностей. Изъ матеріаловъ здѣсь напечатаны Э. Вольтеромъ „Литовскія легенды" съ очень любопытнымъ содержаніемъ—о дьяволѣ-творцѣ, о сохраненіи обрѣзанныхъ ногтей, о происхожденіи медвѣдя и аиста, о птицѣ Кукисѣ и о кукушкѣ, о странствующихъ озерахъ. Первый отдѣлъ VI-ой книги „Этиограф. Обозрѣнія" оканчивается уже извѣстнымъ нашимъ читателямъ изъ 1-го выпуска „Жив. Старины"—некрологомъ финнолога М. Веске, написаннымъ проф. И. Н. Смирновымъ.

Библіографическія извѣстія продолжаютъ блистать своимъ обиліемъ и богатствомъ. Кромѣ указаній статей въ періодическихъ изданіяхъ и продолженія „Сибирскаго Указателя" г. Ивановскаго, отмѣчаемъ перечни статей въ изданіяхъ разныхъ ученыхъ и неученыхъ Обществъ; изъ рецензій на книги можно назвать: „Д. Анучинъ, Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака", В. Михайловскаго, „В. Деминчъ, Очерки русской народной медицины", Д. Никольскаго, и Д. Самохвалова, „Хронологическая классификація могилъ южной Россіи", Н. Харузина.

Н. В.

Digitized by Google

А. Павловъ. Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка. (Отдѣльный оттискъ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, октябрь 1890 г.).

По мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ изученіе рукописей XV—XVII вв., русская наука или обогащается вовсе неизвѣстными дотолѣ произведеніями, или же пріобрѣтаетъ новые, болѣе исправные списки памятниковъ уже извѣстныхъ. Находка г. Павлова имѣетъ значеніе среднее: это новый списокъ прежде извѣстнаго памятника, но такой, который стоитъ цѣлаго открытія.

Напечатанный г. Павловымъ памятникъ есть архіерейское поученіе священникамъ, приписываемое имъ Новгородскому архіепископу Ильѣ (1165—1186). На основаніи сопоставленія нѣкоторыхъ внутреннихъ чертъ въ этомъ памятникѣ, проф. Павловъ полагаетъ, что оно было произнесено архіеп. Ильею въ 1166 г. въ соборное воскресенье на первой недѣлѣ великаго поста.

Не касаясь превосходно сдѣланной издателемъ оцѣнки этого памятника, какъ одного изъ древнѣйшихъ и по церковному праву, и по литературѣ, приведемъ изъ него нѣсколько мѣстъ, весьма любопытныхъ въ бытовомъ отношеніи.

1) Статья 23-я [1] (стр. 25—26) говоритъ:

„А и се же вѣдѣ, оже дроузіи попове въ олтарѣ за святою тряпезою ставляете каноунъ и хрьстите ту, и пиете въ олтарѣ, ли заупокойное борошно вношиваете, а и еще скоромно. А и въ сь олтарь, идеже просфуръмисанье есть, никакого каноуна вносити, аже нъ въ великый: третій бо олтарь на то оучиненъ есть. Ни подъ святою тряпезою ставляйте чего: велми бо то гроубо есть, да отъ того боле възборонитеся“.

Сверхъ указанныхъ г. Павловымъ подобныхъ же запрещеній въ Постановленіяхъ Владимірскаго собора 1274 г., въ древнемъ святительскомъ поученіи новопоставленному священнику и въ выпискѣ изъ молитвенника митрополита Кипріана, не лишне упомянуть объ извѣстномъ вопросѣ, предложенномъ Стоглавому собору: „О иже не вносити въ олтарь пьянственнаго пития“ (вопр. 36-й), и объ отвѣтѣ на этотъ вопросъ [2]).

Кромѣ разъясненія статьи поученія, въ нихъ заключается также точное обозначеніе частей алтаря, пополняющее примѣчаніе г. Павлова.

Принесеніе въ церковь хлѣба, коровая (свадебнаго) [3]), кануна, блиновъ, каши, пироговъ [4]), а иногда и яичницы, молока [5]) и баранины [6]), (поминальныхъ), совершаемое иногда въ видѣ искупительной жертвы, происходитъ и по настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, въ особенности, кажется, въ Бѣлоруссіи.

2) Въ статьѣ 10-й (стр. 19), о крещеніи дѣтей, между прочимъ, сказано:

„Въ первый день, егда зовоутъ вы къ перьти, творите молитву, юже творіте надъ соудомъ осквернышімся“.

Проф. Павловъ допускаетъ возможность двоякаго истолкованія слова перьть, заимствованнаго Новгородцами или у Литовцевъ, или у Финновъ,—въ значеніи баня и въ значеніи корыто или вообще сосуда для омовенія новорожденнаго.

Въ первомъ случаѣ, слова поученія: „егда зовутъ вы къ перьти“, говоритъ г. Павловъ, повидимому, указываютъ на существованіе въ Новгородѣ уже въ XII вѣкѣ обычая отводить беременную женщину для разрѣшенія отъ бремени въ баню; при этомъ онъ ссылается на современный подобный же обычай въ Олонецкой губерніи у Корелъ и у Русскихъ, по мнѣнію г. Павлова, подъ вліяніемъ первыхъ. Но если и возможно сдѣлать такой выводъ изъ словъ поученія, то едва ли слѣдуетъ говорить о заимствованіи, въ виду того, что обычай этотъ распространенъ далеко не у однихъ сѣверно-Великоруссовъ, а напр. у Бѣлоруссовъ Витебской губерніи [7]) и вызывается соображе-

---

[1]) Раздѣленіе поученія на статьи принадлежитъ проф. Павлову.
[2]) Стоглавъ, изд. Правосл. Собесѣдника, 1862 г., стр. 74—75, 100—101.
[3]) П. Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, т. I, ч. II, 1890 г., стр. 201, 383, 473.
[4]) Ib., 585, 592, 627.
[5]) ib , 585.
[6]) ib., 615.
[7]) П. Шейнъ, Матеріалы, т. I, ч. I, 1887, стр. 3.

Digitized by Google

ніями практическаго свойства—удобствомъ, подкрѣпляемымъ отчасти предразсудкомъ, что присутствіе лица посторонняго увеличиваетъ продолжительность родовъ. Съ своей стороны мы полагаемъ, что принять въ словахъ поученія перьть съ значеніемъ корыто будетъ гораздо болѣе умѣстно.

3) статья 26-я (стр. 26) замѣчаетъ:

„И о тоурѣхъ, и о лодыгахъ, и о колядницѣхъ, и про безаконный бой вы, попове, оунимайте дѣтей своихъ; или кого оубьють, а вы надъ ними въ ризахъ не пойте, ни просфоуры пріимайте".

Эти слова—одно изъ драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ древности о русскихъ языческихъ обычаяхъ и обрядахъ. Подъ „турами", говоритъ проф. Павловъ, надо понимать „празднованіе все-славянскому божеству Туру, совпадавшее то съ колядами, то съ семикомъ, которое состояло въ томъ, что молодые люди обоего пола наряжали одного парня изъ своей среды чучелою въ видѣ быка (тура) и водили его по улицамъ на веревкѣ съ пѣснями, въ которыхъ упоминалось имя Тура" (стр. 8). Проф. Павловъ сопоставляетъ этого быка съ извѣстною „бѣсовскою кобылкою", [1]) изъ свѣдѣній о которой и взято г. Павловымъ вышеприведенное его замѣчаніе о Турѣ. Но о божествѣ Турѣ такъ мало имѣется свѣдѣній, что позволительно усумниться въ примѣнимости такого толкованія къ выраженію „О турѣхъ" въ поученіи. Можетъ быть, здѣсь указывается какая-нибудь игра, дошедшая до насъ, напр., въ видѣ игры въ городки и т. п. [2]).

Что касается лодыгъ, то, кажется, несомнѣнно въ нихъ можно видѣть прототипъ современной игры въ бабки, съ нѣкоторыми отличіями, теперь уже исчезнувшими, но никакъ не съ такими, которыя могли бы оправдать г. Павлова, связывающаго лодыги, а вмѣстѣ и туровъ и колядниковъ, съ упоминаемымъ въ указанной статьѣ поученія „беззаконнымъ боемъ". Если въ XVII вѣкѣ и запрещалась игра въ лодыги, то въ той же грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1648 года въ равной мѣрѣ осуждаются карты, шахматы, качели, пляска, пѣсни и др., и между прочимъ и кулачный бой, и грамота все это одинаково называетъ „бѣсовскими играми" [3]). То же преслѣдуется и патріархомъ Филаретомъ въ 1628 году [4]) и его преемникомъ патріархомъ Іоасафомъ, а задолго до нихъ—въ 92 главѣ Стоглава: „О игрищахъ еллинскаго бѣсованія". Изъ словъ поученія „о колядницѣхъ" становится очевиднымъ, что столь распространенный теперь обычай справлять коляду существовалъ на Руси уже въ XII вѣкѣ.

„Беззаконный бой" вполнѣ можно признать не поединкомъ—полемъ, а кулачнымъ боемъ, о которомъ есть и древнія и болѣе позднія постановленія; такъ, въ дополнительной къ Судебнику статьѣ 1640 г. читаемъ: „Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи указалъ: которые всякіе люди учнутъ биться кулачки въ Китаѣ, и въ Бѣломъ Каменномъ городѣ, и въ Земляномъ городѣ, и тѣхъ людей имать и приводить въ Земской Приказъ и чинить наказаніе" [5]).

Къ отмѣченнымъ бытовымъ чертамъ изъ этого интереснаго памятника можно было бы присоединить ихъ еще двѣ-три, но желающихъ съ ними познакомиться отсылаемъ къ самому памятнику и къ предварительнымъ замѣчаніямъ проф. Павлова.

Н. Волковъ.

---

[1]) О «бѣсовской кобылкѣ» часто говоритъ А. Фаминцынъ въ недавнемъ своемъ изслѣдованіи: «Скоморохи на Руси», Спб. 1889, стр. 86, 87, 90, 164, 182, 183, 185.

[2]) Въ архангельскомъ говорѣ существуетъ слово туръ въ значеніи столбъ печной. Сравни туры, употреблявшіеся для военныхъ цѣлей: туры прикатиша и приметъ приметаша около всего города (подъ 1375 годомъ, лѣтопись Авраамка, изд. Арх. Ком. Спб. 1889, стр. 100).

[3]) Ивановъ, опис. гос. арх. стар. дѣлъ, 296 и сл. См. вышеук. соч. Фаминцына, стр. 185 и сл.

[4]) Акты историч. изд. Археограф. ком. III; № 92 X, стр. 96; Фаминцынъ, 182.

[5]) Акты историч. изд. Археогр. ком., III, № 92 XXXII, стр. 108. См. Фаминцынъ, стр. 192.

Digitized by Google

Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не спростѣ и не спуста слово молвится и дӧ вѣку не сломится. С.-Пб. 1890. Изданіе А. С. Суворина.

Русскій языкъ, какъ едва ли не всѣ другіе языки, имѣетъ значительное количество пословицъ, поговорокъ и такихъ фразъ и словъ, собственное значеніе которыхъ для насъ уже не понятно и которыя нами употребляются или только въ переносномъ значеніи, или даже безъ всякаго значенія. Г. Максимовъ поставилъ задачею объяснить первоначальный смыслъ небольшаго ряда подобныхъ — какъ онъ выражается — „крылатыхъ словъ", воспользовавшись для этого данными археологіи и филологіи. Но ему едва ли удалось выполненіе этой задачи.

Вообще книга поражаетъ нѣкоторою легкостью отношеній автора къ дѣлу. Онъ увлекся фельетонною формою изложенія и наполнилъ книгу разнаго рода анекдотами, историческими разсказами, описаніями, иногда интересными, но рѣдко имѣющими прямое отношеніе къ „крылатымъ словамъ" и еще рѣже уясняющими ихъ первоначальное значеніе.

Затѣмъ нельзя не пожалѣть о недостаткѣ въ книгѣ археологическихъ и филологическихъ свѣдѣній. Г. Максимовъ при составленіи своего труда повидимому не потрудился заглянуть въ какія-либо книги (кромѣ словаря Даля), и разсказалъ объ историческихъ событіяхъ по памяти, довольно слабой. Отсюда у него такіе разсказы, которыхъ нѣтъ ни въ одной лѣтописи, такія подробности, которыя не были записаны до сихъ поръ никѣмъ. Между прочимъ мы у него читаемъ слѣдующую фразу, позволяющую намъ не выписывать другихъ подобныхъ: „Мамаево побоище... ввергло всю Русь въ продолжительное рабство и оскорбительную зависимость отъ дикихъ ордъ" (стр. 323). Но повидимому и прежде автору не приходилось читать очень многаго и изъ старыхъ памятниковъ, и изъ новѣйшихъ изслѣдованій. Такъ, ему остались неизвѣстны важныя для него литературныя произведенія древней Руси въ родѣ сказанія о 12 пятницахъ, повѣсти о Шемякиномъ судѣ, житія Иларіона Суздальскаго (послѣднее едва ли не объясняетъ происхожденіе поговорки: у чорта на куличкахъ); онъ остался не знакомъ съ полезною для него статьею акад. Веселовскаго о пятницѣ (хотя на нее ссылается, очень неудачно, стр. 94). Даже русская народная поэзія оказалась ему такъ мало знакома, что онъ не обнаружилъ свѣдѣній о пѣснѣ: „Бей въ доску, поминай въ Москву" (которая поется, между прочимъ, въ „Бѣдность не порокъ", Островскаго), а о Чурилѣ Пленковичѣ нашелъ возможнымъ сказать, что онъ не помнилъ ни отца, ни матери (стр. 270). Свѣдѣнія автора по старому языку такъ слабы, что ему неизвѣстно даже употребленіе слова мѣста въ значеніи: время (сравни современное съ часъ мѣста, еще въ словарѣ Даля).

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не назвать мысль г. Максимова — дать историческое объясненіе „крылатымъ словамъ" — прекрасною и позволяемъ себѣ пожелать, чтобы вслѣдъ за этимъ авторомъ явился болѣе филологически подготовленный изслѣдователь, который бы занялся этимъ дѣломъ и представилъ серьезное изслѣдованіе, подобное нѣмецкимъ изслѣдованіямъ Борхардта и Фишера.

А. С—скій.

Miklosich, Franz. Die Darstellung im slavischen Volksepos. Wien 1890 («Denkschriften der kais. Akademie d. Wissenschaften in Wien». Band XXXVIII).

Брошюра вѣнскаго слависта посвящена вопросу: въ чемъ заключается различіе между эпосомъ естественнымъ, народнымъ и эпосомъ искусственнымъ, личнымъ? Авторъ отвѣчаетъ: различіе двухъ эпосовъ имѣетъ своею причиною различіе въ представленіи у народа съ одной стороны и у отдѣльныхъ поэтовъ съ другой, выражающемся въ стилѣ. Затѣмъ у автора указывается, что народный эпосъ любитъ подолгу останавливаться на болѣе или менѣе неважныхъ подробностяхъ событій, охотно повторяетъ

Digitized by Google

одни и тѣ же слова или ставитъ рядомъ слова-синонимы, часто употребляетъ постоянные эпитеты и сравненія. Наконецъ Миклошичъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ изъ эпическихъ пѣсенъ сербскихъ, болгарскихъ, русскихъ и чешскихъ, занимающій бо̀льшую часть брошюры.

Такимъ образомъ, по Миклошичу, различіе эпосовъ сводится къ различію въ представленіи. Причины различія въ представленіи не выясняются вѣнскимъ славистомъ; онъ ихъ даже совсѣмъ не касается. Между тѣмъ именно объ нихъ и стоило бы поговорить.

А. С—скій.

„Мелюзина“ (Mélusine), періодическій сборникъ миѳологіи, народной литературы, преданій и обычаевъ, основанный въ 1877 г. г-ами Гэдозомъ (H. Gaidoz) и Ролланомъ (E. Rolland), съ 1887 г. редактируемый г. Гэдозомъ (Paris, libr. E. Rolland, 2 rue des Chantiers). Шесть ежегодныхъ выпусковъ въ 4-ку, 12 стр.; цѣна 12 фр. 50 сант.—Томъ V, выпуски 1—4.

Отчетъ о первыхъ выпускахъ названнаго сборника (1877—1878 г.) былъ своевременно сдѣланъ А. Н. Веселовскимъ въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., ч. CLXXXIX, январь, 151—156; ч. CXCV, январь, 155—166. Послѣ шестилѣтняго промежутка (1878—1884) сталъ выходить отдѣльными выпусками второй томъ „Мелюзины“ (1884—1885); непосредственно за симъ вышли третій (1886—1887) и четвертый томы, (1888—1889). Въ текущемъ году печатается пятый томъ, который закончится въ 1891 году. Точка зрѣнія редактора журнала, г-на Гэдоза, была изложена на страницахъ нашего изданія (см. Живая Старина, вып. I, „Отъ редактора“, стр. XLII—XLV [1]), программа же осталась прежняя, разсмотрѣнная А. Н. Веселовскимъ въ выше указанныхъ статьяхъ. „Мелюзина“ является по преимуществу сборникомъ матеріаловъ и изслѣдованій, исключающимъ статьи журнальнаго характера (ср. замѣчаніе Гэдоза: „la „Mélusine“ n'est pas une revue de littérature, mais de recherche, V, c. 81). Предполагая отмѣчать, по мѣрѣ выхода, наиболѣе важныя статьи „Мелюзины“, мы укажемъ здѣсь общее содержаніе первыхъ четырехъ выпусковъ нынѣ печатаемаго пятаго тома [2]), группируя статьи по сюжетамъ тѣхъ преданій и обычаевъ, которыя разсмотрѣны отдѣльно, за симъ—по общему содержанію статей, когда предложены сводныя обозрѣнія. Нѣкоторыя рецензіи, заслуживающія особаго вниманія или по важности труда, о которомъ предлагается отчетъ, или по оригинальности соображеній, высказываемыхъ рецензентомъ по поводу какой-нибудь книги, будутъ тоже нами отмѣчены.

А. Обозрѣнія и изслѣдованія.

Индійскія народныя сказки и преданія V, 1—12, (A. Barth); ср. т. IV, 553—561 (того же автора).

Колдованіе (la fascination) V, 16—23, 41—45, 54—64, 87—93 (J. Tuchmann); г. Тушманнъ предпринялъ обширное изслѣдованіе о колдованіи, или чарахъ, и о чародѣяхъ у разныхъ народовъ въ разныя историческія эпохи. Изслѣдованіе это печатается въ „Мелюзинѣ“ съ 1884 года (т. II, 169 слл.) почти непрерывно

---

[1]) Ср. М., т. V, 32—36. Отчетъ Гэдоза о статьѣ Вейнгольда въ Zts. für Vergleich. Völkerpsychologie, XX, № 1, оговоренной въ томъ же выпускѣ Ж. Ст., стр. XLI—XLII.

[2]) Приложенное къ концу каждаго изъ напечатанныхъ томовъ оглавленіе, распредѣленное по отдѣламъ (миѳологія; суевѣрія; народное врачеваніе; народная астрономія; народныя представленія о правѣ и т. п.), даетъ возможность безъ труда найти справки о томъ или другомъ вопросѣ, въ прежнихъ изданіяхъ «Мелюзины». По этому излишне начинать обзоръ съ 1884 года. Мы приводимъ ссылки на прежніе выпуски лишь въ томъ случаѣ, когда данная статья, помѣщенная въ 1890 году, является дополненіемъ къ прежнимъ работамъ.

Digitized by Google

по настоящее время. Обиліе матерьяловъ, собранныхъ г. Тушманномъ, придаетъ особую цѣнность его труду, какъ справочной книгѣ; только по окончаніи его, будетъ умѣстнымъ дать общій отчетъ объ этомъ изслѣдованіи.

Народная этимологія и фольклоръ. (Подъ этимъ заглавіемъ предпринятъ рядъ изслѣдованій и замѣтокъ о вліяніи такъ называемой „народной этимологіи" (т. е. истолкованія значенія слова по случайному созвучію съ какимъ-нибудь конкретнымъ значеніемъ, напр. С.-Петербургъ—Питеръ—питёра (кутила), на ходячія повѣрія. Серія начата Кр. Нюропомъ (Kr. Nyrop, M., IV, 505—507) и продолжена г. Гэдозомъ (ibid., 507—524, V, 12—15, 69, 84—85), который приводитъ цѣлый рядъ любопытныхъ свѣдѣній о разныхъ вымышленныхъ святыхъ, возникшихъ какъ-бы по недоразумѣнію. Быть можетъ, не слѣдовало бы смѣшивать съ „народнымъ производствомъ" шуточныя обозначенія, какъ „день святой Получки" (la sainte Touche), празднуемый будто-бы того числа, когда выдается жалованье, и т. п., гдѣ имя святого или святой явно измышлено въ шутку. Впрочемъ, г. Гэдозъ даетъ имъ общее обозначеніе— «les saints pour rire». Отмѣтимъ любопытный случай народной этимологіи выраженія, весьма популярнаго и у насъ: „отдаться въ объятія Морфея" (т. е. лечь спать), выраженія, которое у Французовъ перешло въ: dans les bras de l'orfèvre (золотыхъ дѣлъ мастера), у Ирландцевъ: „in Murphy's arms" (Murphy - собственное имя, весьма распространенное у Ирландцевъ).

Народныя сказки въ классическомъ мірѣ (V, 81—82). Г. Гэдозъ въ этой статьѣ начинаетъ серію параллелей сказочнымъ сюжетамъ, извѣстнымъ въ разныхъ европейскихъ литературахъ, въ произведеніяхъ классической древности. Авторъ надѣется этими указаніями содѣйствовать будущему „Словарю сказокъ", составленіе котораго было бы чрезвычайно желательнымъ предпріятіемъ.

Бретонскія народныя пѣсни (Ernault, Ch. pop. de la Basse-Bretagne, V, 83—84; ср. т. III, 77, 82 (E. Rolland); 161 (H. Gaidoz); 162 (E. Rolland); 184, 208, 260, 327, 350 (Ernault); 393 (Luzel); 421, 477, 570 (Ernault); т. IV, 299 (H. Gaidoz); 329, 357, 379, 404, 425, 452 (Ernault); 461 Luzel), 472, 501 (Ernault). Въ настоящемъ выпускѣ приводится пѣсня „о трехъ кумушкахъ, которыя напились" (ср. Jeanroy въ Revue des patois romans, II, № 1) текстъ изданъ съ музыкой и съ французскимъ переводомъ).

Б. Легендарные мотивы:

Два дерева, которыя сплелись, V, 2, с. 39—41 (Jean Karlowicz); ср. т. IV, 60 (J. Psychari), с. 61, 85, 142 (H. Gaidoz).

Ребенокъ, говорящій до рожденья, V, 2, с. 36 (O. Colson); ср. т. IV, 228 (H. Gaidoz), 272 (Israël Lévi), 274 (A. Barth), 277 (Karlowicz), 297 (H. Gaidoz), 323 (Isr. Lévi), 405, 447 (H. Gaidoz).

Нужно наносить лишь одинъ ударъ, V, 2, с. 37—38 (R. Koehler) дополненія къ параллелямъ Либрехта (Zur Volkskunde, 333) сербской сказки (ср. Архивъ Славянской Филологіи Ягича, Arch. f. Slav. Phil., I, 1876, 281).

В. Обычаи:

Побратимство, V, 2, с. 36 (H. Gaidoz); ср. т. III, 402—404 (H. Gaidoz), 573—574 (R. Basset), 574 (H. Gaidoz); т. IV, 118 (R. Basset), 260 (H. Gaidoz), 306 (Kr. Nyrop), 330 (H. Gaidoz).

Г. Замѣтки и рецензіи на слѣдующія книги:

Джакобсъ. Исторія басенъ Эзопа [1]) (M. I. Jacobs, The Fables of Aesop, as first printed by William Caxton in 1884, with those of Avian,

[1]) Авторъ, предпринявъ настоящее изслѣдованіе, выражаетъ удивленіе по поводу равнодушія спеціалистовъ по классической филологіи къ историко-литературнымъ задачамъ.

Alfonso and Poggio. Vol I, History of the Aesopic Fable, London, 1889). Г. Бартъ (V, 11—12), отмѣчая достоинства книги, ставитъ автору въ упрекъ чрезмѣрное увлеченіе Буддизмомъ и особенно древностью буддійскихъ книгъ; гипотезу Джакобса, отожествляющаго Лидійца Kybises съ буддою Kâçуара, считаетъ бездоказательной. Г. Гэдозъ (V, 69—70), также отзываясь съ похвалой о книгѣ, указываетъ въ ней пробѣлъ по вопросу о вліяніи египетскихъ басенъ.

Рошеръ, Словарь греческой и римской миѳологіи (W. H. Roscher, Ausführliches Lexicon der Griechischen und Roemischen Mythologie, mit zahlreichen Abbildungen, 1885—1889; изданіе, котораго вышло уже 15 выпусковъ, еще не закончено). Г. Гэдозъ (М., III, 25—26) указываетъ неполноту Словаря, въ которомъ отведено мѣсто лишь личнымъ богамъ и богинямъ; предметы вѣрованій, обряды и повѣрія исключены. Къ статьѣ г. Денекена о культѣ героевъ въ древности г. Гэдозъ (М., V, 24) приводитъ дополнительную замѣтку на основаніи одного мѣста у Цицерона (De nat. deorum, III, 19), изъ котораго явствуетъ, что Греки не признавали героевъ богами.

Гастонъ Парисъ.—Народныя пѣсни въ Пьемонтѣ (G. Paris, Les Chants populaires du Piémont: отдѣльный оттискъ изъ Journ. des Savants, 1889, sept.—nov.). Г. Локэнъ (Loquin V, 73—81) отмѣчаетъ съ полной справедливостью особое значеніе брошюры Г. Париса, написанной по поводу труда г. Нигры [1]). Г. Парисъ считаетъ современныя народныя лирическія пѣсни въ Пьемонтѣ и ихъ параллели во Франціи и Каталоніи не старше XVI-го вѣка; далѣе онъ выдвигаетъ гипотезу, что родина „лирико-эпическихъ“ пѣсенъ вообще романскихъ народностей, находится въ сѣверной Франціи, откуда онѣ распространились по разнымъ направленіямъ, послуживъ импульсомъ къ болѣе или менѣе самостоятельнымъ обработкамъ въ сосѣднихъ романскихъ странахъ. Устанавливая значеніе слова „народный“ по отношенію къ литературѣ, Г. Парисъ замѣчаетъ, что не слѣдовало бы толковать народныя пѣсни въ смыслѣ безличныхъ произведеній, созданныхъ простымъ народомъ: „крестьянская среда лишь сохранила ихъ, но не создала“. Во многомъ этотъ тезисъ справедливъ, но едва-ли не слишкомъ категорично формулированъ, если подъ творчествомъ разумѣть не только изобрѣтеніе сюжетовъ, но и претвореніе ихъ сообразно условіямъ быта, міросозерцанію и складу жизни. Собирательное творчество не исключаетъ личнаго почина въ дѣлѣ, но указываетъ дальнѣйшіе процессы въ обработкѣ литературнаго произведенія, возможные только при участіи многихъ.

Ѳ. Б.

Bibliografia litewska od roku 1547 do 1701 r. przedstawił Maurycy Stankiewicz. Kraków. 1889. Литовская библіографія съ 1547 по 1701 годъ представилъ Маурикій Станкевичъ. Краковъ. 1889. 8° XVI и 74 стр.

Для исторіи литовской литературы эта маленькая книжка представляетъ весьма интересный матеріалъ. Она содержитъ краткое предисловіе, далѣе идетъ обозрѣніе источниковъ, которыми пользовался авторъ, списокъ литовскихъ книгъ въ хронологическомъ порядкѣ и алфавитный указатель именъ и предметовъ. Въ предисловіи жалуется авторъ на скудость матеріаловъ для исторіи литовской письменности. „До сихъ поръ, говоритъ авторъ, не имѣемъ сочиненія, которое хотя бы въ грубыхъ чертахъ представляло литовскую литературу. Ниже приводимый рядъ источниковъ, непосредственно или отчасти касающихся этого предмета, очень скудные заключаютъ въ себѣ мате-

---

[1]) Canti popolari del Piemonte, publicati da Costantino Nigra, Torino. 1888. Отмѣтимъ кстати интересную рецензію на эту книгу г. Jeanroy въ Историческомъ Журналѣ по Итал. литер. (Giornale storico della litteratura Italiana, 1889, VII, XIII, 33—39, стр. 384—391). Оспаривая нѣкоторыя изъ положеній Нигра, г. Жанруа высказываетъ соображенія методологическаго характера по изученію народныхъ пѣсенъ, которыя заслуживаютъ вниманія.

Digitized by Google

ріалы, за исключеніемъ цѣнныхъ сочиненій: Остермейера, Резы, Карловича и Э. А. Вольтера, не находимъ ни одного труда, посвященнаго исключительно литовской письменности. Разбросанныя тамъ и сямъ указанія либо о литовской книгѣ, либо о ея авторѣ сообщаютъ только вскользь. Если цитируется гдѣ либо заглавіе литовской книги или хотя одно литовское слово, то всегда такъ ужасно исковеркано, что съ трудомъ догадаешься смысла. Пользоваться такими источниками почти невозможно, а при провѣркѣ ошибокъ много затрудненій, такъ какъ пріобрѣсти какое либо литовское изданіе нынчѣ очень трудно:—всякая литовская книга, новая или старая, пріобрѣтается, какъ рѣдкость. Наши библіотеки мало или ничего литовскаго не имѣютъ и мало объ этомъ заботятся. Между тѣмъ литовская литература имѣетъ свою исторію. Съ 1547 года, съ появленія первой литовской книги, число изданій, сколько намъ извѣстно, больше тысячи. Это число, сравнительно съ другими литературами, конечно незначительно, но принимая во вниманіе различныя обстоятельства, всегда неблагопріятныя развитію литовскаго издательства, все же что либо да значитъ, и должно заслуживать вниманія". Въ обзорѣ источниковъ для литовской письменности не числятся довольно значительные изъ таковыхъ; такъ видно автору были не извѣстны, напр: „Krause A. Lithauen und dessen Bewohner. Königsberg. 1834". Eichhof G. F. Histoire de la langue et de litter. de Slaves, Russes et Lettons. Paris. 1839. „Glogau, Litauen und Litauer. Tilsit 1869, Нѣсколько словъ о жмудскихъ книгахъ. Вильна. 1865 и т. д. Списокъ литовскихъ книгъ составленъ авторомъ съ особымъ прилежаніемъ, такъ что въ списокъ внесены книги не литовскія, но содержащія лишь нѣсколько строкъ на литовскомъ языкѣ, какъ напр. на стр. 41. Латинское соч. „Carmen litvanicum sive alanicum Benedicti Pietrowitz. Roma, 1638" заключаетъ въ себѣ 6 стиховъ на литовскомъ языкѣ. На стр. 43 такое же соч. „Ver Lukisckanum ad Serenissimarum Maiestatum praesentiam efflorescens, publicae felicitatis... Soc. Jesu etc etc. 1648 г." заключаетъ лишь два стиха на литовскомъ языкѣ. Но пропущены въ этомъ спискѣ литовскія изданія, кромѣ трехъ изданій прусскаго катехизиса, три манифеста Георга Фридриха Маркграфа Бранденбургскаго на литовскомъ языкѣ, два 1578 и одинъ 1589 г., которые были перепечатаны Беценбергеромъ и Веберомъ въ „Altpreuss. Monatschr. 1871 и 1872 г. и проповѣди Ширвида: „Kazanie na wszystkie niedziele całego roku przez K. Szyrwida po polsku i litewsku. Wilno. 1639". Указана Јохеромъ „Obraz bibliograficzny. № 4457" и Карловичемъ въ соч. о O języku litewskim. 1874." Списокъ литовскихъ книгъ отличается тѣмъ, что кромѣ полнаго заглавія литовскихъ книгъ, указываетъ, какимъ шрифтомъ печатана книга, кто былъ составитель или переводчикъ книги и приводитъ тексты изъ литовскихъ книгъ, которыя могъ имѣть авторъ подъ рукою.

Б—съ.

Darmestetter, James. Chants populaires des Afghans recueillis par—Paris 1888—1890. pp. CCXVIII+296+228 in 8o (Société Asiatique. Collection d'ouvrages orientaux. Seconde série).

Книга г. Дарместеттера представляетъ намъ совершенно новый и чрезвычайно богатый матерьялъ; мы не будемъ касаться грамматической ея части, а обратимся исключительно къ литературной—образцамъ афганской народной поэзіи. Авторъ провелъ весну и лѣто 1886 г. на англо-афганской границѣ, и къ этой именно мѣстности и относится большинство собранныхъ имъ образцовъ, нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ, повидимому, пользуются популярностью и въ другихъ мѣстахъ Афганистана (см. стр. CCIV). Сильное индійское вліяніе сказывается во всѣхъ почти приводимыхъ въ книгѣ пѣсняхъ и легендахъ, что вполнѣ объясняется съ одной стороны мѣстностью, а съ другой тѣмъ, что авторы этихъ легендъ и пѣсенъ по большей части обафганившіеся Индусы (стр. CXLIII); въ

Digitized by Google

этомъ отношеніи весьма важны были бы для полнаго пониманія афганской народной поэзіи образцы изъ другихъ частей Афганистана. Любопытный образчикъ довольно стариннаго индійскаго вліянія представленъ на стр. CLXXIV—CLXXV: Когда Бабуръ въ началѣ XVI столѣтія въ своихъ походахъ столкнулся съ Афганцами, то, послѣ выигранной битвы, къ нему привели плѣнныхъ съ травою въ зубахъ—они этимъ какъ бы хотѣли сказать, что они его коровы; тоже повторялось позже и въ войнѣ съ Сикками. Г. Дарместеттеръ прибавляетъ: la formule (je suis ton boeuf) semble d'origine indienne и ссылается на книгу Темпля.—The legends of the Penjab. Формула эта дѣйствительно индійская и къ тому же очень старая, такъ какъ еще въ старинномъ санскритскомъ сборникѣ законовъ Гаутамы мы находимъ гдѣ постановленіе, въ числѣ лицъ, которыхъ не дозволено трогать въ битвѣ, поименованы назвавшія себя коровами или брахманами [1]).

Особое вниманіе обращено собирателемъ на пѣсни историческія; онѣ касаются періода отъ 1828 — 1881 годъ, а одна относится даже ко временамъ знаменитаго побѣдителя при Панипатѣ Ахмед-шаха. Всѣ онѣ въ высшей степени характерныя: война, рѣзня, убійство, измѣна, казни—кровь и кровь на каждомъ шагу и глубокая ненависть къ невѣрнымъ. Большинство этихъ пѣсенъ замѣчательно по силѣ и красотѣ выраженія. Какъ любопытное дополненіе къ этимъ пѣснямъ, г. Дарместеттеръ сообщаетъ одну персидскую пѣсню, написанную во время послѣдней, такъ называемой кабульской кампаніи 1879—1880 года и помѣщенной съ англійскимъ переводомъ въ одной англо-индійской газетѣ подъ нѣсколько страннымъ заглавіемъ Afghan nursery song (Афганская колыбельная пѣснь): въ ней говорится про положеніе дѣлъ въ Афганистанѣ и есть припѣвъ въ каждомъ стихѣ: „Приди дитя, поѣшь винограду"; послѣднее англійскій издатель и переводчикъ принялъ въ буквальномъ смыслѣ и не понялъ, по справедливому замѣчанію г. Дарместеттера, что дитя пѣсни англійскій главнокомандующій, котораго кормилица собирается угостить свинцовыми ягодами.

Изъ пѣсенъ духовнаго содержанія особенно красивы три размышленія о смерти (№№ 33, 34, 35), проникнутыя глубокимъ презрѣніемъ къ суетамъ міра и полнымъ спокойствіемъ передъ лицемъ смерти. Къ тому же разряду пѣсенъ духовныхъ отнесена и версія извѣстной мусульманской легенды о раѣ Шеддада. Услышавъ о Божьемъ раѣ Шеддадъ поклялся, что устроитъ на землѣ еще лучшій, приказалъ выбрать подходящее мѣсто и устроить тамъ рай. Когда рай былъ готовъ, онъ съ войсками своими пошелъ туда, но Богъ наказалъ его: буря уничтожила Шеддада и его войско, и никто не видалъ этого рая, кромѣ одного человѣка, который во времена халифа Моавіи попалъ туда случайно; но этотъ человѣкъ, отправившись въ рай Шеддада съ войскомъ, по порученію Моавіи, уже не воротился. Афганская версія очень краткая, повидимому не даетъ никакихъ новыхъ подробностей. Изъ легендъ первая (№ 44) относится къ Александру Великому, при чемъ его ближайшимъ совѣтникомъ является знаменитый мудрецъ Локманъ. Авторъ даетъ три версіи, которыя доставятъ вѣроятно интересный матерьялъ занимающимся легендою Александра на Востокѣ [2]). Въ третьей версіи отмѣтимъ два мотива: Царь, у котораго застряла кость въ горлѣ, излѣчивается черезъ мнимое убіеніе его сына — царь огорченный предполагаемою смертью сына глубоко вздыхаетъ и кость выпадаетъ (довольно обыкновенный сказочный мотивъ). 2. При свиданіи долго разлученныхъ матери и сына, молоко приливаетъ къ грудямъ матери (въ данномъ случаѣ это предотвращаетъ кровосмѣшеніе); не знаю общъ ли этотъ мотивъ многимъ народамъ, но изъ Индійской литературы я могу привести нѣсколько параллелей: въ буддійскомъ сборникѣ легендъ Avadânaçataka VIII, 8. (Ms.); въ сборникѣ разска-

---

[1]) Çrîgautamadharmaçâstram the institutes of Gautama ed. A. F. Stenzler. London 1876. X. 18.

[2]) Укажемъ здѣсь на послѣднюю работу о романѣ Александра на Востокѣ: Nöldeke. Th. Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans. Wien 1890 (Denkschr. W. Ak. Ph. H. Cl. XXXVIII. V.). Для легенды Локмана. Toy C. H. The Lokman legend. Journ. Amer. Orient. Soc. XIII. pp. CLXXII—CLXXVII и Basset. R. Loqmân Berbère, avec quatre glossaires et une étude sur la légende de Loqmân. Paris. 1890 (Этой книги я еще не имѣлъ въ рукахъ).

Digitized by Google

зовъ о царѣ Çâlivâhana — Çâlivâhanakathâ (Ms. India office Library. XVI. fol. 52 r): Kathâ sarit-sâgara 110. 109; Vikramodaya (сборникъ разсказовъ о царѣ Vikramâditya Ms). гл. IX Тутъ тоже предотвращается кровосмѣшеніе. Jülg. Mongolische Märchen. Innsbruck 1868. стр. 89. (Арджи Бурджи—основанъ на индійскомъ сборникѣ Simhâsanadvâtriçikâ — 32 разсказа фигуръ на тронѣ царя Vikramâditya).

Въ № 45, излагающемъ несчастную исторію двухъ любовниковъ, встрѣчаемъ довольно обычный мотивъ: два дерева съ сплетшимися вѣтвями выростаютъ на могилѣ влюбленныхъ, тѣла которыхъ, погребенныя въ разныхъ мѣстахъ, чудесно соединились. № 46 факиръ и царевна. Какъ указываетъ самъ г. Дарместеттеръ, это версія знаменитой персидской повѣсти о любви Ферхада зодчаго и жены Хозроя Парвиза Ширинъ. Въ прозаической версіи, приводимой въ нашей книгѣ вслѣдъ за стихотворной, встрѣчаемъ извѣстный мотивъ попытки вычерпать море чашею. № 47. О Фатхъ-ханѣ, въ прозаической версіи, извѣстный въ индійскихъ сказкахъ мотивъ простреливанія своевольнымъ царевичемъ кружекъ у дѣвушекъ, идущихъ за водою. Г. Дарместеттеръ приводитъ параллель только изъ пенджабской легенды о Расâлу.

Въ сборникѣ находится еще рядъ любовныхъ и бытовыхъ пѣсень, пословицъ, загадокъ.

Кое-что помѣщенное въ разобранной книгѣ было уже изложено авторомъ въ интересной и живой статьѣ Afghan Life in Afghan Songs. (Contemp. Rev. 1887. October. стр. 453—76.), а хорошіе комментаріи общаго характера можно найти въ его же книгѣ Lettres sur l'Inde Paris. 1887. Книгѣ г. Дарместеттера, окончательно и прочно введшей афганскій языкъ въ иранскую группу, принадлежитъ безспорно одно изъ выдающихся мѣстъ среди оживившагося за послѣднее время изученія иранскихъ языковъ.

С. О.

Geiger W. Das Yâtkâr-i Zarîrân und sein Verhältnis zum Šâh—nâme. Отд. оттискъ изъ Sitz. Philos-philol. und hist. Classe Bayer. Ak. Wiss. 1890. Bd. II. Heft. I. pp. 43—84.

Персидскій эпосъ, несмотря на значительный интересъ, который онъ представляетъ для изученія, до сихъ поръ почти не нашелъ себѣ изслѣдователей—все наше знакомство съ нимъ основывается на скудныхъ данныхъ каталоговъ рукописей, немногихъ журнальныхъ статьяхъ и на предисловіи Моля къ его изданію „Книги Царей“ Фирдуси. Тѣмъ пріятнѣе появленіе работы д-ра Гейгера, которая для одного эпизода, по крайней мѣрѣ, даетъ намъ возможность хоть отчасти вникнуть въ запутанную исторію персидскаго эпоса—д-ръ Гейгеръ даетъ намъ переводъ (съ выдержками изъ пехлевійскаго текста) разсказа о битвѣ между царемъ Ирана Виштаспомъ и царемъ Хьаоновъ Арджаспомъ, во время которой былъ убитъ иранскій богатырь Зарирь; переводъ снабженъ многочисленными примѣчаніями; въ концѣ брошюры разобранъ вопросъ объ отношеніи пехлевійскаго текста къ Книгѣ Царей: авторъ приходитъ къ тому убѣжденію, что переведенный имъ текстъ не составляетъ прямого источника Шах-намэ и можетъ быть даже не очень древенъ, но восходитъ онъ къ древнему тексту, многія черты котораго и сохранилъ. Этотъ-то древній текстъ принадлежитъ, вмѣстѣ со многими другими, къ числу источниковъ нынѣ, по видимому, утерянной, пехлевійской книги царей (Ходай-намакъ).

Эта книга въ свою очередь, какъ извѣстно, одинъ изъ главныхъ источниковъ Книги Царей Фирдуси.

Д-ръ Гейгеръ работаетъ теперь надъ Шах-намэ, а г. Зотенбергъ приготовляетъ къ печати текстъ и переводъ стараго эпическаго произведенія Гершаспъ-намэ и, по видимому, дастъ намъ подробныя указанія относительно другихъ персидскихъ эпическихъ

Digitized by Google

текстовъ. Тогда получится твердая основа для изученія персидскаго эпоса и съ привлеченіемъ пехлевійскихъ, арабскихъ, армянскихъ и др. источниковъ, мы можемъ ожидать уже исторію персидскаго эпоса. Пока надо только пожелать, чтобы д-ръ Гейгеръ поскорѣе опять порадовалъ насъ такою-же интересною и прекрасною работою изъ той-же повидимому весьма интересной рукописи пехлевійскаго Шах-намака.

С. О.

Das Ausland. Wochenschrift für Erd-und Völkerkunde, 1890 г.

Въ этомъ году, начиная съ № 14, журналъ сталъ издаваться Карломъ фонъ-денъ-Штейненъ и, какъ намъ кажется, измѣнился къ лучшему. Статьи стали замѣтно серьезнѣе и перестали такъ пестрѣть общими, ничего не выражающими, но красивыми фразами. Уже одно то указываетъ на большую серьезность постановки дѣла, что съ этого времени въ статьяхъ начали появляться примѣчанія, съ указаніемъ на матеріалы, что̀ прежде случалось очень рѣдко.

Долго было-бы излагать содержаніе всѣхъ статей, большихъ и малыхъ, а потому ограничимся указаніемъ только на наиболѣе, на нашъ взглядъ, интересныя.

Не станемъ упоминать рецензій и библіографическихъ замѣтокъ. Между ними довольно часто попадаются статьи о Россіи, написанныя по русскимъ источникамъ, статьи, которыя насъ могутъ интересовать только точкою зрѣнія автора. Но и между ними попадаются статьи, интересныя своимъ сравнительнымъ матеріаломъ. Такова, напр., статья Германа Обста: „Къ демографіи Европейской Россіи“ (стр. 848 слл.), гдѣ излагаются результаты статистическихъ изслѣдованій прироста народонаселенія Россіи сравнительно съ Западно-европейскими государствами. Далѣе интересна статья Ауриха: „Этнологическая классификація племенъ Кавказа. По русскимъ источникамъ“ (стр. 704 слл.). Она даетъ перечисленіе всѣхъ народовъ Кавказа съ указаніемъ ихъ мѣста жительства, числа, а иногда и краткой исторіи. Къ сожалѣнію, авторъ указываетъ одинъ только источникъ (Матеріалы къ изученію экономическаго положенія государственныхъ крестьянъ), а потому невозможно сказать съ увѣренностью, насколько надежны его цифры. Оказывается, что Русскіе (1.925.000) на Кавказѣ составляютъ почти $^1/_3$ общаго его населенія, между тѣмъ какъ самыя многочисленныя изъ другихъ народностей едва достигаютъ численности половины русскаго населенія.

Такъ Адербайджанскіе Татары насчитываютъ 877 т., Грузины—755, Армяне 750. Отъ 300—100 тыс. насчитываютъ Чеченцы, Мингрельцы, Аварцы, Осетины, Черкесы, Куринцы, Татары; отъ 90—70 т.—Даргинцы Таты, Ногайцы, Кумыки, Турки, Курды; отъ 50—10 т.—Греки, Талышинцены, Абхазцы, Евреи, Лаки, Карапапахи, Нѣмцы, Карачаевцы, Трухмены, Табосаранцы, Эсты, Кабардинцы, Сванеты, Персы, Удины и и Калмыки; менѣе 10 т.—Туркмены (9), Лазы (2), Молдаване,, Цыгане, Литовцы, Чехи и др. славянскія народности.

Далѣе упомянемъ рядъ статей Guido Cora о Цыганахъ (№№ 31—34 и 36). Статьи эти написаны по поводу книги Adriano Colocci (Gli Zingari, storia d'un popolo errante), въ которой заключается много новыхъ свѣдѣній о Цыганахъ; но авторъ имѣетъ въ виду также и остальную литературу этого вопроса. Онъ излагаетъ происхожденіе Цыганъ, ихъ появленіе и распространеніе въ Европѣ, ихъ моральный характеръ, музыку, пѣніе, поэзію, танцы, языкъ, нравы и обычаи. Въ концѣ прибавленіе: географическое распредѣленіе и статистическое обозрѣніе Цыганъ.—Статья Генриха Шурца „Фергунка“ (301 слл.) имѣетъ въ виду доказать справедливость Гриммовскаго сопоставленія этого древняго имени Рудныхъ горъ съ славянскимъ именемъ Перунъ (Перкунъ). Авторъ приводитъ нѣсколько географическихъ именъ, въ которыхъ онъ видитъ свидѣтельства большого распространенія здѣсь культа Перуна.—Двѣ статьи Фридриха Краусса (329 слл. и 410 слл.) „Духи—мучители у южныхъ Славянъ“ излагаютъ вѣрованія въ мору и вукодлака и приводятъ нѣсколько сказаній объ этихъ суще-

Digitized by Google

ствахъ, способы заговоровъ противъ нихъ и одинъ образчикъ заговора противъ моры.— Статья Поста „Японское семейное право“ (стр. 448 слл.) интересна въ томъ отношеніи, что указываетъ на существованіе у Японцевъ того, что у насъ сохранилось только въ остаткахъ, изъ которыхъ ученые возстановляютъ картину первобытной жизни семьи.—Интересны также статьи Адріана Якобсена, излагающія сказанія жителей Сѣверо-Западной Америки (стр. 352 слл. 421 слл.)., Тутъ между прочимъ мы встрѣчаемъ представленіе бога грома въ видѣ существа съ крыльями: отъ движенія его бровей происходитъ молнія, а отъ движенія крыльевъ громъ. Родъ человѣческій произошелъ отъ ворона, взявшаго себѣ въ жены женщину, найденную имъ въ раковинѣ на морскомъ берегу. Огонь добытъ благочестивой и скромной старухой изъ хвоста ворона, являющагося благодѣтелемъ человѣческаго рода и напоминающаго нѣсколько сказочную Жаръ-птицу, изъ хвоста которой Иванушка-дурачекъ выдергиваетъ свѣтящееся перо.— Интересна также статья того же Якобсена „Камни, какъ амулеты у дикихъ и цивилизованныхъ народовъ“ (стр. 534 слл.). Къ статьѣ приложены рисунки такихъ камней, собранныхъ авторомъ у различныхъ народовъ. Онъ находитъ много общаго въ вѣрованіяхъ дикарей и живущей еще и теперь у насъ среди простого народа вѣры въ цѣлебную силу „громовыхъ стрѣлъ“ (Donnerkeil) у насъ въ Россіи и въ Германіи.— Изъ прочихъ статей упомянемъ, какъ имѣющія общій интересъ, статьи Пауля Рейхарда „Жесты и мины Негровъ“ (№№ 20, 21, 22), написанныя очень живо, и статьи Густава Банкалари „Розысканія о нѣмецкомъ домѣ“ съ иллюстраціями (№№ 24, 25, 27)

Д. К—ій.

Fr. Krauss, Dr. Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven. **(Münster, 1890).**

Фридрихъ Крауссъ уже много лѣтъ работаетъ въ области народовѣдѣнія. Особенно близко ему знакомы Южные Славяне. Цѣлый рядъ сочиненій его о ихъ повѣрьяхъ и обычаяхъ ясно свидѣтельствуетъ, что онъ знакомъ съ ними не по книгамъ только, но и изъ непосредственныхъ наблюденій. Особенно богатъ лично собраннымъ матеріаломъ новѣйшій трудъ Краусса „О народныхъ вѣрованіяхъ и религіозныхъ обычаяхъ Южныхъ Славянъ“, входящій въ серію издаваемыхъ въ Мюнстерѣ „Очерковъ по исторіи нехристіанскихъ религій“. Не задаваясь цѣлью найти первоисточникъ религіозныхъ вѣрованій Южныхъ Славянъ, прослѣдить ихъ аналогію у другихъ народовъ, наконецъ подвергнуть анализу самые факты, авторъ скромно довольствуется обстоятельнымъ, описательнымъ изложеніемъ остатковъ нехристіанскихъ и немусульманскихъ вѣрованій Южныхъ Славянъ. Онъ говоритъ о значеніи въ народной поэзіи солнца, луны и звѣздъ, о сказаніяхъ объ обитателяхъ луны, вѣрованіяхъ, соединенныхъ съ фазисами луны (I гл.), о вѣрѣ народа въ судьбу (II гл.), о душѣ деревьевъ и болѣзняхъ, приписываемыхъ дѣйствію особенныхъ духовъ (Krankheitsgeister, III гл.), о чумѣ и морѣ (IV гл.), о вилахъ (V гл.), вѣдьмахъ (VI гл.), карликахъ и великанахъ (VII гл.), о могильныхъ фетишахъ (VIII гл.), наконецъ о жертвоприношеніяхъ и предсказаніяхъ по нимъ (IX гл.). Къ сочиненію приложенъ весьма удобный для справокъ указатель. Богатство содержанія очевидно уже изъ самаго краткаго перечня главъ. Основная точка зрѣнія, предпочитающая изложеніе фактовъ туманнымъ миѳологическимъ разсужденіямъ объ особенно глубокой мысли, лежащей въ этихъ фактахъ, строго выдержана. Можетъ быть, не всѣ согласятся съ фольклористическимъ направленіемъ Краусса, который, въ ущербъ народной особенности, возводитъ все къ общечеловѣческому, всенародному воззрѣнію. Сочиненіе, во всякомъ случаѣ, отъ этого направленія не страдаетъ, ибо при основательныхъ знаніяхъ и безпристрастіи авторъ отличается также своимъ здравомысліемъ. Поэтому присоединимся къ пожеланію самого автора, чтобы его книга нашла дружелюбный пріемъ въ обществѣ и послужила къ увеличенію пока малочисленныхъ, особенно у насъ, Славянъ, изслѣдователей народной жизни и мысли.

А. Л.

Digitized by Google

Легенда о св. Алексѣ въ сирійской и славянорусской редакціяхъ его житія.

(La Légende Syriaque de Saint Alexis l'Homme de Dieu, par Arthur Amiaux. Paris. 1889).

Изученіе знаменитой въ средневѣковыхъ церковно-народныхъ литературахъ легенды о св. Алексѣ, Человѣкѣ Божіемъ, обогатилось въ послѣдніе два-три года нѣсколькими цѣнными работами, представившими въ общемъ богатый матеріалъ для всесторонняго возстановленія ея сложной и въ высшей степени интересной литературной исторіи. Такъ въ 1887 году вышло второе изданіе извѣстной книги G. Paris, содержащей французскіе стихотворные тексты этой легенды, изданіе, впрочемъ, безъ всякихъ перемѣнъ [1],—въ слѣдующемъ затѣмъ году появилась работа P. Müller'a, посвященная разсмотрѣнію ея драматическихъ версій [2], и на русскомъ—сообщеніе г. Владимірова о бѣлорусскихъ и польскихъ текстахъ легенды (въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.", въ 1887 г. и потомъ отдѣльно), а на дняхъ появилась книжка Kötting'a о старофранцузскихъ въ связи съ англійскими и нѣмецкими,—послѣднія уже были разсмотрѣны, кромѣ Массмана,—Жоре [3],—стихотворныхъ версіяхъ и обработкахъ этой легенды [4]. Но самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для изученія легенды о св. Алексѣ является изданіе сирійскаго текста его житія, съ французскимъ переводомъ, Артура Аміо, вышедшее въ концѣ прошлаго года,—книга, заглавіе которой мы привели въ началѣ нашей статьи. Изданію текстовъ въ этой книгѣ предпослано предисловіе, въ которомъ Аміо пробуетъ доискаться начала легенды, отправляясь отъ ея сирійскихъ текстовъ, а затѣмъ въ связи съ ними изложить и ея исторію, въ послѣдовательномъ развитіи и переходѣ легенды съ Востока на Западъ. Аміо знаетъ и о существованіи нашихъ славяно-русскихъ текстовъ, по работѣ Дашкова (въ „Бесѣд. въ Общ. любит. рос. словесн." 1868 г., вып. 2 отд. I, стр. 20—52); но самыхъ этихъ текстовъ онъ не видалъ, а потому не могъ и воспользоваться ими, между тѣмъ они представляютъ въ данномъ случаѣ большое значеніе, особенно потому, что первичная и древнѣйшая, греческая редакція легенды считается пока утраченной, тогда какъ есть основаніе полагать, что она сохранилась и имѣется на лицо въ славяно-русскихъ переводахъ. Кромѣ того, сличеніе сирійской редакціи житія св. Алексѣя съ славяно-русскими, въ сохранившихся спискахъ послѣднихъ отъ XII до XVII в., открываетъ возможность съ точностью опредѣлить древнѣйшую изъ нихъ и ближайшую къ предполагаемому греческому оригиналу, съ котораго были сдѣланы какъ славянскій, такъ и сирійскій переводы легенды. Это обстоятельство сообщаетъ изданію Аміо нѣкоторый особый интересъ.

О существованіи сирійскаго житія св. Алексѣя извѣстно было еще болландистамъ, въ XVIII в., при изданіи іюльскихъ томовъ „Acta Sanctorum". Іезуитъ Пиній (Iohannus Pinius), помѣстившій въ одномъ изъ этихъ томовъ (tom. IV) первое по времени изслѣдованіе этого житія, имѣлъ точныя свѣдѣнія отъ знаменитаго оріенталиста Ассемани о подлинномъ сирійскомъ житіи, но оставилъ ихъ безъ вниманія, издавъ лишь, въ латинскомъ переводѣ, позднѣйшую сирійско-арабскую версію, которой онъ также не придавалъ особеннаго значенія. Въ вопросѣ о происхожденіи легенды Пиній былъ того

---

[1] Gaston Paris et L. Pannier. La vie de S. Alexis. Poème de XI siècle et renouvellements des XII, XIII et XIV siècles. Paris. 1887.

[2] P. Müller, Studien über drei dramatische Bearbeitung der Alexiuslegende. Berlin. 1888.

[3] C. Joret, La légende de S. Alexis en Allemagne. Paris. 1871.

[4] Studien über altfranz. Bearbeitung der Alexiuslegende mit Berüksichtigung deutsch. und englisch. Alexiuslieder, von G. Kötting. Trier. 1890.

Digitized by Google

мнѣнія, что ближайшимъ источникомъ для нея, въ ея различныхъ редакціяхъ, греческихъ и латинскихъ, послужилъ извѣстный церковный канонъ св. Алексѣю, составленный въ IX в. Іосифомъ Пѣснописцемъ, хотя, казалось-бы, самое уже существованіе канона, представляющаго рядъ лиро-эпическихъ гимновъ, естественно, должно было наводить на мысль о существованіи и особаго житія, изъ котораго пѣснописецъ вѣроятнѣе всего и бралъ житійный матеріалъ для своихъ пѣснопѣній. Позднѣйшіе изслѣдователи, въ томъ числѣ Массманъ (S. Alexius Leben, Quedl. u. Lpz. 1834), Дашковъ (въ указан. сочин.) и арх. Сергій,[1] не прибавили отъ себя ровно ничего къ мнѣнію Пинія, такъ какъ вопросомъ о началѣ легенды они и не занимались,—арх. Сергій въ своей „Агіологіи“ лишь замѣчаетъ, что „вообще жизнь этого святаго требуетъ и достойна изслѣдованія безпристрастнаго“ („Мѣсяц. Востока“, т. II, часть 2, стр. 82). Только недавно Gaston Paris въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Romania“ (tom. VIII, 1879 г.), пользуясь арабско-сирійскимъ житіемъ св. Алексѣя, въ латинскомъ переводѣ болландистовъ, усмотрѣлъ въ этомъ именно житіи первоисточникъ легенды, а затѣмъ указалъ пути и средства, при которыхъ должно было проходить ея развитіе на почвѣ византійской и западно-европейской. Но тѣмъ не менѣе нуженъ былъ подлинный, оригинальный текстъ сирійской легенды, значительно пострадавшей, какъ можно было предполагать, въ арабскомъ переводѣ, подлинный текстъ для того, чтобы дѣйствительно за нимъ признать силу и значеніе первоисточника, равно какъ съ бóльшей опредѣленностію отвѣчать и на вопросы, связанные съ его судьбою. Амiò въ названномъ изданіи выполнилъ эту работу. Въ его распоряженіи находилось восемь списковъ сирійской легенды, изъ которыхъ три восходятъ къ V—VI вѣку, другіе къ IX и позднѣе,—по этимъ спискамъ онъ и сдѣлалъ свое изданіе.

И вотъ оказывается, что сирійская легенда, въ своемъ цѣльномъ видѣ, состоитъ изъ двухъ, внѣшнимъ образомъ только связанныхъ между собою легендъ или, точнѣе, изъ двухъ частей одной и той-же легенды, изъ которыхъ первая несомнѣнно—древнѣйшая, сохранившаяся въ спискахъ V—VI в., содержитъ настоящее и подлинное житіе святаго, вторая же позднѣйшее легендарное добавленіе къ нему, извѣстное по греческимъ и латинскимъ редакціямъ. При этомъ, древнѣйшее или, такъ сказать, мѣстное Едесское житіе св. Алексѣя совсѣмъ не походитъ на то, что сообщается объ этомъ святомъ въ греко-латинскихъ легендахъ, а на основаніи ихъ и въ духовныхъ стихахъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ (наши русскіе духовные стихи объ этомъ святомъ см. въ сборникахъ Безсонова и Варенцова). Въ Едесскомъ житіи св. Алексѣй не называется даже по имени: онъ просто „Человѣкъ Божій“, по родуплемени „изъ города Рима“, единственный и давно желанный сынъ знатныхъ и богатыхъ родителей-Римлянъ, которые также не называются по имени. О всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни, на которыхъ въ подробностяхъ останавливаются позднѣйшія легенды и духовные стихи—о воспитаніи и книжномъ ученіи, о сватовствѣ и женитьбѣ, о бѣгствѣ изъ Рима, о прибытіи въ Едессу, о его набожной, святой жизни при храмѣ, и пр.,—здѣсь разсказывается кратко, съ полной естественностію и незамысловатостію обыкновенной подлинной исторіи, безъ всякихъ прикрасъ и безъ внесенія чудеснаго или какого-либо легендарнаго элемента. Единственное обстоятельство, приводимое житіемъ и напоминающее собою обычные житійные разсказы, это—чудесное извѣщеніе о часѣ его смерти церковнаго прислужника или парамонаря, бывшаго его другомъ и, по смерти, будто бы описавшаго его житіе (по греко-латинскимъ легендамъ его житіе было описано имъ самимъ на хартіи, которую нашли въ его рукѣ, когда онъ былъ уже мертвъ). О самомъ существенномъ событіи его жизни, передаваемомъ греко-римскими легендами—о возвращеніи святаго въ Римъ и о пребываніи его въ домѣ отца, невѣдомо для послѣдняго, о его смерти здѣсь и о послѣдовавшихъ чудесныхъ явленіяхъ,—въ древнѣйшемъ сирійскомъ текстѣ (V—VI в.) ничего не говорится: святой, по этому житію, умираетъ въ Едессѣ и похороненъ въ усыпальницѣ или на кладбищѣ для чужестранцевъ. Лица, выведенныя въ этомъ житіи, мѣстныя бытовыя черты, словомъ, вся внѣшняя обстановка, также не заключаютъ ничего легендарнаго; напротивъ, указываютъ на то, что житіе написано современникомъ-очевидцемъ или же со словъ

Digitized by Google

тица, близко знавшаго святаго, и написано вскорѣ послѣ его кончины.—Принимая все это во вниманіе, Амiо пробуетъ даже установить опредѣленную дату, когда было составлено первоначальное Едесское житіе: онъ полагаетъ, что оно составлено между 450—475 г., въ одномъ изъ сирійскихъ монастырей близъ Едессы (кончину святаго агіологи относятъ къ 411—417 г.,—см. Сергія, указ. сочин., стр. 82,—Филарета, Житія святыхъ, мартъ, стр. 108 изд. 1875 г.). Тѣмъ не менѣе, не смотря на несомнѣнную историческую достовѣрность сообщаемаго въ первой (древнѣйшей) части Едесской легенды, въ ней есть подробность, послужившая, въ дальнѣйшемъ, зерномъ, изъ котораго, вѣроятно, развилась уже настоящая легенда, образовавшая, между прочимъ, его вторую часть въ сирійскихъ редакціяхъ, а въ греческихъ и латинскихъ—особый общеизвѣстный видъ житія этого святаго. А именно, въ концѣ первой части сирійской легенды сообщается, что епископъ города Едессы, Равула,—личность вполнѣ историческая,—узнавъ о подвижнической жизни святаго, послѣ его кончины и когда онъ былъ уже похороненъ, нашелъ достойнымъ воздать ему подобающія посмертныя почести, а потому въ торжественной процессіи отправился къ мѣсту его погребенія, но открыли гробницу, въ которой онъ былъ положенъ, и въ ней ничего не оказалось—найдены были однѣ тряпки, въ которыя было завернуто тѣло его „Всѣ были изумлены и поражены этимъ явленіемъ",—читаемъ въ текстѣ легенды,—„епископъ же, придя въ себя, сказалъ: „помолимся"! помолился, заплакалъ и сказалъ: „да поможетъ мнѣ Господь ни о чемъ съ этого времени не прилежать столько въ моихъ заботахъ, какъ о призрѣніи и помощи чужестранцамъ, ибо кто знаетъ, сколько между ними такихъ, какъ этотъ святой, смиреніемъ стяжавшій высокая, великихъ въ очахъ Божіихъ, но сокрытыхъ отъ людей, невѣдомыхъ ими, по причинѣ ихъ смиренія"... Затѣмъ, разсказавши о необыкновенно широкой благотворительной дѣятельности епископа Равулы въ отношеніяхъ ко всѣмъ нуждающимся, особенно же къ „страннымъ", авторъ заключаетъ свой разсказъ словами: „Такъ-то именно блаженный Равула подвигнутъ былъ и довелъ до высокой степени свою любовь—попечительную заботливость о чужестранцахъ"... Такимъ образомъ, Едесская легенда древнѣйшей редакціи констатируетъ фактъ, что тѣло святаго исчезло изъ его гробницы, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понять, что это было чудо, происшедшее по устроенію Божію и послужившее ко благу Едессы и „другихъ сосѣднихъ городовъ, даже отдаленныхъ странъ", говорится въ легендѣ, которыхъ коснулась благотворительная дѣятельность епископа Равулы. Разъясненію этого чуда, „ненахожденія тѣла святаго въ гробницѣ" и посвящена вторая—по времени—поздняя часть Едесской легенды, авторъ которой, точнѣе, вѣроятно—переводчикъ и компиляторъ—самъ указываетъ свой источникъ—„римское житіе святаго". Онъ говоритъ: „мы разсказали исторію Человѣка Божія, со словъ церковнаго служителя—парамонаря, бывшаго другомъ святаго, но д о л г о е в р е м я с п у с т я п о с л ѣ э т о г о, до насъ дошла исторія этого блаженнаго человѣка, написанная въ его отечественномъ городѣ Римѣ"... „Написавшіе эту исторію, люди достойные вѣры, продолжаетъ онъ, ничего не знали о его смерти въ Едессѣ, можетъ быть, потому, что „и самъ святой ничего не зналъ объ обстоятельствахъ своей смерти въ Едессѣ" (ибо съ нимъ совершилось чудо), а едесскій разсказъ (древнѣйшее едесское житіе, указанное выше) имъ былъ неизвѣстенъ,—все, что сообщаютъ они въ своей исторіи, стало извѣстно имъ изъ свитка, найденнаго въ рукѣ святаго послѣ его смерти въ Римѣ"... Авторъ поясняетъ далѣе, что „можетъ быть", какъ говоритъ онъ, Господь удостоилъ святаго, по его желанію и по молитвамъ родителей, великой милости—быть чудесно перенесеннымъ (послѣ смерти, очевидно) въ ихъ родительскій домъ, воскресить его, дозволить жить и умереть подлѣ нихъ. Вслѣдъ за этимъ онъ приводитъ и самый разсказъ „римской исторіи" о жизни св. Алексѣя, сходный съ латинской редакціей его житія, по изданію болландистовъ и Массмана (въ указ. соч., стр. 167 и сл.), т. е. съ той именно редакціей, которая послужила прототипомъ для всѣхъ западныхъ книжныхъ и народно-поэтическихъ версій легенды о св. Алексѣѣ. Вопросъ, слѣдовательно, ставится объ этой редакціи, которую авторъ-компиляторъ второй части едесской легенды самъ называетъ прямо „римской" по своему происхожденію: дѣйствительно ли она первоначально появилась въ Римѣ и на латинскомъ языкѣ, а

Digitized by Google

потомъ уже переведена на греческій и сирійскій, или, можетъ быть, подъ Римомъ, въ данномъ случаѣ, нужно разумѣть „новый Римъ“—Византію, Константинополь?.. Но, прежде всего, возможность латинскаго именно первоисточника легенды устраняется тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что „до конца X вѣка память и почитаніе св. Алексѣя на Западѣ было совсѣмъ неизвѣстно“, что „свѣдѣнія объ немъ были принесены сюда съ Востока въ X вѣкѣ, между тѣмъ одна изъ сирійскихъ рукописей, сохранившихъ сію римскую легенду, несомнѣнно относится къ IX вѣку“. Кромѣ того, имѣя близкое сходство съ однимъ изъ трехъ извѣстныхъ латинскихъ списковъ римской легенды, сирійскій текстъ однако-же содержитъ и нѣкоторыя значительныя отступленія отъ него, допускающія возможность предполагать для обоихъ особый первичный текстъ—оригиналъ. Такимъ оригиналомъ могъ быть только греко-византійскій, въ чемъ и дѣйствительно невозможно сомнѣваться даже при одномъ лишь разсмотрѣніи языка различныхъ текстовъ. На греческомъ житіе св. Алексѣя извѣстно въ четырехъ различныхъ варіантахъ—по канону Іосифа Пѣснописца IX в., по Метафрасту, по Мюнхенской рук. у Массмана и по списку въ сборникѣ житій святыхъ монаха Агапія, составленному также на основаніи Метафраста. Но при сличеніи сирійскаго текста римской легенды, оказывается, что ни съ однимъ изъ этихъ списковъ она не имѣетъ буквальнаго сходства, напротивъ, во многомъ совершенно отличается отъ нихъ. Считая несомнѣнно доказаннымъ, что оригиналъ легенды все-таки былъ греко-византійскій, остается допустить, что этотъ оригиналъ потерянъ или, покрайней мѣрѣ, пока не найденъ, что̀ и допускаетъ Аміò... Не могутъ-ли однако же пособить въ этомъ случаѣ наши именно старо-славянскіе списки, прямое отношеніе которыхъ къ греческимъ уже внѣ всякаго сомнѣнія? Я попробовалъ сличить сирійскій текстъ римской легенды, въ переводѣ Аміò, съ славянскимъ по разнымъ спискамъ отъ XII по XV в. и къ удивленію нашелъ, что сирійскій текстъ и нашъ славянскій, напр., въ изданіи Срезневскаго и въ другихъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ, буквально, слово въ слово одно и то же, за самыми незначительными разностями, характерными исключительно для славянскаго перевода. Такъ, напр., начало римской легенды въ Сирійскомъ читается: „Когда Человѣкъ Божій увидѣлъ, что сталъ онъ извѣстенъ всѣмъ въ Едессѣ, то бѣжалъ изъ этого города и пришелъ въ Лаодикію, и тамъ, найдя корабль, который отправлялся въ Тарсъ, взошелъ на него, говоря: отправимся въ Тарсъ, въ храмъ св. Павла, тамъ меня никто не будетъ знать“. И поѣхалъ онъ на караблѣ, но корабль, гонимый бурнымъ вѣтромъ, занесенъ былъ въ отечество блаженнаго, въ Римъ“ и пр. Въ славянскомъ текстѣ это передается такими словами: „Видѣвъ же человѣкъ, яко и ту (въ Едессѣ) познаша его вьси, отбѣже отъ града того и пришедъ въ Лодикію влѣзе въ корабль и въсхотѣ ити въ Тарсъ, да не познають его тамо. Волею же Божіей прогнанъ бысть корабль вѣтромъ бурнымъ и приде въ Римъ“... Сходство текстовъ очевидное, такъ что нельзя сомнѣваться, что переводъ сдѣланъ съ одного и того-же оригинала, причемъ сирійскій содержитъ только часть римской легенды (о пребываніи св. Алексѣя въ домѣ отца по возвращеніи его изъ Едессы въ Римъ), нашъ же славяно-русскій всю цѣликомъ. Что касается затѣмъ незначительныхъ разностей между славянскимъ и сирійскимъ текстами, въ родѣ той, которая есть и въ приведенномъ отрывкѣ (упоминаніе о церкви св. Павла въ Тарсѣ, опущенное въ славянскомъ переводѣ), то, во первыхъ, ихъ вообще весьма не много, а во вторыхъ, разности эти должны быть отнесены частію на счетъ различныхъ греческихъ списковъ этой легенды, частію конечно и на счетъ славянскихъ, которые съ этой стороны остаются еще необслѣдованными. Во всякомъ случаѣ, при существованіи сирійскаго перевода IX вѣка, нашъ славянскій переводъ, буквально сходный съ нимъ, подтверждаетъ предположеніе о греко-византійскомъ происхожденіи римской легенды св. Алексѣя (переведенной на латинскій уже послѣ IX в.) и, за неимѣніемъ пока греческаго подлинника, долженъ считаться самой древнѣйшей редакціей, замѣняющей тотъ именно греческій текстъ, который послужилъ оригиналомъ для всѣхъ другихъ греческихъ и латинскихъ версій легенды, причемъ, въ свою очередь, латинская редакція болландистовъ (l. c., Jul. IV, 251—253; Massmann, pag. 167—171) гораздо ближе къ славянскому тексту, чѣмъ даже текстъ Метафраста, и вѣроятно по-

Digitized by Google

тому, что послѣдній представляетъ компиляцію съ того же самаго греческаго подлинника, но съ добавленіями и измѣненіями, какъ и вообще составлялъ свои житія Метафрастъ. Покойный И. И. Срезневскій, въ замѣткахъ о славянскомъ житіи св. Алексѣя, говоритъ, что существуетъ и греческій текстъ этого, житія и даже приводитъ изъ него начальныя слова: „Ἐγένετο ἀνὴρ ἐν τῇ πόλει“, но больше никакихъ свѣдѣній не сообщаетъ, и какой собственно подлинный текстъ онъ имѣлъ въ виду — неизвѣстно (см. его „Изв. и Замѣтки о малоизв. и неизв. памятн.“, XXXI)...

Признавая греко-византійское происхожденіе римской легенды св. Алексѣя, составляющей вторую часть въ его сирійскомъ житіи, Аміо полагаетъ, что она возникла на основаніи устныхъ разсказовъ о святомъ, доходившихъ изъ Сиріи въ Византію, и, кромѣ того, находитъ, что въ нее вошли подробности изъ сходнаго житія другаго святаго— Іоанна Кущника. Но это уже гипотезы, которыя требуютъ особаго спеціальнаго разбора, тѣмъ болѣе, что мнѣніе о смѣшеніи житій св. Алексѣя и Іоанна Кущника не ново и разъ уже было подвергнуто серьезнымъ опроверженіямъ со стороны названнаго выше іезуита Пинія. Для изученія литературной исторіи данной легенды въ средніе вѣка и въ памятникахъ народнаго творчества такое или иное рѣшеніе этого вопроса не можетъ имѣть особеннаго значенія...

Ал. Пономаревъ.

Narodne pesni Koroških Slovencev. Zbral in na svetlo dal. J. Scheinigg c. k. Gymn. prof. v Celovci. Ljubljana 1889.—стр. VII + 468

Не позже другихъ Славянъ обратили и Словѣнцы вниманіе на памятники народной словесности. Уже въ к. XVIII в. собиралъ народныя пѣсни Дизма Закотникъ (ср. Mihael Žolgar: Slovensko narodno pesništvo въ программѣ гимназіи въ Цельи въ Штиріи, на г. 1873) и лучшіе словѣнскіе писатели нашего столѣтія занимались записываньемъ народныхъ пѣсенъ: Валентинъ Водникъ и даровитый поэтъ— Францъ Прешернъ, усердный иллирскій дѣятель и поэтъ Станко Вразъ и мн. др. Впрочемъ Станко Вразъ едва-ли не одинъ хорошо собиралъ и издавалъ пѣсни, да и онъ успѣлъ издать одну лишь книжку въ 1839 г. Остальной имъ собранный матеріалъ попалъ въ архивъ Словѣнской матицы въ Люблинѣ, гдѣ ждетъ до сихъ поръ свѣдущаго и искуснаго издателя. Другіе собиратели отдали свой матеріалъ для изданія польскому выходцу Эмилю Корыткѣ—онъ издалъ только 1 выпускъ, по смерти его изданы еще 4 выпуска, 1839—44,—и отчасти печатали его въ разныхъ временныхъ изданіяхъ и журналахъ. Не хочу вдаваться въ подробное библіографическое обозрѣніе всего, что и гдѣ до сихъ поръ собрано и издано—отчасти это сдѣлалъ г. Ивацевичъ въ своей книгѣ „Собраніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ Славянъ“. Въ новѣйшее время появлялись пѣсни въ журналѣ „Ljubljanski zvon“, въ прекратившемся уже журналѣ „Kres'a“ въ лѣтописяхъ Словѣнской матицы.

Если очень мало изслѣдовано народное творчество Словѣнцевъ вообще, то все таки больше всего мы знаемъ о штирійскихъ и краинскихъ Словѣнцахъ, о хорутанскихъ почти ничего. И у Ст. Враза было напечатано лишь нѣсколько хорутанскихъ пѣсенъ. Нѣмецкіе изслѣдователи Хорутаніи касались почти исключительно нѣмецкаго населенія—ср. Franz Francisci: Culturtudien Volksleben, Sitten und Bräuche in Kärnten. Wien. 1879, Rudolf Weizer: Cultur-und Lebensbilder aus Kärnten. Klagenfurt. 1882, Michel Knittl: Cultur und Landschaftsbilder aus Steiermark und Kärnten—Klagenfurt. 1889, ср. статью E. Herrmann'a Ueber Lieder und Bräuche bei Hochzeiten in Kärnten въ Archiv'ѣ für Anthropologie 1890, стр. 157 сл.—О словѣнскомъ населеніи они говорятъ мимоходомъ. Въ послѣднее время въ журн. „Kres“ выходившемъ въ Цѣловцѣ (Клагенфуртѣ) явились обширныя изслѣдованія г. Шейнига о хорутанскихъ Словѣнцахъ.

Digitized by Google

Янезъ Шейнигъ напечаталъ въ „Kres'ѣ (въ I и II т.) прекрасное изслѣдованіе о такъ называемомъ рожанскѣ говорѣ, говорѣ — рожанской долины (Rosenthal). Очень интересенъ этотъ говоръ своею фонетикою и съ точки зрѣнія общей лингвистики; съ главною особенностью этого говора авторъ познакомилъ публику не читающую по словѣнски, въ статьѣ „Die Assimilation im Rosenthaler Dialekt“ (въ программѣ гимназіи въ Цѣловцѣ—Klagenfurt. 1882.) Оба другіе хорутанскіе говора, юнскій и зильскій, почти еще не изслѣдованы. Рожанскій говоръ отличается отъ другихъ хорутанскихъ говоровъ ассимиляціею гласныхъ, которую находимъ еще въ другихъ западныхъ говорахъ словѣнскихъ, въ средней Горицѣ, и особенно въ говорахъ резьянскихъ. Словѣнскіе говоры подъ громаднымъ вліяніемъ сосѣднихъ языковъ, нѣмецкаго и итальянскаго, приняли большое число чужихъ словъ: нѣмецкихъ и на югѣ итальянскихъ. Уже у первыхъ словѣнскихъ писателей во времена реформаціи, у Трубера, Далматина и др. встрѣчаемъ множество германизмовъ. Это вліяніе, особенно нѣмецкаго языка, со временемъ еще усилилось. Въ литературномъ языкѣ словѣнскомъ нѣмецкихъ словъ не встрѣчаемъ; многія слова искуственнымъ образомъ введены изъ другихъ славянскихъ языковъ, другія—сочинены. Но въ настоящемъ говорѣ народа живутъ слова чужія, заимствованныя изъ нѣмецкаго языка, изъ сосѣднихъ нѣмецкихъ діалектовъ [1]). Особенно сильное вліяніе нѣмецкаго языка сказывается на хорутанскихъ говорахъ, не только въ отношеніи лексикальномъ, но и въ морфологическомъ. Благодаря этому нѣмецкому вліянію именно рожанскій говоръ представляетъ почти ту-же картину, которую мы видимъ въ извѣстныхъ памятникахъ остатковъ люнебургскихъ Славянъ прошлаго столѣтія. Такъ, напримѣръ, превосходная степень прилагательныхъ образуется помощью нѣмецкой приставки zu: c'dóbr, cliép, cueč, zu viel, c'žlāht zu schlecht; глаголы соединяются съ нѣмецкими предлогами: zu вм. do: cuestopьtь, cuelatötь, cuepustitь, cuenositь, weg-wö: wö'stopьtь, wö'vröčь, wö'vlitь, или нѣмецкіе предлоги буквально переводятся: aus предлогомъ vьn: vьnzröčь ausreden, vьnspoznátьse sich auskennen, vьuzmijátь se auslachen, auf предлогомъ horь: horjötь aufgehen, horvstátь aufstehen, horvstájönje aufertelung воскресеніе, horbórtatь aufwarten, vor предлогомъ pried: priedšribat verschreiben, priedvröč vorwerfen, priedpritь vorkommen.

Сколько славянскаго осталось еще въ этомъ говорѣ? Сколько нужно еще до полной германизаціи? Пѣсни хорутанскихъ Словѣнцевъ переполнены нѣмецкими словами: (стр. 142) Kedar bi moglo meglih biti, (150) bodi pekel zaprt, bodite nebesa ofen, (152) dohtar in padar (bader) oba sta hodiva, nobene rcnije (arzneien) nča nucajo se (nützen nichts), (167) braz priefa, braz pörja, braz tinte črné sem zašribov to döčvь v moje srce, (200) luštni le bodimo, če pride Francoz, vse deklete pobere, vseh lubic smo los, (252) ves frajd sem zgubiva do šocja mojgá, (259) sem že döle po svietu z žanstvam bekont, (259) Ko bi ti tvoje flaozne pustiti mohvá, (266) u fajnčofti kna smie živöti, (356) jaz že s purgarjam ne tavšam и мн. др. Есть и пѣсни на половину нѣмецкія, на половину словѣнскія: (№ 17 стр. 18) Das Dienal is aufstönden Je zgóda v cérker šva, Hót schön Ringel gfunden Na zelienam trávnči и т. д., маленькія пѣсенки въ четыре строки № 437, 573, и дѣтская (№ 669) Miza Tisch, Riba Fisch, Kaša Brein Pustime z miram, lass mi sein!

Нельзя однако умолчать, что германизмы, нѣмецкія слова встрѣчаются главнымъ образомъ въ лирическихъ четырехстрочныхъ пѣсняхъ, гораздо рѣже въ пѣсняхъ эпическихъ. Короткія четырехстрочныя пѣсни, нынѣ исключительно распѣваемыя, заимствованы отъ сосѣдняго южно-нѣмецкаго населенія.

Издатель настоящаго сборника въ своей статьѣ „O národnih pesnih Koroških Slovencev“ (Kres, V т., стр. 309 сл.) привелъ тому нѣсколько примѣровъ, хотя съ

---

[1]) О взаимныхъ отношеніяхъ нѣмецкаго и словѣнскаго населенія см. ст. Файта-Z pomezí slowinsko-německého. Zeměpisný Sbornik III, 1888. Здѣсь представленъ очень цѣнный статистическій матеріалъ.

Digitized by Google

другой стороны онъ готовъ допустить переходъ нѣкоторыхъ пѣсенъ опять къ нѣмецкимъ сосѣдямъ.

Г. Шейнигъ раздѣляетъ пѣсни хорутанскихъ Словѣнцевъ на два отдѣла: первый отдѣлъ старыхъ пѣсенъ эпическихъ, легендарныхъ, второй—короткихъ четырестрочныхъ пѣсенъ. Настоящій сборникъ раздѣленъ на три отдѣла: 1) пѣсни старыя: а) баллады и романсы, б) историческія пѣсни, в) обрядовыя пѣсни, г) легенды; 2) пѣсни любовныя, 3) пѣсни разнаго содержанія: дѣтскія, семейныя (которыя лучше бы было соединить со 2 отд.), солдатскія, о ремесленникахъ, шуточныя, круговыя и наконецъ—о смерти—дѣленіе не совсѣмъ удовлетворительное.

Въ свой сборникъ издатель принялъ и нѣкоторыя искусственныя пѣсни, несомнѣнно недавно сочиненныя, причемъ сообщилъ и имя автора, но есть и другія несомнѣнно не народныя, такъ напр. № 913: Slovenski smo fantje (молодцы) Pri Dravi doma, Slovenskega duha, Slovenskih srca и т. д. и подобныя ей (№ 914) кончающіяся строками: „Le bratje, na noge, Svoboda dani, Brez krepkih Slovanov, Nikoder je ni“.

Главный герой эпической поэзіи словѣнской—венгерскій король Матьяжъ (Матѳей). Онъ, по народнымъ преданьямъ, спитъ въ пещерѣ, и когда Словѣнцы будутъ близки къ гибели, явится къ нимъ на помощь (Slovenske nar. pravljice in pripovedke. Sbral Bogomil Krek № 20). Въ сборникахъ „Slovenske pésmi Krajnskiga naróda“ „Narodne pěsni ilirske“ Ст. Враза есть нѣсколько пѣсенъ объ этомъ національномъ героѣ словенскомъ—уже въ утраченномъ, вѣроятно, сборникѣ о. Дизмаса Закотника была пѣсня о королѣ Матяжѣ (сборникъ Ст. Враза, отд. X). И г. Шейнигъ издалъ эпическую пѣсню „Kralj Matjaž“, но она почти совсѣмъ сходна съ пѣснью, напечатанною во 2 вып. Slw. pes. Krajn. nar (стр. 42). — переведена на нѣмецкій языкъ Ан. Грюномъ въ Volkslieder aus Krain, 1850, (стр. 110),—менѣе со штирскою у Враза (16); интереснѣе кажется была другая пѣсня того же содержанія, но отъ нея сохранились только два отрывка. И пѣсни о королевичѣ Маркѣ занесены къ Словѣнцамъ, и вѣроятно также къ хорутанскимъ—въ настоящемъ сборникѣ напечатанъ двухстрочный отрывокъ. Изъ новой исторіи австрійской имперіи героемъ пѣсни сдѣлался генералъ Лаудонъ, вѣроятно, какъ побѣдитель Турокъ (1789)—пѣсня, сообщенная въ настоящемъ сборникѣ, совсѣмъ сходна со штирскою пѣснью въ сборникѣ Ст. Враза (стр. 30). Солдатскія, а не эпическія пѣсни, о популярномъ въ Австрійской арміи фельдмаршалѣ Радецкомъ—нельзя, строго говоря, считать историческими.

Въ отдѣлѣ „балладъ и романсовъ“ всего интереснѣе три пѣсни, принадлежащія къ группѣ пѣсенъ, названной Чайльдомъ The Elfin Knight (см. Wisła III, 259 сл.). Въ первой пѣснѣ (стр. 4) дѣвушка обѣщаетъ дать любезному золотой перстень, если онъ съ нею пойдетъ къ священнику. А затѣмъ они другъ другу представляютъ задачи; изъ соломы соткать полотно, изъ крапивы изготовить шелкъ, по шелковинѣ взлѣсть на небо, на небѣ сосчитать звѣзды, написать все на оборотъ, постлать на морѣ постель и т. д. Во второй пѣснѣ (стр. 76): Нежа (Агнезія) просила королевича, чтобы онъ ее защитилъ отъ чертей; королевичъ сѣлъ съ нею въ корабль на Дунаѣ, но пришелъ чертъ и потребовалъ Нежу. Королевичъ согласенъ ее отдать, если чертъ сосчитаетъ сколько капель въ морѣ, сколько песку въ морѣ, сколько деревъ въ мірѣ, сколько листьевъ въ мірѣ, сколько травы въ мірѣ и сколько звѣздъ на небѣ. Все чертъ сдѣлалъ, только звѣздъ сосчитать не смогъ; тогда растрескалась земля и чертъ пропалъ. Третью пѣснь съ заглавіемъ: „Modra deklica“ находимъ въ третьемъ отдѣлѣ, между пѣснями о „zakonu“, т. е. о бракѣ (стр. 306): почему не въ балладахъ? Содержаніе пѣсни такое: женихъ говоритъ невѣстѣ, что она будетъ его женою, когда липа зазеленѣетъ на Рождество; она обвила липу зеленымъ шелкомъ; далѣе говоритъ, когда вороны бѣлы будутъ, когда потечетъ вода вверхъ, когда въ пятокъ воскресеніе будетъ: во всемъ этомъ она жениха обманула, наконецъ подарила священнику tolar, и онъ объявилъ въ пятокъ воскресеніе. Стала-ли же наконецъ его женою, изъ пѣсни не видать.

„Баллады и романсы“ все почти любовныя, всѣ сплошь мало интересны: вѣрность или невѣрность жениха, любовника, или невѣсты—ихъ содержаніе. Интересенъ

Digitized by Google

развѣ еще одинъ фактъ, который болѣе еще отражается въ лирическихъ пѣсенкахъ, фактъ вѣтренности въ любовныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ безъ различія. Вслѣдствіе этой вѣтренности является прискорбное соціальное зло: въ Хорутаніи на 10,000 душъ только 54 брака! на 1,000 дѣтей 454 незаконнорожденныхъ! столько нѣтъ нигдѣ въ Европѣ, да мѣстами въ Хорутаніи даже 75% незаконорожденныхъ. Изъ „балладъ и романсовъ“ напомнимъ еще № 59 (стр. 70) похожій на пѣсню Kosarčik въ 3 вып. Slov. pes. Krajn. naroda стр. 35, (убитое дитя свидѣтельствуетъ противъ матери на свадьбѣ), № 62 (стр. 75) Vodni mož: отличный отъ пѣсни въ I вып. Slov. pes. Krajn. nar. стр. 79.

Въ отдѣлѣ III. „Obredne pesni“ напечатанныя колядки очень мало заключаютъ интереснаго, развѣ только въ одной „Kolednica o Jv. treh kraljih“ (стр. 104) строфа: „Na zvezdi kleči dete mlado, zlati križje v rokah držalo o Na križ je b'lo apisano Le sedem zlatih puhštabov“. Что значатъ эти семь буквъ, разъясняется въ слѣдующей строфѣ, но неудовлетворительно: „Da seje en (одинъ) kralj napvet rodil. da je en kralj črez vse kralje, Preljuli, usmiljeni Jezns“.—Пѣсня „Dežela (земля) Indija (стр. 144) это пѣсня о Schlaraffenland, про которую издатель настоящаго сборника въ своей статьѣ въ Kres'ѣ (V т.) написалъ, что она очень древняя, чуть-ли не миѳологическаго значенія — тоже попала въ „обрядовыя пѣсни“.

Интереснѣе IV отдѣлъ „Legende“. Въ нѣкоторыхъ разсказывается, какъ Марія встрѣтила людей шедшихъ въ Іерусалимъ снести для Іисуса „štriče“, „gajžle“, „krono“, сдѣлать „Križ“ и žreblje: Марія проситъ ихъ, чтобы этихъ орудій не дѣлать слишкомъ мучительными, но они отказываютъ, потому что Іисусъ имъ не родной и вообще у Маріи и Іисуса нѣтъ родныхъ. Въ другой легендѣ „Mornar“ (стр. 122) разсказывается, какъ св. семья во время бѣгства въ Египетъ пришла къ морю и просила перевощика, что бы онъ ихъ перевезъ даромъ: онъ отказалъ: тогда море разошлось и домъ перевощика сгорѣлъ.—Прекрасная легенда „Maria in ritica“: прилетѣла птица на башню церковную, запѣла про Марію и Іисуса. Марія вышла изъ алтаря и спросила птицу, сама-ли она пѣсню сочинила. Птица сказала, что эту пѣсню пѣла нѣкая рыба на морѣ. Пришла Марія къ морю, спросила рыбу. Рыба отвѣтила, что эту пѣсню пѣла ея мать, когда была въ колыбели, но она сильно кричала, и потому ее бросили въ море. Другой варіантъ разсказываетъ, что это сдѣлала злая мачиха, и Марія увела рыбу—падчерицу въ рай. Очень интересна пѣсня Tri kaplje Krvi Jezusove (стр. 133): На дорогѣ поле, на полѣ хижина, въ хижинѣ столъ—это все Іисусово, на столѣ «En kelih stoji, En kelih lep, zlat, Kije Jezusov brat“. Въ этой чашѣ три капли крови Іисусовой, первая пала на хлѣбное поле, вторая на виноградъ, третья на вѣрныя души. Въ другой пѣснѣ „Vinska trta“ (стр. 143) говорится про садъ огороженный золотыми кольями, заплетенный серебрянными вѣтвями, полный розъ; въ этомъ саду растутъ три розы красныя какъ кровь; первая роза — алая пшеница для просвиры, вторая роза виноградъ, третья роза Марія-Богородица. Въ пѣснѣ № 114 (стр. 146): Марія утромъ встала, пошла въ Іерусалимъ, гдѣ растутъ три розы; сорвала эти розы и, сохранила ихъ въ своемъ сердцѣ: первая роза — Богъ-Отецъ, вторая—Богъ-Сынъ, третья—Святой Духъ.

Пѣсни въ большинствѣ записаны народнымъ говоромъ, только пѣсни перваго отдѣла—эпическія записаны литературнымъ словѣнскимъ языкомъ. При каждой отмѣчено гдѣ, въ какой мѣстности записана. Изслѣдователю діалектовъ нельзя не пожалѣть, что при мѣстныхъ именахъ не показано точнѣе, гдѣ данныя мѣстности находятся, такъ какъ на картахъ мы имѣемъ обыкновенно нѣмецкія названія.

Прага. *Ю. Поливка.*

Digitized by Google

В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скиѳскомъ сѣверѣ. (Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philosophisch—historische Classe. CXVI. Band. Iahrgang 1888. S. 715—780: Wilhelm Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I. Ueber das Arimaspische Gedicht des Aristeas).

I. Объ Аримаспійской поэмѣ Аристея.

Не тропическая Индія, не Иранское плоскогорье, не страна, лежащая между рѣками Сыръ и Аму-Дарьей считается теперь мѣстомъ, гдѣ разъединились Индо-Европейцы: въ наше время, на основаніи данныхъ языка, его предлагаютъ искать въ сердцѣ Европы, всего вѣроятнѣе, думаетъ В. Томашекъ, въ обширной области рѣки, получившей у Ѳракійцевъ названіе Истра. Часть человѣчества развилась здѣсь до неолитическаго періода, отсюда же въ разныя времена вышли отдѣльные представители, различные по типу и по языку, и на своемъ пути подвергались новымъ перемѣнамъ. Такъ постепенно исчезъ палеолитическій человѣкъ въ Европѣ; въ его уничтоженіи принимали участіе и жители юга, Иберы, Лигуры (которымъ, пожалуй, можно приписать швейцарскія свайныя постройки) и Этруски. Въ своемъ изслѣдованіи Томашекъ занимается только тѣми членами индо-европейской семьи, которые направились на сѣверъ и на востокъ.

Палеолитическій человѣкъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Альпы и сѣверъ Европы были покрыты льдомъ, и какъ затѣмъ постепенно устанавливался умѣренный климатъ. Быть можетъ, краніологіи удастся современемъ рѣшить вопросъ, принадлежалъ ли этотъ палеолитическій человѣкъ къ одному изъ сѣвероафриканскихъ племенъ или къ предкамъ сибирскихъ инородцевъ, Коряковъ и Чукчей. На востокѣ Европы поселились Финны; на сѣверо-западѣ—Кельты, на сѣверѣ—Германцы. Литво-Летты и Славяне заняли срединное положеніе между ними.

«Языкъ арійскихъ племенъ Азіи указываетъ на ихъ стародавнее географическое сосѣдство съ Литво-Леттами, Славянами, Ѳракійцами и Греками. Съ низовьевъ Дуная арійскіе пастухи и землепашцы пробрались, очевидно, въ черноморскія степи и черноземную полосу. Они нашли лѣсное пространство занятымъ финскими охотничьими племенами, а склоны Кавказа до долины Маныча—многочисленными, густо сплоченными и воинственными первобытными жителями, дикость и отвага которыхъ мѣшали переходу черезъ Кавказскій горный хребетъ. Поэтому въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи впередъ они должны были направиться къ арало-каспійской степной области и странѣ двурѣчья; слава страны чудесъ Индіи влекла первыхъ переселенцевъ черезъ Гиндукушъ во всеобъемлющее лоно дравидскихъ народовъ, между тѣмъ какъ ихъ младшіе братья, какъ разъ на границѣ исторической жизни, овладѣли возвышенностью, которая простирается на западъ до Тигра и Аракса; здѣсь къ нимъ вскорѣ присоединились Армяне, самые передніе изъ Мизо-Фригійцевъ, двинувшихся отъ Гемуса къ Галису, чрезвычайно сильно смѣшанный съ малоазійскими первобытными жителями конгломератъ, которому съ этой поры суждено было подпасть иранскому вліянію".

Въ черноморскихъ степяхъ и въ области двурѣчья оставались, однако, всегда арійскія кочевыя племена, Саки, Массагеты, Сарматы и Сколоты. Родство сколотовъ (скиѳовъ) съ иранскими племенами не подлежитъ теперь сомнѣнію. Историческія воспоминанія ихъ восходили за тридцать поколѣній до похода Дарія въ Скиѳію, т. е. за 1500 приблизительно лѣтъ до Р. Хр. Они считали себя автохтонами.

Digitized by Google

Судоходство играло въ жизни древнихъ Арійцевъ второстепенную роль. Послѣ фригійскихъ племенъ, которыя рано достигли Пропонтиды и Эгейскаго побережья, первые ознакомились съ мореходствомъ Іонійцы и скоро вытѣснили своихъ соперниковъ, Карійцевъ, изъ всѣхъ бухтъ и гаваней. Первыя попытки Іонійцевъ завязать мѣновыя сношенія со Скиѳами надо отнести къ восьмому столѣтію. Уже въ Иліадѣ (XIII, 5—6) мы встрѣчаемъ „дивныхъ мужей Гиппомолговъ, бѣдныхъ, питавшихся только млекомъ, справедливѣйшихъ смертныхъ",—слова, указывающія на ихъ кроткіе нравы и склонность къ мѣновой торговлѣ. Торговый путь внутрь страны проложили Скиѳы, народъ воинственный, но доступный также мирнымъ занятіямъ торговлей. У Геродота мы находимъ и нѣкоторыя подробности о сношеніяхъ Грековъ со Скиѳами.

Предметы, найденные до сихъ поръ въ скиѳскихъ могилахъ, очень многочисленные, по формѣ и отдѣлкѣ носятъ смѣшанный характеръ; рядомъ съ произведеніями греческаго искусства четвертаго и третьяго вѣка находятся другія, прямо указывающія на ассирійскій и персидскій востокъ; совершенно варварскій вкусъ сказывается въ подвѣскахъ и побрякушкахъ. Встрѣчается много предметовъ, сдѣланныхъ, очевидно, мало-азійскими мастерами, Карійцами, Мидійцами, Іонійцами.

Южныя страны доставляли, кромѣ предметовъ искусства, масло и вино; предметами вывоза служили особенно пшеница и рожь, лошади и быки, мѣха, кожи и шерсть, медъ, воскъ и рыба.—Степи не были богаты металлами. Въ курганахъ находятъ посуду разнаго рода, изъ мѣди и бронзы, очевидно произведенія иностранныхъ мастеровъ. Впрочемъ, не надо забывать, что бронзовую утварь встрѣчали также въ могилахъ на Алтаѣ и Уралѣ, и что Скиѳы поддерживали постоянныя сношенія съ этими областями. Вѣроятно, не мало золота приходило въ Скиѳію съ Урала, Алтая и изъ Тибета.

Знаніе вышеизложенныхъ фактовъ поможетъ намъ при описаніи, едва не отнесеннаго къ области вымысла, путешествія одного іонійскаго Грека.

Аристей Проконнесскій.

Главнымъ источникомъ свѣдѣній объ Аристеѣ служитъ Геродотъ; изъ новѣйшихъ изслѣдованій о немъ лучшее E. Tournier: «de Aristea Proconnesio et Arimaspeo poëmate.» Paris. 1863.

Въ Проконнесѣ и Кизикѣ Геродотъ слышалъ объ Аристеѣ слѣдующее (IV, 14): Аристей, находясь въ своемъ родномъ городѣ, вошелъ однажды въ валяльную мельницу и тамъ умеръ; валяльщикъ заперъ мастерскую и пошелъ увѣдомить родственниковъ; когда открыли валяльню, то не нашли въ ней Аристея; тогда какой то Кизикенецъ сталъ увѣрять, что онъ самъ повстрѣчался и бесѣдовалъ съ Аристеемъ на пути его въ Кизикъ. Съ тѣхъ поръ объ Аристеѣ не было слышно; но на седьмомъ году послѣ этого онъ снова явился въ Проконнесъ, составилъ здѣсь ту поэму, которая у Эллиновъ называется Аримасповой, и по составленіи ея исчезъ вторично.—Находясь въ нижней Италіи (съ 443 по 450), Геродотъ услышалъ новый разсказъ объ Аристеѣ отъ жителей Метапонта: двѣсти сорокъ лѣтъ спустя послѣ вторичнаго исчезновенія, Аристей явился въ ихъ область и повелѣлъ соорудить жертвенникъ въ честь Аполлона и подлѣ него поставить его собственное изображеніе, такъ какъ онъ былъ прежде у нихъ вмѣстѣ съ Аполлономъ, но не Аристеемъ, какъ теперь, а ворономъ. Отдавши такое приказаніе, Аристей исчезъ.

Въ послѣднемъ сказаніи для насъ важно лѣтосчисленіе Метапонтянъ: 240 лѣтъ— это 8 поколѣній, по Геродоту. Если же они считали поколѣніе равнымъ 28 годамъ, то зная, что Геродотъ посѣтилъ Метапонтъ незадолго до 430 года, мы получимъ время сочиненія Аримасповой поэмы (431+8.28=) 655 годъ, какъ разъ годъ основанія Ольвіи. Къ тому же выводу приводятъ и другія сопоставленія.

Семилѣтнее отсутствіе пѣвца (ок. 662 — 655) послѣ исчезновенія изъ родного города и указаніе, что Аристей слѣдовалъ за Аполлономъ въ страну Гиперборейцевъ въ образѣ ворона—все это несомнѣнные отзвуки самой поэмы. Полетъ души поэта въ образѣ ворона—это своеобразный и по истинѣ поэтическій пріемъ для выраженія вне-

Digitized by Google

запно проявившагося божественнаго вдохновенія, проникновенія Аполлономъ, и блужданія по гиперборейской странѣ. Какъ извѣстно, Эллины представляли себѣ въ бѣломъ лебедѣ и черномъ воронѣ, спутникахъ бога свѣта Аполлона, символы дня и ночи. Поэтому В. Томашекъ предполагаетъ такое вступленіе къ поэмѣ:

О устремися, поэта душа, въ эѳирную область!
И родную страну, и градъ Проконнесцевъ покинувъ,
Въ Гиперборейцевъ скорѣе несись ты счастливыя страны,
Какъ всевидящій вранъ и вмѣстѣ Феба вожатый.
Мощно постигъ меня богъ, овладѣло желаніе мною
Бога блаженное зрѣть обиталище, свѣтлое царство,
И за Понтомъ тогда увидѣть народы и страны,
Горы и рѣки затѣмъ, и небесныя звѣздныя тропы.

Кромѣ миѳическихъ сказаній, поэма содержала также чисто географическія и топографическія свѣдѣнія. Слѣдуетъ думать, что сверхъ народовъ, упоминаемыхъ у Геродота, какъ-то Исседоновъ, Аримаспов, Гиперборейцевъ, Скиѳовъ и Киммерійцевъ, въ поэмѣ шла рѣчь и о другихъ племенахъ и мѣстностяхъ, менѣе значительныхъ. Поэма состояла изъ трехъ пѣсенъ: первая заключала описаніе путешествія до Исседоновъ; вторая—битвы Аримасповъ съ грифами и сказаніе о Гиперборейцахъ; третья—возвращеніе въ кишѣвшую Киммерійцами родину.

Рынокъ Исседоновъ.

„Аристей говорилъ въ своей поэмѣ, что по вдохновенію Аполлона онъ прибылъ къ Исседонамъ“ (Герод. IV, 13); „онъ выражался въ своей поэмѣ, что не проникалъ дальше Исседоновъ; о земляхъ, выше лежащихъ, онъ говорилъ по слухамъ, утверждая, что такъ передавали ему исседоны“ (IV, 16). Гдѣ жилъ этотъ народъ? что извѣстно о его происхожденіи, языкѣ и обычаяхъ?

Изъ Аримасповой поэмы, отъ которой до насъ дошли лишь скудные отрывки, ближашіе поэты и писатели черпали свои свѣдѣнія объ этомъ народѣ: такъ, Алкманъ, Гекатей и Дамастъ изъ Сигея.—Данныя, сообщаемыя Геродотомъ, очень содержательны По его словамъ, Массагеты, большое кочевое племя, жили «по ту сторону (=сѣвернѣе) рѣки Аракса (=Яксарта или Сыръ-Дарьи), противъ Исседоновъ», т. е. между тѣмъ какъ массагеты кочевали въ степяхъ и горахъ сѣвернѣе Яксарта, Исседоны жили по другую сторону, именно къ югу отъ Тяньшаня, по бассейну р. Тарима. Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ говоритъ: «въ точности извѣстно, что земля къ востоку отъ плѣшивыхъ населена Исседонами» (IV. 25). Дальше будетъ показано, что «плѣшивые» жили къ югу отъ Алтая или Ак-дага; направленіе «къ востоку» въ дѣйствительности было юго-восточнымъ; такимъ образомъ мы оказываемся у восточнаго отрога Тяньшаня, у оазисовъ Камула, Ша-чеу и Су-чеу, т. е. въ нынѣшней китайской провинціи Кан-су или прежнемъ Тангутѣ.

Чтобы точнѣе узнать положеніе Исседоновъ, Томашекъ обращается къ опредѣленію мѣстностей, которыя изслѣдовалъ чрезъ своихъ агентовъ македонскій купецъ Маэсъ (Тиціанъ) и которыя были изображены на картахъ Марина Тирскаго и Птолемея. Цвѣтущую пору жизни Марина Томашекъ относитъ къ 80—100 гг. по Р. Х., а время, когда Маэсъ послалъ въ Сѣрику (Китай) своихъ персидскихъ агентовъ, къ 50—70 гг., т. е. когда басейнъ Тарима былъ потерянъ для Китая и Гунны владѣли всѣми торговыми путями; только полководецъ Пан-чао (70—95) вернулъ Китаю не надолго пути къ двурѣчью.

Изъ Самарканда караваны шли чрезъ Ошрусану въ Фергану, гдѣ одно за другимъ слѣдовали мѣста остановокъ, нынѣшніе Ходжендъ, Коканъ, Маргеланъ и Андуганъ. Слѣдуя теченію р. Кизыл-су, достигали восточнаго ската горъ Химавата или Цзун-лина и ὁρμητήριον τῶν εἰς τὴν Σῆραν ἐμπορευομένων, что находилось уже въ

Digitized by Google

области Κασία. Это ὁρμητήριον стояло на мѣстѣ нынѣшней метрополіи Кашгаря. Отсюда сѣверо-восточное направленіе дороги переходитъ въ восточное; ближайшей станціей слѣдуетъ считать нынѣшній городъ Куча, затѣмъ Δάμνα, положеніе которой спорно. У Курле дорога раздваивалась: одна вѣтвь шла внизъ по р. Тариму къ Лобнору, здѣсь жили Οἰχάρδαι, а другая вдоль Тяньшаня, гдѣ ложбина озера Карашахра была мѣстомъ, гдѣ жили Πιάλαι. Народъ Οἰχάρδαι получилъ свое названіе отъ рѣки Οἰχάρδης, т. е. Таримъ-Дарьи. Къ востоку отъ Лоб-нора лежитъ озеро Харанаоръ, въ которое впадаетъ рѣка Булунггир-гхолъ, по-китайски Су-ле или Ху-лу-хо; послѣдняя получаетъ съ горъ Наньшаня множество рѣчекъ, напримѣръ золотоносную Танг-хо, на восточной сторонѣ которой лежалъ городъ Ша-чеу. Область Исседоновъ простиралась отъ Танг-хо за Ша-чеу, Куа-чеу, таможню Янг-куанъ и берегъ Ху-лу-хо до первыхъ воротъ стѣны Су-чеу; а въ ширину отъ сѣверной подошвы Наньшаня до Ки-ліэн-шаня или до восточнаго отрога Тяньшаня. Сѣверная вѣтвь дороги также вела въ область Исседоновъ. Отъ Курле шли чрезъ рѣчной проходъ, «желѣзныя ворота», ко впаденію рѣки Хаиду-гхола или Юлдуз-су въ Бостенг-наоръ или Баграндж-колъ.

Затѣмъ Томашекъ описываетъ дорогу отъ восточной границы исседоновъ до Китая· Въ дневной переходъ доходили до укрѣпленія Кіаюкуана и перваго большого китайскаго города Су-чеу, мѣста торговли ревенемъ и китайско-тибетскими товарами. Потомъ достигали Кан-чеу и Ліанг-чеу и переплывали рѣку Βαύτισος, Хо, берущую начало въ странѣ народа Βαῦται. На правомъ берегу этой рѣки стоитъ Δαξάτα, т. е. Лан-чеу. Столица Σῆρα μητρόπολις, названная у Птолемея также Σαράγα (въ изданіяхъ Σαράτα) — это Конг-тіэнъ или Кинг-чанъ, Кин-джан-фу, нынѣшній Си-ан-фу. Названія Σαράγα, Σῆρα, Σῆρες были распространены Персами. Другое названіе Китая, Чина, откуда Θῖναι и Σῖναι, — индійскаго происхожденія.

Какъ замѣчаетъ Кипертъ, въ сочиненіяхъ Индіи, Тибета и Китая не сохранилось слѣдовъ имени Исседоновъ. То...екъ такъ объясняетъ этимологію слова Ἰσσηδών, Ἰσσηδοί. Конечное — δών он: сравниваетъ съ зендскимъ дâна, новоперсидскимъ дâн, осетинскимъ дôнӑ, дôн = „кладовая, складъ". Первую часть слова онъ поясняетъ зенд. аэша, санскр. эша „желаніе, требованіе" или лучше оттл. прилаг. ишья „достойное желанья, сокровище". Ἰσσηδών могло бы поэтому значить „складъ сокровищъ, рынокъ". Было два рынка: одинъ для Скиѳовъ (Турокъ Тяньшаня) — Куча; другой, главный, для тибетскихъ и китайскихъ товаровъ, находившійся въ рукахъ жителей оазисовъ р. Суле-хо, Ἰσσηδών ἡ Σηρική.

Обычаи и торговля Исседоновъ.

Неизвѣстно, какъ называли себя жители этого рынка сами. Въ китайскихъ лѣтописяхъ кочевыя племена сѣвернаго Тибета въ области Наньшаня, отъ китайской стѣны до Хуттана и Ладака, именуются общимъ именемъ Кіангъ. Совершенно совпадали съ мѣстомъ жительства Исседоновъ, между Тюн-хоангомъ и Чан-е-кіюномъ, отъ Наньшаня до Киліен-шаня или восточнаго отрога Небеснаго хребта, многочисленные Юэ-чи, наиболѣе близкіе къ народу Кіангъ по обычаямъ и языку. Другое племя Кіанга, жившее около озера Лоб-нора, было извѣстно подъ китайскимъ названіемъ Леу-ланъ или Шеншенъ. Далѣе на западъ, къ нимъ примыкали Ту-хо-ло, греч. Τόχαροι, санскр. Тукхара, тиб. Тхо-гаръ, доставлявшіе въ Индію шелковыя матеріи, мѣха и желѣзо. Происхожденіе и настоящія формы этихъ именъ неизвѣстны; трудно опредѣлить мѣстное произношеніе китайскаго сочетанія звуковъ Юэ-чи. Достовѣрно извѣстно только, что въ образѣ древнихъ Исседоновъ является сѣверная вѣтвь тибетской народности, принадлежащей къ великому „односложному" міру народовъ, и ядро которыхъ по верховьямъ Кіанга, Ярлунга и Тсанг-шху носитъ названье Бод-ба, Βαῦται у Птолемея, Бхота въ санскритскихъ сочиненіяхъ, Фу въ лѣтописяхъ Суи, Ту-фанъ во время династіи Тхангъ. Съ этимъ выводомъ согласно и изображеніе обычаевъ Исседоновъ у Геродота.

Digitized by Google

Вотъ что сообщаетъ Геродотъ (IV, 26): „Если у кого умретъ отецъ, всѣ родственники пригоняютъ къ нему скотъ, за симъ убиваютъ животныхъ, разрѣзываютъ мясо на куски вмѣстѣ съ покойнымъ родителемъ хозяина, все мясо мѣшаютъ вмѣстѣ и устраиваютъ пиршество. Голову покойника обнажаютъ отъ волосъ, вычищаютъ ее изнутри и покрываютъ золотомъ, потомъ пользуются ею, какъ священнымъ сосудомъ при совершеніи торжественныхъ годичныхъ жертвоприношеній. Празднество устраиваетъ у нихъ сынъ въ честь отца, какъ у эллиновъ праздникъ поминовенія покойниковъ". То-же подтверждаетъ позднѣйшій греческій писатель Зиновій. Культъ предковъ играетъ видную роль въ жизни „односложныхъ" народовъ; въ срединномъ царствѣ онъ принялъ издавна болѣе пріятныя формы, въ Тибетѣ-же онъ является въ неприглядномъ видѣ пожиранія мертвыхъ: тибетцы представляли себѣ, что съ кусками мяса переходятъ въ потомка драгоцѣнныя качества покойнаго, и такимъ образомъ отецъ продолжалъ жить въ сынѣ.

Затѣмъ Томашекъ приводитъ сходныя извѣстія Мегасѳена у Страбона (стр. 710), Амомета у Плинія (V, 55) и древнихъ китайскихъ памятниковъ, а также средневѣковыхъ путешественниковъ.

Геродотъ говоритъ далѣе (IV, 26): „женщины пользуются одинаковымъ положеніемъ съ мужчинами". У сарматовъ образъ жизни женщинъ носилъ романтическій характеръ, подобно жизни амазонокъ: ихъ власть опиралась на участіи женскаго пола въ военныхъ упражненіяхъ. Въ Тибетѣ власть женщинъ основывалась на поліандріи: бережливость и трудности домоводства вели къ родственному союзу братьевъ, при чемъ само собой общей хозяйкѣ выпадала на долю роль повелительницы. То-же устройство встрѣчается и у тибетскихъ переселенцевъ въ Бактріанѣ. Веи-шу и Суи-шу говорятъ о племени Ту-хо-ло, Τόχαροι, слѣдующее: „У братьевъ одна общая жена; послѣдняя носитъ на своемъ чепцѣ столько рожковъ или одинъ рогъ со столькими вѣтвями, сколько братьевъ; когда одинъ изъ братьевъ входитъ въ ея покой, то въ знакъ того онъ ставитъ свои башмаки передъ дверью. Дѣти принадлежатъ старшему изъ братьевъ". То-же извѣстно о народѣ Іе-тха (Яфталъ, 'Αβδελοί или 'Εφθαλῖται); подобный головный уборъ носятъ и теперь у Башгали-Кафировъ въ западномъ Читралѣ и въ Яркандѣ. Въ китайскихъ лѣтописяхъ встрѣчается въ западномъ Тибетѣ „Царство женщинъ", Нію-Куэ, гдѣ, какъ въ древней Ликіи, „мужчины носятъ родовое имя матери". — Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что добываніе золота въ „Царствѣ женщинъ" не басня; добытый песокъ доставляется въ Лха-су и продается въ Китай; много золота идетъ черезъ Гар-тхогъ въ Индію.

Тибетскій сурокъ, роющій себѣ норы (кхунгъ) и устраивающій кладовыя (тшангъ), называется по тибетски пхій-ба (произносится чи-ва). Въ индійскомъ сказаніи его замѣняетъ муравей пипилика; въ Махабхаратѣ (II, 2860) говорится, Кхаса, Кулинда, Тангана и другія горныя племена сѣвера доставляли муравьиное золото. Уже Геродотъ знаетъ, что сама Индія бѣдна золотомъ (III, 105); по его словамъ, почти все золото приходитъ туда съ сѣвера, отъ великой песчаной пустыни, которая простирается отъ Бактры и страны Саковъ далеко на востокъ (III, 98, 102 и слѣд.); тамъ существуютъ муравьи, которые зарываются въ землю и выбрасываютъ на поверхность золотой песокъ. Ктесій у Эліана (de anim. IV, 27) говоритъ, слѣдуя бактрійскому преданію, не о муравьяхъ, но о грифахъ, роющихъ и стерегущихъ золото; караваны, доставлявшіе золото, находились въ пути по крайней мѣрѣ три года; пріиски лежали въ пустынѣ. Мегасѳенъ, повидимому, тоже упоминалъ объ индійскомъ муравьиномъ золотѣ; онъ помѣщалъ его, какъ видно изъ Эліана (III, 4), по близости рѣки Кампилина, гдѣ начинались границы Исседоновъ. Въ данномъ случаѣ Исседоны означаютъ западную вѣтвь тибетцевъ, именно жителей „Женскаго царства"; послѣдніе, безъ сомнѣнія, рано стали доставлять золото своей страны на всемірный рынокъ.

Наконецъ, Геродотъ дѣлаетъ еще слѣдующее замѣчаніе: „вообще же и эти Исседоны считаются справедливымъ народомъ". Въ словѣ „справедливый" кроется указаніе на преимущественно мирныя занятія и торговую дѣятельность. Какіе же товары доставлялись на рынокъ Исседоновъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, основываясь только на неизмѣняемости природныхъ условій, такъ какъ Геродотъ не даетъ намъ на

Digitized by Google

то никакихъ указаній, какъ и вообще древніе весьма скупы на сообщенія о предметахъ торговли. Слѣдовательно, это были естественныя произведенія страны и товары, которыми и въ наше время торгують басейнъ Тарима, Кан-су и Бод-юлъ. О золотѣ было сказано. Верхній Тибетъ богатъ и другими металлами, как то: серебромъ, мѣдью, оловомъ и проч. Трудно сказать, шелъ ли ранѣе четвертаго вѣка черезъ Исседонъ китайскій шелкъ.

Аримаспы.

Исседоны, т. е. въ этомъ случаѣ не туземные Тангуты, а скорѣе поселившіеся въ рынкѣ Иранцы, которые были посвящены въ условія страны и съ которыми Грекамъ было легче объясняться, разсказали Аристею про народы, жившіе за его предѣлами, частью басни и очевидный вымыселъ, изъ чего поэтъ выткалъ фантастическій узоръ, по гомеровскимъ образцамъ. Но сосѣди Исседоновъ, Аримаспы, давшіе имя его поэмѣ, принадлежали не къ области вымысла; народу этому было суждено оставить замѣтные слѣды въ исторіи. Но сперва послушаемъ самого поэта и посмотримъ, нельзя ли извлечь что нибудь изъ слѣдующихъ пяти строкъ, сохраненныхъ у лексикографа XII вѣка Тцетцеса (Исседоны говорятъ):

Намъ угрожаютъ, собравшись толпой враждебной, сосѣди,
Сверху, отъ сѣвера, много ихъ, воины храбрые очень,
Преизобильны стадами коней и овецъ и быками—
Съ гривой косматой, они сильнѣйшіе всякихъ народовъ;
Глазъ же единый у каждаго есть на челѣ прелюбезномъ.

Аримаспы были, слѣдовательно, многочисленнымъ, воинственнымъ и грознымъ народомъ; одинъ видъ этихъ варваровъ долженъ былъ внушать страхъ; это были степные кочевники, владѣльцы табуновъ лошадей, быковъ и овецъ; они жили на сѣверѣ, вдоль по границѣ страны Исседоновъ. Не ломая себѣ головы, можно сказать, что одинъ глазъ Аримасповъ сочиненъ по примѣру гомеровскихъ циклоповъ [1]). Если же дѣйствительно полагать въ основу мѣстное преданіе, то этимъ на символическомъ языкѣ восточной Азіи выражена низкая степень развитія сыновъ степей.

Если заглянуть въ исторію минувшихъ тысячелѣтій, то не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что подъ Аримаспами разумѣются Гунны, которые въ китайскихъ лѣтописяхъ являются подъ именемъ Хіунг-ну и уже во временя династіи Чеу (1134—256) дѣйствовали на сѣверѣ, подъ именемъ Хіюн-юнь и Хіюн-іо, какъ сильно разбойничье племя. Издревле раздѣленные на множество ордъ, они неоднократно соединялись въ одно могущественное государственное цѣлое, которое принимало устройство срединнаго царства; они главнымъ образомъ владѣли торговыми путями, ведущими изъ западныхъ странъ, и на важнѣйшихъ пунктахъ гунскіе чиновники брали съ проходящихъ каравановъ пошлину. Народъ Хіунг-ну можно считать тюркскимъ или же народомъ, вышедшимъ изъ амурской области; или же подъ этимъ именемъ политически соединились кочевыя племена различнаго происхожденія; въ послѣдствіи, на почвѣ Европы, господствующій родъ Гунновъ былъ во всякомъ случаѣ тюркскій, какъ показываютъ собственныя имена. Эти кочевники не остались неизвѣстными жителямъ запада и юга: ихъ имя встрѣчается и въ индійскомъ эпосѣ (Хуна), и въ Авестѣ (Хуваво), и у писателей классической древности (Φοῦνοι, Χοῦνοι, Οὖννοι, Chuni). Если допускать тюркское происхожденіе, то названіе Гунновъ могло произойти отъ ӧнъ, ӧнӓ — „увеличиваться“, „пускать ростки“, „рости“.

---

[1]) Сомнительно,—не туземное ли это преданіе, слышанное торговцами Греками? У Якутовъ и Тунгусовъ есть народное представленіе о народѣ одноглазомъ (См. у насъ стр. 175), одноручномъ и одноногомъ. См. также о дикихъ людяхъ Челюгденхъ (отп. Енис. воев. князя Щербатаго 1686 г. Чт. М. Общ. Ист. 1888 г. сообщ. г. Гоздово-Голомбіевскимъ) и прекрасное изслѣдованіе проф. Д. Н. Анучина «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью». М. 1890. Стр. 86 и сл. Ред.

Digitized by Google

Какъ же могли Гунны получить названіе Ἀριμασποί? Очевидно оно явилось у иранскихъ гостей Исседона и поэтому встрѣчается не только у Аристея: оно вошло также въ языкъ Скиѳовъ, которые узнали про Аримасповъ во время своихъ побывокъ въ Исседонѣ (Герод. IV, 27). Скиѳское словопроизводство (см. тамъ-же) отъ ἄριμα—ἕν (одинъ) и σπός—ὀφθαλμός (глазъ), какъ народное, неудачно. Томашекъ предлагаетъ толковать его какъ „владѣлецъ дикой степной лошади". По примѣру Аристея, Эсхилъ говоритъ (Пром. 829) о „конномъ войскѣ Аримасповъ"; Авеста представляетъ хищныхъ Гунновъ всадническимъ народомъ; у Хіунг-ну были ручные, дикіе и полудикіе кони; въ китайскихъ лѣтописяхъ они тоже являются наѣздническимъ племенемъ. Кромѣ коней, быковъ и овецъ, Гунны владѣли также ослами, мулами, а также верблюдами, ручными и дикими.

Аристей описалъ далѣе битвы Аримасповъ съ стерегущими золото грифами (Герод. IV, 13), «остроносыми, молчаливыми собаками Зевса» (Эсх., Пром. 805), жившими дальше на сѣверъ; земля производила то золото, которое грифы защищали какъ свою собственность (Павсан. I, 24,6); приходили одноглазые Аримаспы и похищали его у грифовъ (ὑπὲκ τῶν γρυπῶν Герод. III, 116). Быть можетъ, Аристей говорилъ также о «золотоносной рѣкѣ» (Эсх., Пром. 820), образующей границу Аримасповъ и грифовъ. Изъ этихъ сказаній Геродотъ выводитъ (III, 116), что сѣверъ земли изобилуетъ золотомъ, какъ вообще «окраины земли получили на свою долю наиболѣе цѣнные предметы» (III, 106).

Первый ввелъ грифовъ въ греческую поэзію Гесіодъ; въ гомеровскихъ пѣсняхъ они не встрѣчаются. Но смѣшанныя существа, какъ то грифы и сфинксы, химера и гарпія, принадлежатъ до-греческой порѣ и обязаны своимъ происхожденіемъ востоку. Корень слова «гриф» (γρύψ)—семитскій (крубъ, евр. херубъ); чрезъ Финикійцевъ оно достигло до Карійцевъ и Іонійцевъ, и Аристей могъ пользоваться имъ ок. 660 г., какъ общеизвѣстнымъ. Когда въ 630 году Самосцы воротились изъ Тартеса, то заказали мѣдную чашу, кругомъ украшенную выдающимися надъ краями головами грифовъ (Герод. IV, 152). Іонійскіе мастера познакомили Скиѳовъ съ этими восточными чудовищами. Служила ли птица грифъ, соединяющая въ себѣ лапы льва съ клювомъ и крыльями коршуна, символомъ палящаго солнца и потому охранителемъ металла, блестящаго какъ солнце? Или же символомъ мрачнаго лона земли и силы природы, противящейся тому, чтобы ея сокровища извлекались на дневной свѣтъ, какъ напр. крылатыя змѣи или драконы Аравіи охраняютъ ладонныя деревья (Герод. III, 107)? Неужели сказаніе о грифахъ проникло уже въ седьмомъ вѣкѣ чрезъ Персовъ и Скиѳовъ въ китайскій оазисъ, какъ напр. 250 лѣтъ спустя Ктесій тамъ, гдѣ Геродотъ толкуетъ о муравьиномъ золотѣ, говоритъ о золотѣ грифовъ? Томашку кажется вѣроятнѣе предположеніе, что купцы въ Исседонѣ разсказывали о битвахъ Аримасповъ съ дикими звѣрями, драконами, собаками или сурками, а что Грекъ Аристей взамѣнъ ихъ выбралъ самъ отъ себя восточнаго грифа.

Путешественники сообщаютъ, что сурки (или байбаки) вырываютъ себѣ глубокія норы и вмѣстѣ съ простымъ пескомъ выбрасываютъ на поверхность кусочки руды, чѣмъ и пользуются рудоискатели. Такъ какъ Алтай является здѣсь «золотой горой», то легче всего предположить, что Аримаспы добывали свое золото именно въ области Алтая. Жители Исседона знали, конечно, о богатыхъ залежахъ золота на Алтаѣ и въ своихъ баснословныхъ разсказахъ они съ особеннымъ удовольствіемъ указывали на эту далекую область, но только чтобы ввести въ заблужденіе иностранцевъ и выставить какъ можно понятнѣе трудности добыванія золота. На самомъ же дѣлѣ они не доставали золото ни на далекомъ сѣверѣ, ни у враждебныхъ Аримасповъ, но добывали его въ своей собственной странѣ. Нѣкоторыя рѣки Наньшаня, какъ и вообще почти всѣ рѣки восточнаго Тибета, золотоносны; кромѣ того, на западной границѣ ихъ страны лежала обильная золотомъ область истоковъ Инда Тсанъ-шу. Томашекъ полагаетъ, что въ Исседонѣ, древнемъ рынкѣ для торговли золотомъ, чужестранцы не могли знать настоящаго происхожденія металла; золото приходило не съ Алтая, а съ границъ Индіи, изъ «Женскаго царства».

Digitized by Google

Рипеи и Гиперборейцы.

Со словъ Исседоновъ Аристей говорилъ далѣе (Герод. IV, 13), что надъ грифами, стерегущими золото, живутъ Гиперборейцы, простирающіеся до моря. Сообщая о народныхъ смутахъ, Аристей замѣчаетъ кромѣ того, что между тѣмъ какъ другіе народы, начиная съ Аримасповъ и до живущихъ у южнаго моря (νοτίη θάλασσα, т. е. у Понта) Киммерійцевъ, постоянно воюютъ съ сосѣдями, одни Гиперборейцы пребываютъ въ спокойствіи и мирѣ. Аристей различалъ такимъ образомъ два моря: «южное или Средиземное вмѣстѣ съ Понтомъ и противоположное ему «другое море», ἡ ἑτέρα θάλασσα, вплоть до котораго жили Гиперборейцы. Геродотъ самъ употребляетъ послѣднее выраженіе, говоря (I, 202), что Каспійское море — отдѣльное море, не сливающееся съ «другимъ моремъ». Вѣсть объ Арктическомъ и Восточномъ океанѣ не вытекала исключительно изъ гомеровскаго представленія о всеобмывающемъ океанѣ; къ этому представленію прибавились ко времени Аристея свѣдѣнія среднеазіатскихъ народовъ, основанныя на наблюденіяхъ торговыхъ народовъ сѣвера и востока. Напримѣръ, Исседонамъ не могло остаться неизвѣстнымъ, что рѣки китайскаго востока текутъ въ Восточный океанъ; они могли это узнать отъ китайскихъ торговцевъ, посѣщавшихъ ихъ рынокъ. Народъ «срединнаго царства», жившій на берегу этого Восточнаго океана, рано узналъ и о Сѣверномъ океанѣ пе-хай. Вездѣ у древнихъ писателей сказывается представленіе о крайнихъ пріокеанскихъ пространствахъ; ничто не мѣшаетъ отнести это представленіе и въ вѣкъ Аристея. Вѣдь многіе географическіе факты были извѣстны народамъ гораздо ранѣе, чѣмъ стали говорить о нихъ въ сочиненіяхъ. Рѣшеніе того, было ли «другое море» Ледовитымъ океаномъ или Восточнымъ, стоитъ въ связи съ вопросомъ о положеніи Гиперборейцевъ. Въ своихъ опредѣленіяхъ странъ свѣта древніе сплошь и рядомъ ошибались. У Аристея, Геродота и Дамаста Исседоны являются живущими далеко на сѣверѣ ἄνω Σκυθῶν; въ дѣйствительности они были восточнымъ народомъ. Если мы пойдемъ въ этомъ, яко-бы сѣверномъ, на самомъ же дѣлѣ восточномъ, направленіи, то достигнемъ крайней точки древне—іонійскаго землевѣдѣнія, именно Восточнаго (Великаго) океана, на Ледовитаго.

Рипеи, вѣчно покрытыя снѣгомъ высокія горы, любимое мѣстопребываніе сѣверо-восточнаго вѣтра, получили свое греческое названіе отъ постоянно дующаго сѣвернаго вѣтра (ῥιπή, ὁρμή, βολή, ῥοπή). Подъ Ῥῖπαι Ῥίπαια ὄρη греки подразумѣвали первоначально только лежащія къ сѣверу отъ Греціи и Сициліи высокія горы, Гемусъ, Иллирійскія горныя цѣпи, Апеннины, а затѣмъ и Альпы. Если Аристей примѣнилъ это названіе къ горамъ, лежавшимъ надъ Аримаспами и грифами, то причиной тому были разсказы Исседоновъ о непроходимыхъ, покрытыхъ снѣгомъ горныхъ кряжахъ, лежавшихъ за Гуннами; конечно, нельзя рѣшить, были ли то горы Тяньшаня, Алтай, Хингган-оло или, скорѣе всего, горныя цѣпи на восточной границѣ Китая.

Вопросъ о Гиперборейцахъ продолжаетъ еще быть вполнѣ загадочнымъ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ сказочномъ узорѣ слѣдуетъ различать двѣ нити,—древнѣйшую, миѳологическую, и другую, болѣе ясную, почти историческую. Чисто эллинская пара боговъ Геліосъ-Селена рано была замѣненна парными божествами Лелеговъ Аполлономъ—Артемидой; древнѣйшія мѣста аполлонова культа, Дельфы, Делосъ и Патара, лежали въ земляхъ Лелеговъ и Ликійцевъ. Значеніе Аполлона, какъ бога дневнаго свѣта и яснаго лѣтняго времени года, доказано: въ зимнюю пору года представляли себѣ бога свѣта пребывающимъ вдали, у „сѣверныхъ" народовъ, у которыхъ именно тогда наступали ясные лѣтніе дни, въ странѣ ночи, рождающей свѣтъ. Когда сѣверныя колоніи присылали въ Дельфы и Делосъ вклады Аполлону, своему богу—покровителю, то говорили, что прибыли дары „Гиперборейцевъ". Съ береговъ Понта они шли чрезъ Синопъ и Пропонтиду въ Делосъ. Содержаніе Аримаспова эпоса должно было дать поводъ къ тому, что рядъ народовъ, черезъ земли которыхъ подарки достигали Делоса, простерся до Гиперборейцевъ Аристея; делосскіе жрецы распространили представленіе, что посвятителями вкладовъ были отдаленные Гиперборейцы, которые и передали

Digitized by Google

эти начатки плодовъ Аримаспамъ, тѣ—Скиѳамъ и такъ дальше. Все это могло произойти только въ томъ случаѣ, если Аристей приписалъ Гиперборейцамъ высокую степень развитія, воздѣлываніе пшеницы и проч.

Что же собственно сообщалъ Аристей о Гиперборейцахъ? Геродотъ не даетъ намъ на то никакихъ указаній. Іоническій пѣвецъ, отступившій настолько отъ традиціи, что помѣстилъ любимый народъ Аполлона на крайнемъ сѣверномъ или, лучше, восточномъ пунктѣ земли, на основаніи сообщеній Исседоновъ, долженъ былъ, конечно, получить извѣстія о какомъ-то народѣ, живущемъ за Гуннами, высоко развитомъ, который пользовался за свою зажиточность, благосостояніе, земледѣльческую дѣятельность и садоводство и за свое миролюбіе широкой и далекой славой. Всѣмъ извѣстно, что подобный народъ дѣйствительно существуетъ на восточномъ краю свѣта; поэтому совершенно правъ Гладишъ (Gladisch), защищая въ своемъ изслѣдованіи «Гиперборейцы и древніе Китайцы» (Лейпцигъ, 1866) мысль, что жители Китая, съ ихъ издавна высоко развитой матеріальной и нравственной культурой, съ ихъ образомъ жизни, основаннымъ на земледѣліи и предпочитающимъ всѣ мирныя занятія, съ любовью къ музыкальнымъ искусствамъ, скорѣе всего имѣли бы право считаться именно аполлоновыми Гиперборейцами. Только способъ доказательства Гладиша ошибоченъ; онъ примѣнимъ не къ Гиперборейцамъ вообще, но лишь къ Гиперборейцамъ Аристея; нѣтъ причины всѣ черты жизни, какія поэты приводятъ о европейскихъ Гиперборейцахъ, относить непремѣнно къ народу азіатскаго востока; стараніе провести сравненіе до мелочей привело къ произвольнымъ предположеніямъ; важнѣйшее указаніе во всемъ вопросѣ, которое одно подтверждаетъ тождество Гиперборейцевъ съ народомъ Желтой рѣки, именно положеніе оазиса Исседоновъ въ центрѣ среднеазіатскихъ торговыхъ путей, осталось для изслѣдователя неизвѣстнымъ. Отсылая за подробностями сравненія къ сочиненіямъ мюнхенскаго синолога Плата (G. Plath), Томашекъ ограничивается замѣчаніемъ, что между Исседонами и Китайцами должны были состоять мѣновыя сношенія, но что имъ мѣшали „сѣверные варвары“ или Гунны-Аримаспы, дѣлавшіе въ 7 и 8 столѣтіи, какъ кажется, сильныя нападенія на китайскую и исседонову область. Неучастіе „гиперборейскаго“ племени въ народныхъ буряхъ, исходившихъ отъ Аримасповъ и простиравшихся, по мнѣнію Аристея, до киммерійскихъ береговъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тихому теченію китайской исторіи того времени.

При полномъ молчаніи источниковъ о томъ, что же собственно сообщилъ Аристей о Гиперборейцахъ, можно считать счастливой замѣной утраченнаго слѣдующія пять стиховъ Ференика изъ Гераклеи, сохраненныхъ у схоліаста Пиндара:

Далѣе Гиперборейцы живутъ, у края вселенной,
При аполлоновомъ храмѣ, совсѣмъ несвѣдущи въ войнахъ.
Ходитъ молва, что они, отъ крови древнихъ Титановъ
Происходя, при ясно-спокойномъ движеньи Борея,
Тамъ обитаютъ, считая своимъ Аримаспа владыкой.

Какъ здѣсь Гиперборейцы, такъ послѣ Китайцы являются у древнихъ писателей крайнимъ народомъ земли, народомъ кроткимъ, любящимъ справедливость и проч. Потомками Титановъ Гиперборейцы называются потому, что имъ приписывали изобрѣтеніе всѣхъ полезныхъ людямъ предметовъ, огня, плавки металловъ, гончарнаго искусства, медицины, азбуки, мѣръ и вѣсовъ; и эти особенности приложимы къ народу Китая. Не невѣроятно также предположеніе, что одна изъ древнѣйшихъ китайскихъ династій была гунскаго происхожденія.

Далѣе В. Томашекъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто сказаніе о Гиперборейцахъ—продуктъ индійской фантазіи. „Ни Ликіецъ Оленъ, ни Іоніецъ Аристей не посѣщали Индіи, да и сами Индусы въ столь раннюю пору не думали о пребываніи своихъ предковъ въ китайской возвышенности“. Доказавъ затѣмъ невѣроятность предположенія о тождествѣ Рипеевъ съ Алтаемъ, а Гиперборейцевъ съ первичными «Енисейцами» (терминъ Клапрота), Томашекъ настаиваетъ въ концѣ концевъ на необходимости помѣстить Гиперборейцевъ Аристея въ странѣ Желтой рѣки.

Digitized by Google

Переселеніе народовъ.

Въ послѣдней части своей поэмы Аристей (Герод. IV, 13) говорилъ о передвиженіи среднеазіатскихъ народовъ, происшедшемъ до его времени, около конца восьмого вѣка. Толчекъ дали неспокойные Аримаспы, тогда какъ Гиперборейцы оставались спокойными; Аримаспы, по его словамъ, вытѣснили Исседоновъ, эти въ свою очередь Скиѳовъ, «а Киммерійцы, жившіе у южнаго моря, покинули свою страну подъ натискомъ Скиѳовъ».

Гиндукушъ, Памиръ и западная часть бассейна р. Тарима были первоначально населены аборигенами, которые какъ по географическому положенію, такъ по типу и языку занимали средину между кавказскими и мазандеранскими горными народами, съ одной стороны, и тибетскими племенами Гималаевъ, съ другой; эти аборигены были поглощены или стѣснены въ меньшія пространства послѣдовавшимъ затѣмъ изъ Европы арійскимъ переселеніемъ; къ нимъ принадлежали прежде всего Κάσπιοι или Κάσιοι, и нынѣшніе Буришъ къ сѣверу отъ изгиба р. Инда представляютъ единственные слабые остатки этого до-арійскаго населенія. Далѣе на югѣ долины Кабула уже начиналась область дравидскихъ племенъ. Восточный бассейнъ Тарима между Тяньшанемъ и Гималаями былъ издавна во владѣніи тибетскихъ племенъ, восточная вѣтвь которыхъ подъ именемъ Жунгъ простиралась даже за Желтую рѣку, гдѣ къ нимъ примыкалъ народъ срединнаго царства. На сѣверѣ Гоби и высоты при источникахъ р. Селенги представляли прародину Гунновъ и Турокъ; все, что̀ лежитъ сѣвернѣе и западнѣе Алтая, находилось еще во власти енисейскихъ, самоѣдскихъ и угрскихъ племенъ, къ которымъ начиная съ Урала примыкали финскія родственныя племена. Первое большое передвиженіе народовъ послѣдовало въ тысячелѣтіе арійскаго переселенія: угрскія племена сѣвера должны были занять меньше пространства, Каспійцы средины и Дравидцы юга были оттѣснены въ горныя области; въ аральскихъ степяхъ, въ области Яксарта и Памира, а также въ западномъ бассейнѣ Тарима, помѣстились Массагеты и Саки; Иртышъ заняли переселенцы Сколоты, какъ разъ рядомъ съ Турками Алтая. Тогда-то произошло движеніе народовъ, о которомъ говоритъ Аристей.

Неспокойные Гунны начали жестокіе набѣги на южныя области, вытѣснили Жунговъ глубже въ горы, и оттѣсненные съ ними на сѣверной сторонѣ Наньшаня Исседоны старались распространиться по басейну Тарима, вслѣдствіе чего должны были занять меньше пространства сако-массагетскія племена. Часть Саковъ могла затѣмъ искать убѣжища въ мидійскихъ странахъ, арало-каспійскія кочевыя племена могли предпринять обратное движеніе къ Танаису; быть можетъ, именно тогда такъ называемые Савроматы были оттѣснены къ изгибу Дона и вторглись въ область между Кавказцами и понтійскими Сколотами; Сколоты должны были въ слѣдствіе этого искать убѣжища не только въ странѣ Тавровъ, но еще западнѣе Борисѳена на карпатской сторонѣ и заняли устье Дуная; достовѣрныя свидѣтельства говорятъ о войнахъ Сколотовъ и ѳракійскихъ кочевниковъ въ древнее время. Ѳракійскія племена въ свою очередь устремились за Гемусъ и Босфоръ: это и были такъ называемыя «киммерійскія» орды, которыя вторглись во Фригію и Лидію.

Статью объ Аристеѣ и его поэмѣ В. Томашекъ заключаетъ такъ:

«Мы старались уяснить на основаніи скудныхъ наличныхъ данныхъ содержаніе Аримасповой поэмы и безпристрастно оцѣнить все, что̀ казалось годнымъ для объясненія. Мы нашли, что горизонтъ баснословныхъ извѣстій достигаетъ китайскаго океана и что нельзя не допускать возможности, что греческій путешественникъ, примкнувъ къ скиѳскому каравану, съ помощью скиѳскихъ переводчиковъ могъ въ седьмомъ вѣкѣ собрать свѣдѣнія о далекихъ событіяхъ и даже проникнуть въ самую глубь, въ сердце средней Азіи. Для содержанія этихъ извѣстій безразлично, если Аристей и не былъ самъ въ Исседонѣ, но получилъ свѣдѣнія отъ другихъ, сообразно съ замысломъ его поэмы, въ видѣ предпринятаго въ умѣ путешествія или птичьяго взгляда изъ свѣтлаго эѳира. Сами по себѣ взятыя, свѣдѣнія эти отличаются высокимъ достоин-

Digitized by Google

ствомъ, хотя всегда были принимаемы съ недовѣріемъ и не взирая на то, что Страбонъ (XIII, p. 589) называетъ поэта обманщикомъ. Потомки не были въ состояніи постичь смыслъ и значеніе его сказаній о самыхъ крайнихъ странахъ земли. Одно мы должны всегда помнить: знакомство съ отдаленнѣйшими краями земли было въ цвѣтущую пору іонійской торговли гораздо шире, чѣмъ въ позднѣйшее время; позже стало невозможнымъ достичь того, чего достигали предпріимчивые Іонійцы. Это справедливо не только объ атлантическомъ западѣ, но еще въ болѣе высокой степени о пути на сѣверовостокъ. Соединеніе добытыхъ фактовъ съ поэтическими прикрасами послужило Аримаспововой поэмѣ на большій вредъ, чѣмъ, напримѣръ, описанію путешествія Пиѳея (IV в. до Р. Х.), котораго также за нѣкоторыя извѣстія считали лживымъ: въ то время какъ здравая позднѣйшая критика сочла поэтическія прибавки невѣроятными и осмѣяла ихъ, пропало и самое ядро болѣе достовѣрнаго преданія.

Желанное дополненіе къ извѣстіямъ объ Аристеѣ даетъ его соотечественникъ Геродотъ; изъ него мы узнаемъ подробнѣе направленіе того караваннаго пути, по которому долженъ былъ слѣдовать Аристей, если онъ дѣйствительно достигъ Исседона, и кромѣ того, замѣчательныя свѣдѣнія о народахъ сѣвера, свѣдѣнія, разборъ которыхъ, не смотря на неоднократныя попытки извѣстныхъ изслѣдователей, далеко нельзя считать окончательнымъ и удачнымъ, почему мы въ слѣдующемъ изслѣдованіи хотимъ еще разъ обсудить этотъ вопросъ. Правда, и здѣсь достаточно басенъ, но въ общемъ мы стоимъ на болѣе прочной, почти исторической почвѣ. Мы узнаемъ, что путь, котораго держались обыкновенно скиѳскіе караваны, шелъ не у сѣвернаго края аралокаспійскаго басейна (48° сѣв. шир.) и чрезъ низменность при р. Чуй къ басейну Тарима, но поворачивая далеко на сѣверъ отъ устья Дона къ изгибу Волги у Казани, затѣмъ чрезъ пермскій и среднеуральскій проходы къ области рѣки Иртыша и къ джунгарской долинѣ и наконецъ достигалъ, чрезъ тюркскую область, у юго-востока, границы Тибета и исседонскаго рынка. Это направленіе указано самой природой; оно стоитъ въ прямой зависимости отъ физическихъ условій (рельефа почвы, климата, произведеній природы и проч.), и намъ не приходится изумляться, что въ настоящее время проектъ русской желѣзной дороги къ Тихому океану, въ числѣ возможныхъ направленій указываетъ какъ разъ на Пермь, Омскъ и Семипалатинскъ, и что считается серьезною мысль проложить рельсовый путь на древней китайской торговой дорогѣ, отъ Шачеу до Си-ан-фу и достичь у Шанхая Тихаго океана. Густонаселенное срединное царство, изъ котораго еще во времена Аристея (650 г. до Р. Х.) проникъ на западъ слабый лучъ свѣта, и въ наше время представляетъ страну, съ которой стремится завязать сношенія весь міръ».

А. К. Васильевъ.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ редакціею правителя дѣлъ. Томъ XXI, №№ 2 и 3.

Восточно-Сибирскій Отдѣлъ нашего общества неутомимо работаетъ на пользу изученія „дальняго востока“ во всѣхъ отношеніяхъ, между прочимъ, а пожалуй, и главнымъ образомъ въ этнографическомъ, и продолжаетъ знакомить ученый міръ съ результатами своихъ работъ въ „Извѣстіяхъ“ и „Запискахъ“ своихъ, выходящихъ въ настоящее время подъ редакціею опытнаго и знающаго край правителя дѣлъ, извѣстнаго путешественника и изслѣдователя Восточной Сибири и Монголіи. Г. Н. Потанина.

Второй выпускъ „Извѣстій“ отдѣла за настоящій годъ открывается статьей г. Н. Григоровскаго „Поѣздка на Верхнюю Ангару“. Этнографическаго матеріала эта статья даетъ очень немного: на стр. 6—16 есть кое-какія свѣдѣнія „о Верхне-Ангарскѣ, его жителяхъ, кочующихъ въ окрестностяхъ Верхне-Ангарска, бродячихъ Тунгусахъ Чальчагирскаго рода, а также и о Нижне-ангарскомъ Киндигирскомъ родѣ“.

Digitized by Google

„Можно тутъ отмѣтить между прочимъ тунгусское преданіе о первоначальномъ прибытіи русскихъ казаковъ къ устью Катери (стр. 10): „Казаковъ было немного. Они укрѣпились на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Ченча, но были поголовно выбиты Тунгусами. Тунгусы тогда еще не знали огнестрѣльнаго оружія и хлѣба. У казаковъ они нашли хлѣбъ въ ковригахъ и удивлялись, что это за глина и какъ ее ѣдятъ. Они пускали эти ковриги съ горы и стрѣляли въ нихъ стрѣлами, стараясь попасть въ самую середину. Около Ченчи показываютъ остатки днища того судна, на которомъ приплыли казаки. Затѣмъ второе появленіе Русскихъ въ этотъ край, уже въ большомъ количествѣ, заставило Тунгусовъ покориться, но изъ нихъ все-таки многіе не пожелали покориться и добровольно умертвили себя. Они сдѣлали родъ навѣса, на который насыпали земли и каменьевъ, затѣмъ собрались подъ навѣсъ, подрубили столбы и заживо погребли себя".

Слѣдующая статья: „Абa-хайдакъ, облава у хоринскихъ Бурятъ" принадлежитъ г. Ирдыни Вамбоцыренову и представляетъ интересное описаніе существовавшаго въ старину у Бурятъ обычая устраивать разъ въ годъ облаву на звѣрей—всѣмъ родомъ. Эти облавы имѣли большое значеніе въ однообразной жизни прежняго Бурятъ: „Облава, какъ говоритъ авторъ статьи, служа для родоначальниковъ и почетныхъ богачей забавой, въ то же время для простонародной массы составляла важное средство къ жизни; мясо добытыхъ на облавѣ звѣрей употреблялось въ пищу, дорогіе мѣха шли на уплату ясака, а остатки употреблялись Бурятами на зимнія шапки, ошейники, курму и хормокши; мѣха оленей, лосей и козъ шли на зимнія одежды, а оголенныя ихъ шкуры шли на лѣтнія одежды—гармай".

Третья статья: „Молочное хозяйство у Бурятъ Верхнеудинскаго округа", г-жи А. Потаниной, даетъ свѣдѣнія о кушаньяхъ и напиткахъ, приготовляемыхъ Бурятами изъ коровьяго и овечьяго молока, и объ употребляемой при этомъ посудѣ.

Слѣдующая затѣмъ статья г. Н. Веселовскаго содержитъ „Матеріалы для изученія якутской народной словесности". Отсюда мы узнаемъ, что у Якутовъ почти нѣтъ народныхъ пѣсенъ, т. е. такихъ, которыя были-бы распространены среди Якутскаго племени, такъ какъ „каждый поющій Якутъ является въ моментъ пѣнія творцемъ своей пѣсни, которую тотчасъ-же забываетъ и которую никто никогда не повторитъ", и что, съ другой стороны, „нѣтъ такого явленія и факта, который не могъ бы послужить Якуту матеріаломъ для его поэтическаго творчества". Г. Н. Веселовскій приводитъ 11 №№ записанныхъ имъ Якутскихъ пѣсенъ съ подстрочнымъ переводомъ.

Въ отдѣлѣ „Библіографіи" представленъ отчетъ о слѣдующихъ книгахъ: Inscriptions de l'Enissei, recueillies et publiées par la Sociéte finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889", „Studien über die Suljekfelsen. Inschriften. Eine polemische Schrift, von Aug. Tötterman. Helsingfors". Матеріалы по Археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологической Коммиссіей № 3. Сибирскія древности В. Радлова. Т. 1, вып. 1-й С.-Петербургъ. 1888". Но этотъ отчетъ стоитъ самостоятельной статьи, такъ какъ авторъ, его г. Д. Клеменцъ, не довольствуясь разборомъ сказанныхъ трудовъ, сообщаетъ при этомъ результаты многихъ раскопокъ, произведенныхъ въ Сибири, частью даже при его участіи.

Въ „Смѣси" представлено описаніе „путешествія Ioseph Martin'a по Сѣв. Вост. Сибири", извлеченное горн. инж. В. Л. Обручевымъ изъ Revue Géographique internationale", а затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о числѣ инородцевъ въ учебн. заведеніяхъ Иркутской губ. и Забайкальской и Якутской областей. При выпускѣ—карта теченія р. Верхней Ангары, приложенная къ статьѣ г. Григоровскаго.

Въ третьемъ выпускѣ „Извѣстій" этнографическаго матеріала совсѣмъ нѣтъ, если не считать коротенькое описаніе охоты на нерпу въ статьѣ г. Н. Витковскаго: „Замѣтки къ вопросу о байкальской нерпѣ». Нельзя не пожалѣть, что въ статьѣ г. Потанина: „Бурятскія названія растеній" приведены только названія, а нѣтъ въ большинствѣ случаевъ ни перевода на русскій языкъ, ни русскаго названія для сравненія, ни, наконецъ, не указаны повѣрья и вѣрованья Бурятъ относительно нѣкоторыхъ, а такія повѣрья навѣрно есть: почему напр. Delphinium назыв. „невѣсткинъ цвѣтокъ", или Polygonum Convolvulus—путы трава?"...

Digitized by Google

Къ обоимъ выпускамъ приложены Отчеты о дѣятельности Отдѣла. Изъ этихъ отчетовъ видно, что отдѣлъ привлекаетъ къ себѣ симпатіи не только Русскихъ, но и инородцевъ: и тѣ и другіе вступаютъ въ общество членами и дѣлаютъ въ пользу общества различныя пожертвованія, какъ деньгами, такъ вещами и книгами.

Ир. П.

Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ I, выпуски 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣлъ).

Второй выпускъ „Записокъ" Отдѣла содержитъ въ себѣ „Сказанія Бурятъ, записанныя разными собирателями" и изданъ на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева. Этотъ выпускъ содержитъ 56 № „сказаній" (частью сказокъ, частью повѣрій, а отчасти и преданій) и отдѣльно „примѣчанія", составленныя г. Потанинымъ; кромѣ того приложены два алфавитныхъ указателя: собственныхъ именъ и предметный.

Сказанія этого сборника представляютъ большой интересъ, между прочимъ и тѣмъ, что нерѣдко мотивы ихъ, а порой даже и способъ выраженія, чуть не тождественны со сказками, записанными въ противоположномъ концѣ Россіи — въ Смоленской губ. Я говорю о „Смоленскомъ сборникѣ" г. Добровольскаго (печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ). Такъ напр. сказанія о сотвореніи міра, о сотвореніи человѣка и о потопѣ (о Ноѣ и ковчегѣ) очень сходны съ сказаніями на 229—239 стр. „Смоленскаго Сб.", Собачій пай въ хлѣбѣ" Записокъ одного содержанія съ разск. „Отчего теперь у ржи маленькій колосъ" въ Сборникѣ, только причины Божьяго гнѣва различны. Есть и другія сходства.

Третій выпускъ „Записокъ" Отдѣла представляетъ особый „Верхоянскій Сборникъ" и содержитъ „Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, а также русскія сказки и пѣсни, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ И. А. Худяковымъ".

Изъ предисловія къ выпуску узнаемъ, что рукопись этого сборника пожертвована Отдѣлу графомъ А. П. Игнатьевымъ, къ которому она попала черезъ балаганскаго исправника отъ верхоянской мѣщанки Гороховой, и приписана Худякову (хотя имени его на ней нѣтъ) по различнымъ соображеніямъ, которыя въ предисловіи и приводятся. Якутскіе образцы въ рукописи приведены, по большей части, по-якутски и по-русски, но изданы покамѣстъ только по-русски.

Сборникъ распадается на 7 отдѣловъ, изъ коихъ пять посвящены произведеніямъ якутской словесности и содержатъ:

I. Пословицы и поговорки,
II. Пѣсни (импровизація дѣвушки-Якутки),
III. Якутскія загадки,
IV. Саги,
V. Сказки.

Изъ остальныхъ же трехъ одинъ (VI), содержитъ „Русскія сказки у Якутовъ Верхоянскаго округа" (въ переводѣ на русскій языкъ), а два другіе посвящены Русскимъ и содержатъ: VII русскія сказки, у Русскихъ, и VIII пѣсни русскія.

Минуя первые 5 чисто якутск. отдѣловъ, которые содержатъ впрочемъ очень много интереснаго [1]), остановлюсь немного на трехъ послѣднихъ.

---

[1]) Интересно бы прослѣдить отношеніе пословицъ и поговорокъ якутскихъ къ пословицамъ другихъ инородцевъ и Русскихъ: нѣкоторыя изъ нихъ ужъ очень близки къ русскимъ, напр.: Якутск. «Если собакѣ нечего дѣлать, то она лижетъ себѣ адницу»=русск. «Нечего псу дѣлать — давай ж—у лизать», или якутск.: «У женщины хоть волоса и долги, да мысль коротка» = русск.: «У бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ», или якутск.: Между обоими вода не проливается» = русск. «Водой не разольешь» (о друзьяхъ); также якутск. «Не будешь лизать, наливши на лицо сору»=русск. «Съ лица не воду пить» (о невѣстѣ) и др.).

Digitized by Google

Въ отдѣлѣ VI изъ двухъ „русскихъ сказокъ у Якутовъ“ первая—Илья Муромецъ (на стр. 254—268, т. е. 15 стр!) представляетъ скорѣе побывальщину (т. е. былину, утратившую размѣръ) объ Ильѣ Муромцѣ, составившуюся изъ соединенія нѣсколькихъ былинъ, причемъ этому богатырю приписывается кое-что относящееся къ другимъ. Сказка сначала знакомитъ съ богатымъ крестьяниномъ города Мурома Климомъ и его женою: „у него 20 табуновъ коннаго скота, нѣсколько сотъ коровъ и быковъ, безсчетное число барановъ, а въ сундукахъ и амбарахъ было собрано много разнаго богатства“. Не было только дѣтей; но, хотя старику было 82 года, а старухѣ 70, они все таки надѣялись имѣть дѣтей. И въ самомъ дѣлѣ, по ихъ усердной молитвѣ Богъ далъ имъ сына, который при рожденіи „не издалъ ни одного звука, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія“. Силу ему по истеченіи многихъ лѣтъ дали 3 свѣтлыхъ красивыхъ юноши, велѣвшіе ему встать. Дальше разсказъ идетъ въ такомъ порядкѣ: покупается больной жеребенокъ, за ночь превращющійся въ богатырскаго коня, благословеніе на дорогу, Соловей разбойникъ, Илья у Владиміра, приходитъ „Поповскій сынъ богатырь со своимъ слугою“, Смерть Татаровичъ, которому приписываются черты Идолища Поганаго, насмѣшки Поповича (словами Ильи къ Идолищу, какъ обыкновенно) надъ Татаровичемъ, бой (хитрость Поповича и смерть Татаровича), Илья и Поповичъ братаются, воюютъ съ желѣзными и огненными людьми; Илья и Поповичъ въ гостяхъ луны-царицы (царь-дѣвицы), Поповичъ на ней женится, а Илья отказался: сила-де пропадетъ и калѣкой онъ сдѣлается; Илья встрѣчается съ огромнымъ богатыремъ (Святогоромъ?) и, оборотившись пчелой, жалитъ коня, за чтò и попадаетъ въ карманъ богатыря; онъ оказывается внукомъ жены богатыря; ѣдетъ съ богатыремъ, встрѣчаютъ гробъ, смерть богатыря; Илья встрѣчаетъ Николая Чудотворца съ ношею, въ которой $^3/_4$ вѣса всей земли.

Вторая сказка «Старецъ-Пилигримъ» (стр. 268—288, т. е. 20), представляетъ какъ бы варіантъ къ сказкамъ о „Палугримѣ“ и „Дивномъ Старикѣ“ уже упомянутаго мною Сборника.

VII и VIII отдѣлы интересны главнымъ образомъ по своему языку; но VIII кромѣ того интересенъ и по содержанію: въ него входятъ пѣсня, вѣрнѣе—былина Алеша (Алеша Поповичъ и Тугаринъ), нѣчто въ родѣ былины: Царь Елизаръ и, наконецъ, два отрывка изъ исторической пѣсни „Милославскій“. Въ языкѣ этихъ двухъ отдѣловъ прежде всего бросается обиліе постпозитивныхъ приставокъ, напр. при глаголахъ да—дралъ-да, трясла-да, знатъ-да (знаетъ); при существ. мѣстоимен. тъ, та, то (какъ болгарск. тъ, та. то): парень-отъ два-тѣ глаза, самого-то, руки-тѣ, ноги-тѣ. въ кадь-ту, въ воду-то, сабѣ-ка, и др.

Есть и фонетическія особенности, напр. сарь=царь, сѣпочка—цѣпочка. лоточка =лодочка, мóро=море, личи=лечь, эга-баба=яга-баба (род. эгой-бабы) и т. д.

Изъ синтактическихъ особенностей можно отмѣтить употребленіе мѣстн. пад. мн. ч. вм. родительн. на ряду съ правильной формой, напр. коней-те, россомаховъ-те, лисицѣхъ, медвѣдѣхъ, цесцохъ, сиводушекъ и т. д.; употребленія дательн. пад. для обозначенія направленія на вопросъ къ кому, напр.: Мы поѣдемъ мы, слуга, да мы Тугарину; пояхоли да они Солнышку Владиміру—и т. д. (ср. лѣтопис. поиде Вышегороду); употребленіе винит. пад. на вопросъ куда? во что? напр. „Онъ бросаетъ эту голову стекольчато вокнó“.

Ир. П.

Пыпинъ, А. Н. Исторія Русской Этнографіи Т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. Спб. 1891. IV + 428 стр.

И за этотъ томъ нельзя не поблагодарить автора, хотя конечно онъ многихъ не удовлетворитъ: оно и естественно,—автору предстояла очень трудная задача—представить сжатый историческій очеркъ движенія Русской мысли и науки за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, за такое богатое великими событіями и разными печальными происшествіями время, предложить возможно-вѣрную и короткую критическую оцѣнку многихъ первостепенныхъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ явленій въ области русскаго искусства и науки, по русскимъ древностямъ и русской исторіи,—по исторіи государства и права, по исторіи церкви, по русской филологіи—по грамматикѣ, словарямъ, по народной словесности, по исторіи литературы...

Благодарные автору за то, что имъ сдѣлано хорошаго и полезнаго, отмѣтимъ нѣкоторые показавшіеся намъ недочеты и пробѣлы, какъ въ фактическомъ изложеніи, такъ и въ освѣщеніи предмета.

Какъ ни пространны, даже съ излишкомъ, иныя главы этой книги, напримѣръ, главы VI (Новая историческая литература по отношенію къ изученіямъ народности (С. 159—189), XI (Изображенія народа въ литературѣ (С. 350—374), и XII (Народничество (С. 374—419)—онѣ очень мало разъясняютъ дѣло и уже слишкомъ отзываются журнализмомъ тона и сужденій... Напримѣръ: «Идеалы г-жи Кохановской могутъ даже рости подъ сѣнію присутственныхъ мѣстъ...» Правда, это выраженіе принадлежитъ не нашему автору, а Анненкову (Восп. и крит. очерки II, 303 и сл.), но авторъ приводитъ полъ страницы изъ подобнаго отзыва Анненкова о Кохановской. Отзывъ о г. Лѣсковѣ непріятно поражаетъ разными придирками. Мнѣнія и сужденія о Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ, Кавелинѣ съ одной и о мистицизмѣ славянофиловъ или о послѣднихъ произведеніяхъ Льва Толстаго, о Достоевскомъ, о Данилевскомъ Н. Я., своею односторонностью и преувеличеніями, въ возвышеніи однихъ и униженіи другихъ не поразятъ развѣ лишь публики, умственно питающейся и живущей одними нашими мѣсячными журналами. Въ VI главѣ, при опроверженія такъ называемыхъ славянофильскихъ воззрѣній на Петра Великаго и Петербургскій періодъ онѣ невѣрно и неточно передаются, отчего и опроверженія мало или вовсе къ дѣлу не относятся.

Въ главѣ X (Общій обзоръ изученій народной жизни за послѣднія десятилѣтія, т. е. съ 1840 до 1890 г. 297 — 349) представленъ сжатый статистико-библіографическій очеркъ литературы—по русской географіи, статистикѣ и этнографіи съ 1859 по 1866 г. (по Межову) и приведены авторомъ полезныя библіографическія указанія о дѣятельности Академіи Наукъ, Генеральнаго Штаба, Географическаго Общества, Статистическаго центральнаго, губернскихъ и земскихъ комитетовъ, о подъемѣ губернскихъ вѣдомостей и развитіи мѣстныхъ изслѣдованій, о трудахъ Общества Любителей древней письменности въ Петербургѣ и Московскаго Общества Любителей естествознанія и пр.

Эта глава очень интересна и полезна. Мы не нашли въ ней, къ сожалѣнію, такихъ же указаній на дѣятельность двухъ новыхъ обществъ, успѣвшихъ обогатить русскую литературу рядомъ важныхъ изданій—Обществъ Палестинскаго и Историческаго. Можно бы было тутъ же отмѣтить о новомъ преобразованіи Записокъ Петербургскаго Арх. Общества. Важны и новѣйшія Записки Славянорусскаго Отдѣленія, но особенно заслуживаютъ упоминанія Записки Восточнаго Отд., которыя подъ редакціей В. Р. Розена стали если не самымъ лучшимъ, то однимъ изъ первыхъ нашихъ ученыхъ журналовъ. Справедливость требовала бы указать и на замѣтный сравнительно упадокъ и ослабленіе дѣятельности Археографической Коммисіи. Вообще въ 30—40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ государство, говоря относительно, оказывало этому дѣлу больше вниманія и пособія, чѣмъ въ послѣдующія десятилѣтія. Въ этомъ отношеніи мы сдѣлали большой шагъ назадъ, особенно если принять во вниманіе значительное увеличеніе съ того времени денежныхъ государственныхъ средствъ вообще и самаго Министерства Нар. Просв. и необычайно развившуюся за это время дѣятельность по изданію историче-

Digitized by Google

скихъ источниковъ въ Германіи, Италіи, Англіи... Сличеніе того, чтò сдѣлано и дѣлается у насъ за послѣднія десятилѣтія съ тѣмъ, чтò единовременно совершено хотя бы въ одной лишь Баваріи, Флоренціи или Венеціи, даже въ Венгріи или въ Польской Галиціи или въ Хорватіи, можетъ насъ только приводить въ стыдъ и смущеніе. Будемъ справедливы, и признаемъ, что въ 30—40-хъ гг. по этой части, относительно говоря, мы стояли выше, чѣмъ въ послѣдующія десятилѣтія до настоящаго времени. Мы не поклонники и не любители того прошлаго, но правды таить нечего.

Если эту главу X, хотя она и цѣнная, отнести къ вышеуказаннымъ тремъ главамъ, такъ какъ въ ней скорѣе однѣ указанія, чѣмъ критическая оцѣнка разныхъ научныхъ явленій и дѣятелей, то для историческаго очерка движенія Русской науки и критической оцѣнки главнѣйшихъ ея дѣятелей остается собственно до 280 страницъ съ небольшимъ за все послѣднее пятидесятилѣтіе. При извѣстной сжатости и равномѣрности, автору можно-бы было справиться съ его задачею. Но къ сожалѣнію ни должной краткости, ни равномѣрности въ этой части книги Пыпина не замѣтили. Такъ почти вся IX глава, безъ малаго 40 страницъ, посвящена описанію и оцѣнкѣ трудовъ акад. и проф. А. Н. Веселовскаго и изложенію содержанія одной статьи проф. Ягича „Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik“ (Arch. 1875. 82 133). Согласны — велики и разнообразны труды Веселовскаго, но нѣкоторые изъ нихъ больше относятся къ Франціи, Италіи, Германіи, даже къ Египту, чѣмъ къ Руси или къ Славянщинѣ. Признаемъ большія заслуги Ягича по изданію и редакціи его Archiv'a f. d. slaw. Phil., его прекрасныхъ трудовъ и изданій Зографскаго и Маріинскаго Евангелій, Русскихъ Миней, переписки Добровскаго, различныхъ его славянскихъ изслѣдованій, между прочимъ и о славянской народной поэзіи, но не видимъ въ статьѣ такого важнаго значенія чтобъ посвящать ей, какъ г. Пыпинъ, при недостаткѣ мѣста, десять страницъ слишкомъ.—Ѳ. И. Буслаеву посвящено, и справедливо, много мѣста, но все же—два печатныхъ листа. Мы конечно высоко цѣнимъ заслуги Буслаева, однако не можемъ согласиться съ замѣчаньемъ г. Пыпина, будто этотъ ученый является у насъ первымъ представителемъ историко-сравнительнаго языковѣдѣнія (стр. 77). Первымъ настоящимъ филологомъ новаго направленія былъ у насъ ровесникъ Боппа и Гримма А. Х. Востоковъ, вторымъ-же безспорно — его ученикъ П. И. Прейсъ. Его отчеты о Литовскомъ языкѣ и о Русскихъ въ немъ словахъ, о Кашубскомъ нарѣчіи, о Хорсѣ и другихъ чужихъ божествахъ у Славянъ Русскихъ, его критическія замѣчанія на грамматику Боппа, самолично имъ врученныя автору въ нач. 1840-го г., его трехлѣтнее преподаваніе въ нашемъ Университетѣ не должны быть забываемы при оцѣнкѣ почтеннаго, но въ значительной степени компилятивнаго труда Буслаева: О преподаваніи отечественнаго языка 1844. — Несмотря на извѣстныя ошибки въ пріемахъ и методѣ, трудъ Павскаго Филологическія Наблюденія надъ составомъ Русскаго языка 1841—43 заслуживалъ-бы большаго признанія а „Корнесловъ Русскаго языка сравненнаго со всѣми главнѣйшими Славянскими нарѣчіями и съ 24 иностранными языками“. Ѳ. Шимкевича. Спб. 1842 и магистерское разсужденіе Каткова „Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка“. М. 1845, всячески-бы заслуживали благодарнаго упоминанія хотя-бы при рѣчи о первомъ трудѣ Буслаева. — Почтенному, трудолюбивому и даровитому, хотя не имѣвшему хорошей филологической подготовки, А. Н. Аѳанасьеву посвящена особая глава (IV, стр. 110—132), Кавелину десять слишкомъ страницъ, чтò кажется намъ столь-же неумѣреннымъ, какъ и изображеніе его заслугъ въ русской исторіи, въ исторіи русскаго права и въ этнографіи. Правда Бѣлинскій восторгался статьею Кавелина „Юридическій бытъ древней Россіи“, но ни этотъ восторгъ, ни самая статья наукѣ ничего особеннаго не дали. Правдивая ей оцѣнка была въ свое время сдѣлана Самаринымъ, и научная критика не можетъ ея не знать. Правдивъ и отзывъ Никитенки (въ Зап.) о Кавелинѣ.

Разсмотрѣнію тридцатилѣтней дѣятельности проф. А. А. Потебни посвящено всего семь страницъ. Г. Пыпинъ замѣчаетъ, что Потебня „занимаетъ теперь одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто въ ряду русскихъ филологовъ“ (стр.). Было бы справедливѣе сказать, что по обширности и основательности знаній, по глубинѣ и тонкости проницанія во внѣшній составъ и внутренній строй языковъ, знанія и пониманія на-

Digitized by Google

родной поэзіи какъ всего Славянскаго, такъ и Литовско-Лѣтскаго племени профессору Потебнѣ принадлежитъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду Европейскихъ филологовъ вообще, а въ мірѣ Славянскомъ положительно первое мѣсто.

Вполнѣ признавая важное значеніе трудовъ Буслаева, Тихонравова, Пыпина, Сухомлинова, Майкова, Веселовскаго по исторіи древней и старой нашей словесности, мы къ удивленію не нашли упоминанія о дѣятельности проф. Шевырева. Каковы бы не были его недостатки, какъ профессора и писателя, но его немаловажныя заслуги русской наукѣ несомнѣнны.

Его труды тридцатыхъ годовъ: Дантъ и его вѣкъ. Москва. 1833., Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи. Москва. 1836, сороковыхъ и пятидесятыхъ—по исторіи Русской словесности; сверхъ весьма важныхъ для своего времени лекцій его о древней нашей словесности заслуживаетъ признательности и его извѣстная Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850. Выхваченная изъ этой книги журнальною критикою, одна-другая забавная фраза не можетъ же выключить изъ исторіи Русской науки имя и заслуги Шевырева, какъ бы мы лично къ нему ни относились. Намъ въ высшей степени пріятно было прочесть недавно на страницахъ Вѣстника Европы въ Воспоминаніяхъ Ѳ. И. Буслаева нѣсколько строкъ, посвященныхъ памяти Шевырева. Изъ нихъ, по собственному же признанію Ѳ. И. Буслаева, оказывается, что Шевыревъ имѣлъ на него благотворное вліяніе, и оно сказалось даже въ его первомъ важномъ трудѣ О преподаваніи отечественнаго языка. М. 1844. Надо думать, что любовь къ Данту зародилась въ молодомъ Буслаевѣ тоже не безъ вліянія Шевырева. Кирѣевскій И. В. писалъ про публичныя лекціи Шевырева о древней нашей словесности: „Замѣтно, что общее участіе къ лекціямъ безпрестанно возрастаетъ, также какъ и число слушателей. Сначала ихъ было около полутораста; теперь ихъ уже болѣе трехъ сотъ. Послѣдняя лекція его перерывалась пять разъ рукоплесканіями, которыми его встрѣчаютъ и провожаютъ почти каждый разъ“ [1]).—Приводимъ это показаніе для тѣхъ, кто склоненъ измѣрять научныя заслуги людей ихъ большею или меньшею популярностью. Мы лично судимъ о значеніи трудовъ Шевырева по другимъ основаніямъ, и полагаемъ, что критическимъ отзывамъ Бѣлинскаго законно противуставлять отзывы о Шевыревѣ И. В. Кирѣевскаго, богато одареннаго отъ природы и сильнымъ умомъ и критическимъ талантомъ, и несомнѣнно изъ всѣхъ нашихъ критиковъ послѣднихъ десятилѣтій наиболѣе просвѣщеннаго и научно-образованнаго человѣка.

Въ книгѣ г. Пыпина не нашли мы страницъ посвященныхъ особому упоминанію и оцѣнкѣ важныхъ для исторіи нашей древней словесности и старой письменности трудовъ ни Андр. Попова, человѣка съ крупными заслугами (не за одно описаніе рукописей Хлудова), ни проф. А. С. Павлова (еще недавно обнародовавшаго съ прекрасными замѣчаніями весьма важный древній русскій памятникъ), ни также преосвященныхъ Филарета и Макарія, ни весьма крупнаго нашего ученаго проф. Е. Е. Голубинскаго, ни профессоровъ П. А. Николаевскаго и А. И. Пономарева; мы не нашли даже имени послѣдняго тамъ, гдѣ бы ему стоять слѣдовало (къ главѣ IX на стр. 292—295), какъ не нашли тамъ же упоминанія и цѣнной работы проф. М. И. Соколова: „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“. Вып. I. М. 1888.

Еще удивительнѣе для насъ молчаніе о двухъ истинно-великихъ подвижникахъ Русской исторической науки за разсматриваемое г. Пыпинымъ время. Разумѣемъ проф. А. В. Горскаго и К. А. Неволина. Эти ученые, истинные великаны, занимали въ свою пору такъ сказать доминирующее, господствующее положеніе въ русскомъ ученомъ мірѣ, въ областяхъ своей спеціальности, остаются теперь и навсегда конечно останутся такою же неувядаемою славою русской науки, какъ въ наукахъ историко-нравственныхъ Карамзинъ, Востоковъ, Срезневскій, а въ наукахъ физико-математическихъ и въ естествознаніи Лобачевскій, Пироговъ, Пржевальскій, Сѣверцовъ, Чихачевъ...

---

[1]) Полн. Собр. сочин. И. В. Кирѣевскаго. М. 1861. II. 213 (о статьѣ Шевырева о Гетевомъ Фаустѣ (М. Вѣст.) и 190—195 (Публ. лекціи Шевырева).

Digitized by Google

Сверхъ простаго упоминанія имени А. В. Горскаго (на стр. 324) въ числѣ разныхъ изслѣдователей исторіи литературы, мы встрѣтили о немъ лишь слѣдующее: „въ послѣднія десятилѣтія явились въ этой области (описаніе рукописныхъ собраній) замѣчательные труды опытныхъ библіографовъ: Горскаго и Невоструева (опис. рпсей М. Син. библіотеки), Викторова (опис. рпсей Григоровича, Ундольскаго), Бычкова (рпси Публ. Библіотеки), А. Попова (рукописи Хлудова), Добрянскаго (рук. Виленск.), Петрова (рук. Кіевск. дух. ак.), описаніе рукописей Соловецкой библіотеки". Намъ кажется нѣсколько неловкимъ монументальное изслѣдованіе Горскаго (Невоструевъ занимаетъ второстепенное мѣсто) ставить на одну доску съ упомянутыми описаніями рукописей, какъ они ни полезны и какъ ни почтенны ихъ составители. Въ такомъ трудѣ, какъ II т. сочин. Пыпина, было бы кажется очень умѣстно сообщить нѣсколько свѣдѣній о Горскомъ и указать его труды, хотя бы касающіеся только Россіи. Сверхъ его «лекцій по исторіи евангельской и церкви апостольской (Москва. 1883. 688 стр.)», изданія посмертнаго, былъ изданъ при жизни его цѣлый рядъ отличныхъ изслѣдованій по общей церковной исторіи (Прибавленіе къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ I, X, XII, XIV, XX, XXI, XXII, XXIV) или весьма важныя для исторіи Византіи монографіи, какъ напр. „Николай Мистикъ, патріархъ Константинопольскій (806—925)" въ Приб. XIX, 2 стр. 163—275; „Внѣшнее состояніе церкви Восточной въ IX—XIII стол. (Христ. Чт. 1848 г. 1), или по новой исторіи восточнаго христіанства, какъ—„Подвижники вѣры на востокѣ послѣ паденія имперіи Греческой (Приб. XI), «О Соборѣ Іерусалимскомъ 1672 г.» (Приб. XXIV). Напомнимъ наконецъ, цѣлый рядъ превосходныхъ работъ по исторіи славянской и русской церкви: прекрасный критическій разборъ Паннонскихъ житій Св. Кирилла и Меѳодія,—эта статья (Москвит. 1843. III) составляетъ эпоху въ исторіи важнаго вопроса о слав. первоучителяхъ,—о походахъ Руссовъ на Сурожъ (Зап. Од. Общ. Ист. 1844. I), о митрополіи Русской въ к. IX в. (Приб. IX), о митрополитахъ кіевскихъ и московскихъ—Кириллѣ II, Св. Петрѣ, Св. Алексѣѣ, Св. Фотіѣ, Св. Іонѣ, Ѳеодосіѣ и Филиппѣ I (Приб. I, II, IV, VI, XI, XVI), о митрополіи Кіевской въ началѣ ея отдѣленія отъ Московской (приб. XIII), о Максимѣ Грекѣ (Приб. XVIII), о сношеніяхъ Русской церкви со святогорскими обителями до XVIII ст. (Приб. VI), извѣстіе объ Авраамѣ Палицынѣ (Москв. 1841), возраженіе противъ замѣч. объ осадѣ Троицкой Лавры (Москв. 1842, VI), о духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII в. (Приб. III), о Петрѣ Могилѣ, митрополитѣ Кіевскомъ (Приб. IV), нѣсколько свѣдѣній о Паисіѣ Лигаридѣ до прибытія его въ Россію (Приб. XXI), наконецъ историческое описаніе Св. Троицкой лавры (I изд. 1842) и знаменитое, великолѣпное описаніе рукописей Синод. библіотеки. Послѣ Горскаго остались еще разныя записки и бумаги [1]), и нельзя не поставить въ укоръ нашимъ передовымъ духовнымъ лицамъ, преимущественно слушателямъ Горскаго, что до сихъ поръ (Горскій+1875) они не собрались издать полное собраніе его статей и изслѣдованій съ портретомъ и возможно полною біографіею. Въ такомъ собраніи есть крайняя надобность. Его требуетъ и чувство признательности къ великому ученому, и крайняя необходимость его трудовъ для всѣхъ занимающихся исторіею церкви, восточной, славянской и русской, и вообще исторіею внутренней жизни Россіи и ея образованности. Отличаясь строгою и проницательною критикою, глубокою ученостью и замѣчательнымъ даромъ строго-научнаго изложенія, изслѣдованія А. В. Горскаго принадлежатъ безспорно къ лучшимъ созданіямъ русскаго ума и русской науки. Мы цѣнимъ уже нашихъ поэтовъ и художниковъ, пора начать цѣнить и нашихъ высшихъ подвижниковъ науки. Мѣсто Горскаго въ ряду первыхъ изъ нихъ.

Такое же крупное явленіе въ исторіи русской исторической науки представляютъ и труды К. А. Неволина: монументальная Исторія Россійскихъ гражданскихъ законовъ. Спб. 1851, важныя изслѣдованія: Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В. Спб. 1844., Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II. Спб. 1847, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра

[1]) Изданъ любопытный Дневникъ М. 1885, но неизвѣстно, съ пропусками или нѣтъ?

Digitized by Google

В. Спб. 1847, О преемственности великокняжескаго Кіевскаго престола. Спб. 1851, наконецъ О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XV в. (Зап. И. Р. Г. Общ. 1853), отличаются высокими учеными достоинствами. Они значительно выясняютъ самыя важныя стороны внутренней жизни Русскаго государства и общества какъ до Петра В., такъ и въ новое время. Не понимаемъ, почему въ книгѣ г. Пыпина дано мѣсто (до 10 стран. въ началѣ книги) трудамъ Соловьева, а не удѣлено и полстраницы трудамъ Неволина, Горскаго... „Въ области исторіографіи на первомъ планѣ стоятъ многочисленные труды неутомимаго Соловьева (1820—1879). Его диссертаціи 1845 и 1847 гг. и первый томъ Исторіи Россіи (1851) «были, по словамъ г. Пыпина, фактомъ, составляющимъ эпоху. Труды Соловьева были приняты съ великимъ сочувствіемъ и уваженіемъ... Эти сверстники съ перваго раза вѣрно оцѣнили всю важность новаго пріема и его отношеніе къ карамзинскому преданію. Съ другой стороны труды эти были встрѣчены весьма недружелюбно Погодинымъ. „Критическій пріемъ Соловьева былъ именно пріемъ „исторической школы". «Первые образцы новой критики указали наглядно всю недостаточность прежнихъ изслѣдованій...» Подъ сверстниками г. Пыпинъ разумѣлъ Кавелина и частью Калачова... но кромѣ ихъ и Погодина, кромѣ публики, повторявшей восторги Современника и неудовольствіе и жалобы „Москвитянина", были у насъ ученые лѣтъ на десять, на семь и т. д. старше Соловьева и Кавелина, были и сверстники Соловьева отлично знакомые съ критическими пріемами, понимавшіе недостатки Карамзина, Погодина тѣмъ паче. Между первыми укажемъ Надеждина, Неволина, Горскаго, Калмыкова, М. Куторгу, между вторыми—П. С. Савельева (автора Мух. нумизматики) В. В. Григорьева,—и не только сверстниковъ, но и пріятелей и товарищей Соловьева—даровитаго, слишкомъ рано умершаго, Д. Валуева, Ю. Ѳ. Самарина, А. Н. Попова, А. Ѳ. Тюрина, автора прекрасной статьи «Земскія отношенія въ древней Руси»—гораздо важнѣе статьи Кавелина «Юрид. бытъ древней Россіи». И первые, и вторые, не повторяя Погодина, умѣли относиться вполнѣ критически къ трудамъ Соловьева. И тѣ, и другіе съ уваженіемъ и радостью отнеслись къ первымъ изслѣдованіямъ Соловьева, хотя признали въ нихъ извѣстныя натяжки (относительно родоваго быта) и нѣкоторую односторонность (напр., въ оцѣнкѣ переписки царя Ивана Грознаго и князя Курбскаго), но для нихъ эти работы Соловьева еще эпохи не составляли, по крайности такой, какъ казалось Бѣлинскому и нашей публикѣ, думавшей по журналамъ. Что же касается мысли и предпріятія Соловьева съ 1851 г. начать издавать исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ, то объ этомъ замыслѣ они всѣ, можно сказать, единодушно жалѣли, особенно когда увидали, что Соловьевъ рѣшилъ торопиться и издавать ежегодно по тому.

Въ этомъ отношеніи Хомяковъ въ 1851 г., черезъ 6 лѣтъ по выходѣ перваго тома Исторіи Соловьева, высказалъ строгое, но правдивое мнѣніе, котораго держались и раньше всѣ наши ученые. „Г. Соловьевъ, сказалъ онъ, началъ свое литературное поприще отдѣльными изслѣдованіями, не лишенными истиннаго достоинства. Въ одномъ указано было на значеніе новыхъ городовъ (которые скорѣе слѣдовало-бы назвать княжескими городами, — Вятка вѣдь тоже была городомъ новымъ). Оно было несправедливо своею формальною частью; ибо новопостроенные города имѣли видимыя учрежденія, подобныя старымъ (другихъ жизненныхъ формъ никто и не старался придумать); но оно было вполнѣ право въ смыслѣ внутреннемъ. Въ новыхъ городахъ не было преданія съ его крѣпостію областнаго эгоизма. съ его упорствомъ, и слѣдовательно они были органами болѣе способными для развитія новыхъ общественныхъ требованій. Это изслѣдованіе Соловьева есть истинная заслуга. Другое его изслѣдованіе объ отношеніяхъ Новгорода къ князьямъ было до нѣкоторой степени справедливо въ смыслѣ формальномъ, и въ тоже время совершенно ложно въ смыслѣ внутреннемъ. Оно упускало изъ виду особенности Новгородской жизни, ясныя съ самаго начала исторіи, и не принимало въ соображеніе того, что эти особенности должны были по необходимости рѣзче выступать наружу не столько по закону внутренняго развитія, сколько по противодѣйствію увеличивавшимся княжескимъ требованіямъ. Нельзя также не признать достоинства взглядовъ г. Соловьева на эпоху удѣловъ при раздѣльности земли и на эпоху удѣловъ обособляющихся (хотя онъ едва-ли не напрасно первой эпохѣ отказывалъ въ названіи удѣльной.

Digitized by Google

Всѣ эти труды были не безполезны; но г. Соловьевъ не довольствовался ими и скромнымъ путемъ изслѣдованій. Онъ приступилъ къ исторіи Россіи. Всякому дѣйствительному ученому, — и безъ сомнѣнія г. Соловьеву, — было ясно, что исторіи въ смыслѣ художественной лѣтописи послѣ Карамзина уже писать нельзя: для критической-же исторіи не заготовлено достаточно предварительныхъ изслѣдованій. Нужно было ими запастись: но когда-же кончится эта предварительная работа? Историкъ рѣшился обойтись безъ нея; чтò изъ этого рѣшенія вышло, мы имѣемъ предъ собой... (П. С. Соч. Хомякова I, 584—603).

Дѣйствительно, Соловьевъ оставилъ-бы по себѣ, при своемъ трудолюбіи и талантѣ, гораздо болѣе глубокіе слѣды въ русской исторической наукѣ, если бы продолжалъ работать какъ критикъ и изслѣдователь, и только между большими своими трудами, писалъ-бы исподоволь и переиздавалъ съ исправленіями и дополненіями свой общій курсъ Русской исторіи въ тома четыре—шесть. Намъ кажется, что эта спѣшная, ставшая для Соловьева внѣшне-обязательною, работа, подгонявшая каждый томъ къ каждому году, только ускоряла преждевременное разстройство его силъ. Соловьевъ самъ не могъ подъ конецъ не сознавать или не чувствовать всѣхъ недостатковъ и пробѣловъ своей Исторіи,—рѣдкій томъ, при многихъ прекрасныхъ страницахъ, не носитъ слѣдовъ скороспѣлой, сшитой бѣлыми нитками, работы: она его самого удовлетворять не могла.

Г. Пыпинъ замѣчаетъ (стр. 177): „сочиненіе Соловьева, какъ извѣстно, въ послѣднихъ томахъ (а въ большей части первыхъ будто иначе?) было больше хронологическимъ сопоставленіемъ мало обработаннаго матеріала, чѣмъ исторіей".

Если г. Пыпинъ считалъ нужнымъ поговорить объ успѣхахъ и движеніи Русской исторіографіи, въ 40-хъ, 50-хъ и послѣдующихъ гг., то однимъ Соловьевымъ, Кавелинымъ, Калачовымъ, Забѣлинымъ нельзя было ограничиваться. Труды Неволина въ 40-хъ и нач. 50-хъ гг. по исторіи Русскаго права нельзя было проходить молчаніемъ, какъ и труды Горскаго по исторіи Русской церкви. Въ дѣлѣ изученія народности исторія церкви и исторія права (гражданскаго прежде всего, а у Неволина изслѣдованы и важные вопросы по праву государственному древней и старой Руси) имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ общая политическая исторія страны. Вообще у г. Пыпина слишкомъ мало обращено вниманія на труды по исторіи Русской церкви (всего больше говорится о Щаповѣ) и вообще на разныя работы и изданія нашихъ духовныхъ академій. На нѣкоторые журналы, которые въ 50-хъ, 60-хъ гг. не мало помогли утвержденію въ нашемъ обществѣ самыхъ подъ часъ невѣжественныхъ представленій о многихъ ученыхъ и о самой наукѣ, г. Пыпинъ удѣляетъ слишкомъ много незаслуженнаго, въ данномъ случаѣ, вниманія, а о другихъ журналахъ, большой публикѣ мало извѣстныхъ и болѣе содержательныхъ и важныхъ въ смыслѣ научномъ, почти совсѣмъ умалчиваетъ. Да и относительно популярнѣйшихъ журналовъ и критиковъ мы не нашли, признаться, желанной справедливости. Г. Пыпинъ не разъ приводитъ мнѣнія Добролюбова (Взгляды Добролюбова стр. 363 исл.), однажды даже замѣчаетъ: „И такъ, вѣра въ народъ, но и свободное критическое изученіе (курс. принадлежитъ Пыпину) его—былъ выводъ Добролюбова. Онъ замѣчателенъ исторически (курс. принадл. намъ) тѣмъ, что отмѣчаетъ дѣйствительный переломъ, который долженъ былъ начаться и въ самомъ дѣлѣ начался, какъ въ художественномъ изображеніи народа, такъ и вообще въ отношеніи къ нему литературы" (с. 369).

Таково великое значеніе Добролюбова въ исторіи Русской литературы и науки. Оспаривать это положеніе не станемъ и будемъ надѣяться, что найдутся иные, что упрекнуть г. Пыпина за односторонность и за напрасное умолчаніе о взглядахъ и заслугахъ Писарева. Мы къ нимъ заранѣе готовы присоединиться, ибо Писаревъ былъ не менѣе Добролюбова даровитъ и прогрессивенъ, касался почти тѣхъ же вопросовъ, не меньше его имѣлъ въ свое время поклонниковъ, имѣетъ ихъ, вѣроятно, и теперь, писалъ также легко и много стихами и прозой, и умеръ также рано. Вообще для посторонних наблюдателей между „Современникомъ" не конца 40-хъ и начала 50-хъ гг., а конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ и между „Русскимъ Словомъ", гдѣ писалъ Пи-

Digitized by Google

саревъ, существенной разницы не было. Они сами это сознавали и высказывали, какъ выразилось однажды «Русское Слово» (послѣ полемики изъ за «Отцовъ и Дѣтей»): «Р. Сл.» можетъ расходиться съ «Современникомъ» на частныхъ и отдѣльныхъ вопросахъ, но оно всегда на столько уважало общую идею, что не рѣшится пожертвовать этой идеей въ пользу какого-бы то ни было личнаго самолюбія" [1]).

По поводу статей Кошелева и Самарина съ одной и «Современника» съ другой стороны, г. Пыпинъ замѣчаетъ: «Р. Б.» и «Совр.» были одинаково партизанами общиннаго начала, съ тою разницею, что первая продолжала примѣшивать къ вопросу мотивы національно-мистическіе, второй—вопросъ съ болѣе простой, реально-экономической и общественно-нравственной точки зрѣнія» (с. 322) [2]).

Недостаточно справедливый даже къ «Русскому Слову» одного направленія съ «Современникомъ», г. Пыпинъ еще менѣе могъ быть справедливъ и внимателенъ къ «Русской Бесѣдѣ» или близкимъ къ ней нашимъ богословскимъ ученымъ журналамъ. Поэтому неудивительно, хотя и очень жаль, что, указывая на статьи и книги Кулишера, Воеводскаго, Сумцова по общей этнологіи, онъ не указалъ на нѣсколько важныхъ критическихъ изслѣдованій этого рода нашихъ двухъ весьма замѣчательныхъ ученыхъ Ѳ. А. Голубинскаго и В. Д. Кудрявцева, а также на неоконченный еще трудъ г. А. Введенскаго (въ Прав. Обозр.)—разборъ различныхъ новѣйшихъ ученій о первоначальныхъ религіяхъ. При обзорѣ трудовъ по исторіи письменности и народной словесности слѣдовало бы упомянуть съ признательностью о заслугѣ «Православнаго Обозрѣнія» по ознакомленію русской литературы съ различными апокрифами.

Говоря о Соловьевѣ, г. Пыпинъ счелъ нужнымъ привести о немъ мнѣнія и сужденія проф. Герье. Онъ, между прочимъ, всецѣло причисляетъ Соловьева къ русскимъ гуманистамъ, къ западникамъ (с. 16). „Его привлекалъ къ нимъ прежде всего научный интересъ, а затѣмъ сознаніе, что научное ихъ направленіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе національное. Научно-европейское образованіе поставило его высоко надъ тѣми робкими умами, которые изъ страха перестать быть русскими боялись сдѣлаться Европейцами».

Все это крайне односторонне и относительно Соловьева значительно невѣрно. При опредѣленіи новѣйшаго гуманизма, г. Герье несомнѣнно предъносились идеи Лессинга о человѣчествѣ и его Nathan der Weise по преимуществу, но онъ забылъ, что русская молодежь 40-хъ годовъ была преимущественно воспитана и проникнута философіею Гегеля и его учениковъ и послѣдователей, что въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Германіи сильно развивалась и идея національнаго единства Германіи... Наконецъ, между нашими западниками 40-хъ годовъ были пантеисты (Грановскій), Фейербаховцы (Герценъ и пр.) и вѣрующіе, своего рода уніаты, въ родѣ тогдашняго Чаадаева или новѣйшаго его преемника Вл. Соловьева. С. М. Соловьева пишущій эти строки знавалъ довольно близко, любилъ, глубоко уважалъ его въ теченіе двухъ лѣтъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ

---

1) Привожу это мѣсто по замѣчательной книгѣ Страхова «Изъ исторіи литературнаго нигилизма». 1861—1865. Спб. 1890. С. 543.

2) Самаринъ писалъ: «Послушайте г. Чернышевскаго. Онъ начинаетъ такъ: «Умоляю васъ, не примите меня за Славянофила; право я вовсе не стою за общинное владѣніе землой, существующее въ нашихъ селахъ; но не могу же я признать эту форму владѣнія вредною, когда передовые мыслители Западной Европы видимо склоняются въ ея пользу». На это отвѣчаетъ г. Вернадскій: «Напротивъ, ученые Западной Европы (короче: наука) давно отвергли общинное владѣніе землею, изъ чего слѣдуетъ, что оно никуда не годится». И это-называется споромъ двухъ Русскихъ ученыхъ о Русской сельской общинѣ! Право, мы скоро доживемъ до того, что Русскій пейзажистъ, задумавъ изобразить на полотнѣ снѣжную метель, запрется въ своей мастерской, чтобъ изучить описанія зимней природы, встрѣчающіяся у Тасса, Данта и Камоэнса». «Соврем. и Указат. (Вернадскій) съ перваго же шага сбились съ исторической почвы и потеряли изъ виду предметъ спора. Русская община осталась въ сторонѣ; а на ея мѣсто подвернулись незамѣтно, съ одной стороны — теорія искусственной организаціи труда (у Черн.)»... (Сочин. Самарина III, 4—5). И такъ у Самарина воззрѣніе конечно мистическое.

Digitized by Google

ежедневно видѣлся и бесѣдовалъ съ нимъ бывало о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ. Соловьевъ былъ конечно высоко-гуманный человѣкъ, но по своимъ философско-религіознымъ воззрѣніямъ никогда не принадлежалъ къ западникамъ—а также и по своимъ взглядамъ на отношенія наши къ старой Польшѣ и къ Польской народности, къ славянскому вопросу въ Австро-Венгріи, на отношенія наши къ Германіи и на Нѣмцевъ въ Россіи, даже на Петербургскую Академію Наукъ.—Въ этихъ вопросахъ онъ принадлежалъ, вопреки г. Герье, всецѣло къ тѣмъ умамъ. которые не боялись не прослыть гдѣ нибудь на Мясницкой или на Англійской набережной Европейцами, хотя многими умными природными Европейцами причислены къ замѣчательнѣйшимъ людямъ новой Россіи, т. е. къ такъ называемымъ Славянофиламъ. Оттого Соловьевъ до послѣдней своей ссоры съ Р. Бес. (Шлецеръ и анти-историческая школа) постоянно принималъ участье въ славянофильскихъ изданіяхъ: Сборникъ Валуева, Московскіе сборники (3 т.), Русская Бесѣда. Что Соловьевъ смотрѣлъ на русское просвѣтительное начало, на романизмъ и протестантство совершенно согласно съ Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, Самаринымъ, оно видно и изъ его сочиненій, извѣстно изъ его образа жизни и привычекъ...

Дѣйствительно С. М. Соловьевъ въ своихъ убѣжденіяхъ и образѣ жизни былъ строгій православный христіанинъ, что нисколько не мѣшало ему быть, такъ сказать. Европейцемъ по научному образованію. Проф. Герье вполнѣ правъ, говоря про Соловьева, что онъ не страшился перестать быть Русскимъ изъ боязни сдѣлаться Европейцемъ... по образованію.

Если подъ Европою κατ'ἐξοχήν разумѣть страны и національности, образовавшіяся изъ монархіи Карла В., то Россія, мы, Русскіе къ Европѣ никогда не принадлежали и Богъ дасть принадлежать не будемъ: надѣемся, что аднексомъ возрожденной Германской Имперіи не сдѣлаемся. Даже давно утратившіе свою независимость, слабые западные Славяне—Чехи, Словѣнцы, Хорваты объ этой имперіи не хотятъ и слышать, мечтають и бьются изо всѣхъ силъ, какъ бы въ Габсбургской монархіи, если не устранить, то побольше ослабить стихію нѣмецкую.

Если подъ Европою разумѣть духовную культуру, вѣру, христіанство, то Европа— есть міръ католическо-протестантскій, если расу или національности, то она—міръ Романо-Германскій. Поэтому въ этихъ отношеніяхъ огромнѣйшее большинство Русскихъ тоже не Европейцы, хотя христіане, но не католики и не протестанты, Арійцы, но не Романцы и не Германцы, а Славяне.

Если напр. проф. Герье—положимъ протестантъ и нѣмецъ или французъ, по своему рожденію и воспитанію, то онъ, конечно, гораздо болѣе Европеецъ, чѣмъ былъ Соловьевъ, котораго, какъ любаго изъ Русскихъ просвѣщенныхъ и ученыхъ людей, можно назвать Европейцемъ только по образованію. Во всякомъ случаѣ это бóльшее Европейство проф. Герье передъ Соловьевымъ—одна случайность, положимъ, счастливая, если это ему угодно,—но никакъ не заслуга, не свидѣтельство бóльшей смѣлости его ума и бóльшей робости ума Соловьева.

Робость ума—понятіе крайне растяжимое и гдѣ истинный, такъ сказать, по послѣдней модѣ,—какъ для насъ требуется,—Европеецъ?—вопросъ въ Европѣ далеко не рѣшенный. За робость ума католицизмъ устраняется протестантами, протестантизмъ—пантеистическимъ идеализмомъ, а тотъ, въ свою очередь, атеистическимъ матеріализмомъ. Въ робости ума и сердца упрекають соціалистовъ Бебеля соціалисты-анархисты. Католики, наконецъ, упрекаютъ протестантовъ и всѣхъ остальныхъ противниковъ своихъ въ непослѣдовательности и робости ума за боязнь признать непогрѣшимость Папы и мораль Іезуитовъ. Всѣ эти ученія и вѣрованія одинаково европейскія, возникли и имѣютъ въ Европѣ свою исторію и литературу, учрежденія, корпораціи, обладаютъ сильною организаціею, часто громадными капиталами, включаютъ въ себѣ все европейское человѣчество. Каждое изъ этихъ ученій и вѣрованій утверждаетъ о себѣ, что оно единое, истинное и спасительное, составляетъ высшее выраженіе и послѣднее слово европейской мысли, науки, образованности,

Наши Русскіе Европейцы всѣхъ направленій и оттѣнковъ, не столько по научному образованію, сколько по вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, отъ католиковъ (о. Мартыновъ,

Digitized by Google

Астромовъ и пр.) до анархистовъ включительно, единодушно совѣтуя Россіи сдѣлаться поскорѣе Европейскою, зазываютъ и тащатъ ее каждый въ свой лагерь, въ свою вѣру и церковь.

Къ концу 30-хъ и началу 40-хъ годовъ Россія безповоротно вступаетъ въ области искусства на путь самобытный и національный. Пушкинъ послѣдняго періода (съ 1824 и особенно съ 1830—31 г.), Гоголь, юный Лермонтовъ въ двухъ—трехъ прекраснѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, Глинка—создаютъ впервые (съ баснями Крылова и комедіею Грибоѣдова) высокіе, могучіе образцы, чисто русскаго національнаго художества слова и звука. Великій трудъ Карамзина, благородная и просвѣщенная дѣятельность гр. Н. П. Румянцева, труды Востокова, Калайдовича, Тимковскаго, Строева, Кеппена, Надеждина, первые ученые труды Погодина, Горскаго, Неволина, первыхъ нашихъ Славистовъ, основаніе и дѣятельность Археографической коммисіи вмѣстѣ съ пробужденіемъ западно-славянскихъ народностей, особенно изысканія Добровскаго, Копитара, Шафарика, Палацкаго, труды В. Караджича, новыя научныя направленія въ языкознаніи, въ изученіи древностей новой Европы, ея средневѣковой исторіи литературъ и церкви—произвели и подготовили въ Русскомъ общественномъ сознаніи и въ лучшихъ представителяхъ молодыхъ поколѣній новые, строгіе запросы на всестороннее и глубокое изученіе Россіи, ея исторіи, церкви, народнаго быта, сродныхъ ей народовъ Славянскихъ, исторіи восточной церкви и имперіи, ихъ отношеній къ западной церкви и имперіи. Явился неумолимый вопросъ — для чего-же жила почти тысячу лѣтъ Россія? призвана-ли она въ исторіи къ чему нибудь великому и самобытному? есть-ли въ ней задатки самобытнаго просвѣщенія? Или Русскимъ по прежнему нужно оставаться дилетантами западной науки и образованности?

„Давать себѣ отвѣтъ и удовлетвореніе на всѣ потребности души и мысли въ готовыхъ результатахъ чужой жизни, ничего не требуя отъ себя и обходясь безъ своего труда и внутренней работы надъ собою, такъ соблазнительно для нашей Русской лѣнивой природы, — что тяжело и трудно ей проснуться для иныхъ требованій и даже мудрено требовать отъ нея такого усилія надъ собой...“ „для тѣхъ изъ насъ, которые обрекли себя на жалкую роль дилетантства, ни потребности западной жизни не могутъ быть такъ искренни и глубоки, ни вопросы ея такъ неумолимо строги, какъ для тѣхъ, для коихъ эти требованія — вся ихъ обнимающая жизнь и живой плодъ всего ихъ народнаго и общественнаго прошедшаго. Ибо напрасно думаютъ, что можетъ быть перенесенъ съ одной почвы на другую весь внутренній міръ человѣка. Переносятся одни формулы его и наглядные выводы, но уже лишенные всѣхъ задатковъ внутренней жизни. Такъ созрѣлый плодъ, который, по видимому, уже окончилъ свою растительность падаетъ, сѣменемъ на родную почву и выростаетъ въ новое дерево и тотъ-же плодъ, перевезенный на заморскій рынокъ, служитъ только прихоти немногихъ и дорогимъ аристократическимъ лакомствомъ“.

„Такъ прекрасны всѣ наши первыя молодыя мечты о немъ (о Западѣ), такъ онъ гордо увѣнчанъ передъ нами всѣми красотами поэзіи, природы и искусства—и такъ бѣдна и скудна передъ ними наша жизнь и даже наше прошедшее, слишкомъ строгое и однообразное, чтобы быть увлекательнымъ, и слишкомъ простое, чтобы быть доступнымъ для многихъ, что наше увлеченье понятно и извинительно, даже тамъ, гдѣ оно переходитъ, повидимому, за должныя границы.

„Ибо чего проситъ прежде всего большинство людей, называющихъ себя просвѣщенными, и пріобрѣтшихъ право презирать и учить своихъ непросвѣщенныхъ братьевъ, какъ не громкихъ словъ и именъ, блеска и мишуры жизни, наполняющихъ ту пустоту существованья, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность просвѣщеннаго большинства, и чего требуетъ оно отъ самой жизни, какъ не наслажденія всѣмъ умственнымъ, нравственнымъ и вещественнымъ комфортомъ, который изготовляется для него услужливымъ просвѣщеніемъ? Но, къ сожалѣнію, нерѣдко и лучшіе умы,—чего они ищутъ въ этой наукѣ, искусствѣ и самомъ просвѣщеніи, которому служатъ?—Часто, если и безсознательно, они ищутъ того-же комфорта, усыпленія мысли и силъ души въ ограниченности той или другой системы или рутины,—удовлетворенія всѣмъ новымъ изысканнымъ требованіямъ просвѣщеннаго существованія и его нравственнаго

сибаритства... И наконецъ не было-ли такое развитіе всесторонняго комфорта, удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ человѣка, основною задачею всего западнаго просвѣщенія и всей жизни западнаго человѣчества? Таковы, по крайней мѣрѣ, его собственные, если и не совсѣмъ сознанные, выводы и новыя стремленія жизни, которыя уже не видятъ иной задачи для человѣчества, кромѣ обобщенія того же комфорта.

„Таковъ этотъ западный міръ, перенесенный во всемъ его нравственномъ могуществѣ въ беззащитную передъ нимъ и въ простую природу Русскаго человѣка и теперь уже присущій всей нашей внутренней жизни и нераздѣльный со всѣмъ нашимъ внѣшнимъ существованіемъ, съ дѣтства уже говорящій намъ въ образахъ, понятіяхъ и звукахъ, въ которыхъ мы отъ колыбели воспитаны и въ которые уже невольно облекается каждая наша мысль и чувство.

„И потому нечего намъ бояться за наше Западное просвѣщенье, и нечего пугать себя возвратомъ такъ называемаго до-Петровскаго варварства. Отречься вполнѣ отъ Запада значило бы намъ отречься отъ самихъ себя. Отрекаться отъ него, какъ отъ внѣшнихъ формъ и оболочекъ жизни, не стоитъ того, если само время не заставитъ отречься; отрекаться какъ отъ науки и опыта жизни, мы не должны, если бы и могли, и не можемъ, если бы и захотѣли, ибо вдесятеро легче выучиться вновь самой трудной наукѣ, чѣмъ забыть или намѣренно разучиться тому, что̀ разъ выучено. Къ тому же толчекъ, данный Россіи, слишкомъ силенъ и данъ слишкомъ сильной, могучей рукою, чтобы она (если и не въ той исключительности) не продолжала еще долго идти по той же дорогѣ и чтобы Европейскій слой ея скоро забылъ свою благодѣтельницу Европу.

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ первымъ двадцатилѣтіемъ XIX в., для государства Русскаго настала, какъ мы сказали, новая эпоха. Довершивъ свой подвигъ на Западѣ, успокоивъ и умиривъ взволнованную Европу, оно обратило свои силы на самаго себя и на своихъ забытыхъ единовѣрцевъ“.

Указавъ на важныя событія царствованія императора Николая—распространеніе границъ Закавказья, возвращеніе въ церковъ уніатовъ, изданіе Свода и Полнаго собранія законовъ, дѣятельность Археографической коммисіи, учрежденіе Славянскихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ и отправленіе молодыхъ ученыхъ въ славянскія земли, монументальное изданіе Вооруженія Русскихъ войскъ [1]), статья продолжаетъ:

„Направленіе, принятое государствомъ, новыя народныя силы, имъ пробужденныя, не могли не найти отовсюду сочувствія и отголоска. Вліяніе это отразилось не только на просвѣщенномъ обществѣ Россіи, которое начало уже сбрасывать съ себя западную исключительность и оковы Французскихъ и Нѣмецкихъ идей, и приходить къ болѣе зрѣлому и самостоятельному мышленію; но оно уже проявляется въ литературѣ, искусствѣ и т. д. Пушкинъ въ послѣдніе годы своей жизни уже забываетъ свои Байроновскія мечты и образы, и поетъ Русскую жизнь на Русскій ладъ; и въ каждомъ новомъ стихѣ его и новой строчкѣ его прозы уже высказывался новый великій поэтъ, котораго недоставало Россіи, и котораго судьба не захотѣла дать ей, отнявъ у нея Пушкина въ самомъ началѣ его новаго поэтическаго возраста.—Наконецъ явился Гоголь, первый Русскій художникъ, принадлежащій всѣмъ творчествомъ своего таланта Русской жизни и народной мысли и ничего не переводившій изъ пришлыхъ чувствъ и пришлыхъ идей на Русскій ладъ и русскіе нравы;—и самое искусство въ русскомъ художникѣ начинаетъ показывать требованія самостоятельности и своего живаго развитія, о которомъ прежде и не думано.

„Наука, можетъ быть, всѣхъ менѣе послѣдовала этому движенію; (мы разумѣемъ не школьную науку, а ту науку, которая двигаетъ мысль и знанье человѣческое) и даже самая близкая къ жизни наука историческая. До сихъ поръ едва ли она знаетъ всю важность своей задачи, едва ли подумала о томъ, чтобы пишущую, читающую романы

[1]) «Изданіе, котораго доселѣ не оцѣнена вся важнось. Эта книга впервые облекла для насъ въ образы и лица нашу забытую старину; мы узнали, по крайней мѣрѣ, въ чемъ ходили наши предки, какой видъ имѣли наши древніе города и села, и то уже много для перваго начала.»—

и играющую въ карты Россію познакомить съ Россіею, которая на нее трудится и работаетъ, и доселѣ остается почти тою же, какою засталъ ее Петръ Великій, во всѣхъ преданіяхъ и условіяхъ прошедшаго, уже давно забытаго и давно утраченнаго ея другою половиною. Едва ли что сдѣлано доселѣ этой наукой, чтобы воскресить это прошедшее въ его живыхъ образахъ и требованіяхъ, [1]) и еще менѣе сдѣлано ею, чтобы познакомить Россію со всѣмъ, что есть ей роднаго по вѣрѣ и крови въ другихъ государствахъ и краяхъ земнаго шара, а безъ такого знанья ей никогда не узнать и себя во всей полнотѣ и должной отчетливости.

„Для міра Романо-католическаго и Германо-протестантическаго наука живая и полная возможна уже потому, что она равно обнимаетъ и знаетъ весь свой міръ и что отъ нея не утаился ни одинъ единовѣрный или единоплеменный уголокъ земнаго шара, въ который-бы она не внесла своего свѣтильника. А мы что знаемъ, не говоря уже о единовѣрцахъ, но даже о единоплеменникахъ? и то намъ разсказали изъ милости Нѣмцы, Французы и Англичане. Наконецъ, въ самой исторіи Запада есть сотни явленій, для которыхъ наука Русская и Православная (т. е. русскіе и православные ученые) должны найти совершенно иное разрѣшеніе, чѣмъ какое доселѣ находили для нихъ люди Западные, необходимо заключенные въ свою тѣсную сферу, изъ которой выдти они не могутъ, не отказавшись отъ самихъ себя.

„Такова задача, которая, по нашему мнѣнію, предстоитъ въ наше время для Русской исторической науки.

...„безспорно, что многое уже сдѣлано для Русской исторіи, хотя больше еще остается сдѣлать;—но за то на другомъ болѣе широкомъ, ей родномъ поприщѣ, доселѣ не сдѣлано почти ничего. До тѣхъ же поръ, пока Русская наука не усвоитъ себѣ всего роднаго Русскому міру, не возможно для нея живое и полное знаніе самой Россіи, какъ знаетъ себя міръ Романо-Германскій“... „Знакомство (съ землями и народами единовѣрными и единоплеменными) познакомитъ нерѣдко и Россію съ нею самою, и мы поймемъ въ самихъ себѣ многое, что доселѣ было для насъ загадкою, или объ чемъ доселѣ и не думали“.

Мы привели это длинное извлеченіе не для разубѣжденія проф. Герье и г. Пыпина, но для ознакомленія нашей молодежи, еще не прохваченной журнализмомъ до потери способности къ самостоятельному мышленью, съ манифестомъ или программою новой выступившей въ началѣ 40-хъ годовъ школы, оставившей по себѣ рядъ достопамятныхъ въ нашей литературѣ изданій: пяти томовъ сборниковъ: Симбирскаго, Валуевскаго, трехъ Московскихъ, нѣсколькихъ десятковъ томовъ Русской Бесѣды, Дня. Литературная дѣятельность этой школы можетъ теперь лучше быть опознана, благодаря выходу полнаго собранія сочиненій И. В. Кирѣевскаго, Хомякова, Аксаковыхъ (трехъ, впрочемъ, сочиненія Константина еще не всѣ изданы), Гильфердинга, Самарина (не конченное, но наилучшее изъ нихъ изданіе). Приведенныя нами страницы принадлежатъ очень рано умершему, кажется (23-хъ лѣтъ) и столь же рано развившемуся высокодаровитому, молодому ученому Валуеву, человѣку смѣлаго почина и изумительной энергіи, занимавшемуся Русскою исторіею и исторіею Восточной церкви. Онъ оставилъ по себѣ, задуманные и редактированные имъ, Симбирскій сборникъ. Москва. 1844 и Историческій и Статистическій Сборникъ о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ. М. 1845. Въ Симб. Сб. напечатаны были прекрасное его предисловіе къ собраннымъ и изданнымъ имъ Разряднымъ книгамъ съ опытомъ изслѣдованіе мѣстничества. Въ И. Ст. Сборникѣ замѣчательное изслѣдованіе „Христіанство въ Абиссиніи“ съ краткимъ, но содержа-

[1]) «Если Карамзинъ и воскресилъ намъ наше прошедшее во внѣшнихъ образахъ государственной жизни,—то безспорно однакожъ, что онъ не воскресилъ и не могъ воскресить его въ живыхъ требованіяхъ современной науки, и во многомъ даже отодвинулъ силою своего художественнаго таланта, не говоримъ знанье, но пониманье нашего прошедшаго, даже передъ Щербатовымъ, не говоря уже о Болтинѣ или Татищевѣ.» Это прекрасное замѣчаніе было въ послѣдствіи развито въ статьяхъ Соловьева о Карамзинѣ, но все-же едва-ли такъ, какъ-бы оно сдѣлано было Валуевымъ, особенно при совѣтахъ и указаньяхъ П. В. Кирѣевскаго.

Digitized by Google

тельнымъ введеніемъ о Христіанствѣ въ Ирландіи и вообще у Кельтовъ. Предисловіе И. С. Сборника написано Валуевымъ, но, конечно, является плодомъ долгихъ размышленій и изслѣдованій, бесѣдъ и совѣщаній Кирѣевскихъ и Хомякова съ Валуевымъ, который росъ и воспитывался въ домѣ своихъ опекуновъ—Кирѣевскихъ. Эти страницы написаны въ лучшіе годы царствованія императора Николая, когда литература не испытывала позднѣйшихъ гоненій и преслѣдованій (съ 1848 г.), когда Государь серьезно помышлялъ объ освобожденіи крестьянъ. Это предисловіе есть какъ бы программа не только всей послѣдующей дѣятельности нашей такъ называемой Славянофильской школы, но и почти всего истинно-крупнаго и замѣчательнаго, явившагося въ Русской литературѣ и наукѣ за послѣднія десятилѣтія по историческому изученію Россіи, остальнаго Славянства, восточной церкви, Византіи и даже Романо-Германскаго запада. На всѣхъ почти видныхъ трудахъ по этой части замѣтны слѣды прямаго или косвеннаго вліянія плодотворныхъ мыслей, высказанныхъ въ этомъ предисловіи. Не всѣ эти мысли впервые тутъ были высказаны, но онѣ здѣсь впервые такъ стройно собраны и такъ прекрасно выражены, что въ нихъ полно и цѣльно представлены результаты всего предъидущаго хода Русской мысли и вѣрно намѣчены пути дальнѣйшаго ея развитія.

Разныя ошибки и натяжки, преувеличенія и увлеченія въ трудахъ и дѣятельности такъ называемыхъ Славянофиловъ не должны быть скрываемы, но нельзя же и недостойно хвататься за эти ошибки и натяжки. какъ за единственныя ихъ принадлежности. Такъ, не прошедшій въ юности хорошей школы, при превосходномъ самопріобрѣтенномъ въ послѣдствіи образованіи философскомъ, богословскомъ и историческомъ, при своемъ сильномъ умѣ и талантѣ, Хомяковъ, этотъ высоко-даровитый до геніальности самородокъ—любилъ до страсти разныя этимологическія и историко-этнологическія догадки и наговорилъ по этой части множество нелѣпостей.Тѣмъ не менѣе въ его странной инда до безобразія и вмѣстѣ удивительной Семирамидѣ — такъ назвалъ однажды Гоголь въ шутку его историческія записки—рядомъ съ невозможнымъ филологическимъ вздоромъ находятся цѣлыя страницы превосходныхъ характеристикъ разныхъ историческихъ явленій или дѣятелей въ жизни религіозной и государственной восточныхъ и европейскихъ народовъ, страницы исполненныя изумительной глубины, необычайной силы и живости выраженія. Эти страницы Семирамиды, равно какъ и нѣкоторыя части его статей, а иногда и цѣлыя статьи (въ 1 т. его сочиненій) принадлежатъ и по содержанію и по формѣ къ лучшимъ и высшимъ произведеніямъ Русской прозы, равно какъ и многія его мысли, цѣлыя иногда страницы его брошюръ богословскихъ на французскомъ языкѣ займутъ высоко-важное мѣсто въ исторіи богословской мысли. Несмотря на множество ошибокъ, всякихъ натяжекъ и крупныхъ недостатковъ, неизбѣжныхъ у всѣхъ самородковъ и самоучекъ сильныхъ въ высшей и слабыхъ въ нисшей критикѣ, Хомяковъ является въ исторіи Русской мысли, литературы и образованности великимъ дѣятелемъ и писателемъ, но не въ чемъ нибудь цѣломъ, а въ избранныхъ отрывкахъ. Такіе геніальные самородки были у всѣхъ европейскихъ народовъ. Ихъ значеніе въ исторіи какъ бы прообразовательное, ихъ значеніе — предтечь. Они собою намѣчаютъ и предсказываютъ будущихъ геніевъ.

Константинъ Аксаковъ—удивительный, высоконравственный образъ. Его разумъ былъ гораздо сильнѣе его разсудка; скепсиса, житейскаго смысла ему вообще не доставало. Богатырски сложенный, полный силъ и аскетъ, среди свѣтской жизни, всегда восторженный, съ сердцемъ чистымъ и яснымъ, какъ у младенца, всегда и всюду готовый къ проповѣди и къ самому тяжкому подвигу, К. Аксаковъ окончилъ курсъ на филологическомъ факультетѣ, съ наслѣдственною любовью къ изящной словесности, соединялъ любовь къ филологическимъ и историческимъ занятіямъ. Онъ написалъ много стихотвореній, двѣ драматическія пьесы (князь Луповицкій—комедію и Освобожденіе Москвы въ 1612 г. — драматическую хронику), много разныхъ мелкихъ статей — публицистическихъ и критическихъ, магистерское разсужденіе о Ломоносовѣ, нѣсколько разсужденій о Русскомъ языкѣ, оставилъ посмертный грамматическій трудъ и нѣсколько болѣе или менѣе большихъ разсужденій историческихъ (о древнемъ бытѣ Русскихъ Славянъ, по поводу исторіи Соловьева)... К. Аксаковъ умеръ 43-хъ лѣтъ въ 1860 г. Если

Digitized by Google

вспомнить, какъ проходила жизнь Аксакова въ зимніе годы въ Москвѣ, особенно съ 1846 г., то надо еще удивляться, какъ онъ успѣлъ написать такъ много. Въ теченіе первыхъ пятнадцати, шестнадцати лѣтъ по выходѣ изъ Университета до 1856 или 1857 г., когда его отецъ С. Т. еще сохранялъ свое крѣпкое здоровье, Аксаковы жили открыто, и у нихъ рѣдкій день не бывало нѣсколько друзей и пріятелей, родныхъ или старыхъ знакомыхъ. Участвуя въ бесѣдахъ съ ними, К. С. еще много ѣзжалъ по Москвѣ съ визитами до обѣда и на вечернія собранія къ тѣмъ или другимъ знакомымъ. На эти разъѣзды и продолжительныя бесѣды и споры уходило тогда въ Москвѣ страшно много времени. Правда эти вечера и дни (у Чаадаева, кажется, собирались до обѣда) имѣли историческое значеніе, двигали и выработывали пробудившуюся тогда русскую мысль, но все же оно многихъ пріучало къ праздности и бездѣлью и отваживало отъ труда. Художественному и научному труду равно нужны тишина и одиночество. Такъ и Аксакову, съ выхода изъ Университета, до 39—40 года его жизни эти разъѣзды, пріемы и бесѣды не давали времени для настоящихъ ученыхъ работъ, а затѣмъ съ 1856—57 г., когда отецъ его сталъ все болѣе прихварывать, К. С., любившій его, какъ любитъ нѣжная мать свое единственное чадо, весь отдался уходу за отцемъ и положительно уже не имѣлъ свободныхъ минутъ. По смерти же отца онъ самъ сталъ болѣть и черезъ годъ съ небольшимъ умеръ. Но въ первыя 15—16 лѣтъ—до 39 лѣтъ—все же находилъ себѣ время для литературныхъ и научныхъ занятій, но никогда не умѣлъ, не успѣвалъ должнымъ образомъ сосредоточиться. Отъ своихъ работъ надъ русской грамматикой и исторіею онъ безпрестанно отвлекался стихами, литературными и публицистическими статьями и не имѣлъ досуга изучить, какъ слѣдовало, ни нужныхъ источниковъ, ни необходимыхъ пособій. Зная отлично, что̀ зналъ, Аксаковъ не зналъ много такого, что̀ ему знать было необходимо. Такъ онъ не зналъ ни древняго церковно-славянскаго языка, ни славянскихъ нарѣчій, не зналъ такъ, какъ слѣдовало уже знать въ его время русскому филологу; не умѣлъ онъ работать и надъ историческими источниками такъ, какъ умѣли и работали его-же друзья и товарищи Д. Валуевъ, Ю. Самаринъ, А. Поповъ... Не связанный службою, обезпеченный въ средствахъ, Аксаковъ не работалъ ни по грамматикѣ, ни по исторіи надъ рукописями въ библіотекахъ и архивахъ, едва успѣвая овладѣть печатнымъ матеріаломъ (въ 40-хъ и 50-хъ годахъ). К. Аксаковъ настоящимъ ученымъ никогда стать не могъ. Прежде всего, въ стихахъ-ли, статьяхъ-ли публистическихъ, въ комедіи или драмѣ, въ разсужденіяхъ о русскомъ глаголѣ или о вѣчахъ и земскихъ соборахъ, о Ломоносовѣ или о Гоголѣ К. Аксаковъ вездѣ и всегда былъ энтузіастъ и проповѣдникъ, не наблюдатель и изслѣдователь. Страстно любя свой предметъ — Русскій народъ, своимъ высокимъ разумомъ и чистымъ сердцемъ К. Аксаковъ многое иной разъ вѣрно угадывалъ, многое живо понималъ, но многаго при этомъ вовсе и не замѣчалъ. Чистые сердцемъ конечно узрятъ Истину, но въ дѣлѣ научнаго знанія для ученаго ч и с т о т а с е р д е ч н а я есть добросовѣстность, а она требуетъ скепсиса, постоянной провѣрки, внимательности ко всѣмъ мелочамъ и подробностямъ, крайней осторожности въ выводахъ и заключеніяхъ. Такимъ образомъ К. Аксаковъ замѣчателенъ и принадлежитъ исторіи, какъ рѣдкой, высокой души человѣкъ, обладавшій даромъ постиженія разныхъ свѣтлыхъ сторонъ русской народности, нѣкоторыхъ особенностей русской рѣчи и русской исторіи, но онъ не далъ и не умѣлъ дать чисто-научнаго имъ разъясненія. Всегда съ высоты взирая на жизнь, онъ умѣлъ иногда ярко представлять пошлость и низменность людскую тамъ, гдѣ она для обыкновенныхъ людей мало замѣтна, но въ его изображеніяхъ и сужденіяхъ, какъ и у Шиллера, мало внѣшней наблюдательности, знанія людей и повседневной жизни. Мѣсто его, какъ писателя, при отсутствіи полнаго собранія его сочиненій, опредѣлить теперь еще трудно. Но кажется критика со временемъ отмѣтитъ, что и не имѣя особаго драматическаго таланта, онъ подготовилъ или прообразовалъ въ своемъ „Освобожденіи Москвы“ и выступающимъ въ ней повсюду народомъ и Псковитянку Мея и Самозванца Чаева и хоровыя явленія въ операхъ Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго и Бородина, а въ своемъ князѣ Луповицкомъ — „Плоды просвѣщенія“ Льва Толстаго. На Толстого впрочемъ несомнѣнно имѣли вліяніе, хотя быть можетъ и невѣдомо для

Digitized by Google

него, разныя статьи К. Аксакова въ родѣ „Публика и народъ“, „О современномъ человѣкѣ“, точно также какъ и нѣкоторыя мысли и замѣтки Хомякова, напр. о женской эманципаціи (I, с. 566 и сл.), несомнѣнно отразились въ „Крейцеровой Сонатѣ“, особенно отнявши присущія Толстому сектантскій задоръ и неумѣнье соблюсти извѣстную мѣру въ требованіяхъ и осужденіяхъ. Сочиненія К. Аксакова, не давая ему перво-класснаго мѣста въ литературѣ, надолго, если не навсегда будутъ дороги, какъ отраженіе возвышенной души; но въ наукѣ историко-филологической его разсужденія не могутъ притязать на большое значеніе: останется лишь нѣсколько частныхъ замѣчаній и соображеній. Думается, хорошая біографія К. Аксакова съ умѣлымъ выборомъ изъ его писемъ и сочиненій была-бы драгоцѣнною книгою. Какъ у нѣкоторыхъ святыхъ и въ то-же время писателей, житіе К. Аксакова поучительнѣе его произведеній. И благо странѣ, обществу и семьѣ, гдѣ являются такіе люди.

Иное совсѣмъ значеніе И. В. Кирѣевскаго и Самарина въ исторіи Русской мысли и литературы. Оба они безспорно принадлежатъ къ великимъ первокласнымъ нашимъ писателямъ-прозаикамъ. Не имѣя разносторонности дарованій и богатства силъ Хомякова, болѣе односторонніе Кирѣевскій и Самаринъ получили строго-научное образованіе и оставили по себѣ труды, лишенные тѣхъ погрѣшностей и недостатковъ, которые такъ часто безобразятъ и портятъ сочиненія Хомякова.

Кирѣевскій написалъ немного, но все написанное имъ, кромѣ развѣ двухъ, трехъ повѣстей и отрывковъ романа, (хотя и они замѣчательны многими мыслями и ихъ изящнымъ выраженіемъ) — О характерѣ поэзіи Пушкина, Обозрѣніе Русской словесности за 1829 г., Девятнадцатый вѣкъ, Обозрѣніе Русской словесности за 1831 г., Русскіе альманахи на 1832 г., Горе отъ ума на Моск. театрѣ, о Вильменѣ, о Русскихъ писательницахъ, въ отвѣтъ Хомякову (1838) и особенно всѣ статьи 2 тома его Полн. Собранія сочиненій (Москва 1861) всегда конечно будутъ относимы къ лучшимъ произведеніямъ русской критической и философской литературы. Глубокій оригинальный мыслитель, Кирѣевскій обладалъ необыкновеннымъ, почти Платоновскимъ изяществомъ изложенія. По языку онъ писатель классическій.

Отъ природы одаренный сильнымъ критическимъ умомъ и даромъ проніи, Ю. Ѳ. Самаринъ получилъ превосходное домашнее образованіе и съ дѣтства былъ пріученъ къ строгому, систематическому труду, не будучи ученымъ по профессіи, былъ имъ по призванію и трудамъ. Его большіе труды—о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Исторія города Риги, Письма объ Іезуитахъ, о крестьянствѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и меньшіе, какъ его журнальныя, критическія или полемическія, статьи, такъ и статьи о Штейнѣ и крестьянахъ въ Пруссіи, о русской поземельной общинѣ, его предисловіе къ сочиненіямъ Хомякова, его письма, всѣ работы и дѣловыя записки для крестьянскихъ коммисій, по земству и по городскому хозяйству Москвы, отличаются замѣчательнымъ трудолюбіемъ, строгою точностью и добросовѣстностью настоящаго ученаго, всѣ носятъ печать сильнаго ума и крупнаго литературнаго таланта, великаго мастера языка. Рѣдкаго дара слова, отличный вполнѣ парламентскій ораторъ Самаринъ превосходно владѣлъ и французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ. На небольшомъ совѣщаніи въ Москвѣ у И. С. Аксакова, въ 1867 г., гдѣ присутствовало нѣсколько Славянскихъ гостей (Ригеръ, Браунеръ, Я. Ѳ. Головацкій, Субботичь, Мудронь и Ясенскій, Ливчакъ и изъ нашихъ, сверхъ хозяина и Самарина, князь Черкасскій и пишущій эти строки) Самаринымъ были сказаны двѣ довольно большія рѣчи-импровизаціи на нѣмецкомъ языкѣ. Во время одной изъ нихъ, сидѣвшій подлѣ меня, старикъ Браунеръ сказалъ мнѣ на ухо: да онъ лучше насъ (его съ Ригеромъ) говоритъ по нѣмецки, откуда у него берется, его прямо можно послать въ нашъ рейхстагъ: и Ригеръ и Браунеръ были въ свое время въ числѣ лучшихъ ораторовъ Вѣнскаго парламента.

По робости ума не сдѣлавшійся Европейцемъ, Самаринъ занимаетъ весьма высокое мѣсто въ исторіи Русской мысли, науки и образованности. Въ трудолюбіи и строгой научности работъ Самаринъ не уступитъ ни Горскому, ни Неволину, но силою ума и литературнаго таланта значительно ихъ обоихъ превосходитъ: по богатству и отдѣлкѣ, по точности и выразительности, языкъ Самарина—классическій. Самаринъ

Digitized by Google

конечно одинъ изъ великановъ Русской литературы, и лучшее свидѣтельство недальновидности русской критики: она этого не примѣчаетъ и твердитъ по старому о какомъ то мистицизмѣ, подразумѣвая конечно подъ нимъ все ей непонятное и только тѣмъ безконечно .увеличивая его область.

Θ. В. Чижовъ нѣкогда адъюнктъ математики въ Петерб. унив., человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, развернулъ въ послѣдствіи свою рѣдкую энергію на практическомъ поприщѣ, какъ банковскій и желѣзно-дорожный дѣятель,—живя скромно, составилъ себѣ крупное состояніе и завѣщалъ нѣсколько милліоновъ на просвѣтительныя цѣли родной Костромѣ, обязанной ему публичнымъ памятникомъ.

Прекрасно владѣвшій живою рѣчью, блестящимъ даромъ изложенія въ живой бесѣдѣ, высоко образованный, трудолюбивый и основательный, добросовѣстный и очень умный ученый, А. Н. Поповъ писалъ крайне сухо. Не замѣчательный писатель, но почтенный и полезный изслѣдователь, А. Н. Поповъ оставилъ по себѣ много ученыхъ трудовъ по исторіи искусства, о Черногоріи и, главное, по русской исторіи XVII, XVIII и XIX вѣковъ. Своимъ строго-научнымъ образованіемъ онъ не уступалъ, конечно, ни одному изъ знаменитыхъ въ свое время Московскихъ профессоровъ-Европейцевъ.

Къ тѣмъ-же робкимъ умамъ, „которые изъ страха перестать быть русскими, боялись сдѣлаться Европейцами“,принадлежали ихъ близкіе друзья и почитатели: А.Θ.Гильфердингъ, Н. Я. Данилевскій, котораго высоко цѣнилъ и любилъ одинъ изъ геніальныхъ ученыхъ нашего столѣтія, К. М. Беръ, отличали Академія Наукъ и Географическое Общество, рано умершій Веневитиновъ, оба брата Языкова—поэтъ и геологъ, Θ. И. Тютчевъ, П. В. Кирѣевскій, наконецъ, самъ Гоголь, его видные земляки—Ригельманъ, Галаганъ, Тарновскій, князь Черкасскій, Н. А. Милютинъ (съ нач. 60-хъ гг.).

Книга г. Пыпина (П гл.) значительно бы выиграла въ достоинствѣ, если-бы онъ не держался взгляда проф. Герье на такъ называемое славянофильство и не повторялъ старыхъ, заѣзженныхъ о немъ фразъ. Вмѣсто особой главы о К. Аксаковѣ слѣдовало-бы посвятить нѣсколько страницъ въ началѣ тома вѣрному сжатому изложенію основныхъ положеній этой школы, высказанныхъ въ предисловіи Валуевскаго сборника.

Не нужно быть кажется мистикомъ, даже славянофиломъ и можно относиться справедливо къ виднымъ дѣятелямъ нашего просвѣщенія. Позитивистъ, проф. Пражскаго университета Массарикъ еще недавно съумѣлъ представить цѣлое критическое изслѣдованіе объ И. В. Кирѣевскомъ и признать высокія достоинства этого мыслителя. Странное отношеніе г. Пыпина къ цѣлой школѣ, поднявшей и разработывавшей вопросъ о народности не могло не повредить его книгѣ, посвященной обзору и критикѣ ея изученій въ Россіи за послѣднія десятилѣтія.

Въ приложеніи помѣщены нѣкоторыя біографическія подробности о Θ. И. Буслаевѣ и Тихонравовѣ и нарочно написанная для книги г. Пыпина автобіографія А. Н. Веселовскаго (с. 423—427), не лишенная нѣкоторыхъ любопытныхъ интимныхъ подробностей. Опуская иныя, за недостаткомъ мѣста, отмѣтимъ лишь слѣд. двѣ: Воспитанникъ ист. фил. фак. М. У. 50-хъ годовъ, Веселовскій говоритъ о Грановскомъ: „Я никакъ не могъ пристать къ его поклонникамъ, и отъ его лекцій (онъ читалъ у насъ недолго) мнѣ отдавало фразой“.

Проф. Веселовскій безспорно Европеецъ, даже въ лучшемъ московскомъ смыслѣ, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ питомцевъ Моск. У. находитъ и находилъ еще въ 50-хъ гг. фразерство въ Грановскомъ. За что же подумаешь, такъ нападали на Русскую Бесѣду и на проф. Григорьева всѣ наши истинные Европейцы, гуманисты, западники, когда онъ признавая въ Грановскомъ даровитаго лектора, не видѣлъ въ немъ ни настоящаго ученаго, ни строгаго мыслителя? Какою неприличною, бранью разразился тогда Кавелинъ на Григорьева? А между тѣмъ еще лѣтъ за 7, за 8 до статьи Григорьева уже лучшимъ студентамъ ист. фил. факультета (пусть даже одному только Веселовскому) отъ лекцій Грановскаго уже отдавало фразой.

Въ этомъ признаніи, напечатанномъ въ книгѣ г. Пыпина, нельзя не видѣть большаго успѣха въ движеніи нашего Европеизма.

Digitized by Google

Говоря о вліяніяхъ на главное направленіе своей плодотворной ученой дѣятельности, Веселовскій замѣчаетъ: „Направленіе этой книги (о Соломонѣ и Китоврасѣ. 1872), опредѣлившее и нѣкоторыя другія изъ послѣдовавшихъ моихъ работъ, нерѣдко называли Бенфеевскимъ, и я не отказываюсь отъ этого вліянія, но въ долѣ умѣренной другою, болѣе древней зависимостью—отъ книги Дёнлопа-Либрехта и вашей (Пыпинской) диссертаціи о русскихъ повѣстяхъ. Когда явилась буддійская гипотеза, пути изученія, и не въ одной только области странствующихъ повѣстей, были для меня намѣчены точкой зрѣнія на историческую народность и ея творчество, какъ на комплексъ вліяній, вѣяній и скрещиваній, съ которыми изслѣдователь обязанъ сосчитаться, если хочетъ поискать за ними, гдѣ-то въ глуби, народности непочатой и самобытной и не смутится, открывъ ее не въ точкѣ отправленія, а въ результатѣ историческаго процесса“.

Это замѣчаніе очень важно. Въ немъ высказывается собственное признаніе Веселовскаго въ сильномъ на него вліяніи или зависимости его отъ книги Денлопа-Либрехта (Geschichte der Prosadichtungen od. Geschichte der Romane, Novellen, Mährchen. Berlin. 1851) и сочиненія Пыпина о Русскихъ повѣстяхъ. Эта зависимость, болѣе ранняя, умѣрила за тѣмъ другую зависимость или вліяніе на Веселовскаго сочиненія Бенфея о вліяніи Индѣйскихъ сказокъ на Европейскія. Далѣе столь же откровенно, хотя къ сожалѣнью съ меньшею ясностью, замѣчаетъ Веселовскій, какъ и гдѣ онъ открываетъ народность непочатую и самобытную. Оказывается, что онъ ея ищетъ гдѣ то въ глуби — за вліяніями, вѣяніями и скрещиваніями, а открываетъ ее, и не смущаясь—не въ точкѣ отправленія, а въ результатѣ историческаго процесса“.

Таково послѣднее слово Европейско-Русскихъ изученій народности.

Наши бѣглыя замѣтки вызваны важностью предмета и достоинствами книги г. Пыпина; продолженія ея ожидаемъ съ нетерпѣніемъ и желаемъ ей новыхъ изданій съ исправленіями и дополненіями.

В. Ламанскій.

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Какія есть народныя названія для «сѣвернаго сіянія?»
2. Какіе виды сѣвернаго сіянія различаются особыми названіями?
3. Какія даетъ народъ объясненія этому явленію?
4. Какія преданія и сказанія существуютъ о сѣверномъ сіяніи?
5. Въ какомъ смыслѣ народъ въ своихъ воззрѣніяхъ связываетъ сѣверное сіяніе съ мертвыми воинами (срв. латышское выраженіе «kāwi kaujas» воины сражаются, какъ говорятъ при появленіи сѣвернаго сіянія)?

Г. Вольтеръ.

Какія особенности народнаго русскаго говора въ Псковской губ. (въ особенности въ Псковскомъ уѣздѣ)? Есть-ли гдѣ-нибудь въ мѣстныхъ изданіяхъ (губернскихъ вѣдомостяхъ и т. п.) какія-либо описанія этого говора или матеріалы для его знакомства? Точно-ли переданы звуки народнаго говора въ мѣстныхъ названіяхъ въ «Опытѣ статистическо-географическаго словаря Псковской губ.» Василева (*А*бухово, *А*вечкино, *А*глоблино, *А*палихино и т. п.)?

Соболевскій.

Устроителей или людей близко знакомыхъ съ основаніемъ и устройствомъ музеевъ въ Ростовѣ и Минусинскѣ редакція покорнѣйше проситъ сообщить свѣдѣнія о томъ, какія были трудности при первоначальномъ заведеніи дѣла,

Digitized by Google

великія ли денежныя средства потребовались на это, и какъ нынѣ относятся къ этимъ мѣстнымъ хранилищамъ обыватели города и уѣзда, охотно ли посѣщаютъ музеи и стараются ли о пополненіи ихъ собраній?

Желательно получить откровенныя сообщенія изъ уѣздныхъ городовъ, не имѣющихъ подобныхъ музеевъ, какія препятствія существуютъ ихъ устройству, заключаются ли въ недостаткѣ денежныхъ средствъ или людей готовыхъ за это дѣло взяться?

Желательно знать, не могутъ ли общественныя земскія библіотеки въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ принимать у себя подписку на нашъ журналъ Старина? Быть можетъ понадобятся извѣстныя льготныя условія и какія именно?

Просимъ редакціи губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей перепечатать эти вопросы и вообще оказать свое просвѣщенное содѣйствіе ознакомленію мѣстныхъ читателей съ Живою Стариною, съ ея характеромъ и ея цѣлями.

Адресъ Редактора Живой Старины С.-Петербургъ. Коломенская 33 или Имп. Р. Геогр. Общ. (у Черныш. моста).

Отдѣленіе Этнографіи проситъ увѣдомить, у кого или гдѣ имѣются въ общественныхъ библіотекахъ или у частныхъ лицъ слѣд. не находимыя въ Петербургѣ книги:

1) Собраніе россійскихъ пѣсенъ, издалъ Михайло Чулковъ, 4 ч. Спб. 1770—1774. 12° (Смирд. № 8047, Сопиковъ № 10942); 2-е изд., 4 ч. Спб. 1776. 12°. (Соп. № 10943). («Чулковскій пѣсенникъ»).

2) Музыкальныя увеселенія, содержащія въ себѣ пѣсни россійскія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія аріи, дуэты, польскіе и пр. Москва 1774 г.

3) Солдатскій пѣсенникъ. Москва 1791.

4) Собраніе новѣйшихъ пѣсенъ и разныхъ любовныхъ стихотвореній. Ч. I. Москва 1791, 8°. Университ. типографія.

5) Избранный пѣсенникъ, или собраніе наилучшихъ старыхъ и самыхъ новѣйшихъ, нѣжныхъ, пастушьихъ, святочныхъ, свадебныхъ, хороводныхъ, театральныхъ, веселыхъ, простонародныхъ, столовыхъ, военныхъ, малороссійскихъ, сатирическихъ, нравственныхъ и другихъ Россійскихъ пѣсенъ; 2 ч. Спб. 1792.

Digitized by Google

6) Собраніе русскихъ пѣсенъ. Спб. 1792. 8°.

7) Новый русскій пѣсенникъ. Спб. 1792. x.

8) Новый Россійскій пѣсенникъ, или собраніе разныхъ пѣсенъ съ приложенными нотами, которыя можно пѣть на голосахъ, играть на гусляхъ, клавикордахъ, скрипкахъ и духовыхъ инструментахъ. С.-Петербургъ. 1792 г.

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Журналъ засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12 Октября 1890 г.

Засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Д. Чл. В. И. Ламанскаго, въ присутствіи Помощника Предсѣдательствующаго Д. Чл. Н. И. Веселовскаго, гг. Дѣйств. Членовъ и Членовъ Сотр., при секретарѣ, Чл. Сотр. Ѳ. М. Истоминѣ.

Читанъ и утвержденъ журналъ засѣданія 18 мая 1890 г.

Доложено о поступленіи нижеслѣдующихъ заявленій:

1) Отъ А. А. Дмитріева, (автора и издателя „Пермской Старины", инспектора училищъ въ Соликамскѣ, съ предложеніемъ услугъ по части изученія мѣстныхъ инородцевъ (Пермяковъ). Опредѣлено: представить въ Совѣтъ Общества объ утвержденіи г. Дмитріева въ званіи Чл.-Сотрудника.

2) Отъ К. И. Ченгерова изъ Дарганата въ Хивинскихъ владѣніяхъ: письмо съ препровожденіемъ монеты, найденной Хивинцами въ развалинахъ крѣпости Даяхатына въ хивинскихъ владѣніяхъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи въ 235 в. отъ Петро-Александровска въ 163 в. отъ г. Чарджуя; г. Ченгеровъ проситъ опредѣлить монету и предлагаетъ высылать Обществу дальнѣйшія находки.

Опредѣлено: вручить монету на разсмотрѣніе Д. Чл. Н. И. Веселовскому,

Доложено о поступленіи нижеслѣдующихъ рукописныхъ матеріаловъ: 1) отъ г. Птицына: „Очерки нарѣчія Голоусненскихъ Тунгусовъ". Опредѣлено: вручить на разсмотрѣніе Д. Чл. Н. И. Веселовскому. 2) Отъ Чл. Сотр. А. Н. Минхъ: Дополненія къ труду его „Обычаи, обряды, предразсудки и суевѣрія крестьянъ Саратовской губерніи". Опредѣлено: хранить въ ученомъ архивѣ Общества. 3) Отъ крестьянина Минской губ. Н. Ѳ. Морозика: „Стихотвореніе или сочиненіе подъ рифму на пьянство и лѣнтяйство". Опредѣлено: возвратить автору. 4) Отъ П. А. Шилкова: „Адская газета". 5). Отъ Чл.-Сотр. К. И. Боголѣпова: „Свадебный обычай крестьянъ Кургоминскаго правл. Шенкурск. у. Арх. губ." 6) отъ П. Соснина: а) „О кладахъ", б) „Самоубійство", записано въ с. Ремоитномъ, Астрах. губ. 7) отъ Чл.-Сотр. Н. Ѳ. Катанова: „Собраніе памятниковъ народнаго творчества у Карагасовъ, живущихъ въ Нижнеудинскомъ округѣ Иркутской губ. Опредѣлено: рукописи №№ 4—6 представить на усмотрѣніе Редактора „Живой Старины", № 7— вручить на разсмотрѣніе Д. Чл. Н. И. Веселовскому.

По предложенію Предсѣдательствующаго, Отдѣленіе признало Членами-Сотрудниками слѣдующихъ лицъ: г. Фридмана, приславшаго свой трудъ объ юридическихъ обычаяхъ и выразившаго готовность исполнять порученія Отдѣленія, гг. В. Н. Бондаренка, П. А. Шилкова и В. А. Георгіевскаго, доставляющихъ Отдѣленію рукописные матеріалы и г. Булича, прив.-доцента Спб. Университета по каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія, могущаго быть между прочимъ полезнымъ Отдѣленію

Digitized by Google

и въ качествѣ знатока русской народной музыки. Опредѣлено: Представить въ Совѣтъ Общества объ утвержденіи названныхъ лицъ въ званіи членовъ-сотрудниковъ.

Въ томъ же засѣданіи избрана комиссія для присужденія медалей Отдѣленію за выдающіеся труды по этнографіи, въ составъ комиссіи, кромѣ Предсѣдательствующаго В. И. Ламанскаго и секретаря Отдѣленія Ѳ. М. Истомина, вошли слѣдующія лица: Л Н. Майковъ, А. Ѳ. Бычковъ, Н. И. Веселовскій, Н. В. Латкинъ, С. В. Пахманъ, А. Н. Пыпинъ, С. В. Максимовъ, А. И. Соболевскій, И. Н. Ждановъ и Э. А. Вольтеръ.

Ѳ. А. Браунъ сдѣлалъ сообщеніе: „О Маріупольскихъ Грекахъ“, въ которомъ изложилъ результаты своей командировки въ Маріупольскій уѣздъ Екатеринославской губерніи съ цѣлью разысканія тамъ слѣдовъ пребыванія древнихъ Готовъ. Указавъ на то, что главная цѣль поѣздки, касательно древнихъ Готовъ, не достигнута въ желательной степени, докладчикъ сообщилъ нѣсколько любопытныхъ этнографическихъ наблюденій своихъ надъ бытомъ Маріупольскихъ Грековъ, причемъ представилъ въ распоряженіе Общества собраніе найденныхъ имъ рукописныхъ сборниковъ на ново-греческомъ языкѣ. Отдѣленіе выразило докладчику удовольствіе по поводу сообщенныхъ имъ интересныхъ данныхъ.

Чл.-Сотр. Ѳ. М. Истоминъ сдѣлалъ сообщеніе: „Прошлое с. Усть-Цыльмы, Печорскаго края Архангельской губ., по вновь найденнымъ рукописнымъ даннымъ“. Во время пребыванія минувшимъ лѣтомъ въ Печорскомъ краѣ для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, докладчику удалось найти въ с. Усть-Цыльмѣ рукописную лѣтопись, составленную въ 50-хъ годахъ мѣстнымъ священникомъ и передающую прошлое с. Усть-Цыльмы, начиная съ основанія его Новгородцемъ Ивашкой Ласткою. Въ лѣтописи приводится послѣдовательное развитіе Усть-Цыльмы, упоминаются при этомъ наиболѣе выдающіяся событія, какъ пожары, нападенія карачеевъ и разбойниковъ, а также сообщается о возникновеніи раскола на Печорѣ и раскольничьяго скита на р. Пижмѣ, основателемъ котораго названъ одинъ изъ дѣятелей извѣстной Выголексинской пустыни въ Олонецкой губ. Иванъ Акундиновичъ. Лѣтопись составлена на основаніи грамотъ Іоанна Грознаго, копіи съ которыхъ приложены, и на разсказахъ стариковъ.

Предсѣдательствующій **В. И. Ламанскій.**

Секретарь **Ѳ. Истоминъ.**

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ"

въ 1891 году. (Годъ второй).

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" издается, подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева** и **Н. М. Коркунова**. Задачею журнала поставляется, вопервыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; вовторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" заключаетъ въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ права и государствовѣдѣнія; II. Хроники: законодательную, судебную и научную; III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе. Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Гг. **иногородные** благоволятъ обращаться **въ Главную контору** „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ", С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, по 5-й линіи, д. № 28, **книжный складъ М. М. Стасюлевича.**

Digitized by Google

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1891 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ **отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи**: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и зтмѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія**: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 р., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ө. Мищенко.*

Digitized by Google

Открыта подписка на журналъ

СТРАННИКЪ

НА 1891 ГОДЪ

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Православной Восточной и Русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ Русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4 Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли. 5 Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся вопросамъ церковной жизни. 6) Очерки, разсказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, разсказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простого народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библіографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Въ минувшемъ 1890 году, кромѣ ежемѣсячныхъ статей по всѣмъ отдѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ текущей современной жизни, въ «Странникѣ», между прочимъ, были напечатаны слѣдующія слова и бесѣды архіепископа Никанора: «О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословленія», о «О христіанскомъ супружествѣ» (противъ «Крейцеровой Сонаты» гр. Л. Толстаго), «О значеніи семинарскаго образованія» (противъ ненавистно-враждебнаго отношенія къ духовному сословію стараго русскаго дворянства), «О классицизмѣ».—Изслѣдованія и статьи: «О ликѣ Господа І. Христа», В. Белавина—«Пастыреначальникъ Господь І. Христосъ и его св. Апостолы», П. Н. Ровинскаго—«Иконографія креста Христова», Н. Бирюкова.—«Нравственное Богословіе Филарета, митроп. московскаго», Свящ. Вышеславцева.—«Ученіе о нравственности въ католичествѣ и протестантствѣ», Г. Гр—цкаго.—«Вселенскіе отцы Церкви», Фаррара, въ пер. А. П. Лопухина.—«Католическій приходъ въ Пруссіи», П. Θ. Маркова.—«Участіе духовенства въ народномъ образованіи»,—Θ. Благовидова.—Статьи проф. П. Б. Знаменскаго, прот. А. А. Лебедева, А. Ковальницкаго, К. Попова, І. Корнѣенко и другихъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная цѣна: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ: съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій пр., д. № 173).

Редакторы-издатели: А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки	12 р. — к.
Съ доставкой въ Петербургѣ	12 „ 50 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 „ 50 „
На полгода	7 „ 50 „
» четверть года	4 „ — „
За границу	15 „ — „

Для иногородныхъ, подписывающихся чрезъ Главную контору, разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Учащимся, духовенству, учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкою 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября—2 р. 50 к.

Цѣна 12 книгамъ 1889, 1888, 1887, 1886 г.—8 р. и 1885—5 р.

Съ октября мѣсяца настоящаго года веденіе «Сѣвернаго Вѣстника» перешло въ руки новой редакціи.

Слѣдующія лица обѣщали „Сѣверному Вѣстнику“ свое участіе:

М. Н. Альбовъ, А. А. Андреева, проф. Д. Н. Анучинъ. Н. М. Астыревъ. К. С. Баранцевичъ, Ю. И. Безродная, П. Д. Боборыкинъ, И. М. Болдаковъ. В. И, Бородаевская, В. В., проф. Александръ Н. Веселовскій, проф. Алексѣй Н. Веселовскій, А. А. Веселовская, П. И. Вейнбергъ, А. А. Винницкая, А. Л. Волынскій. Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, З. Н. Гиппіусъ, Б. Б. Глинскій, А. А. Головачевъ, В. А. Гольцевъ, проф. Н. Я. Гротъ, Л. Я. Гуревичъ, Г. А. Джаншіевъ, А. М. Евреинова, А. В. Елисѣевъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Ив. Ив. Ивановъ, проф. И. И. Иванюковъ. проф. А. А. Исаевъ, Н. А. Каблуковъ, М. К. Горбунова, М. С. Корелинъ, проф. Н. И. Карѣевъ проф. С. В. Ковалевская, М. В. Крестовская, С. И. Ламанскій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, проф. Б. А. Лебедевъ, проф. И. Л. Линниченко, Е. І. Лихачева, К. Н. Льдовъ, М. А. Лозинскій, М. В. Лучицкая, Е. П. Лѣткова, Е. И. Макъ-Гаханъ, проф. Д. И. Менделѣевъ, Д. С. Мережковскій, Н. М. Минскій, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), В. П. Михайловъ (Мартовъ), Д. Л. Мордовцевъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Н. Паевская, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко. Н. А. Рубакинъ, М. И. Свѣшниковъ, А. М. Скабичевскій, В. Ю Скалонъ, Вл. С. Соловьевъ. П. А. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стасовъ, проф. И. А. Стебутъ, проф. И. Н. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, В. Т., В. А. Фаусекъ, проф. И. Я. Фойницкій, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Г. Фругъ, проф. Л. В. Ходскій, Н. Л. Холодковскій, А. П. Чеховъ, Ѳ. А. Червинскій, проф. В. М. Шимкевичъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), проф. И. И. Янжулъ, Е. Н. Янжулъ, проф. Ю. Э. Янсонъ, проф. В. Г. Яроцкій и друг.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая улица, д. 9 и въ отдѣленіяхъ конторы—въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова—Литейная, д. 46, Москва—Моховая, д. Кохъ; Варшава — Новый Свѣтъ, д. 67; а также въ книжн. магазинѣ И. А. Розова, въ Кіевѣ—Крещатикъ, д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул., въ Казани въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина—Гостинный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

Редакторъ-Издатель **Б. Глинскій.**

Digitized by Google

Открыта подписка на 1891 г.

(Четвертый годъ изданія)

„ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ“

Трехмѣсячный историко-литературный журналъ.

Въ предстоящемъ году, «ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ» будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ. Желаніе помѣщать статьи, по возможности, цѣликомъ, а не частями, побудило редакцію измѣнить сроки выхода журнала, превративъ его изъ ежемѣсячнаго въ трехмѣсячный, съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ подписной платы. Въ 1891 г. «Пантеонъ Литературы» будетъ выходить томами: 1-го марта, 1-го іюня, 1-го сентября и 1-го декабря.

Изъ произведеній, помѣщенныхъ въ «Пантеонѣ Литературы» за прежніе года, два перевода «КАЛЕВАЛА» — Л. П. Бѣльскаго и «НИБЕЛУНГИ» — М. И. Кудряшева Академіей наукъ удостоены Пушкинской преміи.

Въ числѣ произведеній, предназначенныхъ къ помѣщенію въ ближайшихъ томахъ журнала, назовемъ слѣдующія: 1) Сочиненія В. П. Боткина, т. 2-й. — 2) Л. Н. Майкова, Матеріалы для біографіи В. Н. Майкова. — 3) В. Я. Стоюнина, Историко литературные этюды. — 4) Письма темныхъ людей, пер. А. И. Кирпичникова. — 5) Монтэнь, Опыты, пер. В. П. Глѣбовой. — 6) М. Гюйо, Искусство съ соціальной точки зрѣнія. — 7) Геннекенъ, Теорія научной критики. — 8) Шериданъ, Избранныя комедіи. — 9) Чосеръ, Кентерберійскіе разсказы, пер. М. И. Кудряшева. — 10) Аріосто, Неистовый Роландъ, пер. С. Ф. Уварова. — 11) А. Эбертъ, Всеобщая исторія средневѣковой литературы на западѣ, пер. А. Чудинова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
Съ дост. и перес.	6 р.	3 р.	1 р. 50 к.
Съ перес. заграницу	8 »	—	—

Выписывающіе «Пантеонъ Литературы» за предыдущіе годы уплачиваютъ: за всѣ 4 года — 25 р., за 3 года — 20 р., 2 года — 15 р. — Разсрочка платежа по соглашенію.

Подписка принимается: въ редакціи «Пантеона Литературы» въ С.-Петербургѣ, Захарьевская ул., д. 25. — Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5 проц.

Редакторъ-Издатель А. ЧУДИНОВЪ.

Утвержденная Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ программа «Неоффиціальнаго отдѣла Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

ОТДѢЛЪ ОБЩІЙ: 1) Важнѣйшія Правительственныя распоряженія и придворныя извѣстія. 2) Телеграфныя извѣстія. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Внѣшнія извѣстія. 5) Смѣсь. МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Статьи и замѣтки по разнымъ вопросамъ мѣстной общественной жизни. 2) Хроника г. Гродны и Гродненской губерніи. 3) Корреспонденціи. 4) Періодическая печать о Гродненской губерніи. 5) Сельскій отдѣлъ. 6) Къ исторіи края. 7) Справочныя извѣстія и 8) Объявленія.

„Неоффиціальный отдѣлъ Губернскихъ Вѣдомостей“ будетъ выходить съ 1-го Января 1891 года два раза въ недѣлю—по Средамъ и Субботамъ.

ЖИВАЯ СТАРИНА

выходитъ четыре раза въ годъ (съ Сентября по Май). Подписная плата — въ Петербургѣ **5** р., внутри Имперіи и за границею—**5** р. **50** к. Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ (у Чернышева моста), въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, Стасюлевича, Девріэна, Березовскаго въ Петербургѣ.

Выпуски продаются отдѣльно. Цѣна Перваго выпуска—**2** р. Втораго—**1** р **75** к.

Digitized by Google

75 SEP 15 1975

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

...ГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Digitized by Google

ЖИВАЯ СТАРИНА

выходитъ четыре раза въ годъ (съ Сентября
по Май). Подписная плата — въ П [illegible]
внутри Имперіи и за грани [illegible]
писка принимается [illegible]
скомъ Географиче [illegible]
шева моста), въ [illegible]
Времени въ [illegible]
Одессѣ, С [illegible]

Выпуск [illegible]

Цѣна 1 р. 75 к.

Digitized by Google